

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

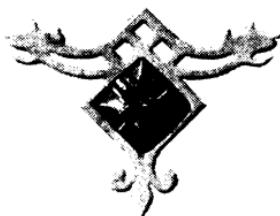
Фэнтези

Длинные Руки —
Гранд

Длинные Руки —
Гранд

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бургграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — гроссграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — гауграф
Ригард Длинные Руки — фрейзграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — рауграф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрист
Ригард Длинные Руки — курфюрист
Ригард Длинные Руки — гроссфюрист
Ригард Длинные Руки — ландесфюрист

Ригард Длинные Руки —
гранд

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Фицорд
Длинные Руки —
транд

ЭКСМО
Москва
2012

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — гранд : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2012. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-53941-3

Сэр Ричард твердо, решительно и наотрез отказался от королевской короны, ему не нужны новые проблемы. Его верные лорды, прекрасная эльфийка, маги, капитаны океанских кораблей уговаривали напрасно.

Потому что под простым, ясным и для всех обнародованным планом своего сюзерена таится еще один. О котором знает только он. И если о нем узнает хотя бы подушка, он ее сожжет.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-53941-3

© Орловский Г. Ю., 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2012

Часть первая

Глава 1

Когда произносится слово «ребенок», у меня почему-то ассоциации всегда с мальчиком, хотя да, понимаю, ребенок — это нечто общее, девочка все-таки тоже в какой-то степени ребенок, хоть и не совсем, да.

Изаэль весело показала мне язык, еще остроконечнее и длиннее, чем ее уши, но такой же фигурно вырезанный, с милой ложбинкой посередине, и даже сделала его умильной трубочкой.

— Останешься мужем Гелионтэль, — прощебетала она ехидно, — навеки!

— Брехня, — сказал я, — пока не родится мальчик!

Она фыркнула.

— Да? И не мечтай!.. У нас рожают раз в сто лет. Если вообще очень сильно повезет насчет второго раза.

Я пробормотал:

— Это что, вы от галапагосских черепах, что ли?.. Ну я даю, ну я орел... Хотя вообще-то я же не черепах? Может быть, мои дурные гены поборют ваши мудрые. В жизни дурак всегда побеждает, не знали?.. Эх, не видели, кто в правительстве... В общем, я ради друга Астральмэля

должен хоть из кожи вылезти, но постараться насчет наследника мужского пола, звания и титула.

Она мило опустила громадные ресницы, пряча смех. Вообще-то меня не пугает перспектива остаться вечным мужем прекрасной эльфийки. В этом мире мужчины гибнут часто, потому даже церковь разрешает разные варианты тетравленда, хотя и не поощряет, как было после великой чумы, когда нужно было просто спасать население Европы.

Вошел сэр Вайтхолд, собранный и чопорный. На пороге застыл только на мгновение, но, настоящий аристократ, вежливо и с достоинством поклонился dame. Я восхитился, с каким хладнокровием и воспитанием высокорожденного не замечает ни ее громадных дивных глаз с ресницами в ладонь, ни торчащих розовых ушей.

— Ваша светлость, — произнес он ровным голосом, — ужинать будете в зале или... в виде исключения?

— В виде, — ответил я. — Я чавкаю, знаете ли. И не хочу сдерживаться. Это портит удовольствие.

— Хорошо, — сказал он. — Я распоряжусь.

Он направился к двери, а там вдруг повернулся так резко, что Изазель, как догадываюсь по шороху, едва не выскочила от испуга в окно.

Взгляд его снова направлен только на меня, но с такого расстояния точно держит в поле зрения и прекрасную эльфийку.

— На двоих?

Я кивнул.

— Да, а то она все у меня пожрет. Хоть и маленькая, но прожорливая.

— Что-нибудь, — проговорил он с сомнением, — не простое?

Я посмотрел с любопытством на него, на замершую в божественном испуге эльфийку.

— А спросите, сэр Вайтхолд, у нее лично.

Он отвесил совсем уж учтивый поклон гостье:

— Леди... вам что-нибудь специальное подать?

Напряжение и страх еще не оставляли ее. Но она превозмогла себя и ответила чистым высоким голосом, как птичка, научившаяся говорить по-человечески:

— Да... если можно.

— Что? — спросил он и, видя ее непонимающий взгляд, пояснил: — Нашу еду или что-то особое? Жареных птичек или сушеных червячков, например?.. Можно мучных червей...

Она явно струсила, но отважно пропищала:

— Мне достаточно хрюкотов.

Он сказал с облегчением:

— Сейчас все будет, благородная... гм, леди.

Она не сдвигалась с места, глаза огромные, будто все еще не верит, что это происходит в самом деле, у нее что-то вежливо спрашивают, а не бросаются с кулаками.

В комнату начали входить слуги, тихие и молчаливые, перекладывали с подносов на стол блюда с крупными гроздьями роскошного винограда, сочные краснобокие яблоки, груши, в отдельных вазочках клубника, земляника, черника, черная и красная смородина.

На застывшую эльфийку поглядывали с жадным любопытством, уходили чуть ли не на цыпочках.

Когда за последним закрылась неслышно дверь, я сказал весело:

— Ну что? Не съели?

Она с трудом перевела дух, но с самым независимым видом пожала узкими плечиками:

— Подумаешь! Это потому, что я твоя гостья, а тебя все боятся. А так бы палками забили.

— Рыцари, — сказал я, — отнесутся дружелюбно. И вся знать. Потому на всякий случай сперва держись

их общества. И вообще их круга, это защита. А потом и простой народ смирятся...

Она в нерешительности смотрела на блюда с жареным гусем, кусками оленины, на коричневые комочки запеченных в тесте мелких птичек.

Я сказал ободряюще:

— Тебе не обязательно есть все! Можешь выбрать...

Она пробормотала:

— Да тут все... несъедобное...

— Ошибаешься, — сказал я. — Ты что, собираешься все время сидеть в плаще? Или ты под ним голая?.. Сними и повесь во-о-он туда! На тот рог, что возле голубелена с охотой...

Она сняла плащ и послушно отправилась вешать на указанный олений рог, а я торопливо сотворил несколько ломтей сыра разных сортов, кусок сотового меда и мороженое шариками в вазочке.

Больше не успел, она зацепила плащ, по-женски хозяйственно расправила складки и пошла обратно. Ее глаза разом стали еще громаднее и вытаращеннее.

— А этого, — прошептала она в испуге, — я не заметила...

— Женщины такие невнимательные, — сказал я обидчиво. — Мы для вас, как рыбы о дерево... Начни с сыра. В нем нет крови. А потом это вот кругленькое.

Она подсела за стол, я видел, как оглядывает блюда и вазы с фруктами, в глазах любопытство, у эльфов почти все есть, но мелкое, дикое, а здесь оккультуренное, отобранное даже не за века, за тысячелетия. Дикие яблоки, к примеру, у них размером с грецкий орех, а вот эти, что на столе, можно брать в обе ладони.

Сыр она лопала с аппетитом, восторгалась нежнейшим вкусом, а когда очередь дошла до мороженого, вообще пришла в восторг, завизжала, как мелкая зверушка:

— Что это?.. Я никогда такого не пробовала!

— Даже королева Синтифаэль не едала, — сказал я гордо, — не едывала.

— А ты откуда знаешь?

— Можешь спросить.

— А ты чего это не ешь? — поинтересовалась она. — ЖЫвотное, как ты можешь вот так пожирать мясо?..

— Могу, — заверил я. — С аппетитом. Я пожиратель, предатор! А ты, как разведчица в мире людей, должна бы научиться тоже.

— Да ни за что, — промычала она с набитым ртом.

— Страшно?

— Мы — эльфы, благородный и высокорожденный народ!

— Это где ж высоко, — спросил я, — на дереве? Так пора слезть и быть к людям поближе. У нас много чего есть. Как мороженое?

— Вот эти шарики? Они сами тают во рту!

— Лопай-лопай, — сказал я заботливо, — только не простудись с непривычки. Вы тут, дикари, и снега, на-верное, не видели...

За окном уже темно, в небе ярко горит одинокая звезда, Изазель покосилась в ту сторону и чуточку отодвинулась вместе со стулом, уходя из-под строгого взгляда колючего глаза. Крыши домов и построек тускло блестят в лунном свете, воздух тих и неподвижен, как и этот призрачный свет, который так любят эльфы. Или не эльфы, а феи...

Заканчивая с мороженым, она тревожно покосилась огромными пугливыми глазами на мою постель. В ее взгляде я прочел мучительное колебание. Мне показалось, что сердечко ее стучит учащенно, даже дыхание, как у маленького олененка, что в страхе бежит и бежит через темный лес, потеряв маму.

Я поинтересовался как можно мягче:

— Наелась?.. Или что-то заказать еще?

— Спасибо, — просипела она застывшим горлом, — а то я уже замерзла вся... И вообще...

— Что-то не так? — спросил я. — Только скажи.

Она вздрогнула и затряслась головой:

— Нет, все так... Просто ночью возвращаться ой как страшно! Я все удивляюсь, как это я вдруг решилась пробраться в этот ужас, где живут эти чудовища. Наверное, очень хотелось перед своими похвастаться.

— Ты невероятно отважная, — сказал я с сочувствием. — Просто, я даже не знаю, какая ты! К счастью, хозяин здесь я, и потому весь дворец в твоем распоряжении, а он огромнейший! Только скажи, и любая комната или зал станет твоей спальней.

Она сказала обрадованно:

— Ой, как здорово! Буду рассказывать, никто не поверит... Только знаешь...

Она посмотрела на дверь, вздрогнула и съежилась.

— Что? — спросил я.

Она вскинула мордочку, огромные глазища безумно-яркого синего цвета, небесный аквамарин как-то, беспомощно-испуганное выражение, всмотрелась снизу вверх в мое лицо.

— У вас все страшно, — пожаловалась она. — А в этом огромном нагромождении каменных глыб мне так жутко, что могу упиться. Я храбрая и отважная, но вообще-то трусливая. Я лягу с тобой, хорошо?

Я пробормотал чуточку ошалело:

— Благодарю за доверие, даже не знаю, комплимент это или оскорблениe... Конечно, я не против, еще как не против... Но, понимаешь, я не дерево, как бы не совсем дерево, а то и вовсе не дерево...

Я чувствовал, что несу какую-то чушь, но Изэль заметно приободрилась, смотрит с любопытством, в безумной синеве ее глазищ загорелись веселые огоньки.

— Я разведчица, — сказала она почти задорным, хотя все еще трусливым голоском, — помнишь?

— Ну...

— Мы давно наблюдаем за людьми, — напомнила она. — Помнишь, как мы встретились? И мне всегда было любопытно, что вы за существа такие странные и непонятственные?

Я пробормотал:

— Ну, как тебе сказать... Самый лучший способ узнатъ — это не прятаться в лесу, а вот так, как ты. Пришла и жрешь, как суслик, да еще и командуешь.

Она возмутилась:

— Я?.. Да в мире нет более тихой мышки!

— Тогда вот что, мышка, — сказал я дружески. — Раздевайся и лезь под одеяло. Кровать громадная, одеялом можно огород накрывать, так что до утра не встретимся.

— Отвернись, — потребовала она.

Я отвернулся, слышал как за спиной шелестит ее сбрасываемая одежда, затем прошлепали по полу легкие босые лапки, словно пробежал утенок, колыхнулся воздух от поднятого одеяла, и, наконец, донесся ее писащий голосок:

— Можешь поворачиваться.

Она устроилась на боку, укрывшись по самое ухо, глаза блестят страхом и жадным любопытством, а наблюдает за мной, как мелкий зверек из норки.

Приотворилась дверь, сэр Вайтхолд вошел степенный, глядящий прямо перед собой и не замечающий никакой постели.

— Ваша светлость, — сказал он чересчур громко, — простите, что так поздно, но управитель уверяет насчет чрезвычайности.

— Давай его сюда, — велел я.

Он все-таки повел глазом в сторону ложа, но Из-

эль юркнула под одеяло вся, только кончик уха остался торчать, весьма незамеченный его хозяйкой.

Сэр Вайтхолд вышел, Изэль снова высунулась и только открыла рот, чтобы сказать что-то или спросить, как появился Бальза, он не вошел, а вбежал бодрым петушком, сразу закланялся много раз.

— Ваша светлость, — сказал он быстро, — я знаю, как вы безумно заняты и работаете, как отец народа, даже ночью, потому и решился только ввиду чрезвычайной срочности и безотлагательности!..

— Хорошо-хорошо, — прервал я его нетерпеливо.

— Я всего в двух словах! — заверил он.

— Говори, — велел я.

— Несмотря на все ваши усилия, — сказал он скоговоркой, — несколько лордов все же намереваются, используя смерть короля-тирана, вернуть себе старые права и привилегии.

— Которые отнял я?

— Нет-нет, что вы, ваша светлость! Которые отнял тот жестокий тиран, справедливо свергнутый вашей светлостью!

— Это хорошо, — сказал я, — что еще те привилегии... Дальше.

— В том числе, — закончил он и поклонился, — хотят вернуть и собственные армии из вассалов.

— А это уже серьезно, — сказал я. — Имена, адреса?

Он вытащил из складок необъятного халата небольшой сложенный вчетверо листок.

— Вот здесь, ваша светлость. Простите, что мелкими буквками... Таился, когда записывал. Рисковал.

В списке двенадцать имен, напротив каждого Бальза проставил еще более мелкими цифирками размер занимаемых земель, сумму годового дохода и количество рыцарей в личной дружины.

Глава 2

Я читал, поглядывая на него поверх списка. Бальза напоминает тех византийских евнухов, которых я, понятно, не видел, но наслышан. Якобы они управляли империей, в то время как императоры там сменялись, убивали, травили и душили друг друга, а спасал страну от гибели какой-нибудь кастрированный в молодости Нарзес.

Правда, Бальза не будет у меня командовать войсками, как делал этот Нарзес, сумевший уничтожить государство остготов, считавшихся до того непобедимыми, но создавать армию, комплектовать, одевать и кормить — да, это сможет, как мне кажется.

Сейчас старается выглядеть услужливым и глуповатым, у таких меньше недоброжелателей, мудрый ход, но правители должны видеть то, что есть на самом деле, а не то, что им показывают.

— Бальза, — сказал я, — ты сделал очень важное дело, раскрыв серьезный государственный заговор. Следи за ними и дальше. Если поболтают и успокоятся, то ничего не предпринимай, у нас свобода слова, совести и конфессий, а если вздумают выступить, сразу дай знать заранее. Если выполнишь, велю добавить к твоему фамильному имени «к», и это останется также и для твоих потомков.

Он икнул от неожиданности, пал на колени и проговорил, запинаясь:

— Ваша светлость!.. Это слишком, слишком много за мои скромные усилия...

— Значит, — сказал я важно, — делай так, чтоб они были не слишком уж скромными! Кроме того, как я уже говорил, я продолжаю политику Гиллеберда.

— Ваша светлость?

— Это значит, — пояснил я, — мне нужна сильная и

боеспособная армия, что подчиняется именно центральной власти.

Он поклонился.

— Да-да, ваша светлость! Тому, кто платит.

— Вижу, — сказал я одобрительно, — ты все понял правильно. Действуй в этом направлении.

Он исчез непривычно быстро для своей громадной туши. Мое обещание прибавить аристократическое «к» к его простонародному имени сразу же переводит его в разряд потомственных аристократов. Помню, так поступил один из писателей, что страдал от своего племянского происхождения, и эту важную буковку втихую присобачил к своему фамильному имени сам.

Изазель высунулась из-под одеяла по плечи, по-детски угловатые, милые, как у девочки-подростка, сказала недовольно:

— Это что, они к тебе и в спальню вот так?

Я раскрыл рот, чтобы ответить умно и с достоинством, но вошел сэр Вайтхолд, повел в сторону юркнувшего под одеяло существа ничего не выражающим взглядом.

— Ваша светлость, нужно подписать некоторые бумаги...

— Давай, — ответил я обреченно. — Надеюсь, действительно срочные.

— Срочные я оставил на утро, — буркнул он.

— А это?

— Безотлагательные, и весьма.

Он выложил на стол целую стопку и начал подавать по одному листу. Я быстро подписался вычурно и за-мысловато, во всем Сен-Мари только я могу вот так лихо, как заправский писарь, у всех пальцы привычны больше к рукояти меча, топора, дубины или лопаты.

Сэр Вайтхолд молча ждал, я щелчком ногтя отправил лист на его сторону стола, он ухватил, быстро по-

сыпал мелким песочком, подул, сильно выпячивая щеки и становясь похожим на Борея, каким его изображают на углах всех карт, быстро и ловко сложил вчетверо, левая рука еще прижимает края, а правая ухватила за ручку крохотный ковшик, я бесстрастно наблюдал, как поднес узкий носик к сгибу, полилась тонкая красная струйка расплавленного сургуча.

Так же артистично быстро он вернул ковшик на подставку, под ней вяло горит крохотная свеча, а письмо обеими руками, это знак почтения, передвинул ко мне, продолжая зажимать края.

Я взял печать, похожую на фигурку ферзя, прижал донышком к красной лужице, и когда через пару секунд отнял, там остался красивый оттиск моей гербовой печати.

Он тут же передвинул бумагу по столу на свою сторону, снова подул на печать, поклонился и, быстро повернувшись, пошел к двери. Я видел в открытую дверь, как жестом подзывал невидимого мне помощника и вручил мое письмо.

Дальше, насколько помню эту процедуру, помощник выйдет в соседнюю комнату, где молча ждут молодые и бодрые парни в одежде королевских гонцов, сунет первому от двери, тот ухватит письмо и помчится со всех ног, прыгая через три ступеньки, пока не выскочит во двор, где уже ждут оседланные кони, а остальные гонцы синхронно передвинутся на одно сиденье ближе к двери.

Все проделывается молча, ни единого лишнего жеста, а когда величаво вернулся, то провозгласил мощно, как дворецкий:

— Следующее!

Это, как я понимаю, на тот случай, если я уже заснул в государственных заботах о судьбах королевства.

Остальные бумаги, к счастью, нужно только подпи-

сывать, обычные вельможные указы и эдикты, одни будут оглашены в Савуази, другие молча останутся при дворе как инструкции к применению.

Изаэль, любопытствуя, высунулась из-под одеяла до половины и старалась разглядеть, что мы делаем такое непонятое, но едва сэр Вайтхолд делал движение чуть повернуться, тут же юркала в свое убежище и пряталась с головой, забывая про уши.

Когда я подписал последнюю, он церемонно поклонился.

— Спасибо, ваша светлость. Простите, что оторвал...

— Ничего вы у меня не оторвали, — возразил я. — Всегда пожалуйста. Работа — тоже как бы дело.

— Да, — согласился он, — как бы.

Я проводил его взглядом, чувствуя, как за спиной зашелестело одеяло. В дверях сэр Вайтхолд резко обернулся:

— Кстати, ваша светлость...

За моей спиной вспыхнуло, слышно было, как подпрыгнула сама кровать и что-то там заскреблось.

— ...вы говорили о налогах, — продолжил он с самым невозмутимым видом, — я подобрал несколько кандидатур на места сборщиков. Вы рассмотрите их и отберите...

Со стороны кровати доносилось злое и вместе с тем жалобное шипение, словно мелкий зверек прищемил лапку. Ни я, ни сэр Вайтхолд не смотрели в ту сторону, я кивнул и сказал, глядя ему в глаза:

— С утра жду полный список.

Он поклонился.

— Будет на вашем столе.

Дверь за ним закрылась, Изазель высунулась из-под одеяла, палец во рту по самую ладошку, мордочка жалобная, вот-вот заревет.

— Что стряслось? — спросил я участливо.

— Ноготь сломала, — прошипела она лютко, — ну что вы какие-то, я даже не понимаю!.. Ну как так можно, когда так нельзя, и вообще все неправильно!.. А ты чего вообще?

— Государственный муж, — пояснил я. — Себе не принадлежу. То ты меня пользуешь... или вот приготовилась, то эти вот со своими проблемами мира и благополучия всех народов в отдельно взятом королевстве...

Она умолкла, глядя, как я пошел к двери, открыл и велел невидимым ей гвардейцам больше никого не пускать, их государь изволит спать до утра, но если вдруг пожар, война, землетрясение или наводнение, тогда да, можно...

Гвардейцы молча киваю, но в конце коридора показалась фигура бегущего в мою сторону сэра Вайтхолда, он прокричал издали:

— Ваша светлость!.. Сверхсрочно!

— Нет ничего срочного, — ответил я сердито, — что не подождет до утра!

— Прибыли послы из Варт Генца, — выпалил он. — Там вспыхнула война!.. Срочно просят аудиенции!

Я стиснул челюсти, и хотя все по плану, но не сейчас бы...

— Хорошо, — сказал я, сдаваясь, — введите!.. Тьфу, пригласите.

Не очень вовремя, правда, но все равно пришлось бы откликнуться на отчаянный призыв вартгенцев, что-то у них опять не заладилось, и хотя прекрасно знаю, что и где, но нужно сделать вид, что вот прямо щас впервые услышал и даже сильно удивился.

Едва я отошел от двери к столу, в коридоре прогремели быстрые шаги, сэр Вайтхолд пропустил ко мне двух лордов. В одном я узнал сэра Герарда, сына барона Валдуина, — отважный и храбрый юноша, отличился

при захвате пограничной крепости, с той поры боготворит меня и считает лучшим на свете командром, на большее пока его фантазия не тянет.

Они преклонили колена, я сказал с неудовольствием:

— Встаньте, господа!.. Я не ваш лорд.

Не поднимаясь с коленей, они смотрели на меня отчаянными глазами. По лицам и одежде я видел, что оба проделали долгий путь, загоняя насмерть коней или меняя по дороге, не успевали поесть и промочить горло, пока не домчались до моих покоев.

Старший из них, сурового облика рыцарь, сказал хриплым голосом:

— Ваша светлость, я граф Дарси Блэйк, моя честь, жизнь и мои воинские отряды в вашем распоряжении. Нас послал граф Меганвэйл, он спешит сообщить вам, что результаты выборов короля оспорили графы Леофриг Лесной, Хенгест Еафор и даже Меревальд Заозерный!

А сэр Герард добавил чистым ясным голосом:

— И сразу же повели войска на столицу, но на подходах передрались между собой!

Я сделал рукой повелительный жест встать, они послушно поднялись, было бы неповиновением продолжать оставаться коленопреклоненными. Оба смотрят на меня с надеждой, глаза измученные на исхудавших лицах, во взглядах вера, что вот вмешаюсь и все прекрашу.

— Сядьте, — велел я, — у стоящего мозг работает иначе. Что, и теперь все боятся друг с другом?

Оба послушно подсели к столу, я видел, с каким облегчением их тела приняли эту первую поблажку на долгом пути из Варт Генца.

Сэр Дарси подтвердил угрюмо:

— А еще сообща, с графом Хродульфом. Но наш

lord Меганвэйл спешит сообщить, что самое страшное только начинается! Остальные лорды тут же прекратили сдавать в казну налоги, расходуют собранное на свои войска, начинают войны друг с другом, отнимая земли, деревни, угоняя скот и людей... Моментально начали собираться шайки разбойников...

Сэр Герард сказал отчаянным голосом:

— Граф Меганвэйл настоятельно просит вас, буквально умоляет, прибыть немедленно в страну, король которой называл вас сыном!..

Я проговорил в нерешительности:

— Я понимаю ваши некоторые трудности...

Сэр Дарси охнул и задохнулся от избытка чувств, а сэр Герард вскрикнул отчаянным голосом:

— Трудности? Страна уже полыхает пожарами гражданской войны за королевский трон!..

— Ну, — пробормотал я, — все только начинается... гм... но у меня тут тоже некоторые дела, как бы сказать вот так прямо вслух... Даже не знаю... а не будет это моим грубым вмешательством во внутренние дела суворенного государства, маленького, но гордого и всячески отстаивающего?

Сэр Дарси сказал твердо:

— Дураков, каких мало, у нас много, но в такое время становится все меньше. Одно дело покричать, когда все сыты, другое — когда дом горит! Это не столько желание лордов обратиться к вам, как жажда самого народа, что увидел в вас... уж и не знаю что, но явно больше, чем все мудрецы Варт Генца!

— Народ мудер, — сказал я в задумчивости. — Может быть, он зрит даже то, что не видим мы?.. Хорошо, не будем затягивать разговор на всю ночь. Информация к размышлению получена, а во сне, как говорят, приходят решения. Только бы не таблица какая-нить бесполезная... А утром, господа, я дам четкий и взве-

шенный ответ, если, конечно, мое подсознание во сне взвесит правильно, а то его у меня иногда заносит до та-а-а-аких оргий, ну вы понимаете... Ах да, сейчас вы такое не понимаете... Лорды?

Они поднялись, разом поклонились и отступили к двери. Сэр Вайтхолл учтиво распахнул перед ними обе створки и поклонился, как бы выражая глубокое и даже искреннее соболезнование.

Я выждал, когда затихли их шаги, приоткрыл дверь и шепотом велел гвардейцам больше никого, а то и ночь кончится, это же такая потеря.

Оба заверили, что костьми лягут, я закрыл дверь и начал быстро раздеваться. На кровати возмущенно всискнуло, я видел краем глаза, как существо в одеяле торопливо отвернулось, а когда я лег со своего края кровати, прошипело, как злой барсук из норки:

— Хотя бы свечи задул!

— Так темно же будет, — ответил я резонно. — Только одну и оставил, она еще мельче, чем ты.

— Зачем?

— Чтоб ты лоб не расшаршила в темноте, — объяснил я, — когда пойдешь лунатничать и безобразничать на карнизе.

— Чего это я вдруг встану ночью и полезу на крышу?

Я ответил искренне:

— Да кто вас, эльфов, знает!

Она приподнялась на локте и смотрела в меня огромными блестящими в полутьме глазищами. Голубизна потерялась, превратившись в темный фиолетовый цвет невероятной глубины и насыщенности.

— А ты... разве не эльф?.. Если у тебя жена Гелионтэль...

Я опустил взгляд, развел руками в сильнейшем смущении:

— Ты права, я эльф, и жена у меня Гелионтэль... Но

я, исполненный мультикультуризма и состыка разных культур и прочих суеверий, вынужден бывать и человеком, как бы вот подоступнее о сложном... Ну, ты же эльф, ты меня понимаешь.

Она переспросила тревожно:

— Ты сейчас... совсем не конт Астаральмэль?

Я развел руками:

— Увы, тогда бы я не залез с тобой под одно одеяло.

Моя высочайшая и просто предельная нравственность и целибат не позволили бы мне, ага, но если я человек... сама понимаешь, человеку можно все и даже больше! Широк человек, широк, как сказал лорд Федор, и вот, глядя на тебя, мне совсем не хочется этого человека суживать...

Она в ужасе отодвинулась на край кровати.

— Ты что... чудовище?

— Необязательно широк в ту сторону, — сказал я скромно. — Можно быть широким и в другую сторону... ну там, нежность, вздохи, томление, сю-сю, ням-ням, патя-патя, еще что-то. Но ты не бойся, я, как крупный государственный деятель, на простые человеческие крайности не имею права, я центрист, как и должен быть глава титульной нации людей.

В ее глазищах, сейчас совсем темных, странно и ярко отражается пламя единственной свечи, мне показалось, что здесь оно ярче, чем наяву.

— А как же... Гелионтэль?

Я пробормотал:

— Очень важно жить в ладу со своей совестью и не совершать нехороших поступков. Я думаю, конт Астаральмэль делает все верно. Аменгерство — святая вещь! За себя и за того парня...

Она приподнялась снова на локте, одеяло соскользнуло с худенького плеча, глаза тревожно поблескивают в сумраке.

— Так ты сейчас...

— Ричард, — заверил я. — Джеймс... тыфу, просто Ричард. У меня нет на совести недостойных поступков. У меня мораль очень строгая! Просто для разных ситуаций она разная... Ты озябла? Да, у нас здесь прохладно, это не Геннегау...

Я подгреб ее ближе, настолько трусит, что вся трястется, а зубешки стучат, но я уложил ее голову себе на предплечье и лежал спокойно, давая ей возможность хоть чуть пообвыкнуться.

И в самом деле, через некоторое время она сама приподняла голову и с недоверием посмотрела мне в лицо.

— Так вот вы какие... люди?

Я одними кончиками пальцев начал почесывать ей спинку, сперва там все вздрогнуло и напряглось, но я продолжал чесать так же нежно, и она снова медленно успокоилась, даже перебралась головой с предплечья на плечо, чтобы моя загребущая доставала до самой поясницы.

— От тебя хорошо пахнет, — сообщил я. — И вообще ты такая вкусненькая...

Она вздрогнула.

— Ой, я уже боюсь...

— Чего? — спросил я. — Это называется комплиментами, существо.

Глава 3

Она легонько щекотала мне грудь длиннющими ресницами, дыхание ее теплое, в самом деле вся вкусно пахнет лесом, древесной смолой и муравьями, а это так свежо и мило после приторных ароматов придворных дам.

— А тебе можно, — спросила она, — как человеку, вот так под одним одеялом с эльфийкой?

— Простому человеку нельзя, — объяснил я, — но можно мультикутуристу и мультикультурнику, что есть связующее звено между народами, культурами, религиями, конфессиями... не знаешь, что это?.. и даже видами... потому мне можно все.

Она вздрогнула под моей все более разогревающейся ладонью и попыталась отодвинуться.

— Все?

— И даже больше, — сообщил я.

Она в страхе и в то же время пытливо, решившись на что-то отчаянное, посмотрела в мое лицо. Я старался держать его честным-пречестным. Мне даже показалось, что в ее огромных дивных глазенапах мелькнуло некое разочарование, словно «можно» не так интересно, как попробовать нарушить то, что «запретно».

— И даже больше, — повторил я.

Она, как показалось, так и лежит, распластанная, как лягушка, в той же позе, в какой я ее оставил. На лице изумление, но когда я пошевелился и начал подниматься, вздрогнула и распахнула изумительные громадные озера синих глазищ, ясных и чистых, хотя и слегка заспанных.

— Что, — пропищала она испуганно, — уже утро?

— Увы, — ответил я. — Ночь коротка.

Она попробовала пошевелиться, скривилась, даже ойкнула.

— Ну ты и зверь... Что ты со мной делал?.. Больно-то как...

— А что ты со мной делала, — сказал я загадочно и с мечтательным выражением.

Она ахнула:

— Я?.. Да я лежала тихая, как мышечка!.. А сейчас, как лягушка, на которую лось копытом...

— Я еще тот лось, — похвалился я. — Если хочешь, жрать подадут в постель.

Она начала подниматься, охая, как старушка, и хватаясь за спину.

— Зачем тебе надо, чтобы меня такой увидели?

— А похвастать? — удивился я. — Сразу всем разнесут, что у меня в постели побывала такая необыкновенная красотка!

Она довольно заулыбалась, уже с достаточной легкостью сползла на пол, критически осмотрела себя в огромном зеркале, словно превращение невинной девушки в женщину тут же отразится заметными изменениями.

— Так вот ты, гад, какой, — сказала она задумчиво, — бедная Гелионтэль...

— Ну знаешь ли, — сказал я чуть обидчиво, — мы же с ней не сами по себе, а для дела! Исполняем долг по древнему и, как я понимаю, священному закону! Да и вообще... Что тебе Гелионтэль? Я ж тебе еще вчера долбил, что с Гелионтэль я — ее муж, конт Астральмэль, а здесь с тобой я — Ричард Длинные Руки!

Она вздрогнула, брезгливо отодвинулась от меня, но не от зеркала.

— Какой ужас! Я что, спала с человеком?

— И еще храпела, — сказал я обвиняюще. — Ладноладно, не дерись, похрапывала. Изредка. Мило так это. И задней ногой полягивала малость...

— Это потому, — сказала она, — что ты ее придушил, а я пыталась освободиться от твоей жестокой тирании! Люди — тираны, теперь я в этом убедилась. И душители свобод. И вообще вы хитрые!.. Как сумел меня заманить и обесчестить — ума не приложу. Наверное, колдовством?

Она все еще придирчиво рассматривала свое отражение, поворачивалась так и эдак, у эльфов зеркал нет, вчера так жутко стеснялась, что даже уши прятала, а теперь вот очень деловито старается рассмотреть, хорошо ли торчат сзади ее такие безукоризненные булочки, что и сейчас бы ухватил зубами.

Я кивнул:

— Да, колдовством. Вполне годится для оправдания перед родителями, если вдруг что заметят.

Ее глаза зажглись любопытством пополам со страхом.

— А что, это может быть заметно?

— Не сейчас, — утешил я.

— А когда?

— Через несколько месяцев, — сообщил я.

Она не сразу врубилась, потом подпрыгнула:

— Что? Ты хочешь сказать...

Я поспешил отступить:

— Ну-ну, не царапайся, не кусайся и не бодайся. Ничего не хочу сказать. Так, намекиваю исподтишка, для вящей безопасности. Мы ж люди, а они все гады коварные, теперь знаешь.

Она ахнула:

— Ты хочешь сказать, что могу выносить ребенка и даже родить, не пройдя Великий Обряд в Круге Великой Тайны Бытия, где навечно соединяются узами брака двое, и не получив на это благословения Древней Богини?

Я пробормотал несколько настороженно:

— Ну, вообще-то да... Антураж и танцы — здорово, сам люблю, но для таких дел можно и в подворотне... в смысле, просто в кустах. Странное дело, конечно, но установлен удивительный факт, что количество выпитого и сожранного на свадьбе ну никак не влияет ни на пол ребенка, ни вообще на зачатие...

Она ахнула:

— Врешь!

— Клянусь! Были такие исследования...

— Но тогда зачем?

Личико ее было полно недоумения.

— Не знаю, — сказал я.

Она гордо выпрямилась:

— Ты все врешь! Люди лгут. То, что ты говоришь, просто невозможно. Без благословения Древней Богини зачатие невозможно. Да и вообще... раз в сто лет!.. И никак иначе.

Я сказал с облегчением:

— Правда?.. Фу-у-у... гора с плеч. А то я как-то еще не готов еще раз стать отцом. Надо сперва на ноги встать, империю построить, молодильные яблоки вырастить, Конька-Горбунка для ребенка поймать заранее... тьфу, а вдруг девочка?.. В общем, ты молодец, сразу все разрулила и успокоила. Давай сейчас поедим, а потом решим всякие мелочи. Мне надо или не надо ехать в Эльфийский Лес?

Она посмотрела на меня с прищуром:

— А ты как думаешь?

— Не знаю, — ответил я честно.

— А как поступают люди?

Я вздохнул. Как поступают люди, тоже мне вопросец. Если начну отвечать всерьез, то перечислять буду еще года два. Люди на то и люди, что разные.

— Я же там не людь, — пояснил я, — а конт Аст-ральмэль. Что бы сделал конт?

— Немедленно помчался бы к жене, — сказала она злорадно, — и поздравил бы с такой удачей!

Я пробормотал озадаченно:

— Это удача?

— Ну да, — ответила она. — Девочки живут в несколько раз дольше, ты разве не заметил, что у нас на

каждого мужчину не меньше сорока женщин?.. К тому же мужчины умирают чаще от неведомых болезней, а женщины даже не болеют. Но все равно род считается по мужчине, потому что только он может его продлить...

Дверь приоткрылась без скрипа, вошел сэр Вайтхолд. Изээль вскинула и в мгновение ока очутилась под одеялом, только две белые буточки эльфийской попки мелькнули и остались висеть в воздухе, как улыбка чеширского кота.

Сэр Вайтхолд даже не повел в ту сторону взглядом, невозмутим и строг, как дворецкий с двадцатилетним стажем, настоящий аристократ.

— Ваша светлость, звали?

— Вот что, сэр Вайтхолд, — сказал я веско, — при всех наших бедах, нам все же досталось исправно функционирующее королевство...

Он переспросил:

— Фун... ци?.. Ниру.. щее?

— Работающее, — объяснил я. — Ну ладно, исправное!.. Мы ничего в нем не поломали, кроме домов, стен, огородов и чьих-то жизней, что полная ерунда, этого не жалко. Наша задача как минимум — удержать все в том же виде, чтобы пятая колонна, это такие местные гады, не разрушила систему, чтобы поживиться на обломках.

— Ваша светлость?

— Сэр Вайтхолд, — заявил я официально, — ко всем вашим нагрузкам я возлагаю на вас еще и налоговую полицию. Ну, если вы не ухитритесь найти кого-то, кто смог бы заменить вас и все выполнять так же блестяще.

Он переспросил несколько ошалело:

— Какую-какую?

Я сказал строго:

— Не кривите это самое вельможное и с длинной родословной. Налоги — самое важное для выживания! Если нам не будут их платить и выплачивать, нам придется превратиться в разбойников, которые все добывают силой. Но должны собирать мои люди, а не местные лорды, как тут снова пытаются замутить...

Он охнулся, рука дернулась к мечу.

— Местные? Да как они...

— Погодите, — сказал я, — они якобы будут собирать для меня. Но мне такой любезности не надо, это вроде бы ясно?

— Почему?

— Потому что сегодня собирают, — объяснил я, — а завтра перестанут. Вернее, начнут собирать в свой карман. А если буду собирать я, то я в чужой не положу точно.

Он посмотрел на меня с уважением:

— Да уж, в это я верю.

— Потому немедленно, — велел я, — прямо сегодня в срочном порядке отберите орлов помоложе, они честнее, которые проедут и в самые дальние земли Турнедо и проверят, чтобы налоги шли прямо ко мне в Савуази. Если какой-то сеньор заартачится, начнет ссылаться на древние вольности, то старайтесь проблему ликвидировать сразу, не давая, чтобы из искры возгорелось пламя, обойдемся без декабристов. Я был душителем таких свобод и останусь им. У меня не повольничаешь, не посепаратничаешь!

По его лицу я видел, что такое ему не очень нравится, но понимает важность, поклонился и сказал ровно:

— Займусь сейчас же.

Как только дверь за ним закрылась, Изазель высунула голову из-под одеяла и прошипела:

— Они что, заходят вот так... без зова?

— Только сэр Вайтхолд, — объяснил я. — Он мой

личный секретарь, а также канцлер и премьер-министр. Если он будет каждый раз стучать и ждать, когда я скажу, что можно... В общем, у людей так, дорогая.

Она вылезла из-под одеяла с сердитым видом, гла-зища смотрят с укором.

— А я думала, — заявила она, — ты здесь главный.

— Понял, — сказал я, — сейчас есть принесут...

Я хлопнул в ладоши, она всплыла и снова быст-рее мыши юркнула под одеяло. Вошел слуга, я молча указал на пустой стол.

Он осведомился:

— На двоих?

— На полторах, — уточнил я. — Хотя... гм... то, что спряталось под одеялом, может жрать и за троих. Знаешь, ворона маленькая, а рот здоровый.

Он поклонился и вышел, а из-под одеяла высунулась нога и больно лягнула меня в бедро.

Пользуясь тем, что одеяло закрывает обзор, я снова насотворял деликатесов, сладких печений, шоколада всех видов, а закончил мороженым, фантазия у меня ни к черту.

Двое слуг весьма удивились, что стол уже наполовину заставлен, я буркнул, что пока телились, их коллеги уже постарались. Они переложили на столешницу половину блюд, остальные унесли, а я придвинул стол к постели.

— Налегай, — предложил я. — Кто знает, когда будем есть в следующий раз.

— Почему?

— Жизнь непредсказуема.

— Глупость, — заявила она непререкаемо. — Все давно предопределено. А это вот что такое вроде рако-вины?

— Шоколадка, — ответил я. — Лопай-лопай.

Она разохотилась и в самом деле очистила полови-

ну стола почти быстрее меня, потом пришли слуги, она снова юркнула под одеяло. Они механически убрали со стола посуду, а стол отнесли на прежнее место.

Я поинтересовался:

— Ты там вьешь гнездо? Или роешь норку?

Она вылезла, гордо выпрямилась и сказала сердито:

— Так у тебя тут ходют...

— Хочешь, — предложил я, — дверь пока запру?

Она сказала обрадованно:

— Как ты раньше не догадался!

Я поднялся, но только сделал шаг к двери, как она распахнулась во всю ширь, сэр Вайтхолд появился чему-то очень довольный и провозгласил громко:

— Ваши светлости, к вам сэр Клемент Фицджеральд!

Я не видел кровати, но чувствовал, как она затряслась под прыгнувшим на нее существом, а затем под одеялом трусливо затаился лесной зверек, даже дыхание задержал.

— Зови, — ответил я.

Он все-таки бросил сочувствующий взгляд в сторону кровати, хоть и не на саму кровать.

— Да, конечно, ваша светлость.

Он вышел, а я прошипел строго:

— Пикнешь, убью.

Она пропищала:

— Мне и тут страшно...

— Под одеялом? — изумился я. — Но...

Дверь распахнулась, вошел сэр Вайтхолд, а с ним быстро и уверенно, несмотря на свою громадность, сэр Клемент Фицджеральд, поджарый, бодрый, с суровым лицом воина, что всегда готов, и еще как готов. Он сразу заметил горбик под одеялом, метнул на него настороженный взгляд, а широкая ладонь, как сама по себе, легла на рукоять длинного меча.

Глава 4

Мне его богатырская фигура напомнила другого гиганта, который так много попортил мне крови, я спросил сэра Вайтхолда:

— Кстати, что с Сулливаном?

Он ответил с поклоном:

— В пути, если еще не прибыл в земли, куда вы его послали. Кстати, он вам обязан еще и титулом герцога, вы не знали?

— Нет, — ответил я заинтересованно. — Как это?

— У герцога Джонатана Меерлинга, — пояснил он, — казненного за измену, были родственники и поближе Сулливана. Тому бы ничего не светило, но отвага Сулливана, что осмелился бросить вам вызов и отстоять независимость своего феода в поединке лично с вами, настолько всех впечатлила, что комиссия по геральдики сочла его наиболее достойным на титул герцога.

— Здорово, — сказал я, стараясь не обращать внимания, что сэр Клемент как бы нечаянно развернулся так, чтобы встретить вовремя, если из-под одеяла выскочит нечто и ринется на его сюзерена с кинжалом в руке.

— Так что, — закончил сэр Вайтхолд победно, — он обязан вам не только титулом барона, но и герцога! Думаю, ему уже объяснили...

Я посмотрел на него пристально. Он усмехнулся и опустил скромно взгляд.

— Надеюсь, — пробормотал я, — это осознание поможет ему... не то чтобы там все наладить, в тех землях все осталось неразоренным, а удержаться в лояльности ко мне.

Он произнес осторожно:

— С Сулливаном все будет сложно. Гонору больше,

чем было у герцога, а власть признает только ту, которую считает справедливой.

Я отмахнулся:

— Ладно, мы не зря спихнули его подальше. Будучи зажатым между Турнедо и Варт Генцем, не больно поартачившись. Что насчет сбора налогов? Чует мое сердце...

Он поклонился.

— У вас замечательное и чувствительное сердце, ваша светлость, если, конечно, оно у вас в таком странном месте. Вот, прошу просмотреть...

Он выложил на стол два листка бумаги.

— Что там? — полюбопытствовал я.

— Кандидаты в сборщики налогов, — сказал он победно. — А вот благородный сэр Клемент Фицджеральд, которого вы недавно отметили за выдающиеся заслуги... он жаждет послужить вам и в мирное время.

— Сравнительно мирное, — пробормотал я, — та-ак, список у вас о-го-го... Но здесь почти все благородные рыцари!

Сэр Вайтхолл кивнул:

— Все верно, ваша светлость. Благородные не воруют. К тому же я убедил сэра Клемента, насколько это важно для выживания всего королевства.

Я пробормотал:

— Даже больше, чем королевства.

— Ваша светлость?

Я покачал головой:

— Все в порядке, сэр Вайтхолл. Вы проделали огромную работу. Сэр Клемент, мне просто неловко возлагать на вас эту работу. Некоторые не слишком умные рыцари могут счесть ее недостаточно аристократичной... однако она не просто важна... без нее все рухнет.

Он поклонился и прогрохотал красивым мужественным голосом:

— Ваша светлость, я весь ваш душой и телом. Вы

дали смысл моей жизни. Располагайте мною, как никем не располагали.

Я подошел к стене, снял плащ Изазель, вернулся к постели, сэр Вайтхолл предпочел демонстративно и очень упорно смотреть на стол со списками, а сэр Клемент бесцеремонно наблюдал, как я приподнял край одеяла, там мелькнуло нечто ослепительно светлое, сунул туда плащ и снова опустил одеяло.

Сэр Вайтхолл оставался с непроницаемым лицом, а я объяснил ему:

— Это чтоб сэр Клемент не думал, что я тут ха-ха!.. развлекаюсь!.. Мы тут работаем, постоянно работаем над международными и межвидовыми проблемами...

По властному взмаху моей дланi они повернулись к столу, я указал на листки и поинтересовался:

— Как быстро эти люди могут приступить к исполнению обязанностей?

Сэр Клемент грянул могучим голосом:

— Немедленно, ваша светлость...

Голос его перешел на писк, потому что Изазель, кутаясь в плащ, выбралась из-под одеяла. С босыми лапками и распущенными золотыми волосами, она показалась особенно трепетно беспомощной и беззащитной, а когда подняла длинные густые ресницы и взглянула на всех нас, сэр Клемент охнулся, схватился за сердце и рухнул перед нею на колени.

— Это... это же...

Я сказал устало:

— Именно. Представитель иного мира. Мы в сложных дипломатических переговорах о взаимодействии по поводу искоренения коррупции, культурного диалога и неприменения силы в спорных вопросах финансового коридора...

Сэр Клемент вскричал восплюмененно:

— Леди!.. Позвольте стать вашим рыцарем!

Сэр Вайтхолл посмотрел на него в великом изумлении, сэр Клемент известен в нашем кругу даже не сколько угрюмым нравом, чересчур строг, суров и немногословен и совсем не куртуазный галантерейщик.

Изаэль, пугливо кутаясь в плащ, продолжала стоять жалобными босыми лапками на холодном полу и смотреть на него громадными испуганными глазами, что, несмотря на хмурое утро, изумительно радостно-сияние, чистые и невинные.

Я сказал с невовкостью:

— Разумеется, леди Изазель великодушно примет ваше галантное предложение, сэр Клемент... как только поймет, что это. Мы только начали диалог культур, как водится — с главного, и так постепенно продвигнемся в сложных вопросах взаимопонимания... до некоторого понимания... хотя разность культур и восприятия, как вы понимаете, весьма усложняет весь процесс.

Сэр Вайтхолл сказал с упреком:

— Не щадите вы себя, ваша светлость!.. Все об отечестве и об отечестве радеете денно и нощно!.. Мы вот вечером пьем, ночью спим, а вы и ночью дипломатические связи устанавливаете!.. Хорошо, я вашу директиву понял, мы с сэром Клементом сейчас соберем рыцарей и каждому дадим четкое понятное задание, чтобы даже они поняли.

Он почти силой поднял обалделого сэра Клемента и, толкая в спину, выпроводил за дверь и сам вышел с ним.

Изаэль проводила их громадными испуганными глазами.

— Чего это он? — спросила она шепотом.

— Влюбился, — пояснил я. — Безумно и страстно, как могут только рыцари, которым не надо думать о добывании хлеба. Теперь будет только ради тебя совер-

шать подвиги и бить в морду тех, кто возразит насчет того, что ты самая красивая на свете!

Она вздрогнула, огромные глаза стали совсем огромными.

— Бить?

— Ну да, — подтвердил я. — А как иначе? Лорд Чехов сказал, что если зайца бить, он научится свечки зажигать. Битье определяет сознание! Теперь весь мир должен говорить, что ты — сама красивая. Кто не скажет — того в морду. Вот так, моя милая, добро пожаловать в понятное и логически законченное миоустройство людей!

— Да вы совсем чудовища, — воскликнула она с возмущением. — Хотя вообще-то как-то даже и почтому-то вроде бы...

— ...приятно? — спросил я с пониманием.

— Точно, — сказала она. — Льстит, хотя это совсем нехорошо!

— Оденься, — предложил я. — А то зайдем куданить, плащ надо будет снять... Хотя, может быть, и в самом деле не нужны эти дурацкие платья?

Она сказала с негодованием:

— Для кого дурацкие, а для кого и красивые!..

— Сядь вон там, — попросил я. — У меня сейчас будет важный разговор с лордами, нужно сосредоточиться, иначе окажусь в глубокой... скажем, луже.

Она в удивлении огляделась:

— А где тут лужи?.. Или ты хотел сказать, как мне показалось, что-то другое?

— Не пиши, — сказал я автоматически, уже думая о том, что земель под моей властью прибавилось, что как бы хорошо, если на взгляд дурака, но умный понимает, что чем крупнее корабль, тем быстрее разломится под собственным весом. Но плохо то, что умный на всем свете только я, а остальные будут обижаться, что не ха-

паю еще и еще, это же считается им тоже, слава вождя — их слава.

В старину, как я помню, управление огромными территориями решалось просто: королевский двор никогда не пребывал в каком-то определенном месте. Разъезжал всюду Карл Великий еще до того, как стал императором, разъезжал Вильгельм Завоеватель, как и десяток наследовавших ему королей, разъезжали все короли Франции... У всех у них были свои замки и крепости, разбросанные по всему королевству.

К примеру, только в Уэльсе у Эдуарда I было четыре прекрасно укрепленных замка: Карнарвон, Харлек, Бомарис, а Конви — так вообще суперкрепость с протяженностью стен в милю, двадцатью мощными башнями и тремя воротами!

Все короли перемещались со своим двором, тогда это был единственный способ реализации власти в королевстве, где еще не существует бюрократического аппарата на местах.

Однако и в этом случае все империи разваливались, не помогали эти перемещения, только на некоторое время удерживали в общих границах, но крепчающий сепаратизм побеждал...

У меня дела еще хуже: все местные властные структуры, то есть владетельные сеньоры: герцоги, графы, бароны и прочие — идут за мной только потому, что веду от победы к победе, обогащаю их, и хотя все они, конечно, борцы за идею, но титулы и новые земли надежно защищают их от насмешек тех, кто остался дома.

Но что будет, если потерплю поражения... Не мелкие, что можно пережить, а настоящие? Если от меня отшатнутся лорды хоть Армландии, хоть Сен-Мари, у меня нет ни малейших рычагов, чтобы привести их к повиновению... Все деньги у них, войска у них, земли у них...

Чтобы переломить ситуацию, я только что сделал очень серьезный шаг: налоги начнут собирать мои люди, а не лорды на местах. Да, конечно, о недоверии не может идти и речи, тем более что я большую часть земель раздал своим верным сподвижникам, просто благородные люди не должны заниматься таким унизительным делом, как собирание налогов.

Да, начнут рыцари сэра Клемента, но, во-первых, первый круг должны пройти строго доверенные лица, чтобы не поломать все, во-вторых, все они простые и безбаннерные, даже безлошадные рыцари, что для меня крайне важно, для таких опора — я.

Изэль быстро-быстро влезла в платье, все продевала возле кровати, чтобы в случае чего сразу нырнуть под одеяло. Наконец одернула на себе, расправила складочки и покрутилась перед зеркалом, стараясь рассмотреть затылок и недоумевая, почему не получается, что за дурацкое зеркало.

— Поворачиваешься медленно, — буркнул я. Она хотела что-то взявшкнуть, я предостерегающе вскинул ладонь: — Молчи, удавлю. Сэр Ричард думает.

Во всех этих королевствах, как и во всем мире, феодалы на зов короля, призывающего на войну, обязаны являться со своим войском, которое укомплектовывают и содержат за свой счет. Спасибо за труд, но эту грязную работу возьму на себя. Ну, не совсем на себя, но у меня есть смышленые простолюдины, которым нравится работать, а не упражняться, как нам, благородным, с оружием. Вот они, простолюдины, и будут собирать рекрутов и комплектовать армию. Собирать отовсюду, а комплектовать так, чтобы не только от одного сеньора, но даже из одного села не оказывалось в одном и том же отряде!

Третье: благородные люди не обязаны заниматься такой мелкой ерундой, как выслушивание жалоб про-

столюдинов друг на друга. Велю всюду учредить народные суды присяжных, и пусть эти земляные черви сами разбираются в своих дрязгах...

Если это правильно подать, то меня поддержат и те, по которым эти реформы потом ударят. Просто сразу незаметно, а мне нужно совсем немного времени, чтобы создать если не полностью наемную армию, так называемую королевскую, то хотя бы крепкий ударный кулак...

За моей спиной пропищало:

— А как это... дама сердца?

— Чистая любовь, — объяснил я автоматически, очень уж люблю просвещать народ, можно свой умище показывать. — Настоящая, возвышенная. Ради которой человек творит подвиги и даже чудеса. Он может быть женат и с кучей детей, но верно и преданно любить, к примеру, чью-то жену или дочь, неважно.

Она спросила наивно:

— А что ее муж?

Я удивился:

— Что муж? Муж должен быть польщен, что его жену любят чисто, нежно и возвыщенно... платонически, так сказать. Кстати, я тебе говорил, чтобы не похрюкивала?

Она испуганно съежилась, умолкла и надолго задумалась. Я пытался вернуться к прежнему ходу мыслей, но это пустяки сразу же лезут в голову, а умное пойди поймай снова за скользкий хвост, подумал раздраженно, что вот перебила свинья Отче Наш, пусть же теперь сама Богу молится, прошел к двери и, приоткрыв, крикнул:

— Сэр Вайтхолд, как там народ? Собирается?

Он появился из своей комнатки, в руках бумаги, ответил живо:

— Половина зала уже заполнена. Можно начинать, остальные подтянутся позже.

— Подождем чуть, — буркнул я. — Надо уважение выказывать подданным. Это окупается.

Несмотря на разгорающийся день, за стенами замка сумрачно, небо закрыто тучами, зато по эту сторону светло и почти солнечно. Я еще в Сен-Мари «изобрел» и велел снабдить весь дворец переносными светильниками-фонарями, что резко повысило освещенность всех помещений и коридоров.

Разумеется, первыми экземплярами велел снабдить собор, чтобы таким образом как бы освятить и узаконить. Вызвал мастеров, объяснил принцип работы выдвигающегося фитиля, смачиваемого маслом, велел начинать массовое производство, пока конкуренты не поняли нехитрый принцип и не подсуетились раньше.

Эту же технологию привнес и в Савуази, теперь здесь факелов не осталось вовсе, дикость какая, любой слуга может взять переносной светильник и спуститься с ним хоть в самый глубокий подвал, масла хватает на несколько суток, а потом всего лишь подлить, и всех дедов.

Прозрачные стенки фонарей защищают от любого ветра, так что работы слугам поубавилось, на меня стали смотреть не только со страхом, но и с уважением.

Я слышал, как внизу нарастает гул голосов, во дворе все чаще слышится конское ржание, грубые голоса. Вообще-то надо запретить вот так, верхом, в сие важное место, ибо дворец — это не здание, а весь комплекс с огромным садом, начиная от дальних ворот, и с десятком еще разных зданий.

Ничего страшного, если прогуляются от ворот...

Сэр Вайтхолл заглянул, на этот раз уже заметил одетую и причесанную Изэль, приятно изумился, поклонился и притопнул ногой, затем улыбка упорхнула с его лица, мне он сказал почти грубо:

— Ваша светлость, лорды в главном зале.

— Иду, — ответил я. — Нельзя заставлять народ ждать.

Он поморщился, я упорно зову лордов народом, пошел за мной следом и плотно притворил за собой дверь. Мне показалось, что очень хотел бы и запереть, несмотря на двух рослых гвардейцев на страже по обе стороны и двух вышколенных слуг.

Глава 5

Церемониймейстер прокричал звучно-радостно и с подъемом:

— Его светлость, лорд Ричард!

Я быстро шел по коридору к распахнутым дверям зала, где слышится шорох одежд встающих мне на встречу лордов. У самого входа замерли, как статуи, огромного роста стражи, я перешагнул линию и ощутил на миг, что ошеломлен обилием красок, золота и драгоценных камней, дорогой одежды.

В Сен-Мари одеваются не менее ярко, но там все цветисто и празднично, а здесь при постоянно серых днях и в суровых серых стенах дворца это великолепие бьет в глаза и заставляет радостнее стучать сердце.

Быстрыми шагами я прошел к трону Гиллеберда, прикоснулся к покрытому золотом подлокотнику, но не сел, а повернулся с отеческой улыбкой к собравшимся.

— Я не буду садиться, — сказал я, — из почтения к собравшимся, что олицетворяют все лучшее, что есть в Турнедо: ум, честь и совесть нашего королевства, а также мощь, богатство, великолепие, понимание проблем и нужд нашего славного отечества!.. Прошу всех сесть, вы люди заслуженные, а я еще молод, меня учили в детстве стоять перед старшими и уважаемыми людьми.

Переглядываясь, они начали опускаться, на лицах

глубокое удовлетворение, на меня смотрят покровительно, зато сэр Вайтхолд, Клемент Фицджеральд, Каспар Волсингейн, барон Саммерсет, виконт Рульф, доблестный сэр Геллермин и остальные великие герои Армландии — как один человек поморшились, в глазах недоумение, с чего бы это я прогибаюсь перед побежденными, это мы захватили их королевство, а не они нашу Армландию, как собирались...

— Король Гиллеберд, — продолжал я громко, — поступал очень мудро, и чем больше я узнаю о делах и свершениях этого великого человека, крупнейшего политика и необыкновенного государственного деятеля, тем больше склоняюсь перед его гением!

Лорды довольно закивали, начали перешептываться, поглядывая на меня с одобрением. Всегда приятно, когда чужак признает их превосходство, тем более победивший чужак.

— Он создал лучшую в мире армию, — сказал я с восторгом в голосе. — Подумать только, во всех остальных королевствах, какие я знаю и которые потому и уступают величию Турнедо, что там... ха-ха!.. сеньоры обязаны являться на зов короля со своим войском, которое укомплектовывают и содержат за свой счет! Свинство какое, не правда ли?.. Потому их армии и терпели всегда поражение, сталкиваясь с равными по численности войсками Турнедо!

В зале загаддели довольные голоса, что да, все на их плечи, а короли там только пьют да жрут, отращивая животы, не то что великий Гиллеберд, который даже в свои преклонные вроде бы годы брюхатил женщин и мог запрыгнуть на скачущего коня.

— Конечно же, — добавил я, — глупо и недостойно рушить то, что создал великий Гиллеберд, чтоозвеличило Турнедо и возвело королевство на вершину славы!.. Я, как и мудрый Гиллеберд, эту грязную работу

возьму на себя. Ну, не совсем на себя, у меня есть смышленые простолюдины, которым нравится работать, а не упражняться, как нам, благородным, с оружием. Вот они, простолюдины, и будут собирать рекрутов и комплектовать армию!

В зале снова одобрительно кивали, я даже слышал отдельные голоса, что да, все правильно, они же тоже в своих владениях тяжелую работу по управлению землями и крестьянством поручают самим смышленым из простолюдинов, те из шкуры вон лезут, только бы угодить им, хозяевам...

Я втихую перевел дыхание, пока все идет как по маслу, в таких делах главное — честный искренний голос, приздыхание в нужных местах и блеск в глазах на моем полном благородства и чистоты намерений лице.

— Благородные люди должны думать о том, — сказал я, — что они являются хребтом королевства, на котором оно держится!.. Мы должны быть образцами чести, благородства и хороших манер... перечислять долго, вы сами знаете, чем отличаемся от черни. Благородного человека должно быть издали видно!.. А теперь давайте займемся текущими делами и тактическими вопросами...

Я, наконец, сел в тронное кресло, опустил руки на подлокотники, поза державного мужа, и приготовился выслушивать жалобы, предложения, просьбы, советы, а также принимать прошения и разрешать возникающие споры.

После долгого приема, что длился пять часов без перерыва, я чувствовал себя выжатым, как мокрая тряпка в руках умелой поломойки, зато даже самые скованные в начале лорды переговариваются в зале и поглядывают на меня с явным одобрением, кивают друг другу, враждебности пока не вижу вовсе.

Как водится, в честь прибывших закатили пир. Я посидел, выслушал громогласные тосты, затем пожелал всем хорошего аппетита и как можно более вальяжной походкой, мол, в Багдаде все спокойно, вышел через царскую дверь во внутренние покои, а оттуда уже во двор.

Мои лорды, еще раньше получив сигнал, что я скоро покину пир, уже там стоят группами, окружив посланцев из Варт Генца. Некоторые прогуливаются парами, степенно обсуждают, что же там такое их лорд говорил и в чем его хитрость.

Барон Семмерсет, самый знатный из прибывших из Армландии лордов, но вовсе не дурак, взял меня за локоть и провел в задумчивости несколько шагов.

— Думаете, — проговорил он с сомнением, — проглотят сладкого червячка? Не дураки же в самом деле, отказываться от собственных армий!

— Ну дураков не так уж и много, — пояснил я свой мудрый ход. — Конечно, вы правы, на них все и держится, но... во-первых, большинство все же работать не любят, а содержать собственные войска, пусть даже дружины — накладно. Во-вторых, Гиллеберд уже и так у большинства отнял это право полунезависимости от короля. В-третьих, эти самые умные и проницательные видят, что я не уступлю Гиллеберду в крутости, а так как за мной все еще право победившей стороны, то вполне могу пройтись по королевству казнями и конфискациями...

Он подумал, кивнул:

— В этом случае да, пожалуй.

— Речь была убедительной?

— Вы умеете подбирать доводы, — сказал он одобрительно. — Хотя вот этот жест... ну, когда они сидели, а вы перед ними стояли... это ни в какие ворота!

Я небрежно отмахнулся:

— Сэр Саммерсет! Разве для того постоять не стоило?.. Я должен делать все, чтобы здесь у каждого снова не появилась своя армия. Если учитывать, что Турнедо все-таки не наша Армландия, а завоеванные нами земли, то таким захватчикам, кем являемся мы, вскоре пришлось бы весьма несладко, в том смысле, что снова завоевывали бы отдельно каждый клочок земли, каждое хозяйство!

Он вздохнул:

— Да-да, вы правы. Пока две армии Гиллеберда сейчас несут охрану в Тараконе...

— Уже отправлены в Гандерсгейм, — сообщил я.

— Тем более, так далеко! Здесь, конечно, не должны появляться ни у кого собственные вооруженные отряды. Вы правы.

Я раскланялся, поулыбался.

— Барон, вы настоящий стратег! Все видите насквозь!.. Жаль, с удовольствием общался бы с вами весь день, припадая к вашей глубинной, можно сказать без преувеличения, мудрости, но сэр Вайтхолд заготовил для меня кучу бумаг на просмотр и подписание...

— Идите, — сказал он отечески, — обязанности есть обязанности.

Я с самым деловым видом отправился во дворец, бумаги сэра Вайтхолда пока подождут, кивком подозвал сэра Дарси и сэра Герарда, они неотрывно следили за мной взглядами и подбежали тут же.

— Я всю ночь думал, — сообщил я, — и проникновенно размышлял о высоком и просветленном, входил в Астрал и получал оттуда... да, получал. Потом меня догоняли, чтоб я получил еще. И вот в тягостном размышлении о падении нравов и покупательного спроса я пришел к выводу, что если человек тонет и кричит о помощи, то, видимо, его надо бы вообще-то спасать, хотя это для нас и нехарактерно, но закономерно.

Они слушали меня напряженно и внимательно, хотя нить моих мудрых размышлений потеряли почти одновременно со мной. Однако в лицах все то же нетерпеливое ожидание ответа на философский вопрос: как обстроить Варт Генц?

— Отправляйтесь немедленно назад, — посоветовал я. — Мы изволим выехать через час, но я обгоню вас и прибуду в Варт Генц раньше.

Сэр Дарси вскрикнул счастливо:

— Ваша светлость! Спасибо!

Я сказал устало:

— Вы еще не знаете, с какими предложениями прибуду.

— Мы уверены, — заверил он клятвенно, — народ Варт Генца будет счастлив.

— Надеюсь, — пробормотал я, ибо для народа мои предполагаемые реформы будут в самом деле, да, а вот феодалам ох как не понравятся. — Но без вашей помощи, дорогие друзья, и вашего пламенного энтузиазма что я могу сделать?

— Мы в вашем распоряжении! — воскликнул сэр Дарси и повернулся к юному Герарду: — Вели седлать коней! Чем раньше выедем, тем быстрее узнаем, как и что задумал сэр Ричард...

— Я сам еще не знаю, — признался я скромно, — но с вашей помощью мы вытащим Варт Генц из полыни!

Сэр Дарси козырнул и поспешил вслед за Герардом. Я проводил взглядом уже не их, с ними все ясно, а барона Саммерсета, что вальяжной походкой вернулся в зал. Он и не предполагает, что мое продолжение политики Гиллеберда — только первые ягодки. Мне своя королевская армия нужна не только для того, чтобы не поднимали головы турнедские лорды.

Придет время, и армландские лорды тоже потеряют свои воинские формирования, а также право собирать

самим налоги, судить и карать собственным судом в своих землях. Но об этом не должна знать даже моя подушка, а если узнает — сожгу.

Виконт Рульф и виконт Каспар проверяют охрану, люблю полевых командиров, хоть война и закончилась, но все равно начеку, готовы отразить любое нападение.

Оба счастливо заулыбались, я вяло махнул рукой. Рульф сказал виноватым голосом:

— Ваша светлость, это дело Ортенберга, знаю, но проверить не мешает. Все-таки он из местных, и хотя я его уважаю...

Я покачал головой:

— Не извиняйтесь, сэр Рульф. Человек за все отвечает. Вот я, например, за что только не отвечаю, потому что это право и обязанность мужчин. У меня даже перед эльфами есть, вы не поверите, обязанности! Чрез часок, а то и раньше, планирую отправиться к ним в лес...

— Бог в помощь, — пожелал сэр Каспар с глубоким сочувствием.

— Да уж держитесь, сэр Ричард, — поддержал его Рульф сурово и мужественно.

Каспар подумал и добавил громыхающим голосом:

— Если нужна помощь, сэр Ричард...

Я сказал с благодарностью:

— Друзья мои, я растроган! Но это надо выполнять самому, никто не должен отвечать за меня или закрывать меня грудью... Есть вещи, которые мужчина должен сам, такова наша суровая жизнь.

— Да, — согласился сэр Каспар.

— Иногда не только за себя, — сказал я, — но и за того парня. Так что если надо, то... надо.

Я похлопал их по плечам и отправился в свои по-

кои. Изазель отпрыгнула от окна и в божественном ис-
пуге обернулась на стук открывшейся двери вся с рас-
пахнутым ртом и вытаращенными глазами на пол-ли-
ца, где второю половину закрывают длинные и густые
ресницы.

— Как ты меня напугал!

— Еще не то будет, — пообещал я.

— Ой, я уже боюсь...

— Ну, что там увидела?

— Все, — ответила она, — но ничего не поняла. За-
чем они это все?.. И почему все вот так, они что?.. Нич-
чего не понимаю, они все дурные, да?

— Еще какие, — заверил я. — Слушай сюда. Я еду
по срочному и безотлагательному делу в Варт Генц. По
дороге могу заскочить в Эльфийский Лес, раз уж мчим-
ся прямо мимо и сбоку, если смотреть сверху. Сумеешь
хорошо попросить и подластиться, хвостиком пома-
хать, лапками постучать — могу и тебя захватить вместо
второго седельного мешка. Это Боливар двоих не мог, а
Зайчик и троих, ему что. Не заметит в благородной рас-
сиянности высокорожденного арбогастра это вот мел-
кое и ушастое.

Она подпрыгнула, завизжала:

— Да, да, хочу!.. Подлащаюсь. Скажи как, я все
сделаю!

— Умница, — сказал я покровительственно, — все
правильно делаешь.

— Правда? Так я ж ничего не делаю!

— Выражаешь готовность, — пояснил я. — На этом
зиждется... зиждутся отношения сюзерена и вассала.
Сюзерену обычно ничего не нужно от вассала, но он
ценит готовность...

Она надула губки и посмотрела с укором, а когда
вот так глядят прекрасные эльфийские глаза, то это да,
сразу чувствуешь, что отнял у ребенка конфету.

— Но я хочу, — заявила она, — чтобы ты что-то хотел от меня!

— Молодец, — одобрил я. — Все верно крякаешь. Да и вообще... все мы хотим быть кому-то нужными, верно?

Она подумала, кивнула:

— Ну да. Я хотела бы стать ему нужной...

Я насторожился.

— Кому?

Она ответила с глубоким вздохом:

— А тому страшному чудовищу... что меня в дамы сердца...

Я уточнил несколько уязвленно:

— Сэру Клементу?.. Ну, ему это будет тоже весьма, да... Конечно, он нас удивил, кто бы на него такое мог подумать... ты его сразила наповал... Аленкий цветок, гм... Ладно, надевай плащ, не будем народ распутывать или припугивать, уж не знаю, что больше получится, но я человек осторожный, рисковать не люблю и не буду.

Она быстро сдернула плащ, закуталась, как в одеяло, капюшон опустился краем до подбородка, и снова стала серым таким неприметным столбиком, который не заметить, пока не споткнешься и не сшибешь.

— Не отставай, — велел я строго.

Из плаща пропищало испуганное:

— Ни за что!..

Мы прошли коридорами, затем через небольшой боковой зал. В углу на скамьях расположились придворные дамы, а на небольшом помосте на простом стуле сидит очень изящно одетый бард с лютней и, щипая струны, красиво и томно поет о вечной и страстной любви, тоске и верности, желаниях и страсти...

Мое существо в плаще и под капюшоном начало было прислушиваться, я с досадой замедлил шаг, мог

бы и сделать вид, что не заметил, но это мое королевство, мой огород, я остановился у самой двери, развернулся и пальцем поманил к себе барда.

Он, как и дамы, все это время не сводил с меня глаз, и едва я вытянул руку и сделал пальчиком, тут же вскочил, извинился перед дамами и побежал бегом, часто и суетливо кланяясь.

— Поёшь хорошо, — сказал я сухово.

Он поклонился и воскликнул счастливым голосом:

— Я безмерно польщен, ваша светлость!

— Но нужны некоторые корректизы в репертуаре, — сказал я. — Искусство должно быть плановым. Я хочу, чтоб к копью приравняли перо, с чугуном чтоб и выделкой стали... В общем, стихи и песни — великая сила. Нехорошо, когда красный слон пищит мышиным голосом, он должен реветь, а ты разве ревешь? Ты пишишь, говоря иносказательно и доступно, а это разбазаривание таланта и Господом данных возможностей, как глупо и бесцельно делал Онан, дурак такой, хотя понять его можно, но не нужно...

Он пролепетал ошалело:

— Ваша светлость, но... я же поэт! Оно не получается по приказу. Ведь прежде чем начать петься, долго ходит, разомлев от брожения, и тихо барахтается в тине сердца глупая вобла воображения...

Я отмахнулся:

— Знаю, слышал. Но это сказал суперпрофессионал, а у тебя слова какого-то там любителя!

— Но, господин, искусство не терпит насилия!

— Терпит, терпит, — заверил я. — Все профессионалы сочиняют через «не хочу». По велению души пишут одни аматоры и такую дикую хрень несут, ибо души у них понятно какие, а вобла так и вовсе с червяком... А ты профи или так себе, погулять вышел?

Он поклонился.

— Мои песни распеваю даже в дальних уголках королевства.

— Прекрасно, — одобрил я, — значит, все понимаешь...

Я говорил многозначительно, он потупился и шаркнул ножкой.

— Ну... опыт у меня кое-какой есть...

— Не буду спрашивать насчет опыта, — сказал я строго, — вы, люди искусства — зело развратный народ, всех бы вас на костер, только вот сами сочинять не умеем. Так что да, мы изволим руководить этой идеологической отраслью по зрелому размышлению.

— Да, господин?

— О бабах песни отставить, — велел я. — И так уже обо мне поговаривают, что слишком уж им много уделяю времени и пространства, это я-то, практически целебатник!.. Но раз говорят, надо реагировать, даже будь ты, в смысле я, монарх потомственный. Так что заявляй с бабами, давай больше про войну и подвиги. Нам нужно готовить молодую смену к защите отечества, которого еще нет, но которое будет, как сказал прозорливо один из великих бардов. И мы его должны защищать заранее и злаговременно еще на чужих территориях. Особенно если там есть полезные иско-паемые.

В его глазах появилось и разрастается угнетенное выражение, все-таки о бабах петь проще, да и отклик гарантирован, все мы о бабах, да, и умные тоже дураки в этих вопросах, ниже пояса мы все одинаково умные, а петь о воинских подвигах — это же для узкой целевой аудитории, массового охвата сейчас можно ждать только в Варт Генце с его интересной ситуацией.

— Ваша светлость, — пробормотал он, — моя популярность упадет...

— Вот так и упадет?

— Рухнет, — заверил он. — Вы не знаете коллег! Улыбаются, а тайком слухи распускают. А простые слушатели решат, что я стал сочинять хуже.

— Не хуже, — объяснил я, — а нужное. Нужное всегда делать труднее, чем ненужное. Ты вот поешь, как сладко ходить тайком к жене соседа и творить с нею всякие безобразия... ха, а то мы не знаем!.. а вот попробуй воспой, как хорошо учиться читать и писать!

Он сразу помрачнел и осунулся.

— Ваша светлость!

— Что, не нравится? — спросил я.

— Дык человек же свинья, — сказал он с сердцем, — даже про любовь им надо не про вздохи и трепет сердца, а чтоб сразу за сиськи!.. И чтоб их было много. А вы хотите за любовь к отечеству!..

— И к учебе, — сказал я строго. — Понимаешь, надо. Я бы, вон, тоже мог по бабам, у меня теперь возможности, но весь с головой в построении светлого будущего для всего человечества, хочет оно того или отбрыкивается от такого счастья!.. А что рейтинг снизится и будут меньше платить — разницу восполним да еще и сверху накинем. Служенье муз не терпит суety, мы все на службе у Будущего!

Он сказал с надеждой:

— Ну, если восполнят все потери... и косвенные...

— Восполним, — пообещал я. — Только учти, поддержка со стороны государства и дотации не должны снижать уровень творчества! А то о бабах со всей душой.... ну, или не душой, но с чувством, а об отечестве лишь бы отмазаться и бежать за пряником, чтобы пропить побыстрее... Пьешь сильно?

Он посмотрел честными глазами.

— А как же, ваша светлость? Если не пить, то вроде и человек не творческий. Не хочется, а надо. Как, вон, мечи у придворных. Не знают, как за рукоять браться, а носят! Пить и распутничать — это то же самое.

Я махнул рукой:

— Да знаю, знаю. Ладно, мелочи утрясем. Пой дальше, а ты, существо, за мной! И не топай так.

Зайчик просто не поверил своим глазам, когда я протянул руку и вздернул к себе трепещущую от ужаса эльфийскую разведчицу. Я хотел посадить ее сзади, потом подумал, что сдует ветром, такую легонькую, как бы ни цеплялась тонкими лапками, и посадил впереди, где вся уместилась в пространстве между моими руками.

Бобик подпрыгивал и хватал ее, играя, за ноги, она визжала и подтягивала их повыше, так что вскоре чуть ли не сидела у меня на голове.

— Слезай, — велел я.

Она мотала головой, я стащил ее на холку и держал крепко, Зайчик пошел быстрым галопом, Бобик принял вызов и помчался вперед, часто оглядываясь, черная такая туша с длинным ярко-красным, как огонь, языком.

Изаэль мелко дрожала, как пойманная в ладони птичка, потом начала косить испуганно-удивленным глазом по сторонам, а когда мы вынеслись за ворота города и Зайчик начал наращивать скорость, пугливо чиркнула:

— Оно что... и летать может?

— Оно нет, — ответил я. — Это Бобик умеет.

Она зябко вздрогнула и попыталась зарыться в меня, как в норку, но грудь моя плотная, как древесина дуба, руки толстые и крепкие, и она, надрожавшись, начала медленно успокаиваться, по сторонам смотрела хоть и со страхом, но и с растущим любопытством.

— А чего ты такой горячий? — спросила она.

— Я человек, — пояснил я, — не то что ты, лягушка.

Она обиделась:

— Я не лягушка!

— Но ты же лягалась?

— Все равно я тепленькая. Ты же сам говорил!

— Мало ли что я говорил, — ответил я нагло. —

Иногда можно говорить все, что угодно, греха в этом нет, потому что не сам говоришь, а кто-то из славных и великих кистеперых рыб, наших дедов-прадедов, варежку разевает... Тебе вот сюда не дует?

Она в ответ двинула локтем в ребра. Я сказал с огорчением:

— Вот так и проявляй заботу, а оно еще и укусит...

— Я тебе не оно!

Зайчик проносится в стороне от дорог, мимо мелькают леса, зеленые холмы, потрескавшиеся от времени скалы, один лишь раз промелькнуло вспаханное поле, но всего однажды, мир все еще не заселен...

Изэль совсем расхрабрилась, вертится так, что едва не выпадает из гнезда. Я постоянно придерживаю, чтобы не унесло порывом ветра, а она, похоже, усматривает какие-то поползновения на ее свободу и женско-эльфячью независимость, бурчит и отпихивается.

Когда Эльфийский Лес появился на горизонте и начал стремительно приближаться, я велел Зайчику сбросить скорость, а ей сказал деликатно:

— Не хочешь перебраться ко мне за спину?

Она изумилась:

— Это зачем?

— Сейчас въедем в Лес, — пояснил я. — Я же славный и благородный рыцарь... не лягайся, меня таким считают вполне искренне, не пойду же против мнения народа!.. и потому не хочу, чтобы твоя безупречная и незапятнанная, незатоптанная репутация пострадала. Здесь ты как бы в моих объятиях...

Она фыркнула:

— Ничего подобного!

— Конечно, — согласился я. — Но эльфы такие благородные с виду и такие странноватые на самом деле...

— Это люди странноватые!

— Вот-вот, о нас чего только не говорят, и как бы не подумали всякое такое и разное. А когда ты сзади, то вроде бы вне подозрений насчет чего-то там и тут.

Она подумала, я видел, как пытается чисто по-человечьи морщить лобик, но у эльфов это невозможно, наконец сказала с великим подозрением:

— А почему это сзади? Это чтоб обидеть?

— Так ты обидистая? — спросил я.

— Нет, — заверила она, — я вообще-то золото и сокровище. А ты — гад и обижатель.

— Так пересядешь? — спросил я.

— Зачем?

— Будешь выглядеть значительнее, — объяснил я. — И хозяйкой положения.

— Правда? — обрадовалась она. — Ой, я люблю быть хозяйкой!

Зайчик остановился, я пересадил ее себе за спину, и тут же Лес ринулся нам навстречу бодрыми прыжками и с веселым гавком.

Глава 6

Эльфы плохо видят вдали, в степях никогда не жили, потому монгольский тип лица не для них, зато в лесу нас заметили моментально, может быть, вообще чуяли по запаху, носы у эльфов почти так же хороши, как и уши.

Шуму особого мы не услышали, издали же видно, что в седле огромного коня, о котором они знают боль-

ше меня, сидит их конт Астральмэль, явно едет к недавно родившей жене, а с ним их разведчица Изазель.

Только когда уже синее небо сменилось над головами зеленым пологом леса, из-за деревьев крикнули:

— Конт Астральмэль, поздравляем!

— Спасибо, — крикнул я, — приглашаю на выпивку!

В ответ только шелестнули ветви, я спросил тихонько:

— Изазель, а эльфы что, не пьют?

Она изумилась:

— Как это не пьют? И родниковую воду и озерную, очень любят и собирают росу после жаркой ночи...

— Понятно, — ответил я. — То-то вы такие долгожители, просто жуть берет. А уж умные, что просто даже и не знаю, чем такое мерить, то ли дюймами, то ли кувалдой.

Деревья не просто исполинские, это на опушке такие, а дальше вообще немыслимые колонны, на которые всем весом опирается лазорево-яркий хрустальный небосвод, а между ними совсем несерые дубы, березки, магнолии, фруктовые деревья, цветущие кустарники.

Горячее солнце иногда прорывается над полянками, и мы чувствуем его жар на плечах и затылках, в низинах изумрудный туман, таинственный и зовущий, от него пахнет свежеподнятой на поверхность землей из норок...

Вдали за деревьями иногда вижу группы ярко, празднично одетых эльфов, там как будто кипит торговля, но когда начинал всматриваться и даже пробовал чуточку свернуть в ту сторону, там моментально все исчезает, и мы продолжали путь через пустынный лес с весьма вытоптанной землей.

Зайчик помнит дорогу, гигантская поляна-площадь

с золотым дворцом королевы Синтифаэль, рожденной из Солнца и Света, осталась далеко в стороне, а мы двигались по утоптанной и чистой тропе, что вывела на поляну с тремя большими хижинами-пещерами.

Из-за спины донесся вкрадчивый голосок:

— Узнаешь свой дом?

— Я вообще-то местами космополит, — ответил я дипломатически, — но как эльф я — исконный и по-сконный патриот, чтобы не сказать крепче и более граждански ёмко. А это значит, дым эльфийского отечества мне сладок и приятен, вот так, свиненок, съела?

— Нет, — пискнуло сзади озадаченное, — я не знаю, как такое есть...

— Никто не знает, — возразил я, — но едят же! И даже хвалят. Да что ты понимаешь, существо! Когда я сам такое не понимаю...

— Так почему...

— А потому что!

Крайняя левая хижина, где живет Гелионтэль, с прошлого раза выросла почти вдвое, округлая крыша стала пурпурной, листья горят победным огнем, а среди них проглядывают, тяжело свисая на тонких черенках, крупные сочные плоды размером от яблока до крупного арбуза. Как я понимаю, поспевая и наливаясь соком, под действием гравитации опускаются все ниже, проламываясь сквозь потолок из листьев, и повиснут уже там в комнате над столом...

Изэль шепнула тихонько:

— Дом радуется и готов кормить теперь двоих. А у вас разве не так?

— Как тебе сказать, — ответил я, — не совсем да, не совсем. А у вас дом пинка из квартиры дать может?

— Н-нет...

— Дикари-с, — сказал я с чувством. — Нет разносторонности, богатства, разнообразия оттенков и реак-

ций, чувства гармоничности и политической ситуации. У нас все это есть, хотя с такими перекосами, что лучше бы не было. Я вижу, у вас дом на всякие там настроения как-то реагирует?

Она в изумлении поскребла мне спину коготками.

— Ну да, ты раньше не знал?.. Мы с Лесом когда-то вообще были одним целым. И сейчас еще можем в случае большой опасности спрятаться в дерево...

— В дуб?

— Почему в дуб?

Я сдвинул плечами.

— Да так, почему-то показалось. Что-то у эльфов есть эдакое фамильное от хорошей дубовой рощи...

— Нет-нет, — сказала она. — В любое дерево. Во-внутрь. Правда, неприятное очень ощущение, да и потом, когда выдираешься наружу...

Я спросил с сочувствием:

— Пробовала?

— Один раз, — ответила она и зябко повела плечами. — Больше не хочу. Потом неделю себя чувствовала деревом.

— Каким?

Она сердито фыркнула:

— Просто деревом! Надеюсь, в этот раз прятаться не придется, ты хоть и зверюка, но вроде бы я тебя приручила...

— Еще как, — заверил я. — Даже одомашнила, можно сказать.

Она довольно хихикнула, я спрыгнул на землю, протянул к ней руки, но она показала язык и соскочила на другую сторону. Наблюдающие за нами издали эльфы довольно засмеялись.

Изазель, даже не оглянувшись на меня, побежала к ним, а я вздохнул и повернулся к зеленому входу. Из-

нутри доносятся голоса, веселые и щебечущие, потом вроде бы заплакал ребенок, но тут же умолк.

Я пошел тяжелыми шагами, чувствуя себя статуей командора, откинул зеленый полог. Комната выглядит намного просторнее, чем в прошлый раз, свод тоже поднялся.

На меня в божественно прекрасном испуге оглянулись молоденькие эльфийки, сразу трое, все с изумительно серыми глазами, как у Гелионтэль, бледнощечкие и с маленькими алыми ртами.

Как мне показалось, все секундой раньше повизгивали и пытались пощупать, потрогать или хотя бы прикоснуться к запеленутому в широкие зеленые листья младенцу.

Я увидел разинутый рот, когда оно зевало во всю пасть, а когда закрыло ее наконец, на меня уставились маленькие глазки с немым вопросом: а ты кто?

— Здравствуйте, — сказал я вежливо, — я конт Астральмэль. Можно мне войти?

Эльфийки испуганно шарахнулись в стороны и прижались к стенам хижины, но мелко захихикали, а одна, явно самая смелая, сказала тонким серебряным голоском, словно со мной заговорил молоденький зайчик:

— Вы уже вошли, конт Астральмэль. Не хотите взглянуть на своего ребенка?

— Для того и мчался, — ответил я твердо.

Они все продолжали тоненько и пугливо хихикать, не знаю, что во мне или в ситуации смешного, это же так естественно — постараться вот так за друга.

Я сделал еще шаг к Гелионтэль, она лежит на спине, прикрытая одеялом из душистых листьев, я ее сразу и не заметил, а этот ворочающийся сверток расположился у нее на животе.

— Астральмэль, — проговорила она со смущенно-радостной улыбкой. — Ты все-таки пришел...

— Как я мог не прийти? — спросил я. — Немедленно, сразу все бросил и примчался. Как птичка, что несется над гладью волн в родное гнездышко. Это я — птичка!

Она слабо повела по сторонам тонкой бледной рукой.

— Не пугайся, что нас так много, мне помогают мои сестры... У них наконец-то появилась племянница.

— Здравствуйте, леди, — сказал я учтиво. — Я безумно счастлив, что у меня такая прекрасная родня! Как ты себя чувствуешь? — я присел рядом с Гелионтэль.

— Уже лучше, — сообщила она. — Смотри, какая крупная!.. И ест так, что скоро от меня одна пустая шкурка...

— Здоровая девочка, — согласился я. — А какие у нее ушки?

— Мои, — сообщила она с гордостью и тут же добавила: — А вот глазки, как буравчики, так и смотрят, так и смотрят...

— Хорошие глазки, — возразил я. — Но главное, ты поскорее поднимайся, не залеживайся. Я знаю, для эльфов родить — подвиг, но тебе предстоит еще не один такой подвиг!

Она мягко улыбалась и смотрела на меня с великой благодарностью. У эльфов, как уже знаю от Изазель, рождается больше мальчиков, втрое больше, но почти половина умирают в детстве, а из остальных многие погибают в лесу, кто на охоте, а кто и от укуса простого комара или уколовшись о колючку. Эльфы, как я понял, пошли еще дальше в специализации полов, чем люди. У нас тоже мальчиков рождается больше, но умирают не так быстро, только к пятнадцати годам количество

мальчиков и девочек сравнивается, а к семнадцати на «девять девчонок — десять ребят», а дальше разрыв тоже увеличивается не так стремительно, как у эльфов.

У них различие в полах вообще жесть: природа наделила женщин мощной иммунной системой, эльфийка выживет даже после укуса ста змей, а эльф умрет сразу от первого же. Потому, хотя главенство в роду и гордое имя передается по мужской линии, матери все-таки больше радуются рождению девочки.

Дети растут очень медленно, сто лет проходит, пока ребенок доползет до подростка, а потом, как мне кажется, так и остаются вечными тинейджерами: проходят тысячелетия, в памяти почти ничего не остается, они все такие же беспечные, веселые и легкие, без надлежащей серьезности.

Сестры, тихо чирикая и прижимаясь к стенам, по одной выскользнули, как рыбки.

Зеленый полог за ними опустился, я сел посвободнее, я же дома, указал кивком на младенца:

— Не разбалуешь?..

— Ну что ты...

— А чего с рук не спускаешь?

— Так она же маленькая...

Я спросил строго:

— Где колыбелька?

Гелионтэль сказала виновато:

— Она не хочет туда...

— Еще бы, — сказал я саркастически, — конечно!

И будет настаивать на своем. Но ты должна перенестоять.

— Почему?

— Иначе, — пояснил я, чувствуя себя великим педагогом, — вырастет капризной дурой, а это урон моей почти незапятнанной репутации. Попробуй докажи,

что гены ни при чем? У вас же во всем люди виноваты, как у нас... гм, ладно, давай я сам ее переложу.

Она сказала испуганно:

— Нет-нет, ты обязательно уронишь! Она такая вертлявая... Я сама. Сейчас-сейчас...

Я строго, как Бенджамин Спок, наблюдал за процессом перекладывания, потом по методу Макаренко удерживал Гелионтэль на ложе, когда крохотный террорист боялся и выдвигал непомерные требования. Наконец оно убедилось, что правительство на уступки не идет, затихло и начало исследовать место, куда его поместили.

— Вот видишь, — сказал я хвастливо. — Я прям как не знаю хто, все знаю и умею, прям удивляюсь такому чуду без перьев, красивому и умному, ну прям Изээль... тьфу, навязло в зубах. Есть хочешь?

— Нет, — прошептала она, — мне так хорошо...

— А мне еще лучше, — сказал я нежно и прижал ее к груди. — Ну, за Астральмэля?

Бобик несколько раз врывался в жилище, весь захваченный и с высунутым языком набок, быстро провевял, не исчез ли я, и снова стремительно исчезал на встречу требовательным вопликом детворы.

— Видишь, — сказал я неодобрительно, — как влияние улицы перебивает благотворную, хоть и более нудную, как им всем кажется, заботу родителей. А уж о воспитании и говорить нечая!

Она пробормотала счастливо:

— Но у нас все так...

— Среда формирует сознание?

— Да...

Я сказал озадаченно:

— Вот уж не думал, что и у эльфов дворовое воспи-

тание... Хорошо, хоть подворотен у вас нет. Хотя свято место пусто не бывает, у нас вся страна из оттуда, а если послушать правительство, так и ваще... Это что, уже рассвет? Что за дурная страна!

— Да, мой дорогой конт.

Я пробормотал:

— Да, я еще тот конт. Всем контам конт, такое за-контачил...

Она всмотрелась в мое лицо.

— Ты чем-то озабочен?

Я пробормотал:

— Да у нас, людёв, вечные заморочки. Это у вас не-замутненное счастье... Из Варт Генца, это такое очень дальнее королевство, слишком уж отчаянные призы-вы... от Меганвэйла, сэра Клифона и даже Фридриха Геббеля, которых я весьма уважаю тоже... курьеры, курьеры, десять тысяч курьеров!

— И тебе надо мчаться на этот призыв?

Я пробормотал:

— У нас, героев, вся жизнь такая. Так что встаю, надеваю штаны и... в путь труба зовет!

Она смотрела большими серыми глазами, как я проделываю все это, свойственное герою, а когда еще и сумел сапоги натянуть самостоятельно, сказала тепло:

— Пусть весь мир будет к тебе добр, как стал теперь Лес...

— Ага, — откликнулся я саркастически, — он ста-нет! Только и смотрит, как бы лягнуть или укусить.

— Лес?

— Весь мир, а лес тоже хорош. Коряги под ногами, деревья зачем-то растут...

Я крепко поцеловал ее и вышел в сверкающий на солнце яркий мир, где нет темных или мрачных кра-сок, а все искристое, легкое, радостное, ликующее, будто посыпано пудрой с крыльев молодых бабочек.

Перед Зайчиком колышется, словно лоза на ветру, тонкая фигурка Изэль, та хитрюга что-то сует моему арбогастру в пасть, а этот предатель жрет из рук эльфийки с таким аппетитом, словно это я сам даю подковы и гвозди.

Бобик извертеся возле них, то вклинивается между и распихивает, то смотрит в ее лицо с таким видом, словно тоже ждет чего-то вкусного. Более того, по морде вижу, что уже пожрал, но упорно намекает на добавку.

Я окликнул сердито:

— А ну брысь, шмакодявлка!.. Чего мне зверей травишь?

Она обернулась, на меня в высокомерном удивлении взглянули ее огромные прекрасные глаза с длинными ресницами, что сразу бросили густую тень на бледные щеки, но лишь оттенили удивительную синеву гляделок.

— Напротив, — возразил она, — они у тебя умирали с голоду! Я их немножко подкормила.

— Это они тебе такое сказали? — спросил я с сарказмом. — Этот вон жрун уже пузо не может оторвать от земли, а всегда добавки просит! А благородный конь, глядя на него, тоже превращается в... гм... простолюдина.

Зайчик посмотрел на меня с немым укором в ясных коричневых глазах, фыркнул и отвернулся.

Изэль отряхнула ладони и растянула спелый рот в чудной очаровательнейшей улыбке.

— Что, — прочирикало оно, — поедем дальше?

Я посмотрел на создание Леса, как дитя на скелет.

— Я-то поеду, а ты иди к маме, пусть она тебе носик вытерет.

— Да мне и ты можешь вытереть, — разрешила она великодушно. — Вытирал же?

— Ты все равно царапалась, — напомнил я.

— Теперь не буду, — пообещала она. — Я такая послушная, я такая лапочка, такая тихая и забитая мышка... А еще я разведчица, помнишь?.. Мне желательно бывать всюду. Если выпала удача побывать среди ужасных людей и не быть убитой, то... надо пользоваться.

— Что-то больно расхрабрилась, — проговорил я настороженно. — Или ваша королева начала с умаходить. То полная изоляция, то посыпает ребенка с таким чудовищем...

Она опустила ресницы и почти прошептала смиренно, как тихий зайчик:

— Вообще-то Ее Величество Синтифаэль, рожденная из Солнца и Света... не знает о моем странном желании... Еще не знает.

Я охнул:

— А она знала, что ты пробралась ко мне во дворец в Савуази?

Она еще ниже опустила голову:

— Пока нет.

— Так зачем же...

Она сказала тихо:

— Хотела тебя обрадовать. И посмотреть, как ты... ну, что ты...

Я сказал с жаром:

— Ну ты совсем сумасшедшая!

— Знаю, — прошептала она. — Я одна такая, никто так не делает. Но ты же сказал, что эльфов больше убивать не будут, вот я и рискнула, хотя, конечно, пряталась и куталась в плащ с капюшоном. Зато какое приключение! И все получилось!

Я пробормотал:

— Даже больше, даже больше...

— Ну так берешь меня?

Она задрала голову и смотрела мне в лицо очень

серьезно, но я видел, что это та прежняя хитрая и отважная лисичка, что ходила в моем кабинете на ушах и хвасталась, какая она храбрая, отважная, лихая, смелая, хитрая, замечательная и вообще золотце.

— Королева точно не знает?

Она опустила голову и пнула ногой землю, как же-ребенок копытцем.

— Нет...

— Сумасшедшая, — повторил я с сердцем. — Ну, раз не знает... возьму. Я тоже сумасшедший.

Глава 7

Она завизжала и кинулась мне на шею, повисла, как мартышка на дереве, целовала меня в глаза, лоб, щеки, а когда я вертел головой, пытаясь увернуться, чмокала в уши и тут же вроде бы плевала туда, заявляя, что там растут фи какие отвратительные волосы, я вообще-то даже не человек, а животное...

Наконец я с трудом содрал ее с себя, как цепкий ре-пей, и, удерживая в руках, заявил:

— Вот что, храбрая и отважная. В походе я — король и все на свете! Малейшее неподчинение — удавлю.

Она закивала с таким энтузиазмом, что уши превра-тились в розовый полукруг наподобие веера.

— Как скажешь, мой король!

— Так и скажу, — заявил я сварливо. — Чувствую, дурость делаю, но... ладно, так и быть, покатаю. Доб-рый я что-то с утра.

На самом деле, конечно, никакого покатаю, поли-ти-к должен думать о выгоде для себя и отечества. Эль-фийка в качестве оруженосца или скорее пажа может перевесить пользу огромного отряда из самых знатных лордов королевства, хотя, разумеется, ей такое не ска-жу, а то вообще сядет на голову.

Вскочив на Зайчика, ей подал руку и вздернул на круп. Она завозилась, явно желая перебраться вперед, я прощедил сквозь зубы «потом» и поспешно направил арбогастра в сторону выхода из Леса.

Едва деревья остались далеко позади, я сунул руку за спину и перетащил ее, как котенка, на полном скаку, барахтающуюся и визжащую, усадил впереди, и ее визг как ножом отрезало.

Она сразу же завозилась и начала устраиваться по-удобнее, вытягивать голову, как птенчик из гнезда, чтобы смотреть поверх моих рук.

— Ой, как здорово, — прочирикала она, — какой мир, оказывается, огромный!.. Счастливый ты...

— Правда? — изумился я. — То-то ношусь, как на-скипидаренный заяц, проблемы решают...

— Проблемы? Какие проблемы?

— Какие сам и создаю, — вздохнул я. — Вот это жизнь, да?

Она чирикнула с неуверенностью:

— Ну, наверное... если ты так говоришь...

Я восхитился:

— Золотые слова! Ты настоящая женщина. Вот так и надо вякать. Даже если думаешь, что я дурак и все делаю не так.

Она сказала хвастливо:

— Так я же умненькая, я хитренькая, я замечательная!..

— Не вертись, моя хитренькая, — сказал я строго, — а то голова открутится, останется где-то на дороге, и мы потеряем такие замечательные синие глазки!

— И волосы, — напомнила она. — Как тебе моя прическа?

— Очаровательная, — ответил я. — Но ты вся еще лучше.

В лесу всегда безветренно, а здесь утренняя све-

жесть пробирается под одежду, Изэль кутается и жмется ко мне, как птенчик к маме. К счастью, день солнечный, голову и плечи уже пригревает.

Промелькнули выступающие из зеленых кустов древние развалины циклопических построек, дальше пошли цветущие сады, вдали из синеватого тумана иногда проступают вершины гор, словно бы висящие в воздухе, затем исчезают.

Справа потянулась бесконечная зеленая равнина, а слева — то высокие остроконечные скалы, то трещины в земле, откуда иногда с шумом и шипением выплескивается фонтанами горячая вода.

В какой-то момент бешеной скачки Изэль вздрогнула, сделала попытку отодвинуться, проговорила глухо:

— Как там... Гелионтэль?

— Не знаю, — ответил я.

Она пробормотала:

— Не знаешь?

— Да, — отрезал я.

— Почему?

— Там был конт Астральмэль, — объяснил я с непонятным раздражением, — выполнял какой-то свой долг, не помню. А ты едешь с Ричардом, человеком!

Несмотря на мой строгий голос, она расслабилась, начала устраиваться поудобнее, зачирикала нечто счастливое.

На севере Турнедо мои территории сменились землями, что отошли по договору к Варт Генцу, я увидел вооруженные отряды и знамена Варт Генца, но слева пошла высокая крепостная стена, загораживает единственный вход в долину, с которой начинаются владения Зигмунда Лихтенштейна, а также его семейства.

Тогда, при защите только что захваченного Савуази, я видел его отряд, целиком составленный из братьев

и сыновей, дядей и прочей родни, и еще в тот раз ужаснулся, что это слоны в стальной броне, а не люди...

Стена высокая и явно очень толстая, сужу еще и по некоторому наклону, в основании намного шире. Это чтобы можно не сбрасывать, а на большой скорости скатывать тяжелые бревна, вон, закреплены целыми связками у самой вершины...

Там же и корзины с камнями, эти тоже покатятся, подпрыгивая и сбивая с ног, калеча, опрокидывая...

Вблизи осаждающих войск нет, лагерь расположен достаточно далеко, да еще и огорожен глубоким рвом и защищен высоким частоколом из толстых деревьев с заостренными кверху концами.

Выходит, первые попытки сломить сопротивление Зигмунда оказались настолько плачевными, что вартенцы больше даже не пытаются взять штурмом.

Теперь либо ждут указаний из столицы, либо под хода тяжелых стенобитных орудий... но, на мой взгляд, у тех тоже нет шансов.

Изаэль что-то возбужденно чирикает в кольце моих рук, я велел не пищать, некогда, послал Зайчика вдоль стены.

В одинокого всадника никто не стреляет, да и сложно попасть в скачущего на такой скорости, так мы пронеслись до самых крепостных ворот, сколоченных из цельных дубов.

Я резко натянул повод и помахал рукой.

— Гость к барону Зигмунду!

Стражи сверху всмотрелись, кто-то звучно ойкнул, но не стали спрашивать, кто я и зачем, смышленые здесь люди.

Сбоку в башенке отворилась дверь, я придавил голову Изэль пониже, сам пригнулся, и мы протиснулись между двумя тесными каменными стенами.

Если бы нас хотели убить, то лучше места не приду-

мать, это классическая ловушка, но через минуту далеко впереди каменного лабиринта распахнулась еще одна дверь, и мы оказались по ту сторону стены. Стено-битные тараны и катапульты приедут зря, мелькнула мысль, такие толстенные стены ничем не продолбить и за сто лет.

Изазель затихла, как мышь возле выхода из норки. К нам подошли было вооруженные люди, все рослые и с решительными лицами, но тут же разбежались в стороны, присели и закрылись щитами.

— Бобик, — сказал я строго, — ко мне! Далеко не отходит.

Воины медленно поднимались, с ужасом глядя на это черное чудовище ростом с пони, только потяжелее и помощнее, с огромной красной пастью, где зловеще блещут острые клыки.

Я оставался в седле, Бобик послушно замер, вперед выступил рослый мужчина с суровым лицом полевого командира, что вместе с отрядом спит у костра и питается только дичью.

— Ваша светлость, — произнес он с крайней почтительностью, — я Уильям Джейферсон, капитан конной гвардии. С вашего позволения провожу вас к барону Зигмунду.

Я кивнул:

— Ведите, капитан!

Мы тронулись следом, он помахивал рукой и покрикивал, чтобы посторонились перед его светлостью Ричардом Завоевателем. Притихшая Изазель пихнула меня локтем и прошипела что-то насчет этого имени, не одобряя или ехидничая, но я не расслышал, жадно рассматривал все, что по эту сторону стены.

Людей с оружием масса, в самом деле готовы даже к прорыву противника в крепость, молодцы, боевой дух очень высок, ничего не страшится, кроме Бобика.

Впереди показался большой шатер, мы видели, как в него с разбегу влетел воин в легких латах. Через минуту Зигмунд вышел в полных доспехах из блещущей стали, только голова непокрыта, огромный и нахмуренный.

Я молча ждал, он увидел меня, приблизился и поспешно преклонил колено, глядя мне в лицо твердо и честно.

— Ваша светлость!

Я сказал торопливо:

— Встаньте, сэр Зигмунд. Вы не мой подданный.

Бобик порывался подойти к нему и обнюхать, чего он тут расстоялся, я цыкнул, а Зигмунд ответил, не поднимаясь:

— Но я хочу быть вашим подданным, ваша светлость!

Воины вокруг заговорили, судя по тону — одобрительно, кто-то даже выкрикнул мне хвалу.

Я сказал с неловкостью:

— Встаньте, барон.

Он поднялся, взглянул на Бобика, по сторонам, снова на меня.

— Не изволит ли ваша светлость посетить мой шатер?

— Изволю, — ответил я.

Он с некоторым удивлением смотрел, как я соскочил на землю и снял закутанного в плащ не то ребенка, не то миниатюрную девушку.

— Это мой паж, — объяснил я и снял с головы Изазэль капюшон.

Ахнул не только Зигмунд, но и все собравшиеся по глазеть на того самого Ричарда Завоевателя. Золотые волосы Изазэль упали красиво и свободно ей до пояса, громадные глаза выглядят изумленно-испуганными, но все сперва уставились на ее удивительно изящные ро-

зовые ушки с удлиненными и заостренными кончиками.

— Да-да, — ответил я на немой вопрос осталбеневшего Зигмунда. — Оно и есть это самое, что вы подумали.

— Боже правый, — прошептал он.

Я поинтересовался:

— Так это ваш шатер?

Опомнившись, он поспешил вперед и торопливо распахнул передо мной полог, отпихнув слугу.

Первым туда влетел бдительный Бобик, моментально проверил все внутри и, высунув голову, доложил, что все чисто.

Я пропустил вперед Изазель, это вот хоть и паж, но все-таки самочка, пихнул ее в спину, чтобы шибче шевелила своей красиво вылепленной вздернутой кормой, и вошел следом.

— Стой здесь, — велел я, — сопи в две дырочки и ничего не трогай.

Зигмунд вдвинулся в шатер следом, на эльфийку косился настолько ошеломлено, что наткнулся на меня, виновато охнулся.

— Простите, ваша светлость!

— Ничего, — ответил я, — это бывает.

Он проговорил, запинаясь:

— У вас эльф... паж?

Я кивнул и ответил самым небрежным голосом:

— Да, конечно. Все в пажи стараются что-то непривычное, кто карликов или других уродцев, кто шутов, а я вот эльфа. Эльфийку, точнее, а то знаю я вас... После того как завоевал могущественную империю эльфов с их небесными городами, величественными замками, подземными королевствами и прочими чудесами, почему бы не?

Он проговорил, едва двигая нижней челюстью, что норовила отвалиться:

— Да, конечно... Империя эльфов?.. Ваша светлость, присядьте вот здесь...

— А вы, барон?

— Я постою...

Бобик тяжело вздохнул и грохнулся посреди шатра, а я высунулся наружу и крикнул:

— Еще два стула, быстро!

Когда все четверо разместились, мы с бароном у стола, Изазель скромно в сторонке, а Бобик в самом центре, как все они обожают, я спросил негромко:

— Как я понял, вы так и не уступаете требованиям Варт Генца о вхождении в их королевство?

Он сразу помрачнел, нахмурился, отрезал жестко:

— Ни в коей мере!..

— Почему?

— Они предательски напали на наши земли, а теперь хотят отхватить часть королевства?

Я сказал мягко:

— Но королевства Турнедо уже нет. Его земли разделены между коалицией из четырех государей: Барбароссы, Найтингейла, Фальстронга и мной...

Он ответил хмуро:

— У меня нет претензий только к вам, сэр Ричард! На вашу Армландию напали, вы защищались. Это ваше святое право. К тому же ваш вклад в победу мы все видим... Один захват Савуази чего стоит! А еще все только и говорят, что вы оставляете наследие короля Гиллеберда в неприкосновенности, ничего не меняете...

Я пробормотал:

— Ну да, я же человек чести.

— Потому, — сказал он пылко, — мы готовы признать победителем только вас, а наши земли отдать под вашу твердую честную руку.

— Под мою твердую честную, — повторил я туповато, — ах да, под мою... Увы, барон, однако договор о разделе подписан государями и скреплен их печатями. Я не могу идти против воли королей Фоссано, Шателлена и Варт Генца.

Он сказал так же жестко:

— Тогда мы будем сражаться до победного конца. Как вы видите, это не городская стена и не просто крепость. Она запирает вход в наши земли, где дальше расположены города, села, пашни, сады... У нас есть все для жизни!

Я пробормотал:

— Кроме оружия.

— Оружие у нас есть, — отрезал он.

— Не свое, — напомнил я. — В ваших землях нет ни одного места, где можно бы добывать железо.

Он сказал упрямо:

— Но оружие у нас есть!

Я вздохнул и сказал вкрадчиво:

— А если вдруг Варвик Эрлихсгаузен, князь Стоунбернский, властелин Реверенда и Амберкнта... будет недостаточно осторожен?

Он вздрогнул, посмотрел на меня, моментально побледнев.

— Варвик... какой Варвик?

— Который снабжает вас оружием и доспехами, — ответил я. — Из Варт Генца. По ночам, тайком, со стороны Варт Генца, откуда никто не ожидает...

Он прошептал побелевшими губами:

— Откуда... откуда вы такое знаете?

Я ответил скромно:

— Ричард Завоеватель должен знать даже больше, чем вы предполагаете. Хорошо, сэр Зигмунд, это, разумеется, останется нашей тайной. Я сейчас еду в Варт Генц по весьма настойчивой просьбе местных лордов...

Он сказал с угрюмой живостью:

— Могу догадываться...

— Что у них? — спросил я.

Он посмотрел на меня и хмуро усмехнулся:

— А то вы не знаете? Или проверяете, что знаю я?

Но уже все знают, что там разгорелась гражданская война за трон. Короля не удалось выбрать с большим преимуществом кого-то, вот и пошла грызня.

Я пробормотал:

— А зачем им я?

Он хмыкнул.

— И это вы прекрасно понимаете, ваша светлость!

Корону предложат вам.

Я покачал головой:

— Они уже предлагали в прошлый раз. Я отказался.

Он вытаращил глаза:

— Почему?.. Хотя да, вы правы. Тогда многое голосов было бы против, но сейчас вы явитесь спасителем.

Изазель судорожно вздохнула, мы оглянулись на нее, она подалась вся вперед и глядит на меня огромными вытаращенными глазами, что и так смотрятся просто колдовски.

Я ответил медленно:

— И все-таки я откажусь снова.

Глава 8

Зигмунд откинулся на спинку кресла и долго смотрел на меня пристально, во взгляде могущественного правителя автономной области я видел мучительную работу мозга. Если человек отказывается от короны, то либо у него есть что-то более важное, что не хочет терять, либо желает выторговать нечто еще большее, чем просто корону.

— И как... им объясните?

Он сделал упор на «им», словно ему уже понятно. Я усмехнулся невесело.

— Дорогой друг, я и так нахапал... слишком. И так уже подо мной начинает потрескивать, будто сижу весной на льдине.

— Это много?

— Ну да, — ответил я совсем грустно. — А если еще и Варт Генц приму, то все точно развалится.

— На вас смотрят с надеждой, — напомнил он.

Я кивнул:

— Да. Сейчас. Но вот приму я корону, все на время успокоится. Я буду ездить в Турнедо, Армландию и Сен-Мари, чтобы не забывать править и там... Расстояния о-го-го, королевства везде со сложившимся нравом... В общем, через годик-другой Варт Генц решит, что им не стоит подчинять интересы своего королевства общим интересам того огромного образования... как его ни назови: королевством, империей или республикой. Дескать, не стоит отдавать налоги в общую казну, а оттуда получать на свои нужды, проще свое оставлять у себя сразу... Да и вообще лучше взвести на престол короля из местных, что будет заниматься только Варт Генцем!

Он помрачнел, вздохнул.

— Вы заглядываете далеко вперед, ваша светлость.

— Вы видите в моих рассуждениях изъяны?

Он мрачно посмотрел в сторону.

— Не знаю, я не политик. Я просто борюсь за свой край. Сегодня. Сейчас.

— А мне надо смотреть в день завтрашний, — сказал я, — чтобы потом не переделывать в огне новых войн, которых могу избежать. Сегодня. Сейчас.

— Варт Генц, — сказал он невесело, — заботит нас очень даже, потому что это день сегодняшний. Когда

дом горит, не до того, чтобы строить планы на далекое будущее.

Я тоже вздохнул, поднялся и сказал суровым голосом:

— Спасибо за прием, сэр Зигмунд. К вечеру буду в столице Варт Генца и затрону вопрос о вашем сопротивлении! Посмотрю, что мы сможем сделать, чтобы погасить этот пожар.

Он вскочил, низко поклонился:

— Спасибо, ваша светлость! Но мы все равно признаем только вашу власть. В смысле, чтобы наши земли вошли в те, которые отныне ваши.

Бобик подпрыгнул и выскоцил из шатра первым, как только мы начали подниматься, за ним мы с Зигмундом, Изэль по моему знаку потрусила следом.

Я поинтересовался легко:

— Как у вас с Сулливаном?

Он заметно напрягся:

— Сулливаном?.. Ах, с Сулливаном, вашим ссыльным... Да, он заехал недавно, чтобы познакомиться, я же сосед, надо знать друг друга получше.

— И как он?

Он снова ответил с несвойственной для него осторожностью:

— Мы вроде бы сумели подружиться.

— Обо мне что-то говорил?

Он отвел взгляд в сторону:

— Чуть-чуть. Он не знает, какой из вас правитель, но считает вас рыцарем старых правил, для которого выше чести только Господь Бог, да и то лишь потому, что Господь и есть сама Честь.

Я пробормотал:

— И то неплохо. Приятно было увидеться, барон! Надеюсь, это наша не последняя встреча.

Он ответил с бледной улыбкой:

— А как мы все надеемся...

Изаэль мелко-мелко перебирает за нами лапками, едва не оттаптывает мне пятки, в страхе оглядывается на толпы вооруженных мужчин, что только и думают, как бы наброситься на нее и жутко растерзать, это же люди, они такие. Попыталась ухватиться за Бобика, но тот бодро скачет вокруг нас и высматривает с надеждой, кто с ним решится играть.

Но все они, даже Зигмунд, смотрят уже не на Пса Ада, а на дивную тонкую красоту высокорожденной эльфийки, на ее изящные уши, с восторгом всматриваются в ее огромные бесконечно прекрасные синие глаза, красиво удлиненные к вискам, удивляются длинным загнутым ресницам, способным выдержать воробыя...

Я вскочил в седло, Изаэль вздернула к себе, как куклу, и закутал заботливо в плащ, словно драгоценную вещицу.

— Счастливо!

Мне вразнобой прокричали:

— Успеха!

— Хорошей дороги!

— Побед!

— Возвращайтесь!

Зайчик пошел легкой рысью, Изаэль со вздохом облегчения прильнула к моей груди и снова постаралась зарыться, но я не дерево, в меня не залезешь, и она просто прижалась так, что распласталась на ней, как согревающий пластырь.

Снова проехали каменный лабиринт, прижимаясь к холке арбогастра, он тоже шел почти на полусогнутых, наконец крепость осталась позади, а перед нами снова изумрудно-зеленый простор и облачное небо над головой.

Я заботливо проверил, как существо укрыто пла-

щом, чтобы нигде не задувало, подоткнул длинные полы под ее задницу, она на удивление стерпела безропотно, даже когда не удержался я сам и ушипнул ее за сдобную буличку.

И снова мчимся навстречу ветру в грохоте копыт; Изазель начала попискивать, я прислушался, вдруг да нечаянно придушил, спросил встревоженно:

— Что случилось? Писать хочешь?

Она помотала головой:

— Нет, это я пою.

— А-а-а, — сказал я, — хорошая у тебя песня. Главное, громкая.

— Мы музыкальный народ, — похвасталась она. — Когда мы поем, все звери сходятся слушать. А вы?

— А мы еще музыкальнее, — ответил я. — Когда поем, все звери разбегаются.

Она всерьез задумалась над таким определением музыкальности, а мимо мелькают горы и леса; Изазель то и дело высовывалась из гнезда, наконец встревоженно вспицала:

— Это что, все еще...

— Оно, — подтвердил я, — все еще.

— И что, — спросила она с великим недоверием, — в самом деле мир такой огромный? Или ты меня возишь по кругу?

— Лапушка, — сказал я, — ты еще не видела его громадности. Если хочешь знать, он в самом деле... как бы великоват местами. Но я тебя, да, вожу по кругу.

Она удивилась:

— Зачем?

Я пошевелил оскорбленно плечами.

— А просто так! Это животные все делают только с какой-то целью, а люди чаще всего вот так, без цели и по дурости. Именно потому возникла цивилизация и развивается так бурно.

Она озадаченно задумалась и надолго умолкла, а я чуть пригнулся навстречу ветру и ушел в свои невеселые мысли, потому что помимо проблем в Варт Генце и вообще, где я появлюсь, все больше тревожит отсутствие новостей о Карле. Совсем недавно прошел где-то по этим землям, разбивая высланные против него войска и уничтожая сами королевства, долго бился о твердыню Зорра и безуспешно штурмовал крепость паладинов Кернель, но затем как-то жуткие новости о его нашествии перестали распространяться странствующими путешественниками и бродячими торговцами.

Что с ним? Затаился, собирает новое ужасающее войско? Погиб?.. Подкосила смерть старшего сына и похищение младшего?.. Но разве великих деятелей подобное останавливало?

Сиреневые облака стали оранжево-белыми, раздвинулись, между ними появилось чистейшее умытое небо, настолько радостно-голубое, словно глаза Изазель, что я непроизвольно притиснул ее, а она только сонно всхрюкнула.

Выглянуло солнце, и мгновенно все ожило, изменилось, засверкало, вспыхнули новые краски, а старые засияли ярче.

Мимо проносятся невысокие холмы, трава бурая, сожженная солнцем, Бобик внезапно ускорил бег, а когда его настигли, он жадно пил из ручья, впадающего в крохотное озеро, вокруг только десяток деревьев, где ветви гнутся под птичьими гнездами, и пара пышных кустов с цветущими ветками.

Я остановил Зайчика, соскочил на землю и сравнительно нежно снял легонькую эльфийку.

— Пусть попьют чистой воды, — объяснил я. — А ты можешь... тоже. И вообще. А то что-то под тобой хлюпало.

— Свинья, — сказала она и гордо заторопилась к

кустам, скрылась за ними, присев, и крикнула оттуда: — Свиньища!

Бобик сразу же ринулся проверять, чего это она там, из-за кустов послышался отчаянный визг, а потом удивленный гавк.

Я поил Зайчика и продумывал, что скажу лордам Варт Генца. Нужно приготовиться, потому и остановился, собственно, что мысли все еще разбегаются, а мне надо пройти по лезвию меча над пропастью, только сейчас начинаю не просто понимать, во что влез, но и пытаюсь принимать меры... но только бы не сорвалось, только бы сам не слупил и не испортил, это я еще как могу...

Изаэль появилась свеженькая и ясная, громадные глазищи синее синего неба.

— А что, — начала она с вызовом и в ужасе отпрянула; Бобик возник перед нею, словно из ниоткуда, и, роняя капли озерной воды, совал в руки громадную рыбину и смотрел с такой надеждой, что она спросила в страхе: — Что он хочет?

— В знак любви, — объяснил я, — и признания дает тебе подарок. Если откажешься, смертельно обидишь.

— Правда?

— Возможно, — заверил я серьезно, — он тебя съест.

Она задержала дыхание и, закрыв глазищи, попыталась взять обеими руками рыбу, однако та начала извиваться, выскользнула на траву и там подпрыгивала и подскакивала.

Бобик весело скакал вокруг, радуясь то ли новой игре, то ли как подшутил над трепетной эльфийкой.

Я отвернулся, пусть ребята ребячатся, а я должен продумать для начала речь, в которой изложу свое видение случившегося и методы разрешения проблемы...

Когда я решил, что начинает что-то наклевываться, со стороны озера раздался визг, Изазель и Бобик мечутся у кромки воды и верещат, как две макаки.

— Упрыгала? — крикнул я. — Две вороны... Все, не-когда-некогда ловить снова, едем дальше!

И снова бешеная скачка по долам и холмам, на горизонте черный дым целой стеной поднимается к небу, на миг даже полыхнуло багровым, словно огонь нашел спрятавшуюся жертву.

Зайчик все ускорял бег, Изэль вообще зажмурилась и вжалась в меня. Запахло гарью, в воздухе разлита непонятная тревога, даже Зайчик тревожно фыркал, Бобик перестал убегать далеко вперед, несется рядом, на меня поглядывает обеспокоенно и с вопросом в крупных карих глазах.

Дорога вывела к селу, Зайчик тревожно прянул ушами и перешел на простую рысь, в коричневых глазах тревожное удивление: на месте домов закопченные стены, а кое-где вообще только печи.

Пламя утихло давно, часть домов на другой стороне улицы уцелела, но явно потому, что ветер дул в другую сторону, а так среди закопченных развалин множество обгорелых трупов, и хорошо бы только воинов, но по большей части крестьяне, через чье село прошла война, даже женские трупы вон, явно сперва изнасилованы, потом убиты...

Стиснув челюсти, я послал Зайчика дальше, а Изэль крупно дрожит и прячет лицо, но что толку. Страшный запах горелого человеческого мяса преследовал нас еще долго, потому что дорога шла мимо целой ве-реницы сел, а все они оказались сожженными, сады вырублены, словно не гражданская война, а какая-то дикая орда прошла...

Кое-где мы успевали увидеть людей, что прятались, как мыши, завидя нас, а затем я рассмотрел вдали множественный металлический блеск, торопливо послал туда Зайчика.

Воины сидят и лежат в изнеможении вокруг холма,

на вершине раскинулся большой шатер из красной материи, вокруг многочисленная стража, а среди воинов бродят лекари с окровавленными тряпками и щипцами.

Изаэль вскрикнула и едва не потеряла сознание, когда из плеча одного раненого рыцаря начали вытаскивать зазубренную стрелу.

Я привстал в стременах и помахал рукой. На меня, наконец, обратили внимание, начали поворачивать головы.

— Я Ричард Завоеватель!.. — прокричал я. — Кто здесь командует?

Один из воинов поспешил подняться и, сильно прихрамывая на раненую ногу, кинулся к шатру. Через некоторое время оттуда вышел крупный широкоплечий воин, в руках перевернутый шлем, на ходу опрокинул себе на голову, на миг оказавшись, как за стеклом, за струями чистой воды, отдал шлем оруженосцу и пошел ко мне.

Бобик дисциплинированно зашел с другой стороны Зайчика и сел.

— Аннегрет Еафор, — назвался воин, — командую этим сбродом, ваша светлость.

— И как?

— Два выиграли, третье продули...

— Знаком с вашим родственником, — сказал я, — благородным Хенгестом. Вы в родстве, не так ли?.. Не думаю, что в Варт Генце много таких гигантов, как вы и ваш родственник.

Он прогудел довольно:

— Все так, это мой дядя... Ваша светлость, прошу вас в мой шатер. Это, конечно, не то, к чему вы привыкли там на Юге, но все-таки не под открытым небом.

Я соскочил, снял Изазель и оставил, не поднимая с

лица капюшона. Бобик посмотрел внимательно на Аннегрета, тот застыл, а когда Бобик отвел взгляд в сторону, с облегчением расправил грудную клетку, стараясь не показывать, что испугался: мужчины должны быть бесстрашны и вообще много чего должны и обязаны, потому и живем меньше, чем женщины.

Мы прошли к шатру, я вел Изэль, она из-под края капюшона видит только землю, по которой ступают ее задние лапки, идет послушно и доверчиво, как мечта мужчины.

Страж отодвинул перед нами полог шатра, но первым вбежал Бобик. Внутри послышался дикий вопль, оттуда с шумом выпорхнули, как испуганные гуси, несколько человек в доспехах, даже оружие не успели достать из ножен.

Аннегрет нервно дернула щекой, вежливо пропустил нас вовнутрь. В шатре только стол и две длинные лавки, явно сколоченные здесь же на месте.

Бобик быстро пробежался по ритуальному кругу, вздохнул так тяжело, как умеют только собаки, и грохнулся посреди шатра.

Аннегрет остановился, ожидая, когда я сяду, однако я сперва повернулся к нему лицом фигуру в плаще и откинул капюшон ей на спину. Аннегрет охнула и схватилась за сердце, а лавина золотых волос крупными локонами хлынула на грудь и спину.

Прекрасная эльфийка подняла голову и взглянула на него огромными небесно-синими глазищами с дивными густыми ресницами.

Глава 9

Аннегрет вздрогнула и застыла, глаза его начали выпучиваться и стали, как у рака.

— Боже, — прохрипел он. — Это... кто?

Бобик поднял голову и посмотрел на него с недоумением. Я оглянулся на Изазель:

— Это? Это моя рабыня.

Бобик со стуком уронил голову и сделал вид, что смертельно спит. Аннегрет нервно сглотнул, сказал вздрагивающим голосом:

— Но... ваша светлость... Это же нехорошо, неправильно... Мы же христиане, мы не должны иметь рабов...

Я вздохнул:

— Что делать, сэр Аннегрет. Когда я покорил исполинскую империю эльфов, они поклялись стать моими рабами. У них, знаете ли, другие понятия, другие ценности, другой склад как бы ума... Кроме того, это самочка, разве не видите?

— Ну да, как же, такое да не увидеть...

— А женщина, — объяснил я мудрым голосом, — как сказал великий лорд Ницше, не может быть другом и вообще равной человеку. Слишком долго таился в ней либо раб, либо господин. Они знают только любовь!..

Он завидующе вздохнул:

— Правда?

Я сказал с сочувствием:

— Так что нельзя от них требовать больше, чем могут дать. Увы, я со своими скромными запросами довольствуюсь тем, что есть.

Он с завистью посмотрел на мои запросы, а они, быстро смеяя, показали ему язык и даже нахально свернули в умильную трубочку.

Я сказал деловито:

— Сэр Аннегрет, что стряслось такое, что целый ряд лордов, можно даже сказать, сонм... или нельзя?.. просили меня прибыть в королевство весьма срочно?

Он развел руками:

— Ваша светлость, я вообще-то был рад, когда вы отказались от короны Варт Генца... У моего дяди были хорошие шансы стать королем, но теперь даже и не знаю. Такое началось, что лучше уж вас, ваша светлость, хоть вы и не наш, на вартгенский трон, чем эта беспощадная резня.

— Понятно, — сказал я угрюмо. — И никто никому уступить теперь не хочет?

— Дело чести, — подтвердил он угрюмо. — Нужно было соглашаться, когда больше всего голосов отдали Хродульфу, теперь это понимаем. Ну и что, если всего на один голос больше, чем Меренвинду?

— А доблестный Хенгест Еафор? — спросил я.

Он устало отмахнулся:

— Мой дядя все равно на третьем месте. Но ввязался в борьбу за трон потому, что у него самая сильная и хорошо подготовленная к боям дружины!.. Раньше бы о себе и подумать такого не мог.

Я сказал задумчиво:

— Дурной пример заразителен.

— Вот-вот! — сказал он совсем невесело. — Теперь, думаю, согласились бы и Меревальд Заозерный, и Леофриг Лесной, что трон должен достаться Хродульфу Горному, раз уж за него больше всего отдали голосов.

Я вздохнул.

— Всего на один голос больше? Я понимаю тех, кто против... Не оправдываю, но... понимаю.

Он сказал отчаянным голосом:

— Если бы мы знали, что вот такое стряслось!.. Но теперь пути назад нет...

— Почему?

— А честь? — спросил он. — Что подумают на того, кто отступит?

Я предположил:

— Подумают, что вот наконец-то умный...

— А вдруг решат, — спросил он отчаянно, — что трус?

— И такое могут, — согласился я, — люди разные. Потому и люблю эльфов! Все, как доски в заборе... В хорошем заборе, новеньком и покрашенном. Вроде палисадника вокруг цветочной клумбы в хорошем коттедже.

Он то и дело косился на мои запросы, но Изазель стоит смирно столбиком, в самом деле, как рабыня, ждущая приказаний, смотрит больше в пол, но ее удивительно вылепленные ушки подрагивают, улавливая разговоры не только в шатре, но и за его пределами.

— М-дя, — проговорил он жалко, — ага, как бы вот... Все-таки скорее решат, что трусим...

— Люди такие, — согласился я. — На хорошее никогда не подумают. Хотя, казалось бы...

— Вот-вот, — сказал он со вздохом, — потом никто назад ни шагу. Чтоб не подумали что-то такое, что уронит рыцарскую честь.

— Назад и не нужно, — возразил я. — Зачем это назад? Только вперед! Но — с учетом того, что натворили.

— И чего еще натворим, — сказал он кисло. — Я велю подать обед? Вина, пива?

— Я не хочу, — сказал я, — а моей рабыне не полагается. Ваш дядя далеко?

Он сразу подобрался, посмотрел на меня с надеждой.

— Его лагерь всего в пяти милях отсюда! Вы ему поможете?

— Я хочу помочь всем, — ответил я. — В первую очередь — королевству.

Он тяжело вздохнул, развел руками и опустил голову.

— Да-да, простите, я еще эгоист, не дорос до мышления в масштабах королевства.

Я поднялся, кивнул своим интересам:

— За мной, существо!

Первым подхватился и выскочил Бобик, Изазель послушно засеменила за всеми нами. Аннегрет косился в ее сторону так, словно мечтал попросить взять на руки и нести, но не решался на такую великую дерзость.

Воины лагеря собирались в широкий круг, мы еще издали услышали восторженные вопли, а в центре стоит Зайчик и со смачным хрустом жрет, как сочную капусту, крупные пурпурные угли из костра.

— Вот свиньи, — сказал я с сердцем, — не один, так другой что-то да сожрет в гостях. Изазель, хоть ты ничего не подбирай и не жри по дороге!

Нежная эльфийка посмотрела на меня так обиженно, что мне почти захотелось извиниться, а Аннегрет засопел в праведном гневе и пощупал рукоять меча.

Я свистнул, Зайчик подбежал, дохрустывая лакомство. Я поднялся в седло и вздернул к себе свои интересы.

— У вас вполне образцовый лагерь, — сказал я Аннегрету. — Учитывая, что вы недавно из боя... Так и скажу вашему дяде.

Он смотрел все еще хмуро, оскорбленный грубым отношением к рабыне, которую можно прямо в императрицы, но поклонился и ответил вполне учтиво:

— Я счастлив заслужить высокую оценку самого Ричарда Завоевателя.

Я вскинул руку в прощании, Зайчик красиво поднялся на дыбы и помесил воздух копытами, а за это время Бобик сделал мощный прыжок и унесся вперед, опять же, морда, точно угадав направление.

Во второй половине дня воздух прогрелся так, что стало душно, как перед грозой. Солнце начало сползать по хрусталию небосвода, как яичный желток, оставляя

за собой след, такой же красновато-оранжевый, поджигающий облака, что застыли на небе, как короста от недавней раны.

Изаэль, навертеvшись, словно у нее там шило, засыпала вопросами, о чем же мы таком говорили, что ничего не понятно, и почему так все сложно, ведь у мудрых и замечательных эльфов все кристально ясно, а у диких и примитивных зверей, что называют себя людьми, как-то все запутанно, будто ко всему еще и сумшедшие...

Я объяснял честно и правдиво, все равно не поймет, потому можно не врать, она восхитительно хлопала громадными ресницами и удивлялась все больше, а я горделиво расправлял плечи во всю ширь, довольный, что такой умный.

Наконец я сказал обнадеживающее:

— Ничего, сейчас приедем к его дяде, лорду Еафору, так ты вообще ничего не поймешь!.. Здорово, правда?

Она закопошилась, чтобы отодвинуться и посмотреть в мое честное серьезное лицо.

— Почему здорово?

Я удивился:

— А как же, столько нового!

— Эльфы не любят нового, — заявила она с достоинством. — Мы чтим Традицию.

— А ты? — спросил я в лоб.

Она ответила дерзко:

— А я — особенно! Только я еще и люблю узнавать, что вокруг нашего Леса вы такое непотребное вытворяете. Что нам грозит, чего бояться, к чему готовиться.

— Молодец, — похвалил я. — Держись за меня крепче, ходи за мной хвостиком, лови каждое слово, выполняя каждое желание, и тебе будет щасте!..

— Какое?

— Откроется истина.

— Правда? — спросила она наивно.

— Правда, — заверил я и понял, что да, уже гожусь в политики, если могу вот так, не моргнув глазом, соврать даже такому чистейшему ребенку и обжулить его на пустом месте.

Лагерь лорда Хенгеста Еафора раскинулся куда привольнее, чем у его племянника, прошедшего через жестокую битву, а здесь только готовятся. Слышны издали беспечные песни, здоровый мужской хохот, а шатров впятеро больше, чем у Аннегрета.

Самый огромный, разумеется, у верховного лорда. Расположен в центре на возвышении, на особом помосте, чтобы Хенгест прямо от входа мог видеть весь лагерь.

Нас встретили настороженные часовые на краю лагеря, слишком уж быстро мы приблизились, даже налетели.

Я заговорил первым строго и важно:

— Ну что разбенькались?.. Не узнали?

Один пробормотал настороженно:

— Теперь узнали, ваша светлость, а так уж больно неожиданно... Только пыль вдали взвилась, а потом из нее враз вы и этот верблюд с клыками...

— Мы еще те верблюды, — заверил я. — А теперь побыстрее ведите нас к своему лорду... да пошевеливайтесь, коровы недоеенные!

Двое часовых сорвались на бег, мы же продолжали путь шагом, и, когда приблизились к шатру, Хенгест уже вышел, такой огромный, что почти вровень со мной, хоть я на коне.

— Сэр Ричард, — сказал он почтительно, хотя мог бы сказать и «ваша светлость», все-таки волей лордов Варт Генца я ношу звучный титул ландесфюрста, но назвать меня так в это смутное время — признать мое право отдавать приказы, ведь титул давали просто, что-

бы отметить мои заслуги. — Никого бы я так не хотел видеть, как вас, дорогой друг... и наша надежда.

Я спешился, Хенгест обнял меня, чем изрядно удивил, не настолько мы дружны, затем я ссадил эльфийку, все еще закутанную в плащ и с капюшоном, ну нравится мне видеть изумление на лицах, когда театральным жестом открываю ее безумно прекрасное сияющее лицо молодой зверушки.

Он с сомнением посмотрел на Бобика, что дружелюбно улыбался ему, показывая острые клыки и помахивая хвостом.

— Этот конь с клыками тоже с вами?.. Ну да, что это я... Прошу в мое нынешнее жилище, дорогой друг.

Бобик, понятно, вбежал первым, мы последовали за ним, я сказал с порога:

— О, у вас тут даже ложе!

Хенгест сказал укоризненно:

— Это ложе?.. Это лежанка, у меня от нее болят все кости. Я уже и забыл, что такое ложе, хотя вроде бы все началось как будто вчера, а уже столько дров наломали!

— Соболезную, — сказал я. — С другой стороны, честь, подвиги, слава, богатая добыча...

Он скривил лицо.

— Да, конечно. Но лучше бы честь и славу добывать за пределами. Ну там на Скарлянды напасть или на Гиксию... Ну что за жизнь? Эй, подать вина и всего самого-самого для двух... или сколько нас тут, настоящих мужчин!

Он с сомнением посмотрел на закутанную в плащ крохотную фигурку. Я уже заученным жестом сбросил ей капюшон, а Изазель медленно подняла голову и посмотрела на Хенгеста дивно-синими глазами, что размером с горные озера, взмахнула ресницами, и мы ощутили от них ветер, даже полог колыхнулся.

Хенгест застыл как каменный, потом прохрипел таким голосом, словно трескалась скала:

— Это... это что... у вас... за чудо?

— Барабанщик, — пояснил я.

Он смотрел на Изазель неотрывно, повторил тупо:

— Барабанщик?... А что это?

Я отмахнулся:

— У вас нет барабанщиков? Тогда правофланговый.

У вас как насчет правофланговых?.. Ну вот, везде та же история.

Он сказал почти шепотом:

— Но это же... самочка!

— Все равно барабаню, — ответил я. — Так что за политическая ситуация сейчас в Варт Генце?

В шатер начали входить один за другим роскошно и совсем не по-походному одетые слуги, у всех в руках уставленные подносы, на стол перегрузили кувшины с винами, расставили чаши, а на блюда выложили все роскошества, что доступны богатому и могущественному лорду, будь он дома или в походе.

Я поднял Изазель, как куклу, и переставил в угол, чтобы она видела нас обоих, после чего с Хенгестом сразу опробовали вино, пожевали мясо, затем он сказал тяжело:

— Вы меня пнули в самое больное место.

— Как так?

— Политическая ситуация, — проговорил он, — говорит о нашей... нет, не тупости, а о короткой памяти.

— Вот как?

— Мой племянник вам кое-что рассказал?..

— Совсем немного, — ответил я.

— Ну да, — произнес он с тяжелым вздохом, — понимаю. Он прав, многие хоть и выражали сожаление, что вы так благородно отказались от трона, но втайне

обрадовались. Да вы и сами это поняли, потому и отка-
зались...

— Не только, — сказал я, — но это тоже, вы правы.

— Фальстронг, — проговорил он с горечью, — был
настоящим королем! Но когда династия так неожидан-
но пресеклась, слишком многие ощутили, что да, они
тоже могут, почему бы и нет?..

— Вполне предсказуемые мысли, — сказал я.

Он взглянул на меня остро, словно заподозрил, что
я подобный расклад событий рассчитал и понял давно.

— Последняя война, — пояснил он, — за трон была
триста лет тому.

— Вы счастливые, — заметил я.

Он вздохнул.

— В ее результате воцарилась династия Лаутергар-
дов, последним и был Фальстронг с детьми. Увы, за
столько лет все уже забыли, что бывает, когда начина-
ется борьба за корону...

Я помалкивал, сказать нечего, все и так как на ла-
дони, нужно быть мудрым эльфом, чтобы не врубиться,
а Хенгест, хоть и вздыхает тяжко о судьбе несчастного
королевства, то и дело косится на прекрасную эльфий-
ку, что скромно и смиренно стоит в углу.

Наконец он пробормотал:

— Конечно, это против правил... допускать за стол
столь благородных людей, как мы, посторонних... но...
как бы...

— В особых случаях? — подсказал я.

Он сказал обрадованно:

— Да, вы правы, мой лорд. Мы же в поле, а не во
дворце!

— Я нахожу ход ваших мудрых мыслей правиль-
ным, — заметил я. — Но хозяин вы, вот и решайте...

Он вскочил, как громадный бурундук, в мгновение

ока оказался возле Изазель, как она только от ужаса не пустила лужу, когда навис над нею громадной тушей.

— Ваша эльфийскость... — просююкал он громыхающим голосом, — мы будем безумно почтены... если вы изволите оказать нам счастье... отобедать с нами...

Она не ответила, страшится, что пищащий голосок вовсе откажет или сорвется от ужаса, только царственно наклонила пышную россыпь золотых волос вместе с головой.

Он взял ее за безжизненную кисть и, содрогаясь всем телом от счастья, провел к столу.

Я сказал несколько недовольно:

— Вернемся к нашим проблемам. Итак, какой расклад сил?

Глава 10

Он опустился в свое кресло, ликующее выражение лица стерлось, будто я по нему провел мокрой тряпкой, сразу стал каким-то отяжелевшим и постаревшим.

— Тупиковый, — ответил он неохотно, — я бы сказал. У меня самая боеспособная дружина как в смысле боевого опыта, так и вооружения. У Леофрига намного слабее, зато у него она почти впятеро крупнее... Хродульф так и вовсе ни в одни ворота...

— Что с ним?

Он отмахнулся:

— У него, как все говорят, королевство в королевстве. Самый богатый и могущественный из лордов, почему и получил больше всех голосов... но не достаточно, чтобы перевес бы ощущим. А земли у него разбросаны по всему Варт Генцу. Вообще-то не зря ему отдали большинство... Он, как говорится, наиболее влиятельный, но получил бы гораздо больше, если б у него был хоть один сын.

— Три дочери? — сказал я. — Что-то слышал...

— Да, — ответил он. — Хотя он недавно взял другую жену, а эта обещает нарожать сыновей...

Я обронил со вздохом:

— Обещать можно все...

— Вот-вот, — сказал он, — а вдруг дело не в женах, как мы обычно спихиваем на них все?

— А Меревальд Заозерный? — спросил я. — Он показался весьма... дельным.

Он поморщился, кинул:

— Да, этот вообще... У него нет дружины, нет больших владений, но он был советником Фальстронга последние десять лет.

— Хорошим?

— Говорят, очень.

— Фальстронг не стал бы держать некомпетентного, — заметил я.

— Да, Фальстронг умел выбирать людей.

— Я слышал, — сказал я, — именно Меревальд обратил внимание на земли, где ничто не росло из-за проклятой соли, и предложил устроить там соляные копи.

Он кивнул с кислой улыбкой:

— Да, с тех пор, как говорят, казна получает немалые деньги на торговле этой солью внутри королевства.

— И за его пределами, — сказал и я добавил дипломатически, — как я однажды слыхивал.

Он пробормотал:

— Этим он и силен. Пока мы тут деремся, он в столице приобретает новых сторонников. И я даже не уверен, что победивший здесь в битве... гм... будет с восторгом принят в столице. Трон все равно теперь придется захватывать мечом и кровью, но хотелось бы... как бы сказать... чтобы это было хоть малость одобрено

в королевстве. Не враги же, в самом деле, стараются вырвать друг у друга бесхозную корону!

Я подумал, со вздохом отхлебнул еще вина, с еще большим вздохом опустил чашу на стол.

— Мне кажется, — сказал я весомо, — конфликт пора переводить во вторую фазу.

Он насторожился, но в то же время спросил с надеждой:

— Это как?

— Начинать создавать коалиции, — пояснил я. — Это первое правило любой войны. Если не удается самому, нужно искать союзников.

Он спросил тупо:

— Но... корона-то одна!

— Вот именно, — ответил я. — Но что лучше, проиграть и остаться ни с чем либо договориться с кем-то и совместными усилиями опрокинуть противника? А потом поделить добычу на двоих. Заранее договориться, что один получает корону, а второй — все остальное. Ну, что-то очень значимое — земли, богатства, власть... Да-да, второй после короля по должности.

Он подумал, буркнул:

— Это да, хороший ход... Но я не хочу быть вторым!

— Я это и не предлагал, — уточнил я. — Но если вторым у вас согласится Хродульф, Леофриг или Меревальд?

Он просиял:

— Тогда да!

— Тогда срочно начинайте консультации, — сказал я. — Пора кончать эту войну. Если сейчас не договориться, она разольется по всему королевству...

Он буркнул:

— Уже, мой лорд.

— Уже, — вздохнул я горько, — а теперь будет набирать силу. И обиды станут множиться и крепнуть. Се-

годня вы только соперники, завтра станете лютыми врагами. И крови будет литься все больше и больше. Каждый будет готов умереть и весь мир погубить, но только не уступить сопернику.

Он сказал торопливо:

— Сэр Ричард! Я не настолько упрям. По крайней мере сейчас. Потом, когда меня доведут, да, попру, закусив удила, а сейчас я готов договариваться.

— Прекрасно!

— Только Хродульфа и Леофрига, — предупредил он, — я ненавижу, они на меня напали, сволочи, сразу же после того, как я на них напал. Это немыслимо и непростительно, а вот с Меревальдом я готов, вполне готов... Думаю, он согласился стать вторым.

— Уверены?

Он пояснил:

— При Фальстронге он все-таки вторым не был. Вторым был старший сын Роднерик, затем принц Марал, Эразм, даже внук Дуглас...

Я напомнил:

— А как вы думаете, с ним не захотят договориться Хродульф и Леофриг?..

Он вздрогнул, напрягся.

— Об этом как-то не подумал...

— А стоило бы, — заметил я мирно, — у них тоже есть что предложить. Например, то же самое насчет второго человека в королевстве. Плюс Хродульф подарит часть своих необъятных земель...

Хенгест зло ругнулся, тут же бросил взгляд на тихую мышастую эльфийку, стал меньше ростом и проблеял застенчиво:

— Прошу меня простить... леди...

Она, уже освоившись малость, царственно наклонила голову в обрамлении золотых волос, излучающих настоящий солнечный свет.

— Я все равно ничего не поняла...

Голосок ее прозвучал нежно и сладко, но без явного страха. Я вздохнул с облегчением, а Хенгест, не услышав неодобрения, расцвел, словно ему подарили перевязанного розовыми лентами слона.

— Наверное, — напомнил я, — гонцов нужно послать немедленно. Пока другие не послали.

Хенгест снова посерезнел, отвратил взор от прекрасного существа ко мне, тяжело вздохнул.

— Сейчас же сделаю. Только... как бы это сказать...

— Что? — спросил я.

Он замялся, развел руками:

— У меня самая боеспособная дружина, больше всего побед, и вдруг я хочу вести подобные переговоры?..

— Но вы же хотите?

— Хочу, — сказал он сердито. — Но если мы сделаем так... я пошлю гонца насчет переговоров, но он скажет, что прибыл сэр Ричард Завоеватель, которого мы все так уважаем, так уважаем, что ну вот прям... а он настоятельно советует нам в интересах нашего королевства, о котором мы все-таки заботимся...

Я прервал:

— Понял вас, мой дорогой друг! Действуйте. От меня или не от меня, но эти переговоры нужно начинать как можно раньше. Страна еще не изнемогает от распрай, но это будет очень скоро. Лучше до этого не допустить, вам нужны богатые земли и здоровые сытые овцы... Ну, раз мы с вами выяснили этот важный момент, я поеду дальше.

Он спросил с хмурым подозрением:

— К Хродульфу? Или Леофригу?

Я удивился:

— Зачем?.. Я их вовсе не знаю. Навещу своего старого друга графа Меганвэйла, с которым мы так краси-

во захватывали среди темной ночи пограничную крепость турнедцев!

Он сразу посветлел, подозрительность улетучилась, проговорил подобревшим голосом:

— Этот военачальник... мудр. Он не влезает в наши распри. Правда, и армии у него почти нет. А то, что есть, сейчас топчется на южной окраине, что-то там пытается насчет турнедских земель, что не хотят выполнять условия по разделу Турнедо.

Я встал, он тут же вскочил, несмотря на громадный рост и вес, поклонился Изэль.

Она поднялась медленно и царственно, милостиво опустила ресницы, но дальше все испортил я, попросту взял ее за плечи и вынес из шатра.

Задремавший было Бобик ринулся следом, едва не сбил нас с ног.

— Зайчик, — крикнул я. — Не подражай Бобику, не жри всякое... а то весь лагерь сожрешь!

Зайчик посмотрел оскорбленно, подошел и встал боком, отворачивая морду. Я все-таки обнял его и чмокнул в нос, а потом поднялся в седло и вздернул к себе Изэль.

Хенгест переступал с ноги на ногу и шумно вздыхал, на мой взгляд, ему сейчас совсем начхать на все королевство.

Я вскинул руку в прощальном жесте.

— Увидимся!

Зайчик пошел в галоп, Изэль тихонько повизгивала и начала дотошно расспрашивать, о чем мы говорили. Из всего сказанного она только и поняла, что мы оба разговаривали, на что я сказал нечто одобрительное насчет прогресса в понимании трудной судьбы человечества и отдельных людей.

Она затихла, довольная, а я вспоминал слова Хенгеста, что армии у Меганвэйла нет, а какой военачальник

смирится с тем, что под его рукой нет солдат? И чем больше, тем лучше?..

Значит, Меганвэйл инстинктивно будет на моей стороне, когда я, желая счастья и благополучия Варт Генцу, восхочу для начала сделать самое простое: укрепить армию. А в нашем случае он поможет всеми фибрами для начала ее создать.

Сейчас те боевые отряды, из которых состояла армия Меганвэйла, разошлись по своим землям. В Варт Генце, как и во всех королевствах, феодалы приходят по зову короля каждый со своим войском и обозом.

Впрочем, они не просто разошлись, а упорно воюют друг против друга, защищая интересы каждого своего кандидата на королевский трон. Таким образом, единой армии нет, а если учесть, что, кроме трех больших, есть и множество мелких, что пользуются случаем, чтобы в сладкий период беззакония придушить и ограбить соседа, то картина совсем безрадостная...

И даже, мелькнула мысль, если трое, даже четверо, кандидатов договорятся, им еще нужно будет долго искосянить банды разбойничающих баронов, а достать их в неприступных замках очень непросто...

Граф Меганвэйл, как мне сообщили, временно находится в своем родовом замке. Направление нам дали, я пустил Зайчика вскачь, навстречу холодный ветер, а я существо уже сен-маринское, нежное; под копыта на встречу катит и катит туман, ветер не разгоняет его, а сбивает, как из сметаны масло, в плотные осязаемые комья.

Изаэль дрожит и пугливо косится по сторонам огромными глазищами, ей чудится, что вот уже мы на краю Мира, дальше ничего нет, а мы с разгону рухнем с обрыва к корням Мирового Дерева.

Конская сбруя блестит мельчайшими бисеринами влаги, я сам чувствовал, как покрываюсь водной пленкой, в которой еще и запах прелой земли, старых опавших листьев и почему-то горелых птичьих перьев.

Затем снова показались дома, огромная деревня, за нею — еще две, одинаковые квадраты полей, и вскоре Изазель восторженно охнула, увидев гордое и прекрасное строение из коричневого камня, что возносится к небу неудержимо, словно растет, а две башенки по краям вообще чудо архитектуры, настолько все уравновешено, гармонично и прекрасно.

— Я даже не думала, — прощебетала она в диком изумлении, — что люди могут и что-то красивое...

— Люди? — удивился я. — Наверное, это все-таки пленные эльфы строили под плетями.

Она возмутилась:

— Пленные? Эльфы ни у кого никогда в плену не были. Это ты вот только меня хитростью захватил и мучаешь.

— Еще не то будет, — пообещал я.

— Совсем замучаешь?

— И это тоже, — подтвердил я. — Но пока я про замок... А что, мой дворец в Савуази хуже?

Она помотала головой.

— Я пробралась, прицепившись снизу к телеге, что везла убитых животных на вашу кухню, какие вы все-таки звери, разве же можно их убивать, таких милых, а оттуда сразу шмыгнула через прачечную!..

— Молодец, — похвалил я. — Но выезжали уже днем. Что, все забыла?

— Ничего я не забыла, — огрызнулась она. — Ты меня так придушивал, что я отышалась только возле нашего Леса.

— Молодец, — одобрил я. — Уметь брехать искрен-

не и глядя в глаза — это искусство доступно только женщинам и политикам.

— А со мной ты тоже политик?

— С тобой я любящий тебя мужчина, — ответил я гордо и подумал, что политик остается политиком всегда, это уже не выбить. — Теперь давай надвинем капюшон...

— Зачем? — полюбопытствовала она. — Или еще нужно прятаться?

— Ритуал, — вздохнул я. — У людей все на ритуалах. И чем человек сложнее, тем у него ритуалов и ограничений больше. И вообще я так люблю их ошарашивать, когда медленно так это, как театральный занавес, поднимаю край капюшона и смотрю не на тебя, а на их меняющиеся лица...

Я потянулся за рогом, но на воротах сверху замахали руками, створки начали раздвигаться широко и мощно, словно впускают целую армию.

Бобик вбежал, распугивая народ, и оглядел тут всех страшными горящими глазами: а ну, кто здесь будет бросать мне палку? С кем будем бегать наперегонки и красть из кухни мясо?

Воины вскрикивали:

— Ваша светлость!..

— Сэр Ричард!

— Ландесфюрст прибыл!

— Наш вожак...

Последнее совсем уж удивило, пока я не увидел в переднем ряду окружившей нас толпы вооруженных людей Шнайдера и Шмидта, с которыми тогда ночью взбирался на стену вражеской крепости.

Дружески помахал им, чем вызвал бурю восторга у всех, соскочил с коня и обнял обоих, не дав преклонить колени, это вообще привело всех в ликующее неистовство.

Из донжона торопливо выскочил граф Меганвэйл, и я подумал, что впервые вижу его в цивильном, а не в дорогих и тщательно подогнанных доспехах аристократа.

Бобик ринулся к нему навстречу и помахал хвостом, объясняя, что узнал. Меганвэйл на ходу с опаской поскреб ногтями ему плиту лба, ко мне пошел было с распростертыми объятиями, потом, словно нечто вспомнив, резко преклонил колено и склонил голову.

— Ваша светлость...

Я сказал с неудовольствием:

— Бросьте, граф, мы же друзья! К тому же вы не мой вассал. Встаньте, дайте вас обнять...

Он поднялся, я в самом деле его обнял весьма сердечно, хотя страсть как не люблю это дело, да еще когда приходится вот так покровительственно обнимать людей старше себя вдвое, в этом случае всегда чувствую себя каким-то жуликом, несмотря на то что, да, политик я уже что надо.

— Ваша светлость, — воскликнул он с чувством, — теперь у нас появилась надежда.

— Ну да, — откликнулся я нервно, — если намекаете на какое-то мое участие, то забудьте, граф.

— Ваша светлость!

Я сказал, защищаясь:

— Могу же я просто приехать вас проводать? По дружбе?

Он вскрикнул:

— Я счастлив оказанной мне честью. Но, ваша светлость... Ах да, пойдемте-ка в дом, там за столом и поговорим.

Я повернулся, снял с седла неподвижную фигурку в плаще и с капюшоном, надвинутым по самый подбородок, и поставил ее на землю.

— Это мой виночерпий, — объяснил я. — Ну, как Ганимед у Зевса... раз уж без отряда сопровождения ездить неприлично.

Глава 11

Перед нами бежали воины и старательно распахивали двери. Я увидел среди них Беккера, этот тоже был в ночном рейде, сейчас улыбается во весь рот, теперь догадываюсь, кому обязан такой популярностью среди солдат Меганвэйла.

В малом, но роскошно убранном зале уже торопливо накрывают стол чистой скатертью, зажигают все свечи, чтобы светло и празднично, двое дюжих мужиков ухватились за канат, которым подтянут к своду люстру, а пока слуги торопливо зажигают свечи быстрыми и экономными движениями.

Граф остановился у кресла и выжидал, когда я сяду, однако я, уже как заправский работник передвижного цирка, повернулся к нему лицом темный столбик в плаще и начал поднимать капюшон.

Изаэль смотрит вниз, наклонив голову, и граф сперва ахнул, увидел роскошное золото волос, затем охнул, когда эльфийка медленно подняла лицо и посмотрела на него сказочно прекрасными глазами, во всем полутемном и сером зале это единственно яркие цвета сверкающей глубокой синевы.

— Ваша светлость, — прошептал он благоговейно. — Это... что?.. Ангел небесный?

Я оглянулся на Изэль:

— Где?.. Ах, это... Подобрал по дороге. Вижу, бежит, скулит, есть просит, лапу зашибло... Мы же добрые где-то внутри, всегда во что-то да вляпываемся, не так ли?

Я усадил Изэль за стол, она осталась и там по-

слушным столбиком, только глазищами водит по сторонам, но притронуться ни к чему не решается.

Граф опустился следом за мной, я сказал деловито:

— Граф, я приехал просто проведать. Должны же быть у государственного человека минуты отдыха?..

Он с трудом оторвал жадный взгляд от прекрасного лица тихой эльфийки, блестящие глаза его сразу потускнели.

— Ваша светлость, — сказал он с сердцем, — вы наверняка успели увидеть, что у нас творится!

— Ну, — протянул я, — что-то успел, что-то нет...

Он проговорил с нажимом:

— Мы остро нуждаемся в вашей помощи!

Я вздохнул, развел руками.

— Да-да, интересы королевства, а то и вовсе всего человечества, но я такой умник, сразу вспоминаю на счет того, что каждый человек — целая вселенная, а это даже вроде бы больше, чем королевство, если не врут... То есть я не готов совать голову в петлю только для того, чтобы в Варт Генце прекратились некоторые безобразия.

— Некоторые? Ваша светлость!

Он даже откинулся на спинку кресла и вытаращил глаза, не находя слов, я тоже убрал локти, но только для того, чтобы слуги поставили чаши, наполнили вином, а потом не мешать им раскладывать закуски и фрукты.

— Дорогой друг, — сказал я с глубоким сочувствием, — это вроде бы звучит несколько цинично, понимаю, однако... допустим, что с моим вмешательством вы как-то получите прекращение гражданской войны...

— Это наша мечта! — воскликнул он.

Я покачал головой.

— А что получу я, кроме неприятностей?

Он воскликнул патетически:

— Ваша светлость, а трон? А корона?.. Да сколько за них крови пролито, а вам прямо в руки пихают!

— Да хоть в сумку, — сказал я твердо. — Отбивался, отбиваюсь и буду отбиваться. И вы знаете почему.

— Почему?

— Через год, — сказал я знающе, — а то и раньше, пойдут разговоры, что зачем на троне сидит не просто чужак, это бы еще стерпели, любой чужак становится своим, но человек, который правит одновременно частью Турнедо, Армландией и Сен-Мари?.. А не гребет ли он часть наших ресурсов туда, а не берет ли слишком много налогов из Варт Генца, которые вкладывает за Большой Хребет...

Он вскрикнул оскорбленно:

— Ваша светлость!

Я отмахнулся:

— Начнется то же самое, но уже против меня.

— Не начнется! Мы не такие!

Я покачал головой:

— Да ладно, вы же не ребенок. Я, кстати, тоже потерял девственность, а так жалко, хоть плачь, будто все еще помню, что это. Теперь все вижу таким, какое есть, а это так противно, впору вешаться... или других вешать, что, вообще-то, временами как-то скрашивает серые будни, которые сотворил Господь и велел нам раскрасить. В общем, за счастье недолго посидеть на троне и ощутить корону короля на челе я должен отдать нечто гораздо большее, чем трон!

Он помолчал, хмуро наблюдая, как я пробую вино, лицо мое непроницаемо, а прекрасная эльфийка, явно подражая мне, так же методично осматривает спелую грушу, словно не понимает, как такое люди могут есть.

Наконец Меганвэйл тяжело вздохнул, в его глазах — растущее уважение, а заговорил он совсем невесело:

— Ваша светлость, прошу мне поверить, я так далеко не заглядываю. Я ж не политик, я военачальник.

— Достойнейшая профессия, — сказал я.

— Если все так, — произнес он, — как вы говорите, а я начинаю верить, то да, вы правы, потеряете больше, чем приобретете... Но как же наша страна, наш бедный народ?

Я ответил в тон:

— Я очень люблю вартгенцев, ибо король Фальстронг был мне как отец.

Он сказал с надеждой:

— Все помнят слова короля, когда он сказал, что хотел бы вас иметь сыном... Это еще один камушек на чашу весов, что вам нужно принять трон. После гибели его сыновей вы — его единственный наследник, так считают многие!

— Я слишком уважаю, — сказал я, — и, можно даже сказать, без особого так уж преувеличения, люблю ваше королевство, чтобы пытаться сесть на трон ради каких-то эгоистических целей...

— Сэр Ричард! Но таким образом вы спасете нас от династических войн!

— Ненадолго, увы.

— Но сейчас претенденты сразу утихомирятся, увидев, что ни один из соперников не сумел ухватить корону!

— А потом?

— Вы что-нибудь придумаете, — сказал он убеждающе. — На этот раз ее вам вручат не потому, что не хотят дать сопернику, а потому, что вы тем самым прекратите гражданскую войну.

— Как?

— Она сама возьмет и прекратится!

— Нет, — сказал я. — То ваше всего лишь королевство, а то моя шкура! Понятно, что дороже.

Он покосился в окно, за которым уже темная ночь, перекликаются совы, а в небе зажглись звезды.

— Ваша светлость, вы наверняка устали с дороги. Я велел приготовить лучшие покои. Отныне они будут носить ваше имя!

Я поклонился, поднялся:

— Спасибо, граф. Эй, черпак... виночерпий, подъем!.. Будешь услаждать меня песнями.

Граф самолично отвел нас в наши покои, в самом деле роскошнейшие, чувствуется вкус в украшении стен гобеленами и дорогим оружием, ни одного простого меча или топора, а все именное, со сложными рисунками на клинках или замысловатыми рунами, на мертвое врезанными в металл.

Бобика ничто не удивило, но громадные глаза Изазель стали совсем вполлица, уж и не знаю, как они у нее получаются такими, даже я засмотрелся, а потрясенный граф судорожно вздохнул и пробормотал заплетающимся языком:

— Спокойных снов, ваша светлость!

— Спасибо, дорогой друг, — сказал я с чувством. — Я в самом деле чувствую себя здесь как дома.

Он поклонился и вышел, Изазель прошептала:

— Чего он тебе прислуживает?

— Проявляет вежливость, — объяснил я. — Чуткость.

— Чуткость?

— Ну да, — сказал я. — Как я к тебе. Не заметила, мелкая свинюшка?

— От тебя дождешься, — заявила она, даже не догадываясь, что угадала. — Ты весь, гад чешуйчатый, хитрый!

Я прошел к столу, сел, задумался. Изазель тем временем робко почучундрила по комнате, шарахаясь от неподвижных железных рыцарей на невысоких постах.

ментах, долго старалась убедиться, что они в самом деле не дышат, поскребла ногтем гобелены, удивляясь, почему ничего не меняется, а вот у них в замечательном Лесу так сразу бы...

Посреди стола большого формата книга страниц в тысячу, переплет из красной меди, прямо по центру надменно высится череп коричневого цвета, настолько корявый, что я сперва решил, что вылеплен из сырой глины, потрогал пальцем, нет, натуральный, но вид такой, как если бы пролежал в земле века, если не тысячелетия.

Рядом с книгой серебряная чаша, подсвечник с ручкой, листья неведомых мне трав, карту из странного материала прижимают к столу окаменелые остатки морских, как предполагаю, чудищ, если это не жвалы муравьев размером с собак...

Изазель подошла к столу, отпрянула в ужасе и отвращении.

— А эта штука зачем?

Ее дрожащий палец боязливо указывал на череп. Я пояснил мирно:

— Это напоминание, что нужно успеть сделать все, что задумал, ибо жизнь коротка. На эльфов это не сработает.

— Жизнь всегда коротка, — возразила она, — какой бы ни была долгой, но такое держать на видном месте все равно отвратительно.

— А эстетика зла?

Она переспросила испуганно:

— Чего-чего?

— Ладно, — сказал я, — это люди так свою бунтарскую ширь выказывают. Осматривайся, существо.

Она пропищала:

— Это вот постель? Какая огромная! И какое толстое и легкое одеяло...

— Оценила? — проворчал я. — Из лебяжьего пуха. Трава все равно так не может.

— Зато трава пахнет!

— А мне зачем ее запах? — удивился я. — Ты пахнешь лучше любой травы!

— Я пахну?

— Как самый лучший в мире цветок!

Она польщенно заулыбалась, выпрямила испуганную спинку, а я напряженно думал, что Гиллеберд сумел ценой долгой и упорной борьбы ограничить аппетиты и своеолие крупных лордов, а я довершаю его реформы, обезглавив верхушку и передав их земли преданным мне лично людям. Но даже с ними не сделать того, что сделал Вильгельм Нормандский: взять клятву верности не только с них, но и со всех их слуг, стражей, крестьян...

Если попытаюсь сделать это сейчас, будет выглядеть оскорбительно, как знак недоверия к преданным друзьям. И вообще такое уже поздно делать как в Турнедо, так и в Сен-Мари, а про Армландию и говорить нечего.

Единственный шанс — Варт Генц, но операция должна быть ювелирная. Феодалы всегда стараются не допустить усиления королевской власти и никогда не позволят, чтобы у короля было больше сил, чем у них...

С дальнего конца комнаты раздался восторженный визг, Изазель обнаружила за шелковой ширмой вместительную бадью из темной бронзы, кучу обтирательных холстов на крюке и непонятного назначения трубы, что нависают над краем ванны.

Я осмотрел по ее настойчивому требованию, затем вышел в коридор и перебрался в соседнюю комнату. Там жарко горит очаг, возле него две огромные бадьи с водой, чугунный котел и двое мужиков сидят в углу и

сосредоточенно трясут по очереди стаканчик с kostями.

Оба подхватились, склонились в поклонах.

— Что изволите, ваша светлость?

— Нагрейте воды, — велел я. — Сейчас.

Один сказал торопливо:

— Щас сделаем! Бадью наполнить сразу?

— Да, — ответил я.

Изэль, оставленная в одиночестве, с печальным видом лежит на спине Бобика, как убегающая Европа на спине быка, посреди зала на медвежьей шкуре.

— Ты где был так долго? — вскричала она.

Я изумился:

— Долго?

— Очень, — заявила она с гневной обидой. — Посмотри на Бобика!

Тот всем видом показал, что даже не очень долго, а невероятно долго, вообще бросил их, как так можно, нет у меня сердца, совсем очерствел в политике, так давно не чесал и не гладил.

Я сел с ними рядом и почесал, и погладил обоих.

— Сейчас наполняют бадью, — сообщил я, — смоем пыль и грязь, пока Бобик посторожит наши штаны.

Изэль вытаращила глаза и отшатнулась, когда из труб полилась теплая вода.

— Колдовство? — прошептала она потрясенным шепотом. — Я такого не знаю!

— Мощное, — согласился я. — Самое интересное, что им владеют абсолютно все люди.

Она охнула:

— И ты?

— А почему нет, — ответил я, — только мне таким как бы заниматься не совсем к лицу... Ну, ты полезешь первая?

Она отшатнулась, потом завизжала:

— Что? В воду? Я тебе что, лягушка, чтобы вот так днем и голая?.. Лягушка хоть зеленая, ей как-то можно, хотя и не совсем, но она ж совсем дурная, а я тебе кто?

— Ты умненькая и хитренькая, — похвалил я, — и безмерно отважная! Ты просто замечательная!

Она посмотрела на меня с недоверием:

— Да? Я-то знаю, но как ты сообразил?.. Или я сама, такая замечательная, проговорилась?.. Нет, это ты меня вынудил проговориться! Ладно, отвернись и заткни уши!

— А уши зачем?

Она отрезала:

— Не знаю, но все равно заткни.

Я отвернулся и заткнул уши, а она быстро разделись, разложила одежду на спинках стульев, где она смотрится лучше всего, потом хлюпнула вода, донесся восторженный вздох.

Не поворачиваясь, я спросил:

— Уже можно?

Она ответила сердито:

— Нельзя!

— Почему?

— Тут вода какая-то дурная, совсем прозрачная!

— Правда, — удивился я. — Вы что, сквозь воду видите?.. А для нас все равно что смотреть через камень.

Она разрешила великолепно:

— Ладно, можешь открыть глаза.

— А повернуться?

— Ну... ладно, позволяю.

Я повернулся, из воды торчит только ее голова, глаза смотрят с живейшим любопытством. Не знаю, забыла, что уже крутилась перед зеркалом если не голой, то обнаженной точно, или в какие-то моменты жизни можно, а в какие-то снова низзя, как все сложно и ритуально, но я промолчал и начал расстегивать поясной ремень.

Она, как только я взялся за штаны, крепко-крепко зажмурилась, наклонилась к самой воде и закрыла гла-зищи ладошками, что на целый миллиметр шире ее восхитительных гляделок.

Глава 12

Я повесил ремень на спинку кресла, существо в бадье отодвинулось к самому краешку и чуть не расплескалось по стенке, опасаясь, что я задену, а это, видимо, чем-то сакрально, я сам уже прикинул, что сяду, упервшись спиной в разогретую стенку и подожму конечности, чтобы не коснуться ее, вдруг это запрещено Великой Богиней.

В дверь деликатно постучали, мы же в гостях, я поддернул спущенные уже до колен штаны, ухватил ремень и вышел с ним коридор.

Совсем юный паж посмотрел с открытым ртом на мой обнаженный торс, потом на ремень в моей руке, испуганно отпрянул, сглотнул воздух и сказал торопливо:

— Ваша светлость, простите за беспокойство!

Я буркнул:

— Подумаю. Что стряслось?

— Граф просит сообщить на всякий случай, что прибыли только что барон Айвариказ и барон Дитвольф, известные военачальники, очень уважаемые и авторитетные в армии.

Я кивнул.

— Спасибо, что прервал мое купанье. Эти лорды очень жаждут со мной повидаться?

— Да, — сказал он умоляюще. — Очень!

Я прощедил сквозь зубы:

— Хорошо, сейчас приду.

Он умчался, счастливый, что не отвел ремня в

моей руке, а я вернулся в покой. Изазель следила за мной из бады огромными испуганными глазищами.

— Что-то случилось?

— Дела людей, — пояснил я горько. — Я отлучусь ненадолго. К тебе никто не войдет, не беспокойся!

— Ты заколдуешь двери?

— Да, — пообещал я. — Заколдую.

Я набросил рубашку, опоясался мечом, без него мужчина не мужчина, а просто мужик, быстро вышел и спустился в зал, где граф обычно принимает гостей. Комната освещена не столько свечами, сколько багровым пламенем из великоконского камина вполстены, там полыхают целые дубы, граф старательно уничтожает леса и помогает человеческой цивилизации распространяться вширь.

В креслах вблизи камина трое: сам хозяин, а также двое крупных мужчин в роскошных расстегнутых камзолах поверх стальных кирас. Все трое поднялись при моем появлении, оба барона смиренно-гордо преклонили колена, я уже не возражаю, просто жестом велел встать и сказал участливо:

— Что-то очень важное?.. Друзья, прошу сесть.

Граф Меганвэйл доложил с оттенком гордости:

— Рад слушаю представить моих лучших командиров, ваша светлость. Барон Айвариказ, первым начинает сражение и последним заканчивает, и барон Дитвольф, его оборона всегда несокрушима, а когда идет в контратаку, его ничто не может остановить...

Бароны коротко и резко наклонили головы, я подумал, что Айвариказ на древневерхненемецком, как нечто шевелится в памяти, означает временем могучего, но что это такое, не знаю, зато Дитвольф полностью соответствует имени, даже оскал, как у лесного волка.

Они сели все трое, граф Меганвэйл сказал с чувством:

— Они бросили все и примчались, как только услыхали, что вы прибыли в наше королевство!

— Как же так быстро? — спросил я с недоумением.

Граф ответил с улыбкой:

— Как только вы оказались в моем замке, я велел послать почтовых голубей. А оба барона — мои соседи.

— Ясно, — сказал я, — думаю, граф уже ввел вас в курс дела, что хочу и что могу я.

— Когда бы я успел? — возразил Меганвэйл. — Это вы все успеваете, ваша светлость, я весь иззавидовался.

— Завидовать нехорошо, — уличил я. — У вас такая милая жена!.. В общем, ничего нового предложить не могу. Когда в стране начинаются беспорядки, порядок восстановить может только армия.

Они все дружно кивнули, а в глазах загорелся тот блеск, что молча говорит «только прикажите!».

— Только армия, — проговорил граф Меганвэйл мечтательно.

— Но армии, — продолжил я, — как таковой не существует, ибо то, что собирается по зову короля, объявившего войну соседу, это не армия, если говорить точно, а набор союзных войск во главе со своими военачальниками, обычно — самими же лордами. У них есть право уйти обратно в свои земли, если король не сумеет закончить войну за сорок восемь дней... а это, с нашей точки зрения, просто дико и быть не должно!

Они слушали, снова кивали, с каждым словом согласны, но во всех королевствах всегда король созывал своих лордов на войну, и те являлись со своими боевыми отрядами, которые сами нанимают, муштруют, вооружают и готовят. В этой прекрасной системе только один минус, но зато какой: все в отряде приносят присягу своему лорду, а не королю, и если лорду вздумается пойти войной на короля, то все в его войске, вассальные рыцари и простые воины, пойдут, ибо лорд для них ближе, чем король...

Граф Меганвэйл слушал тоже внимательно, но в глазах быстро нарастает нетерпение, и когда я умолк, он сразу же сказал:

— Да, все так, ваша светлость. Но это общепринято и узаконено. Другое в наших условиях придумать невозможно.

— Возможно, — ответил я уверенно. — И мы это сделаем.

— Как?

— Не скажу, — сказал я, — что это просто. Напротив, очень сложно. Но я прошу верить мне и следовать за мной.

— Ваша светлость!

— Не как на пиру, — уточнил я, — а как в армии, где не просьбы, а приказы.

Меганвэйл взглянул на баронов и ответил за всех троих:

— Ваша светлость, приказывайте!

— Буду, — пригрозил я. — Но зато быстро погасим пожар братоубийственной войны.

Они смотрели на меня горящими глазами, даже Меганвэйл встрепенулся и расправил плечи, во взгляде надежда, что вот сразу все разрулю и сумею.

— Располагайте нами, ваша светлость, — сказал он снова и за баронов. — Вы уже доказали всем в королевстве, что не ищете выгоды. Теперь вам поверят и самые недоверчивые.

Днем Изазель храбрится, однако ночью страхи берут верх, и она либо подкапывается под меня, словно роет норку, либо чаще всего залезает сверху и спит там, вцепившись, как клещ, пусть не слишком комфортно, зато в безопасности.

Впрочем, и на этот раз проснулась свеженькая, рас-

пахнула дивные глаза, словно сказочная бабочка раскрыла синие-синие крылышки, сладко зевнула, как щенок, и потянулась, выгибая спинку с выступающим хребтиком.

— Доброе утро, — сказал я. — Как спалось?

— Прекрасно, — заверила она. — А тебе?

— Терпимо, — буркнул я. — А теперь слезай.

Она в удивлении посмотрела мне в лицо.

— Ой, а почему я здесь? Ты зачем меня на себя затянул?

— Да вот ломаю голову, — ответил я саркастически. — Не подскажешь?

Она замотала головой, слезла неспешно, легла на спину рядом и уставилась мечтательно в расписной потолок.

— Как здесь, — услышал я тихий голосок, — все странно и необычно... Как много я узнала!.. Кому рассказать, не поверят. И будут говорить, что я сумасшедшая...

— А мы оба такие, — ответил я с сочувствием.

— И ты?

— Конечно! Нормальные люди стремятся жить-поживать и добро наживать. А не искать приключений на твою попку.

Она повернула голову и посмотрела на меня дико:

— Почему на мою?

— Ну не на мою же, — ответил я с достоинством. — Я, знаешь ли, ландесфюрст, а не жопоноситель. У меня планы, запросы, идеи, проекты и все такое, потому я как бы неприкосновенен в некоторых аспектах бытия и сознания.

В дверь постучали, я сказал громко:

— Войдите!

Рядом яростно всискнуло, зашебуршилось, и когда дверь начала приоткрываться, здесь уже мелькнуло

нечто белое, с бешеною скоростью заворачиваясь в одеяло, как червяк, надумавший окунуться.

На пороге возник слуга в фамильных цветах Меган-вэйлов и с его гербом на плече, поклонился, стараясь не слишком уж рассматривать меня в постели.

— Ваша светлость, — спросил он почтительно, — вы изволите присутствовать на завтраке?

— Обязательно, — заверил я. — Поесть я люблю.

Он сдержанно улыбнулся на милостивую шутку лорда, попятился в коридор и закрыл за собой дверь.

Изэль долго выпутывалась из одеяла, шипя, как разъяренный мангуст, в синющих глазах заблистали грозные молнии.

— Ты чего?.. А если бы он меня увидел?

— И что? — спросил я с интересом.

— Сглазил бы, — заявила она твердо. — И ты бы возил сглазенную, а потом привез бы в Лес, а там бы спросили...

— А зачем привозить в Лес? — изумился я. — Лучше сам придущу по дороге. Поднимайся, завтракать придется в обществе.

— Каком?

— Граф наверняка рассказал баронам Айвариказу и Дитвольфу о моем... гм... виночерпии.

— Это кто?

— Это ты.

Она начала подниматься, на хорошенъком личике предельная озабоченность, старается понять, выше виночерпий или ниже по статусу, чем паж или оруженосец.

Я сказал покровительственным тоном:

— Не начинай мыслить, а то морщины появятся. Что титулы и должности? Коннетабль — это конюх, но командует всеми войсками королевства, постельничий — управляет королевством.

— А виночерпий?

Я поцеловал ее в чистый лобик.

— Управляет самим королем. Вставай.

Я поднялся сам, и, пока одевался, за моей спиной шелестело, бурчало, ругалось на вещи, наконец я спросил в нетерпении:

— Ты готова?

За спиной ахнуло:

— Давно! Я думала, ты уже заснул!

— Следуй рядом, — велел я.

— Как скажешь, — пропищала она довольно. —

Можешь даже впереди послать!

— Так ловушек же нет, — ответил я рассеянно, — как и капканов. Мы в замке друга... ты чего это одело? К завтраку можно что-то светлее или голубее...

Оно ощерило мелкие острые зубки:

— Что? Я вожу с собой ворох платьев?

— Я тебя люблю, — сказал я прочноувствленно. — Ты мечта любого мужчины.

Она взглянула беспомощно и растерянно.

— Ты чего?

Я вздохнул.

— Даже не предполагаешь, как ты близка к идеалу!

Подумать только, одно платье в дорогу...

У лестницы нас встретил почтительный управляющий и лично провел в зал, откуда через распахнутую дверь уже доносятся громкие мужские голоса.

Нас никто не объявлял, все по-домашнему, в зале помимо хозяина, баронов Айвариказа и Дитвольфа еще трое мужчин, по лицам типичные полевые командиры. Они с грохотом повскакивали из-за стола, я издали показал ладонями насчет сидеть, Бобик этот жест сразу понимает, эти тоже ухватили на лету и сели, но всем видом показывают, что вскочат по первому же моему взгляду.

Я усадил Изэль рядом, ее трясет, как осину на ветру, смотрит в стол, а военачальники не могут оторвать от нее зачарованных взглядов.

Граф Меганвэйл сказал, не поднимаясь:

— Ваша светлость, это Николас Бэрбоун, Харли Квинн и Джизес Крайст, наши соратники, прибыли утром, узнав о вашем прибытии. Можете рассчитывать на них так же, как и на всех нас.

Новоприбывшие едят меня преданными взглядами, я кивком указал им на тарелки.

— Закончим с завтраком, поговорим потом. Хотя, уверен, наш любезный хозяин ввел вас в курс насчет того, что я прибыл только ознакомиться с положением дел. У меня, не скрою, есть свои предложения и некий план, но все будет зависеть от того, насколько крепка будет ваша поддержка.

Барон Дитвольф сказал твердо:

— Ваша светлость!.. Приказывайте.

Граф Меганвэйл вскочил и заспешил к лестнице, по ступеням спускается миловидная женщина с мягким добрым лицом и такой же улыбкой.

Он подал ей руку и отвел к столу. Мужчины поднялись, приветствуя, Изэль тоже поднялась, глядя испуганно, затем все сели, она постояла, пока я не дернул сзади.

— Моя жена, — представил граф, — леди Лаура. Вообще-то настоящая хозяйка, даже хозяин.. это она. Что делать, я чаще появляюсь в полевых лагерях, чем в замке.

Леди Лаура держится тихо и скромно, но я в каждом ее взгляде и движениях замечал ту расторопность и хозяйственность, с которой женщины рождаются, но лишь немногим удается вот так развернуться, не видя барьеров своей инициативе.

Она с любопытством и по-матерински рассматривала

вала Изазель, что вообще замирает под ее взглядом, как мышонок при виде коршуна, но постепенно отважная, но трусливая, хоть и храбрая, начала понимать, что страшная хозяйка ее не слопает, не растерзает, не прибьет, распрямилась, а с ровной спинкой это такое удивительное существо, что слуги едва не роняют подносы и постоянно сталкиваются, не в силах отвести от нее взгляды.

Когда от поданного на стол запеченного кабана остались одни кости, а мы перешли к десерту, я деликатно вытер губы краем скатерти и поинтересовался:

— Граф, а как на границах Варт Генца? Обычно в таких случаях соседи нехорошо оживляются.

Он покачал головой:

— Нет-нет, ваша светлость, с востока с нами граничат Скарлянды, огромное королевство, но сильно разоренное армией императора Карла из-за своего равнинного положения... С запада — Гиксия, Горланд и Бриттия, а на севере у нас королевство Ирам, достаточно сильное и могущественное, однако пока что либо там не знают о начале у нас гражданской войны, либо пока не решили, как действовать.

Барон Дитвольф добавил почтительно:

— Говоря по чести, только одна заноза, да и та на самом крайнем юге.

Граф кивнул:

— Все верно, барон. Ваша светлость, там один из турнедских лордов продолжает оказывать сопротивление и не признает условий договора между королями-победителями. А это добавляет горечи...

Остальные оживились и начали вставлять реплики, сперва со всевозможным почтением, затем все более напористо. Я слушал внимательно, Меганвэйл, как эти честные военачальники, вижу по лицам и реакциям, патриоты своей страны, но не все им стоит расска-

зывать, а так да, понимаю, герцог Сулливан, которого я так и не стал лишать титула, прибыл в отныне его земли, которые я одновременно ему пожаловал и назначил местом ссылки. С ним прибыла и его жена Хорнегильда, хорошо. Принял замок, а затем сразу же, как и водится, начал знакомиться с соседями. Больше всего сошелся, быстро ощущив к нему симпатию, с Зигмундом Лихтенштейном: похожи и ростом, и статью, и характеристиками, а тут еще Зигмунд ведет освободительную войну с наглыми захватчиками, один против всех, оставленный всеми и брошенный.

Естественно, Сулливан немедленно прибыл на помощь, и вдвоем эти два гиганта в первую же вылазку опрокинули подступившие войска вартгенцев, погнали их, а выскочившие вслед за ними войска побили все тараны и пожгли катапульты, требушеты и гастрофареты, а еще преследовали убегающих и убивали в спину.

Потом, правда, пришлось укрыться за надежными стенами, но и вартгенцы опасались размещать лагерь слишком близко к стене, побаиваясь внезапных вылазок, так что Сулливан как продолжает перебрасывать добровольцев, так и сам проникает к Зигмунду и помогает отражать атаки.

Глава 13

Я слушал, морщился, собирая складки на лбу в полнейшем сочувствии, хотя все идет тютелька в тютельку, как у лилипутов, строго по моей задумке, ни на ангстрем в сторону. И, что главное, даже не по моему хитрому умыслу, а все как бы так и само по себе, ну разве что я Зигмунда тогда в битве за пролом в городской стене не стал пленять, но и тогда был как бы не умысел, а я своих людей уберегал от ненужной схватки с этим яро-

стным героем, когда и так все сражение нами уже выиграно.

— Вообще в королевстве ширится сильнейшее разочарование, — сообщил граф Меганвэйл мрачно. — Мало того, что по договору о разделе Турнедо нам досталась наименьшая часть...

Остальные дружным гулом поддержали его слова, только леди Лаура улыбнулась снисходительно и придвинула к Изазель блюдо с крупными гроздьями винограда.

— У Шателлена еще меньше, — уточнил я.

Меганвэйл отмахнулся:

— У Шателлена и армии всего два полка... У нас же вся армия в самом деле ударила по Турнедо с севера со всей мощью.

Я вздохнул.

— Не ради спора, а ради точности напомню, что всю ударную группировку Гиллеберд направил на захват Армландии и для борьбы с возможной помощью ей со стороны Барбароссы. А здесь, не будем надувать щеки, в землях Турнедо оставалась небольшая линия защиты, так как Гиллеберд с этой стороны нападения не ожидал.

Он сказал с мягкой укоризной:

— Вечно вы всю картину портите! Хорошо, но тогда тем более, мы шли победно, сбивая небольшие гарнизоны, захватывая земли... и вдруг оказались обойденными при деле же!

— Все получили строго по заранее оговоренному договору, — снова напомнил я.

Он развел руками:

— Да я не спорю, только непонятно, почему мудрый король Фальстронг его подписал, он же в самом деле мудрый, как мог не увидеть подвох, почему не углядел?

Я сказал скромно:

— Никто не углядел. Даже Барбаросса. И Найтингейл. Но, дорогой граф, вам наверняка больше всего портит кровь барон Зигмунд Лихтенштейн? Я заметил, почти половину земель Турнедо, ну пусть третья, что отошли по договору вам, контролирует он?

Военачальники согласно загудели, Меганвэйл ответил невесело:

— Вы попали в самую точку. Если честно, это еще одна из причин, почему так слезно просили вас пребыть.

— Почему?

Он вздохнул совсем тяжело, словно с каждым вздохом поднимает тяжеленную гору.

— Этот Зигмунд требует, чтобы его земли остались независимыми, либо... их включили в территории, что отходят к вам, сэр Ричард!

Я громко удивился:

— Ого!.. А что, он в состоянии выстоять против целой армии Варт Генца?

Он покачал головой:

— Нет, конечно. Но и мы не в состоянии ворваться на просторы его земель.

— Почему? Что случилось?

Он начал объяснять с досадой:

— К сожалению, дорога идет через ущелье... довольно широкое и просторное, однако его издавна перегородили чудовищно толстой и высокой стеной из таких массивных глыб, что никакие катапульты не в состоянии потревожить хоть камень.

— Ого!

— Получается, — объяснил он, — что он сидит в своей норе, и мы войти не можем...

— Так вот в чем дело, — протянул я, — понятно... Однако никто долго в норе не усидит.

Барон Дитвольф недовольно крякнул, а граф снова с сокрушенным видом покачал головой.

— У него слишком просторная нора. Там дальше города, села, деревни, леса, озера, пашни... Он спокойно может сидеть там хоть всю жизнь. И может обеспечить себя всем, кроме хорошего оружия и доспехов... У него там нет ни одной шахты по добыче железной руды.

Я насторожился, сказал одобрительно:

— Ну вот, видите! Он обречен.

Он помотал головой:

— Оружие не так уж и часто ломается. К тому же, как мне кажется, он как чувствовал и сделал запасы. Или кто-то его снабдил. В общем, эта такая раздражающая заноза...

— И что лорды, которые обратились ко мне, желают на самом деле? Я не имею в виду сидящих со мной за столом, мы друзья и единомышленники, я говорю о лордах, что сражаются за власть, и с какой-то целью просили меня прибыть.

Он вздохнул.

— Если вы примете корону, то этот Зигмунд сочтет, что ему сражаться больше не за что. Варт Генц будет под вашей властью, а значит, и он тоже, как и хотел!

Я подумал, в сомнении покачал головой:

— Мне бы хотелось помочь разрешить эту проблему, но я не уверен, что могу в нее влезать слишком уж... глубоко. Давайте искать другие пути, попроще. И не такие обязывающие меня. Я уже не дурак, дорогой граф... как я это часто восклицаю, уверенный, что вот наконец-то умный... Да, не дурак, по крайней мере в этом. И с ужасом понял, что король — это не фаворитки и соколиная охота, как видится со стороны, а работа с утра до ночи... и ночью тоже.

Он сказал бодро:

— И что? Вы молодой, здоровый. Потянете!

— Уже не тяну, — признался я. — Хребет трещит. Нет, надо иное решение, граф. Я не хочу стать королем на год, а то и полгода, которого потом пинком...

Он взорвал быстро, в голосе появилась стальная нотка:

— На этот раз можно вытребовать больше! Лорды, выбирая короля, всегда заставляют подписать хартию их вольностей и неотъемлемых прав, но в этот раз вы можете торговаться весьма крепко.

— Много не выторгуешь, — сказал я. — Сами знаете. Основные рычаги лорды всегда оставляют у себя. Король царствует, но... управляет в мелочах. Да еще охота, песни бои, фаворитки, пиры... Нет уж, нет уж! Хотя знаете, граф...

Я заколебался, говорить или нет, он опередил:

— Мой лорд, Фальстронг называл вас сыном, и я уверен вам, как был уверен ему! Говорите, я выполню все!

Барон Дитвольф поддержал густым голосом:

— Мы все выполним.

Я вздохнул, произнес с раскаянием в голосе:

— Чувствую, глупость делаю, но это во мне берет верх паладин, что лезет не в свои дела, если видит, что там можно кому-то помочь... В общем, дорогие друзья, я все-таки попытаюсь, да, попытаюсь. Но обещайте делать все, что скажу, а я пообещаю, что в самом деле постараюсь покончить с войнами и сделать Варт Генц богатой и процветающей страной!

Они все буквально расцвели, словно в каждом засияло солнце, начали подниматься из-за стола и преклонять колена.

— Ваша светлость! Я ваш верный слуга!..

— Располагайте мною!

— Мы всегда с вами!

— Только прикажите!

...После завтрака военачальники, получив мои заверения, что начинаем действовать быстро и решительно, взыграли, как боевые кони при звуках военной трубы, оседлали лошадей и помчались кто к себе, кто к тем, кому доверяет, чтобы приступать к выполнению моей программы.

Я вернулся в отведенные мне покой, Изаэль притаилась в углу, тихая, как мышонок, смотрит, как я неспешно одеваюсь в дорогу, то и дело застывая, как чурбан, всецело поглощенный мыслями.

Две турнедские армии, которые я перехватил еще в Армландии и отправил в Сен-Мари, где они героически выдержали битву с морскими варварами и защитили Тараксон — последние воинские формирования Турнедо прежнего феодального облика. Правда, об этом знаю пока только я.

Два письма я послал графу Ришару сразу же, как только опасность со стороны пиратов миновала. И я отправил армии рейнграфа Чарльза Манершайд и стальграфа Филиппа Мансфельда в Гандерсгейм. В письмах я пояснил и дал подробные инструкции, что так как это армии недавнего противника, то следует, не выказывая к ним недоверия, осторожно разбавить их армландцами и сен-маринцами. Причем не знатными рыцарями, те пусть остаются там, где и были, а воинами простого звания, но как можно более умелыми и опытными. Уверен, Чарльз Манершайд, командующий северной армией Турнедо, и Филипп Мансфельд будут только рады усилению своего воинского контингента и сочтут это знаком дружеской помощи с моей стороны.

Знаю, Ришар поймет мои указания правильно, то есть как я и написал, и сочтет меры умными и своеевременными. А то, что я замыслил на самом деле, пока не должен знать даже он.

Нас с Изаэль вышли проводить как сам граф Ме-

ганвэйл, так и его улыбающаяся жена, она то и дело старалась обнять мое существо, а оно инстинктивно льнет к ней, как цыплёнок к маме, так что я даже втихую приревновал.

— Ваша светлость, — сказал Меганвэйл с чувством, — вы нам привезли надежду!

— Но чтобы она не завяла, — сказал я, — ухаживать надо всем.

— Мы оросим землю своей кровью, — отчеканил он твердо, — только бы все получилось и эта нелепая война затихла!

— Лучше кровью наших противников, — уточнил я. — Хотя я хотел бы вообще обойтись без крови.

— Ваша светлость?

— По возможности, — уточнил я, и он сразу успокоился, потому что это «по возможности» дает достаточно широкий простор для толкований, а значит, и действий.

Я обнял его, поцеловал леди Лауру в губы, так положено, если я принимаю на себя роль сузерена, свистнул Зайчику.

Из конюшни донеслось бодрое ржание, Зайчик выбежал рысцой, волоча за собой повисших с обеих сторон конюхов, сытый и довольный.

В глазах Меганвэйла я увидел откровенный воссторг, он покачал головой.

— Чем его только не кормили... Я ходил смотреть, как он ест! Подковы старые, всякое негодное железо... Сэр Ричард, я уже всех предупредил, вас встретят графы Арнубернуз и Фродвин.

Я сказал с удовольствием:

— Хорошо, я знаю обоих.

— Они о вас самого высокого мнения...

— Я старался ничем себя не уронить, граф.

— Переговорите пока с ними, — предложил он, — а

я к вечеру тоже присоединюсь к вам. Пока нужно лично разослать гонцов с новыми распоряжениями.

— Хорошо, граф, — сказал я тепло. — Начнем восстановливать Варт Генц!.. Но только...

— Ваша светлость!

— Но только не подводите, — сказал я со вздохом. — Чувствую, что поработать придется много и... кое-чем пожертвовать на первых порах.

Он воскликнул истово:

— Ваша светлость! Когда здраво виден выход... вы не представляете, как мы будем стараться и как от многоного сможем отказаться!

Я улыбался и кивал. Если думает, что отказаться придется от вкусной еды и придется спать в степи, подложив под голову седло, ошибается весьма и даже зело. От вкусной еды отказываться не придется. И спать будут в теплых замках...

Глава 14

Зайчик пошел по прямой, не обращая внимания на мелкие речки, озера и даже болота, только с галопа перешел на карьер, а с карьера на нечто невообразимое, и тогда ломились сквозь встречный ветер, разогреваясь так, что даже через седло припекало, а к его телу было страшно прикоснуться.

Зато ноги от колен и выше оставались сухими даже после болот, потом он снова замедлял бег, и мимо уже не проскальзывали рощи, а проплывали, а дальние горы так и вовсе застывали на месте.

Изэль уже привыкла и перестала трястись от огромности мира, весело попискивала, вертаясь во все стороны.

— Что, — спросил я, — ужасные люди перестали казаться такими страшными?

— Твои, — ответила она независимо, — и не страшные... вроде бы.

— Да какие мои?

— Которыми командуешь!

— Никем я не командую, — ответил я невесело, — только подумываю, как бы вот так...

Она пропищала обнадеживающе:

— Ты придумаешь! Ты такой хитрый, даже меня сумел хитростью затащить в постель, так что все у тебя получится!

— Хороший тест, — сказал обалдело. — Все-таки женская логика это нечто общее над миром и демократией, тут неважно, эльфийка или не эльфийка. Наверное, еще кистеперая рыба, дура, уже так рассуждала...

— Что за рыба? — спросила она. — Которую Бобик поймал?

— Нет, то была нормальная, потому и поймалась. А кистеперая рыба сама вылезла, дура, на берег. И всех распугала.

Она ужаснулась:

— Какой ужас! Что у вас за рыбы?.. Сумасшедшая какая-то! А если укусит?

Я промолчал, что от этой сумасшедшей пошли все люди, а то совсем загордится своим происхождением на высоком дереве, вытянул вперед руку:

— А как тебе вон то?

Она повернулась и долго рассматривала приближающийся замок, наконец обронила в нерешительности:

— Миленький...

Замок графа Арнубернзуза, богатого и влиятельного магната, что пророс родней по всему королевству, в самом деле выглядит кукольным издали, слишком чист и наряден, крыши все ярко-красные, башни сложены из белого камня, даже зубцы наверху выглядят не как при-

способление для арбалетов и защита для лучников, а словно великолепное декоративное украшение.

— Хозяин этого замка, — заявила она, — молодой, красивый и очень веселый!

— Ого! — сказал я.

— Вот увидишь.

— Ты настолько уже научилась разбираться в людях?

— А что? — спросила она. — Не сложнее же вы эльфов!

На воротах нам замахали шапками, покричали «ура», створки сразу распахнулись. Толпа воинов пугливо раздалась, словно по ней провели гигантским веником, это вбежал Бобик, но затем из плотного ряда вооруженных людей выступил широкий в плечах ратник, крикнул, улыбаясь во весь рот:

— Слава Ричарду Завоевателю!

Воины дружно, хоть и вразнобой, заорали, косясь на чудовищного Пса, что опустил зад на каменные плиты и смотрит на всех с интересом:

— Слава!

— Ура!

— Да здравствует!

— Хай жывэ!

— Щэ нэ вмэрла...

Я соскочил на каменные плиты двора, обнял осчастливленного до небес ратника, сказал тепло:

— Вагнер, рад тебя видеть снова. Думаю, мы еще себя покажем! Верно?

Он опять ликующе заорал, все поддержали, из донжона вышел, на ходу надевая плащ, граф Арнубернуз, массивный, с короткой седой бородой и жутким шрамом от уха через всю щеку, стянувшим его лицо набок, сильно припадая на правую ногу, издали протянул ко мне руки.

— Сэр Ричард!

Я поспешил навстречу, мы обнялись, его свирепое некрасивое лицо осветилось радостной улыбкой.

— Я только собирался выехать вам навстречу! Ну что у вас за конь? Где он прячет крылья?

— Он тоже от кистеперой рыбы, — сказал я. — Дорогой граф, как приятно встречать старых друзей!

Он прогудел уже не так счастливо, быстро темнея лицом:

— А как нам радостно!.. В эти горестные и крайне печальные для королевства дни...

— Да полно вам, — прервал я. — Все будет хорошо.

— Мой дорогой лорд, — сказал он, — ваше появление — праздник в это ненастное время.

Я покачал головой:

— Не радуйтесь, граф. Скоро примчится гонец от графа Меганвэйла. Он уговорил меня на некую безумную и весьма губительную для меня затею... и тогда, не знаю, останется ли ваша улыбка на месте.

Он вскричал:

— От вас не может исходить зло! Или беда! Даже от вашей милой собачки!

— Гонцы направлены к многим военачальникам, — добавил я. — И лордам. Ожидайте гостей. Сперва поговорим в кругу друзей, а потом уже отправимся в столицу, а там... уже со всеми.

Он тяжело вздыхал, сопел, скреб затылок такими толстыми ногтями, что уже не ногти, и даже не когти, а добротные копыта, на лице вечная печаль, сквозь которую то и дело прорывается ликующая улыбка, все-таки я причислил к кругу наиболее близких друзей во всем королевстве, а я повернулся к коню и легко снял с седла Изазэль.

Она оставалась все тем же послушным столбиком, жутко робея в присутствии незнакомых существ, а

граф, взглянув на нее в некотором недоумении, отступил в сторону и сделал широкий приглашающий жест:

— Сэр Ричард... мой дом — ваш дом!

Бобик впереди нас ринулся к распахнутым дверям донжона, граф ухмыльнулся ему вслед, мужчины обожают грубоватые шутки, а я придерживал рукой Изаль, не давая ветерку даже приподнять край капюшона — простому народу не обязательно видеть всех гостей хозяина, достаточно и того, что потом расскажут слуги.

Граф лично отвел нас и показал лучшие покои, стараясь не слишком обращать внимание на закапюшненного спутника Ричарда Завоевателя, мало ли какие у постоянно странствующего человека появляются безобидные прихоти.

Бобик все обнюхал и царственно лег посреди огромного ковра в центре зала.

Арнубернуз посмотрел на него с симпатией — мужчины всегда стараются заводить по возможности собак покрупнее.

— Ему понравилось, — сказал он с удовлетворением, — ваша светлость, надеюсь, вам, как и вашей благородной собачке, здесь будет комфортно. Двоих слуг оставлю в коридоре в ожидании ваших приказов, а также двоих стражей, если вдруг изволится кого куда послать с сообщением.

— Спасибо, граф, — сказал я. — Но я не рассчитываю долго злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Ваша светлость!

— Надо торопиться, — пояснил я. — Сейчас пожары начались на стыке земель Хродульфа Горного, Леоприга Лесного и Хенгеста Еафора, а завтра заполыхает вся страна, потому что, когда крупные хищники де-

рутся за трон, мелкие начнут распри с соседями, которые просто не нравятся...

Он тяжело вздохнул.

— Уже началось... Отдыхайте, мой лорд!

Он ушел, я отметил, что этот, в отличие от Хенгеста, упорно именует меня светлостью и лордом, подчеркивая, что именно мне готов повиноваться...

Едва за ним закрылась дверь, Изазель прошептала в диком смятении:

— Нич-ч-чего не понимаю!

— Ты о чем? — спросил я.

Она сказала рассерженно:

— Он должен... должен быть прекрасен!

Я буркнул:

— А ты откуда знаешь, что он не прекрасен?

Она вытаращила на меня огромнейшие глаза:

— Ты же сам видел!

— У нас разные виды красот, — пояснил я снисходительно. — Самая важная — красота души. Тебе не понять, эллинка... Граф в самом деле прекрасен.

Она шире раскрыла прекраснейшие гляделки, я залюбовался, а она проговорила убито:

— Ничего не понимаю...

— Кроме того, — добавил я, — люди совсем не эгоисты... местами. К примеру, этот замок он выстроил для своей молодой и красивой, как говорят, жены. А потом, по ее настоянию, они вообще перебрались сюда из прежнего, огромного, величавого и пугающе грозного, каким должен быть замок у знатного военачальника.

Ее лицо чуть посветлело, она опустилась возле Бобика, он сразу перевернулся на спину и растопырил лапы, чтобы она могла почесать ему пузо.

Теперь, когда она перестала страшиться Бобика, то перешла в другую крайность: постоянно чешет, гладит,

шепчет в оттопыренное мохнатое ухо разные глупости, а он слушает внимательно и с удовольствием.

Покои, которые нам отвели, могли бы принадлежать и королю. Изазель помалкивает, но я видел изумление в глазах и растерянность в каждом жесте. Громадность моего дворца в Савуази еще смогла объяснить: я же властелин, у меня и должно быть самое громадное и богатое, как у королевы Синтифаэль, но когда встречает такие или почти такие же замки у других лордов...

Я сел за стол и заглянул в чернильницу, там сухо и пара дохлых мух, крикнул слуг, вбежали сразу двое и прилипли в ужасе к дверям: Бобик поднял голову и посмотрел на обоих по-монарши строго и внимательно.

— Свежих чернил! — велел я. — И перья заменить, эти уже рассыпаются. Мух убрать тоже.

— Ваша светлость, — пролепетал один, бледнея, — недоработка, простите... Все сделали, а это забыли.

Я покосился на это «все»: на гигантской кровати сменили не только пуховое одеяло, но и перину, за плотной ширмой широкий медный чан с водой, там же горшок для ночных нужд, ароматические свечи на столике возле кровати, даже большой букет цветов, как будто предполагается, что молодой и здоровый, даже здоровенный лорд наверняка будет спать с одной из замковых женщин.

Слуга исчез, Изазель снова подняла голову, она так и не вылезла еще из плаща.

— Здешний хозяин, — прошептала она испуганным шепотом, — тоже король?

— Нет, — ответил я.

— Но у него такой... дворец!

— И армия соответствует, — сказал я с тоской.

— А у нас не так...

— У вас власть централизована, — пояснил я с зави-

стью. — А у нас король все еще лишь один из лордов. Не самый богатый и не самый могущественный.

— А какой?

Я пожал плечами.

— Первый был тот, кто устроил всех, как компромиссная кандидатура. Его потомки могли уже быть не такими, но власти у них все равно не было, а взять неоткуда.

Она посмотрела на меня внимательно.

— Ты тоже такой?

Я пробормотал:

— А ты как думаешь?

Она посмотрела на меня огромными глазищами, взгляд загадочен и таинствен, а от их глубины кружится голова.

— Не скажу, — ответила она независимо. — И так слишком уж гордишься, зануда.

— Слова-то какие знаешь, — пробормотал я.

— У вас, людей, чего только не наберешься!

Она поцеловала Бобика, сбросила плащ и пошла к постели. Теперь не нуждается в приглашениях, да и сама ничего не спрашивает, а забирается в постель первой, объяснение у нее все то же: ей тут страшно, ой-ой как страшно, а за спиной могучего Ричарда, которого все боятся, как раз уютно, хотя спит не за спиной, а всякий раз ухитряется вскарабкиваться на меня и засыпает так, а я утром просыпаюсь от того, что пережевываю, как конь, лезущее мне в рот золото ее волос.

Глава 15

Со второго дня начали съезжаться военачальники некогда грозной, а ныне несуществующей, вартгенской армии. Первым прибыл, как и ожидалось, сосед Арнубернуза граф Фродвин, затем приехали кто в сопровож-

дении отряда, а кто лишь с оруженосцем, Буркгарт, Габрилас, Елиастер, Фитцуильям и другие командиры, которых я запомнил еще по началу похода на земли Турнедо.

Сердце мое колотится взволнованно, голова разогрелась, как котел на огне, слишком многие из них графы и бароны, я предпочел бы что-то помельче, вообще стараюсь опираться на таких безземельных и безлошадных, как сэр Клемент Фицджеральд, который мне обязан всем, а эти еще и морды будут воротить...

Бобика я оставил с Изазель, вышел в коридор, там уже молча переминается с ноги на ногу оруженосец Арнубернзуа.

— Ваша светлость, — сообщил он с поклоном, — все собрались в главном зале. Поторопитесь, пока там все не разнесли.

— Уже лечу, — ответил я.

Ещё на лестнице, спускаясь, я услышал гул суровых мужских голосов, а когда приблизился к распахнутым дверям, там уже словно грохочет набегающее на скалистый берег в непогоду сердитое море.

Я зашел в зал, кто-то крикнул «Сэр Ричард!», и в зале многие поднялись, приветствуя того, с которого война так победно началась ночным переходом через пограничную реку и захватом без потерь вражеской крепости. Но я ушел, и победа словно учесала со мной, а тут еще крайне невыгодные и даже обидные условия раздела добычи, из-за чего упадок, разброд, шатания, разочарование, взаимные обиды...

За столом граф Арнубернзуа, он тоже встал, придвинул мне кресло, подчеркивая этим жестом, что служит мне.

Я не стал садиться, сразу заговорил быстро и взволнованно:

— Дорогие друзья! Как военный человек, я просто

физически страдаю, когда вижу распад могучей и грозной армии... У меня сердце кровью обливается, когда происходит вот так...

Лорды одобрительно зашумели, барон Габрилас сказал горько:

— Этого не было бы, если бы вы приняли корону!

Я развел руками:

— Признаю, я переоценил благоразумие ваших высших лордов. Казалось бы, короля выбрали честно, голоса подсчитывали и пересчитывали трижды. Но... сделанного не воротишь. Меня просили приехать высшие лорды Варт Генца, но вообще-то я в большей степени прибыл по личной и очень настоятельной просьбе графа Меганвэйла, что был вашим главнокомандующим в войне с Турнедо.

— И вашим другом, — подсказал сэр Арнубернуз.

Военачальники довольно переглядываются, я Меганвэйла поставил выше, чем могущественных лордов, что льстит их самолюбию, как людей армии.

— Верно, — согласился я. — Он убедил меня, что я должен прибыть и помочь, если смогу...

— Вы сможете, — заверил Арнубернуз.

Я кивнул, ответил громко:

— Да, ибо здесь есть и моя личная выгода.

Сэр Фитцуильям произнес громко:

— Наконец-то.

— Моя выгода в том, — пояснил я громко и отчетливо, — что хочу на границах моих земель мирного и доброжелательного соседа, а не королевство, где идет кровопролитная гражданская война, что может поджечь и мои земли, вы это прекрасно знаете! Другой выгоды я не ищу. Теперь о деле. Вы все — военачальники королевской армии, которой сейчас не существует. Верховные лорды снова увели своих людей в свои земли. Так делается всегда... но сейчас именно это и при-

вело к гражданской войне! С вашей помощью, если вы все будете помогать мне не на словах, а на деле, я намерен в срочном порядке восстановить хотя бы часть королевской армии, что могла бы покончить с беспорядками и быть гарантом мира и стабильности...

Я еще не договорил, но видел, что могу не просто на них рассчитывать, но даже запрягать в телеги. Почти у всех свои дружины, но от десятка до трех десятков человек, в то время как верховные лорды могут выставить до десяти тысяч прекрасно вооруженных и хорошо обученных воинов, всего лишь собрав своих тоже достаточно крупных вассалов, а те собрав вассалов поменьше, которых сотни, а то и тысячи.

Другое дело, что военачальники из тех зачастую неумных и заносчивых лордов совсем никакие, но именно от них обычно зависит исход битв и сражений. Прекрасно помню, что в битве при Азенкуре герцог не возжелал пустить свою одетую в дорогие яркие шелка прекрасную рыцарскую конницу вместе с лучниками другого лорда, ибо как это, отпрыски высших благородных семей пойдут в бой рядом с простолюдинами? Да, он смело и отважно бросил конницу в атаку без прикрытия и взаимодействия с другими лордами, столь же чванливыми. И поражение от крохотной армии англичан было катастрофическим: погибла вся рыцарская конница, где была вся знать Франции, армия разгромлена, кто не убит и не успел убежать — попал в плен...

Граф Арнубернуз, подытоживая общее мнение, сказал истово:

— Сэр Ричард, мы можем дать вам любую клятву, что последуем за вами. Это сделать тем более просто, что наши взгляды и желания полностью совпадают.

— Прекрасно, — сказал я. — Тогда я сейчас в столице. Временно принимаю власть, если там еще не пере-

думали — подчеркиваю, временно! — и начинаем спасать королевство.

Арнубернуз спросил с надеждой:

— Нам тоже в столицу?

— Не помешает, — ответил я. — Хотя я намерен на первом этапе поработать именно с крупными землевладельцами, но ваши голоса могут поддержать мой хильдий дух.

— Мы все явимся, — пообещал Арнубернуз. — Со своими людьми.

Граф Фродвин добавил негромко:

— Так, на всякий случай.

— Чтоб вы не передумали, — уточнил Буркгарт ехидно.

Еще сутки я провел с прибывающими из дальних земель бывшими военачальниками, всем объяснял, что собираюсь возродить былую славу великой и славной державы, а затем спешно отбыл в столицу.

Изаэль совсем притихла, жалобный такой птенчик, ничего не понимает в наших странных взаимоотношениях, но все потому, что мы дураки такие, не умеем жить просто и правильно, но все равно обидно, что не понятно, одно утешение, что красивая, зато какое!

Столицу я нашел резко постаревшей, утратившей блеск и веселость. Люди даже одеваться стали в тусклые одежды, словно в каждом доме покойник.

Мы проехали через весь город к дворцу, я выждал, когда ко мне выйдет сам Клифтон Джонс, личный секретарь Фальстронга, все такой же сурово-непроницаемый, на груди королевская эмблема, только в оранжевой с черным одежде почти исчезла сама оранжевость, оставшись лишь на воротнике, а вся одежда стала напоминать наряд старейшины цеха гробовщиков.

Он остановился в трех шагах, поклонился:

— Ваша светлость, мы счастливы видеть вас.

— В самом деле? — спросил я.

Он поклонился чуть ниже.

— В самом, — ответил он ровным мертвым голосом. — Все в тупике, выхода нет, пока не истощим всех и все, а последний выживший станет королем в обнищавшей и разоренной стране.

Я спрыгнул с коня и сразу снял свою куклу.

— Не обрадуетесь, — ответил я, — когда узнаете, с чем я прибыл.

Он покачал головой:

— Дальше идет все хуже, так что ваш приезд, возможно, прервет скатывание королевства в братоубийственную войну.

Я сказал громко:

— Везде все говорят про братоубийственность этой войны, но все хотят, чтобы прекратил ее кто-то другой!.. Покажите мне гостевые покои, сэр Клифтон.

Он ответил ровным голосом:

— Вас ждут покои Его Величества Фальстронга.

Я помотал головой:

— Я сказал, гостевые.

— Нет, — отрезал он. — По вашему статусу вы должны занимать королевские. И, кроме того... ваша светлость, это совсем не ради вас и вашего гонора.

— А ради чего?

Он ответил вроде бы все так же ровно, как должен говорить государственный чиновник высшего ранга, но я ощущал страшную усталость в его обычно сдержанном голосе:

— Ради нас.

Я в самом деле смутился от такого признания, хотя вроде бы меня раздувает от гордости, как жабу на солн-

це, но такая откровенность все-таки, ага, не от хорошей жизни.

Я вздохнул, помотал было головой в упрямом несогласии, потом сказал, сдаваясь:

— Ладно, показывайте.

Вообще-то я и сам знаю, где, но нужно соблюдать ритуалы, и он послушно пошел впереди, а я повел, придерживая за плечо, своего миниатюрного спутника.

Перед входом во дворец он задержался, взглянул на Бобика:

— А что ест ваш пони с клыками?.. Такой приснится, навек останешься заикой.

— Не беспокойтесь за него, — сказал я, — он сам себе найдет.

Он поежился:

— Как раз этого и боюсь больше всего.

Стражи в залах и проходах отдают мне честь, как королю. Думаю, прежде всего потому, что уже весь Варт Генц знает о моем отказе от короны, я тогда сказал, что недостаточно достоин, и теперь моя скромность и мои достоинства бегут впереди меня, расчищая дорогу, куда бы я ни направился.

Перед королевскими покоями сэр Клифтон остановился, коротко взглянул на моего спутника.

— Ладно, — сказал я, — не буду вас томить. Это принцесса эльфов, захваченная в плен после того, как я зверски покорил их империю, все разграбил и поуничижил.

Я театрально поднял ее капюшон и закинул на спину, а Изазель медленно подняла голову, молодец, эта вот постепенность вообще бывает наповал, это как раздвигаемый на сцене занавес, и когда устремляет взор огромных синих глаз, радостно сияющих в любом полумраке, я сам замираю и смотрю с наслаждением, всякий раз не могу нарадоваться этому моменту.

Сэр Клифтон застыл на миг, но должность королевского секретаря обязывает быть непростым человеком, он тут же поклонился и сказал учтиво лишь чуть дрогнувшим голосом:

— Ваша светлость, я уверен, вы найдете покой вполне удобными.

— Не сомневаюсь, — ответил я. — Король Фальстронг умел устраиваться даже в походе. Сэр Клифтон, через час жду вас с бумагами, в которых записано все королевское имущество.

Он взглянул на меня остро.

— В смысле?

— Все, — повторил я, — это все. Начиная от всех земельных владений и заканчивая мебелью, дорогим оружием, ценностями подарками от других королей... Все ясно?

Он слегка наклонил голову, продолжая смотреть на меня исподлобья.

— Ваша светлость...

— Да?

— Могу я спросить...

— Можете, — ответил я. — Но узнаете все не раньше остальных.

Он поклонился.

— Ваша светлость...

— Сэр Клифтон, — ответил я с холодком.

Он распахнул перед нами двери, не давая это сделать слугам, а когда мы вошли, сам же и закрыл следом.

Изаэль посмотрела на меня в недоумении:

— Я не поняла... ты что такое странное говорил про меня?

Я отмахнулся:

— Это иносказание, не бери в голову. Люди многое говорят для прикола, шутки, розыгрыша, от хорошего или плохого настроения, и потом разберись, отчего Ве-

ликая Война Магов так р-р-р-аз, и все! Ты давай осмотришь, а я пока намечу план действий.

Она продолжала стоять на месте.

— Мне тут... страшно...

Я изумился:

— Почему? Ты уже была в моих королевских покоях в Савуази! Разница только в мебели.

Она покачала головой:

— Там все тихо и мирно, а здесь смерть. Здесь везде смерть... Что случилось с тем, кто здесь жил?

Я сказал небрежно:

— Пустяки. Его убили сыновья, как и жену, еще здесь убили самих сыновей, внука, еще кого-то и вообще массу народа... Обычные забавы людей, не будь такой чувствительной. Разведчик не смеет быть слишком уж музыкантным и экологично чистым... Ты должно вживаться в наш мир, чтобы его понять хотя бы вчерне.

Она посмотрела на меня сердито.

— Тебе хорошо, у тебя шкура толще, чем у трех кабанов. И сам ты грубый!

— Ладно-ладно, — ответил я. — Не хочешь, стой там, как столбик.

Этого было достаточно, чтобы чисто из-за женского упрямства начала делать все наоборот, сперва робко ходила по центру зала, потом все расширяла круги, заглянула в спальню, осмотрела обширное ложе с балдахином, походила вдоль стен и поглязела на роскошные ковры.

Часть вторая

Глава 1

Сэр Клифтон появился даже раньше, чем я ожидал, молча принес кипу бумаг, а также драгоценную шкатулку, всю в золоте, запертую на ключ.

Я тупо смотрел на бумаги.

— Что, это у Фальстронга было столько имущества?..

— Вы же пожелали все-все, — подчеркнул он.

— И вся мелочь тут?

Он поклонился.

— Даже стоптанные сапоги, которые выбросил год назад.

Я поморщился, затем махнул рукой:

— Хорошо, ладно. Может быть, найдется и на них любитель. Люди не эльфы, какая только придура не отыщется... А что за шкатулка?

— В ней королевская печать.

— А-а... понятно. А чем открыть?

Он протянул мне на ладони крохотный золотой ключик:

— Вот.

Я посмотрел на него с подозрением:

— А от себя много указов наштамповали?.. Ну там прихватить чьи-то земли, серебряные рудники, озеро с ценной рыбой...

Он посмотрел на меня бесстрастно.

— Вы все можете проверить, ваша светлость.

Я изумился:

— Что, настолько все прозрачно? Молодец Фальстронг! Не зря я его так уважал. Хорошо, сэр Клифтон. Теперь распорядитесь, чтобы все крупнейшие и просто крупные лорды съехались в столицу. Даже те, что воюют друг с другом.

Он переспросил со значением:

— Распорядиться?

— Пригласить, — уточнил я. — Можно даже с расшаркиванием. Намекните, что объявляем временное перемирие, которым могут воспользоваться для передислокации войск, передышки, пополнения ресурсов... главное, чтобы просто приехали.

— Ну, — пробормотал он, — если они увидят, что могут попользоваться чем-то... И, конечно, получат заверения в полной безопасности друг от друга.

— Получат, — заверил я. — А вы в самом деле продумайте, как их размесить с их телохранителями в разных частях города.

Он проговорил настороженно:

— Все сделаю, ваша светлость. Но мне было бы легче выполнять свои обязанности, если б я больше знал. Хочу напомнить, что Его Величество король Фальстронг мне доверял больше.

— Сэр Клифтон, — заверил я, — мое доверие к вам до известных пределов вообще бескрайно и даже безгранично. Но я здесь человек сравнительно новый, все еще не знаю, какие из стен имеют уши и какой длины. Хотя я ничего секретно-коварного не задумал, но коммерческая информация тоже весьма важна, не так ли?

Он вздохнул, поклонился и вышел.

...Слух полетел по дворцу, выпорхнул в город и понесся по стране, обгоняя резвых гонцов, что сэр Ричард прибыл на призыв лордов, а это значит, примет корону и война за трон прекратится.

Сэр Клифтон постоянно докладывал о настроениях в городе в связи с моим приездом. Есть недовольные, разочарованные, но все-таки преобладает облегчение, что все это наконец-то закончится. Даже лорды, по слухам, которые сражаются за корону, готовы уступить: лучше уж чужак, чем сосед, который та-а-а-акая сволочь, каких мир не видел!

Изаэль то ли по своей природной щебетливости, то ли еще как-то сумела закрыться от гнетущего влияния пропитанных кровью камней и снова чирикает. Возле каждого окна поставила по стульчику. А еще выбегает на веранду и оттуда жадно смотрит во двор, где так много ярко и непонятно одетых людей, где кони, мулы, собаки, а из-под арки ворот то и дело появляются богато украшенные повозки прибывающих лордов...

Я подумал, что чувствительность эльфов в самом деле... как бы велика. Здесь принц Эразм залил все кровью, когда во главе заговорщиков убил всех телохранителей отца, потому что Фальстронг, предчувствуя не-доброе, взял с собой отряд полностью. Затем погибли защищающие короля рыцари свиты, а там только знатнейших было около двух десятков, затем убили и самого Фальстронга, что умело и мудро правил королевством больше сорока лет...

Я тогда не играл в ярость благородную, когда тело принца велел не хоронить в их королевской усыпальнице, а сбросить в выгребную яму. В самом деле ненавижу эту мразь и жалею Фальстронга, другое дело, что это вызвало живейший отклик среди населения, где кричали гневно, что в яме с дерьямом дерьму и место, только надо было сперва с принца-отцеубийцы еще и

шкуру содрать с живого, чтобы знал, как убивать родителей, и моя популярность начала бурно расти еще тогда.

Сейчас, занимаясь с бумагами, я не замечал, как летит время, большую часть времени проводил в кабинете, а общаться выходил только к обеду, да еще перед ужином немного проходился по дворцу, вежливо раскланиваясь и стараясь не вступать в затяжные беседы.

Столица выглядит полуосажденным городом, хотя бои идут в стороне, начинаясь на стыках владений кандидатов на трон...

Сегодня утром я натянул штаны и вышел в коридор, намереваясь позавтракать в зале с прибывающим народом, узнать настроения и новости, на лестнице встретил Джизеса Крайста и Харли Квинна, военачальников Меганвэйла, оба оживленно говорили о том, о чем мужчины говорят с наибольшим азартом: какие придворные дамы тут роскошные и какая из них подосступнее.

Смутившись, оба умолкли, а Харли Квинн сказал Джизесу с упреком:

— А ты взгляни на его светлость!.. Все женщины ему глазки строят, а он хоть бы хны!.. Идет мимо и еще рыло воротит!

— Нам бы так, — вздохнул Джизес. — Ваша светлость, вы для нас пример аскетизма и сверхчеловеческой стойкости подобным соблазнам.

— Ну-ну, — сказал я отечески, — держитесь, господа. Не дайте дьяволу увлечь вас на путь порока.

Они остались на лестнице, а я спускался вниз и думал, что на самом деле я и вправду почти безупречен, сейчас все женщины съехались в королевский дворец и демонстрируют свои прелести в надежде обратить внимание. Другой бы вообще, а я вот абсолютно, почти аб-

сolutno, исключения только подтверждают правило, а в правиле я целибатен с головы до ног.

Из зала быстро вышел юный лорд Герард, сын барона Валдуина, храбрый юноша, чистый и преданный, даже слишком, мне обычно неловко под восторженным взглядом его честных и преданных глаз.

Он быстро и грациозно преклонил колено, но тут же поднялся и посмотрел на меня с упреком и недоумением.

— Лорд Герард, — сказал я.

— Ваша светлость? — произнес он учтиво, но в самом тоне послышался вопрос.

— Баронет? — ответил я. — У вас какие-то непонятки?

Он прямо взглянул мне в лицо честными глазами праведника, какими мы почти все бываем в ранней юности.

— Еще какие, ваша светлость.

— Давайте объясню, — предложил я. — Объяснять и советовать я люблю. И умный я просто ужась, и вообще великий советователь.

— Да нет, — сказал он поспешно, — мне советовать не надо, упаси Господи!..

— Так что же вас беспокоит?

— Непонятки, — сказал он честно, — как вы и сказали.

— Какие?

— Вы ведь паладин?

Я гордо выпрямился, выставил вперед ногу и присосанился.

— Еще какой!

Он вздохнул, на чистом челе наметилось место, где со временем появится морщина, а на лице обозначилась душевная мука.

— Так вот мне и непонятно, — сказал он с болью в

голосе, — паладины должны быть чисты и непорочны, аки агнцы!.. А вы, как говорят, ночи проводите... стыд какой!.. с эльфийкой!

Я изумился:

— Так она еще и эльфийка? Вот зараза!

Он спросил с надеждой:

— Вам уже стыдно?

— Еще как, — заверил я. — Эльфийка... подумать только! А как вы догадались?

Он посмотрел на меня в великом удивлении:

— По ушам, конечно!

— По ушам, — повторил я. — Надо же... А я всегда смотрю сперва на сиськи. И потом уже... ага, и потом, правда, тоже. Если, конечно, есть на что посмотреть. А вы молодец, на уши... У вас все в порядке? Белки в детстве не кусали? А то у них тоже, знаете ли, уши... Или хомячки?

Он сказал обвиняюще:

— Не увиливайте! Неужели не чувствуете стыда? Да только за это паладинство должны забрать враз и навсегда!

Я посмотрел на него с симпатией. В глубокой древности, это года два-три тому, и я таким был. Хорошим, но ту-у-у-упым... Наивным настолько, что на меня бабочки садились.

— Господь истину видит, — сказал я благочестиво, — а неистовый Тертуллиан забрал бы паладинство и за менее заметный проступок.

Он покачал головой, взгляд его честных глаз не отрывался от моего лица.

— Так почему же?.. Я хочу понять. Это важно!

— Почему у меня не отобрали этих регалий? — спросил я. — Отвечаю. Хотя я живу в мире этих устаревших понятий, как вы, но я, в отличие от вас, руководствуюсь более высокими, созданными для истин-

ных аскетов! Потому Господь оценивает меня по более высокой шкале, а на ее уровне предъявляются действительно высокие требования к человеку. В то же время по той шкале все эти совокупления оцениваются так низко, что их вообще не принимают всерьез.

Он пробормотал ошеломленно:

— Простите, я что-то потерял нить...

— Абисняю, — сказал я. — Когда-то в Царстве Небесном или на завершающем этапе его постройки мы начнем ценить женщину за то, предаст она или нет, пойдет с тобой в увечье, болезни и бедности или же бросит, а вовсе не по той ерунде, была ли у нее цела девственная плева до замужества! Я уже достиг, преодолел, возлифтился и теперь живу по той высокой морали. Тертуллиан это принял и по этой мерке меня и судит, потому что грех — понятие локальное, здесь грех, в соседних землях — нет. Или во времени. Сегодня грех, завтра — нет. Но грехом завтра станет относиться к женщине как к существу второго сорта, чего я не делаю уже сейчас!.. Потому я все еще паладин, более того, паладин с плюсом! Церковь, дорогой лорд Герард, работает на будущее!.. А теперь бегите, играйте...

Он выглядел весьма обалделым, однако в лице то просветление, когда смутно уловишь нечто высокое, но пока лишь в виде ощущений, мои слова не дошли даже в половинной мере, как правила и установки, вбиваемые с детства, еще только намек на их возможность, как видение пролетевшего в выси светлого ангела, но юный Герард встрепенулся сердцем, уловив возможность и ему постичь нечто высокое, что поднимет на еще более высокую ступеньку в рыцарстве...

Он спросил с надеждой:

— Вы завтракать? Можно я вернусь и посижу тихонько в уголочке?

— Желаете испить из родника моей мудрости? —

спросил я благосклонно. — Можно. Только много не ешьте.

— Почему?

Я ответил с сомнением:

— Говорят, вредно...

Он взглянул с испугом:

— А сколько можно?

— Мудрецы об этом молчат, — сообщил я.

В зале угрюмо едят и пьют с десяток прибывших, но все мелкопоместные, таким сняться с места — раз плюнуть, а верховным лордам, особенно четверке зачинщиков борьбы за трон, нужно сперва отобрать могучие отряды сопровождения, ибо перемирие перемирием...

Одни вскакивают и поспешно кланяются, другие поднимаются неспешно и кланяются чуть-чуть, третьи приветствуют мрачно-радостным ревом, не сдвигаясь с мест, лишь поворачивают головы в мою сторону.

У всех настороженно-радостные взгляды, что и понятно, с моим появлением связывают какие-то тайные и явные надежды, но я наверняка всем угодить не могу... и не стану, даже если б мог.

Я ел медленно, выслушивая о событиях, где и что творится, о быстро возникающих шайках разбойников, некоторые орудуют так дерзко и отважно, что не простые разбойники точно...

Один обратился ко мне робко:

— Ваша светлость, если надо с разбойниками, то мои отряды в вашем распоряжении...

Я поинтересовался:

— А почему самому не выйти и не перевешать?

Он вздохнул, развел руками:

— Мне с моими силами замок бы удержать.

— Понятно, — сказал я. — А с соседями скооперироваться?

Он буркнул:

— Соседи смотрят, как бы у меня пару деревень отхватить... а еще лучше — все.

— Знакомо, — протянул я. — Так что я должен сделать?

Даже за соседними столами перестали жевать, стараясь не пропустить ни слова из разговора, важного и для них, а он запнулся перед ответом, снова развел руками:

— Ну... возьмете мой отряд... хоть у меня людей и так мало... потом у моих соседей... хотя лучше сперва у них, так надежнее... еще у кого-то... и наберется сила, что разбегутся не только разбойники, но и разбойничающие бароны...

За столами заговорили, в голосах полнейшее сочувствие, поддержка и готовность как бы помочь, но — морально.

Я слушал, кивал, соболезную, все как на ладони, объяснить не надо.

— Спасибо, — ответил я, стараясь, чтобы ирония в голосе не звучала слишком уж издевательски. — В общем, вы готовы нанять меня на время погонять разбойников. И будете еще и указывать, каких сперва, а каких позже. И каких повесить, а каких на каменоломни...

До них не сразу дошло, что предложение не совсем приемлемое лорду такого ранга, заговоривший первым сконфузился и сказал неуклюже:

— Ваша светлость... Простите, но у кого что болит, тот о том и говорит. Хотя да, конечно...

— Когда я закончу операцию по истреблению разбойников, — сказал я, — вы заберете свои отряды обратно, а меня пинком обратно в Турнедо. Так ведь?

Они заговорили, но взгляды старательно отводят, а он ответил с еще большим смущением:

— Ваша светлость, мы простые землевладельцы, все

думы о том, как вырастить и не погубить урожай, как сберечь стада овец... так далеко не заглядываем!

— А надо бы, — ответил я. — Потому что разбойники снова могут появиться. И тогда что, мне снова бежать на ваш зов?.. Нет уж, надо делать так, чтобы для разбоев вообще не было места.

— А... как?

— Над этим работаю, — пообещал я. — Результаты будут.

Они замолчали, смущенные, что нечаянно обидели призванного на помощь лорда, и в то же время успокоенные, что он не рассердился, а терпеливо объясняет, что намерен истребить не разбойников, а сам разбой.

На прощание я выпил с ними вина, кислое и слабое, но я улыбался, хлопал по плечам и говорил о светлом будущем отдельно взятого королевства.

Похоже, они остались все-таки обнадеженными, надеюсь на это, когда я вышел из зала и сразу отправился наверх к себе тащить тяжкий воз государственного деятеля.

Глава 2

На лестнице по особому случаю постелили красную дорожку, и когда я поднимался, навстречу как раз царственно спускается леди Мисэлдон из Ланнуа, урожденная Цвейбрюккен, сочная и цветущая как обнаженными плечами, так и пухлыми губами на румяном лице с умильными ямочками на щеках, как же мне такое в последнее время нравится.

Она сразу заулыбалась радостно, словно мы старые друзья, хотя вообще-то поговорили всего разок, когда я приехал к Фальстронгу в первый раз и был еще темной лошадкой.

Я остановился, когда она присела в низком поклоне

и целомудренно опустила голову, чтобы дать мне возможность беспрепятственно оценить округлости ее молодых и рвущихся наверх из тесного корсета навстречу моим жадным ладоням грудей.

— Леди Мисэлдон, — произнес я.

Она вскинула голову и одарила меня сияющей улыбкой.

— Сэр Ричард!

Голос ее прозвучал так, словно она уже голая и в моей постели. Я сделал ей знак подняться, она выпрямилась и продолжала смотреть мне в лицо радостными глазами.

— Приятно вас видеть снова, — сказал я как можно более нейтральным голосом, уж и не знаю, как некоторым женщинам удается вызывать именно такие ассоциации, что вот и до сих пор это перед глазами, а в воображении так и вообще. — Ага, весьма.

Она не дала мне ступить мимо, воскликнув ликующим голосом:

— Сэр Ричард!

— Леди Мисэлдон?

— Вы наш спаситель, — спросила она красиво взъединенным голосом, — да? Об этом только и говорят!

— Ага, — ответил мрачно. — Говорите, говорите, это я люблю. А еще скажите, что я умный и вообще красавец.

— Вы просто чудо, — заявила она пылко, — и само совершенство!

На этот раз она в зеленом платье, похожая на молодую ящерицу, что в той же манере расшито бисером, а высокая хитро уложенная прическа под полупрозрачным платком говорит о том, что этих волос много, и если их распустить по подушке...

Всю эту роскошь волос скромно и целомудренно

венчает венец из блестящего серебра, дескать, эта леди из очень высокого круга.

— Спасибо, — сказал я, — спасибо, леди Мисэлдон. Как приятно встретить человека, который не учит меня, как и что здесь делать!

Она засмеялась одними глазами, на щеках появился легкий румянец.

— Ах, сэр Ричард, — сказала она с веселым вызовом, — вы такой представительный мужчина!.. Я могу сказать только это.

Я проблеял с поклоном:

— Э-э... спасибо, леди Мисэлдон. Не смущайтесь, я обожаю, когда меня хвалят и чешут.

— Ой, какой вы...

— Замечательный? — спросил я.

Она улыбнулась.

— И непосредственный. Так редко бывает, когда мужчина вот так сразу говорит правду.

— Как и женщины, — согласился я. — Господь творил вас из наших ребер, у нас много общего, что вообще-то удивительно.

— Это верно, — сказала она мило, — вы очень заметный мужчина, сэр Ричард. Мне казалось всегда, у таких и женщины должны быть под стать.

Она произнесла эти слова с таким подчеркнутым значением, что я, как положено и принято в цивилизованном обществе, с особым вниманием окунул взглядом ее развитую фигуру, со смаком провел взглядом по ее пухлым губам, потрогал им же пышную крупную грудь, скользнул ниже, ухитрившись пробраться между складками платья на ту сторону материи, и погладил ее мягкий на ощупь и теплый живот.

— Леди Мисэлдон, — произнес я с чувством, — конечно же, я предпочитаю фактурных женщин. Чтоб все было!.. И этого всего — много.

Она победно улыбалась, а вид у нее таков, что чувствует мой взгляд вполне осязаемо, словно это не взгляд, а кончики пальцев.

— Так почему же...

Она замялась, улыбнулась несколько неловко, зачем говорить вслух, когда можно мимикой.

Я хотел сделать вид, что не догадываюсь, вдруг да на этом разговор и закончится, но нет, такое не пройдет, эта леди идет напролом, как бронированный рыцарский конь.

— Вы не одобряете, — произнес я, как бы приходя на помощь, — мою спутницу? Мой выбор?

Она кивнула:

— Она хорошенъкая, даже очень, как птичка с яркими перышками... но, сэр Ричард, разве у вас женщина не должна быть... женщиной? Все-таки у вас с собой игрушка... Это несерьезно.

Я вздохнул, развел руками:

— Увы, мое поведение в немалой степени... состоит из слагаемых чисто мужского характера... вы же знаете, что это значит?.. и поведенческих реакций великого или хотя бы значимого государственного деятеля.

— Ваша светлость?

Я пояснил с некоторым смущением:

— Ах, леди Мисэлдон... на самом деле мы, мужчины, настолько страдаем от женского острого и все замечающего ума, вашей проницательности и полного понимания, что инстинктивно тянемся, как голодные овцы, к сочной траве, к таким вот чирикающим дурочкам!..

— Ваша светлость!

— С ними мы такие умные, — сообщил я правду, — такие значительные!.. А они смотрят на нас и восторгаются, восторгаются...

Она спросила в удивлении:

— И не надоедает?

Я помотал головой:

— А в этом мы, как женщины, такое не надоедает. Мы же самцы, мы рождены в жесточайшей конкуренции, когда триста миллионов сперматозоидов устремились наперегонки... ох, что это я, простите, у меня перед глазами государственные бумаги мельтешат с их закорючками, вот так заработался, представляете? О чем я вещал так умно, что сам не запомнил?

— О вашей чувствительности, — подсказала она несколько озабоченно, — и ранимости.

— Ага, мы такие, — согласился я. — Эльфийки дуры, они всем восхищаются! Даже нечаянно пукнешь при ней, она в восторге и спрашивает, как это сумел, а при вас, ледях, осмелься только!

Леди Мисэлдон сказала отважно:

— Попробуйте! Увидите, в обморок не упаду. Ну, разве что веером...

— Не рискну, — ответил я. — Кроме того, со мной такого не случается, это я просто для наглядности. Я вообще в отхожее место не хожу, у меня же титул!.. Потому, леди Мисэлдон, дуры в конкурентной борьбе получают преимущество. Кроме того, такие вот особые женщины должны быть под рукой, чтобы не заморачиваться мыслями еще и на эту тему, как и что, ну вы понимаете. А то надо соседям войну священную и спра-ведливую объявлять, а у меня думы о том, как затащить такую-то леди в темный угол и задрать ей платье! Это нехорошо, нерационально. А эта вот пигалица не только всегда при мне, но еще и эльфийка, что весьма даже как бы к месту.

Она округлила глаза:

— Чем же? Такая мелкая...

— Зато ей не нужно давать за такие услуги поместья, — объяснил я, — титул графини или баронессы...

Эльфийки такое даже не просят. Я вообще не понимаю, почему прачке достаточно бросить серебряную монету, а виконтессе надо дарить по меньшей мере поместье?

Она сказала с апломбом:

— Ваша светлость, но неужели не видите разницы?

Я спросил с любопытством:

— А в чем она? Помимо обертки?

Она вздохнула:

— Ах, ваша светлость... да, вы правы, конфета одинакова в любой обертке, но само осознание, что вот это простая обертка, а вот эта стоит дороже самой конфеты... разве не увеличивает ее ценность?

Я посмотрел на нее с любопытством.

— Леди Мисэлдон, а вы очень неглупая женщина, не считите это за упрек или умаление ваших достоинств. Вы хорошо заметили и оттенили интересный момент, из-за чего обычно пренебрегают прачками и вздыхают по графиням. Это как на охоте, где ценнее всего догнать и завалить самую быструю и трудную дичь... И хотя выращенный дома барашек куда нежнее и вкуснее, но с каким азартом сдираем шкуру с убитого оленя, жарим его худое жилистое мясо, жрем и хвалим, даже если кусок в горло не лезет!

Она слушала внимательно, а когда убедилась, что не возражаю, а поддакиваю, чарующе улыбнулась.

— Спасибо за понимание, ваша светлость.

— Это вам спасибо, — воскликнул я. — Это бывает очень важно — дать точное определение. Да-да, вы все сказали точно. Однако...

— Что, ваша светлость?

Я вздохнул.

— Беда в том, что будь я виконтом, мне очень лестно было бы завалить баронессу или графиню, а герцогиню... так вааще!.. Но, увы, для майордома, эцгерцога

и ландесфюрста Варт Генца не такая уж и большая разница между графиней и прачкой. А когда конфеты одниаковы, зачем платить больше?

Она надула губы, нахмурилась, я думал, обидится и уйдёт, однако ее лицо вдруг озарилось озорной улыбкой, а глаза блеснули вызовом.

— Тогда, ваша светлость, — сказала она ехидно, — бедной простой графине будет лестно завалить самого ландесфюрста Варт Генца!

Я малость опешил, все-таки молодец, нашлась, развел руками и промямлил:

— Ну, разве что расплатитесь с ним чем-то особым... ибо титулов у него хоть анусом кушай, имений тоже не счешь...

Она засмеялась.

— Это я как раз имела в виду. Кроме того, ваша светлость, вы не учитываете такой пустячок...

— Леди?

— Есть женщины, — сказала она, — которые... учтите, я не указываю на себя пальцем вот так прямо, хотя вообще-то указываю, у которых и титулы, и земли, и состояние. С ними не надо расплачиваться ничем таким, что вы так цените...

Я ответил твердо:

— Все имения — государственное состояние! Король ими только распоряжается, да и то временно, так что раздавать — это разбазаривать. Иначе — казнокрадство. Кроме того, леди...

— Ваша светлость?

— Такой момент, — сказал я, — вот у вас все есть, вам ничего не надо. А вы точно знаете, что ничего не понадобится вашему брату, двоюродному дяде, племяннику?

Она задумалась, потом озорно улыбнулась, на щеках появились великолепные ямочки.

— Ваша светлость, — проговорила она хитренько, — и все-таки мне кажется, мы сторгуемся!

Я поклонился:

— Леди Мисэлдон...

Она в ответ церемонно присела:

— Сэр Ричард...

И мы разошлись, весьма довольные собой, вот какие мы умные и в то же время прикидывающие, а нигде ли не прокололись, не поймают ли нас на слове...

У моего кабинета, совсем недавно он принадлежал королю Фальстронгу, дежурят слуги, целый ворох ярких цветных одежд, вдруг да начну посыпать с поручениями, но только я опустился за стол, как вошел сэр Клифтон, строгий и торжественный, поклонился кротко и сдержанно и замер.

Я заметил, что в его черной, как воронье крыло, одежде прибавилось золота, но пока что не так уж, как во времена короля Фальстронга, хотя эта мелочишка говорит о многом.

— Сэр Клифтон, — сказал я, не поднимая головы.

— Ваша светлость, — ответил он нейтрально-почтительно.

— Что там?

— Лорды рассаживаются в парадном зале, — доложил он.

— Главные буяны прибыли?

— Хродульф Горный уже в зале. Леофриг Лесной разговаривает со своими сторонниками в коридоре, Хенгест Еафор прибыл, но держится во дворе со своей дружиной. За ним уже послали.

— А Меревальд Заозерный?

— Этот никуда и не выезжал, — ответил он. — Его дом на той стороне площади. Будет с минуты на минуту. Тоже с телохранителями, как и все.

— И как... не дерутся?

— Нет, хотя каждый постоянно окружен охраной из знатнейших рыцарей. И друг к другу не приближаются.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда и я готов.

Он выпрямился, ждал, ровный, как столб. Я обернулся к Бобику, что лежит на спине посреди комнаты и лениво ловит всеми четырьмя край шарфика, которым его дразнит Изаяэль.

— Вы мне тут дворец не спалите, — сказал внушительно. — Бобик, охраняй это существо с крыльышками... Есть у нее крыльшки, есть! Только она их нагло прячет. Я скоро вернусь. Ну, по возможности скоро.

В зале зажжены все люстры, воздух теплый, с запахом душистого ладана, я ощутил его еще в коридоре, а здесь он пропитывает даже одежду.

Далеко впереди церемониймейстер прокричал торжественно и с подъемом:

— Его светлость сэр Ричард, ландесфюрст Варт Генца!

Я вышел из бокового прохода, в зале начали подниматься. Я на ходу вскинул руку и, пройдя на помост к тронному креслу, повернулся ко всем лицом и сказал громко:

— Не вставайте, не вставайте!.. Я не король Варт Генца и, скажу сразу, никогда им не стану. Я прибыл только как ваш сосед, чтобы помочь вам справиться с обрушившимися бедами... что и надеюсь сделать. Сядьте, прошу вас! Все сядьте... Вот так, спасибо...

Они опускались обратно в кресла, на стулья и лавки, на лицах тревога и заинтересованность, а я выждал, когда утихнет шум, сказал почтительно:

— Позвольте, я буду говорить стоя, ибо я не король, а настоящие хозяева королевства — вы!.. А я лишь ваш сосед. И отношусь к вам с наибольшим уважением, что

и выказываю со всем почтением. Итак, друзья мои!.. Горько мне было услышать о гражданской войне, потому что я давно сроднился со всеми вами: сперва через умного и благородного короля Фальстронга, отмеченного всеми доблестями, какими только может быть наделен человек, затем с его полководцами и, наконец, даже с простыми воинами, с которыми бок о бок переходил в ночи пограничную с Турнедо реку и поднимался на стену вражеской крепости!.. Я люблю ваш народ, потому что мне очень повезло: я встречался только с лучшими... то ли в самом деле вартгенцы все такие, то ли всякий раз так дико везло, но я счастлив, что ел с вами из одного котла!

Их угрюмые лица светлеют на глазах, спины выпрямляются, а кто-то закричал от избытка чувств:

— Слава Ричарду!

Несколько голосов тут же подхватили:

— Слава Завоевателю!

— Да здравствует!

— Прими корону, Ричард!

— Ричард, Ричард!

Я переждал, крики начали затихать, заговорил снова:

— Теперь о короне. О том, чтобы я ее принял, повторю еще раз: об этом не может быть и речи! Я не хочу нарушать исконные права вартгенцев. Но чтобы помочь в меру своих сил, чтобы утихомирить, а то и вовсе прекратить досадные распри, я готов принять некоторую исполнительную и законодательную власть в королевстве...

Снова поднялся радостный крик, шум, вопли, к потолку взлетели шапки, послышались выкрики:

— Наконец-то!..

— Приступайте!

— Вручаем!..

— Берите вожжи!..

Я вскинул руки и долго потрясал ими, пока начало затихать, и я, натуживаясь, прокричал:

— Я сказал, некоторую!.. И на время!.. И только исполнительную!.. Законы по-прежнему создаете вы, а я только все выполняю!.. Правда, на некоторый недолгий период все законы временно отменяются, ибо нужно быстро покончить с бандами разбойников и, как я уже слышал, с разбойничающими баронами!..

И снова в зале послышались крики:

— Наведите порядок!

— Давно пора!

— Выжгите каленым железом!

— Залейте пожар войны хоть кровью, но погасите!

— Просите людей сколько хошь, я треть своих копейщиков дам!

Я долго потрясал руками, успокаивая зал, показывая лицом, мимикой, жестами и феромонами, что целиком с ними согласен и принимаю все условия.

Наконец шум начал стихать, я прокричал громко:

— Я сказал, что принимаю власть на короткое время, пока все здесь не укувшинится!.. Скажем, всего на полгода-год!.. А по истечении этого времени уже в спокойной обстановке вы неторопливо и мирно выберете короля. Войска будут начеку, и новая гражданская уже не разгорится. Даже не вспыхнет. А сейчас я принимаю всю полноту власти... И еще, уже повторяю, время сейчас нехорошее, слишком много развелось разбойников, как всегда в смуту, так что будет некоторая жестокость... кого-то придется по законам военного времени...

Из зала прокричали:

— Да все понимаем, всегда так!..

— Действуйте, ваша светлость!

— Одобряем!

— Начинайте!

— Хватит спать!

— Дорогие друзья! — начал я свою речь пылко. — Многие из вас вспоминают старые добрые времена... Я их знаю только по рассказам родителей, но знаю, что то были времена чести, доблести и славы!.. И вот, памятуя о них, я хочу провести еще одну реформу, как память о временах великого короля Лаутергарда!

Глава 3

Многие в зале начали поворачивать головы друг к другу, спрашивая, что за король, другие им шепотом объясняли с гордостью за свои обширные знания.

— Король Лаутергард, — крикнул я, — положивший начало последней династии, правил королевством, опираясь на свой ум, авторитет и вашу любовь!.. У него вообще не было земли, никаких владений!.. Он был народным королем, он правил потому, что его считали лучшим!.. Потому я хочу выставить на продажу земельные владения Фальстронга...

В зале на мгновение повисла тишина, потом поднялся шум и с каждым мгновением становился все громче. Я увидел расширенные глаза сэра Клифтона, только теперь личный секретарь Фальстронга понял, зачем мне понадобились бумаги насчет имущества покойного короля.

Сэр Меганвэйл долго стучал по столу, восстанавливая тишину, а когда крики начали умолкать, обратился ко мне:

— Ваша светлость, это весьма... резкий, резкий шаг. Боюсь, не все его поймут...

Я объяснил громко:

— Это даст немалые деньги, чтобы заткнуть некоторые дыры в бюджете, но я не хочу начинать с того, что-

бы просить у вас денег. Но есть и еще один момент... он незначащий вообще-то, но чувствительный для меня лично...

Я смолк в смущении и потупил глазки. В зале снова зашумели весьма нетерпеливо, а сэр Меганвэйл, постучав по столу, потребовал тишины.

Крики улеглись, он спросил с сочувствием:

— Ваша светлость?

Я вздохнул, развел руками:

— Я всегда был тонкокожим, и даже когда на меня не указывали пальцем. Мне всегда казалось, что меня в чем-то подозревают или осуждают. Потому я хочу, чтобы у меня ничего не было здесь, а то некоторые могут сказать, что вот пришел и сел на трон в роскошном королевском дворце, присвоил земельные владения нашего дорогого и любимого короля...

В зале поднялся неистовый шум, как я понял по тональности, меня уверяют, что ни в чем не подозревали, не подозревают и не заподозрят, к тому же я вроде бы паладин, а паладины ничего для себя, а все для народа...

Сэр Меганвэйл, чуть пригасив крики, сказал с укором:

— Ваша светлость! Но это в самом деле теперь ваше...

Я помахал рукой, рассеивая, как стаю комаров, крики в зале.

— Нет-нет!.. Я пришел, наладил и ушел — вот как я хочу, чтобы все было. Я, как владеющий землями в Турнедо, хочу, чтобы здесь, у моих соседей, все было мирно, спокойно, и чтоб здесь люди жили счастливо и не поглядывали через границу с намерением что-то там украсть или пограбить. Там, уже у меня. Потому это мое твердое решение: королевские земли, дворцы Фальстронга со всем его имуществом... выставляются на про-

дажу! Все, за исключением этого дворца, что отныне будет лишь резиденцией для королей, а не личным владением!

Снова начал подниматься шум, граф Меганвэйл вскочил и потребовал тишины, а я крикнул громко:

— И я себе лично с этих денег не возьму ни монетки!

Шум, что начинал было угасать, поднялся с той мощью, что заколыхались люстры.

Сэр Меганвэйл спросил в смущении:

— Вы думаете, найдется хоть кто-то из лордов, способный купить владения короля Фальстронга?

Я сказал быстро и громко:

— Вы сами решайте, продать одним куском или вразбивку! Можно разделить на десятки частей, даже на сотни!..

Опять тот же нестройный, но мощный, как рев моря, шум в зале, я сижу с каменно-решительным лицом, только позыркиваю краем глаза, не выказывая вида, на Хродульфа Горного, Леофрига Лесного, Хенгеста Еафора и Меревальда Заозерного. Да и на других крупнейших землевладельцев, это для них всех король был соперником, и сейчас каждый из них готов поставить Богу самую толстую свечу за мое здоровье, а то и поцеловать в задницу.

Именно они, как я заметил сразу, тут же начали переговариваться, но не друг с другом, а со своими помощниками и управителями, нужно срочно решить, какую сумму могут выложить сейчас, сколько попросить в долг, что выставить в залог...

Я вскинул руку и прокричал:

— Выберете достойных людей, которым доверяете, пусть разделят все земли короля и его имущество на отдельные части! Пусть они окажутся по карману не только верховным лордам, но и не столь богатым и мо-

гущественным... Тихо-тихо! Никто не запрещает никому купить сразу несколько участков!.. На этом я вас оставляю, чтобы не мешать справедливому и демократическому принципу все отнять и поделить.

Сэр Меганвэйл бросил на меня изумленно-укоризненный взгляд, все еще не может понять, как это я вот так отказываюсь от такого невероятного богатства, такой роскоши и могущества.

Но это могущество совсем не то могущество, что мне нужно, потому что, судя по документам которые мне принес сэр Клифтон, хотя у короля Фальстронга в самом деле довольно обширные земельные владения, но не настолько, чтобы он мог бросить вызов двум-трем феодалам с их влиянием, деньгами и хорошо укомплектованными дружинами. А раз так, то для меня нет никакого настоящего толку с его владений.

И хотя из землевладельцев король был самым крупным, но перевеса мне это не дает, зато распродажа... даст. И не только в общественном мнении, как искренне уверен благородный граф Меганвэйл, да и все остальные, благородные и не очень.

Я вам не Сулла, мелькнула мысль. Мне бы только взять настоящую власть...

На выходе из зала меня догнал Карл Теодор Кёрнер, в последнюю нашу встречу это был веселый и пьянецкий придворный короля Фальстронга, а сейчас потерял весь блеск, похудел, с одежды исчезли золотые украшения, и вообще выглядит человеком, чаще спящим у костра, чем в теплой постели.

— Ваша светлость! Ваша светлость!

Я остановился:

— Сэр Кёрнер?

Он вскрикнул в изумлении:

— Вы помните меня?.. Ах, ваша светлость! В этот раз вы не должны покидать нашу терзаемую хищниками страну, не попытавшись ей помочь!

— Сэр Кёрнер, — протянул я с досадой.

Он прокричал патетически:

— Ее просто раздирают амбиции лордов, кичливость, своеволие и самоуправство! Если каждый крупный лорд даже при живом короле чувствовал себя полным властелином в своих землях, то сейчас и подавно!

— Мои соболезнования, — сказал я со вздохом.

— Никто не платит налогов, — воскликнул он, — никто не слушает соседа! Каждый лорд вооружается и вооружает свои собственные войска и жадно поглядывает на земли соседей...

Я прервал его жаркую речь, стараясь, чтобы не выглядело слишком грубо:

— Сэр Кёрнер, вы настоящий патриот Варт Генца!.. И я, как временно исполняющий обязанности верховного правителя, буду опираться на вас и таких, как вы.

— Ваша светлость! — воскликнул он пламенно. — Рассчитывайте целиком и полностью!

— Рассчитываю, — ответил я коротко и хлопнул его по плечу. — Идите... на благо королевства!

Изэль пришла в ужас, когда узнала о моем решении продать не только все королевские земли, что не просто земли, а там тоже прекрасные дворцы, замки, но и все королевские постройки в столице, за исключением королевского дворца, но и тот будет моим только временно на период исполнения, как я объяснил, некоторых скучных обязанностей.

— Ничего не понимаю! — воскликнула она жалобно. — Что у вас, людей, за жизнь?.. Как вы вообще существуете, когда у вас все не так, как правильно?

— А как правильно?

— Как надо!

— А-а-а, теперь понятно.

— Ну вот! — сказала она горестно. — А вы все делаете не так, потому что неправильно!.. Бедный ты, совсем бедный... Как же ты жить будешь?

Я смотрел в ее громадные чистые глаза, полные ужаса и сострадания, затем привлек к себе, придушил немножко и поцеловал в чистый лобик, на котором никогда не появятся морщинки.

— Лапушка, — сказал я нежно, — для нас это просто постройки.

— Просто...

Я кивнул.

— Конечно, есть такие людишки, для которых это вся жизнь, как и для эльфов, хотя у нас из стен не расстет одежда, а с потолка не опускается уже готовая еда. Но вообще-то мы ценим это не так... высоко. По крайней мере настоящие люди.

— А среди вас есть и ненастоящие?

— Больше чем хотелось бы.

Она прошептала с ужасом:

— Но я не понимаю... все равно не понимаю... как ты можешь вообще отказываться от короны?.. Ты глуп, да?

— Напротив, — сказал я уязвленно, — начинаю умнеть. На лестнице, правда, но что делать, если у меня замедленное развитие такое! Зато поступательное и не-прерывное. Я не спринтер, это такой бегун с коротким дыханием, я марафонец, можно сказать честно и скромно с толикой заслуженной гордости. Зато буду развиваться и тогда, когда другие остановятся. Понимаешь, эти бегуны на короткие дистанции пробежали сто шагов, обогнав меня, и попадали, высунув языки и хватаясь за сердце, а я неторопливой трусцой неспешно догоняю и бегу дальше и дальше... пока не... вот так как бы для доступности.

Она попыталась высвободиться из моих скифских лап, но не получилось, я еще тот гребун, даже уже тот, извернулась и сказала, глядя упрямо и просто:

— Все равно не поняла.

— Вот и хорошо, — сказал я нежно.

— Почему?

— Потому что ты красивая, — прошептал я, поцеловал ее в то место, где должна быть макушка, а у нее копна золотых волос. — Красота выше ума, ибо она врожденная...

Она сказала сердито:

— Нет, я хочу знать, угнетатель! Ты отказался от короны... и что выиграл?

Я чуть наклонился и, зарывшись рылом в ее пушистые золотые волосы, все-таки прокопался к ее макушке, поцеловал и жадно вдохнул запах ее волос и кожи.

— Понимаешь, Изэль, — проговорил я расслабленно, — вот ты хитренькая, ловкая, умненькая, смелая, отважная, трусливая... а я просто мудер так, что сам себе удивляюсь. Раstu, наверное. Понимаешь, если возьму корону, а через пару лет Варт Генц восхочет отложитьсь от моей — прости господи! — империи, то я сделать ничего не смогу. Но хуже всего, такое сразу же повлечет за собой целую лавину. Восхотят отделиться королевства, области, районы, земли и даже отдельные села. Потому я должен в первую очередь думать о том, как укрепить и сохранить нахапанное, чем брать даже то, что само плывет в руки... А теперь иди играй, а я займусь государственными делами. Я, понимаешь, уже государственный деятель, а не ха-ха какой-то!

Она послушно отодвинулась, а я подумал, что на самом деле именно ха-ха, а то и вовсе хи-хи, но никто этого не знает, так что надо держать нужную морду лица, и никто ничего не поймет, а читать мысли, к счастью, еще не умеют.

Глава 4

Аукцион я распорядился назначить через две недели, чтобы о нем узнали по всему Варт Генцу и чтобы могли к этому времени решить, принимать ли участие в выкупе королевских земель для дела или похвальбы и сколько смогут купить, чтобы не надорваться.

Сэр Меганвэйл доложил, что по всему королевству славят мою мудрость и неустанную заботу о королевстве. В этом оказались на диво единодушны как разные богатейшие землевладельцы, которые в короле видели соперника, так и простой народ, которому просто приятно, что король будет таким же бедным, как они, и потому на всех углах и перекрестках славят мое имя. Думаю, что и дома за столом, а то и в постели, говорят, как им повезло, что вот явился такой бескорыстный, хотя и удачливый в военных делах, дурак.

Лорды, верховные, высшие, среднего достатка и даже мелкие, срочно разъехались по своим землям собирать деньги ко дню аукциона.

Я рисовал разные сценарии развития событий, нужно все учесть, а на третий день после моей знаменательной речи сэр Клифтон вошел в мой кабинет со словами:

— Граф Меганвэйл к вашей светлости!
— Проси, — сказал я.

Он вышел, через полминуты вместо него вошел Меганвэйл, веселый и с задорными глазами. Такого довольного лица я у него не видывал давненько.

Остановившись у порога, он преклонил колено.

— Граф, — сказал я автоматически.
— Ваша светлость, — ответил он так же заученно.

Я махнул рукой и сказал догадливо:

— Поднимитесь, граф, и оставим церемонии. Представим себе, что мы не в королевском дворце, а в поле-

вом лагере перед важной, если вообще не решающей, битвой.

Он поднялся, но возразил:

— Ваша светлость, церемониал должен соблюдаться! Иначе, глядя на нас и подобных нам, колено перестанет преклонять и тот, кто обязан! А потом и вовсе дерзнет не поклониться.

— Ну да, — согласился я, — а оттуда один шаг до криков, что в правительстве одни жулики и воры. Знаем, проходили. Как идет подготовка к аукциону?

— Делят землю, — сообщил он, — нарезают где большими кусками, где мелкими...

— Хорошо. Споров много?

— Как без этого?

— Но не слишком серьезно?

Он отмахнулся:

— Вы мудро сделали, ваша светлость, что привлекли к этому делу и тех, кто покупать точно не будет. Они руководствуются целесообразностью, а не прикидывают, какой участок в каком виде купили бы сами...

— Когда обещают закончить?

— Еще с недельку, — пообещал он. — Королевские земли есть и на севере, и на юге... К счастью, не на самых границах, иначе ушло бы до трех недель.

— Хорошо, — повторил я с удовлетворением. — Что значит, не надо оценивать стоимость земли, тогда бы начались бесконечные споры. Но мы это оставим решать аукциону!

Он кивнул:

— Да-да, вы правы. Но я зашел по другому вопросу. Геральдическая комиссия собралась в полном составе, обрадованная, что есть возможность выказать свои знания...

Я спросил настороженно:

— А чем они таким занялись?

Он широко улыбнулся.

— Спорят, какой титул вам предложить в этой щекотливой ситуации.

— Они же дали мне ландесфюрста! — напомнил я.

— Это они дали тому Ричарду, — объяснил он, — который отказался от короны и возвращался к себе в Турнедо. Дали, так сказать, на дорогу. Как ценный трофей. А сейчас нужен титул, который как бы привяжет вас к Варт Генцу. Настоящий.

— Как бы, — напомнил я.

Он кивнул:

— Да-да, временно. Но с полными полномочиями верховного властителя. Как короля, но чтоб без короны, как вы и желаете. Хитро, да?

Я спросил заинтересованно:

— А такое возможно?

Он заулыбался.

— Уж нашли. Говорят, больше всего подходит титул гранда. Так что готовьтесь. Как только выработают все детали самой церемонии, вам в торжественной обстановке вручат корону гранда, знаки власти, а также горностаевую мантию, только будет не пурпурной, как у королей, а малиновой.

— Лишь бы теплая, — буркнул я. — Горностаевая — это хорошо.

Он ухмыльнулся.

— И останется только шажок до пурпурной!

Я покачал головой:

— Нет-нет, граф. Думаю, до пурпурной мне этих шажков много. Я не чувствую себя готовым, понимаете?

— Вы слишком строги к себе, — произнес он с глубоким сочувствием. — Другой бы сразу...

Я не стал уверять, что я не «другой», все мы в чем-

то «другие», и еще как «другие», только вздохнул потяжелее и развел руками:

— Разве не был строг к себе Господь?

— Он был преисполнен любви...

— ...к другим, — закончил я. — А сам пошел на крест за идеалы. Если нужно, дорогой друг, я приму титул и все регалии, поклянусь соблюдать... что-то там надо соблюдать? Лишь бы это успокоило вартгенцев и вселило в них уверенность в завтрашнем дне и победе всемирной демократии... тыфу, это я так задумался о глупостях, в общем, мы все сделаем, как надо. Главное для нас что?.. Только шепотом!

Он бросил по сторонам взгляды и сказал совсем тихонько:

— Воздордить армию. Но... при чем тут распродажа королевских земель?

— Граф, — сказал я твердо, — все увидите очень скоро.

Он удалился, я попытался вспомнить, что знал и слышал о грандах, но наскреб по сусекам не так уж и много. Гранды, насколько помню, высший слой знати, что обращается к королю «мой кузен» и разговаривает с ним, не вставая и не снимая шляпы. Кроме того, гранды сами набирают армию королевства, содержат ее... но, главное, по крайней мере для меня — в отсутствие короля именно гранд является тем, кто руководит, отдает приказы, казнит и милует, проводит реформы, издает законы...

А так как короля пока выбирать не будем, то вся власть сосредоточится в моих руках еще и по закону, что немаловажно, так как я вообще-то яростный законник, хотя пока больше в теории и намерениях. В то же время у меня никакой ответственности, я приму этот титул пусть и навсегда, но должность — на год,

так что эти в комиссии по геральдике все учли и расчитали верно.

Титул гранда устраивает всех, что важно, а также гасит страсти. Все рассчитывают, что побуду грандом, обвыкнусь, со всеми перезнакомлюсь и войду в курс особенностей Варт Генца, а там, глядишь, и соглашусь остаться королем.

Главное, что нацелившиеся на трон четверо супер-лордов не так уж и против, чтобы его занял я и на потом. Им важнее, чтобы не занял кто-то из тех, с кем уже сцепились.

Изазель сопит во сне, иногда дрыгает задней лапкой. Я полежал чуть, начал было высвобождаться из-под ее ига, но она вцепилась крепче, не просыпаясь, что-то пробормотала сердито.

Сердце мое сбилось с такта: прямо из ее тщедушного тельца медленно пошел свет, но не обычный, а как если бы поднимался светящийся туман, отчетливо вижу толстые белые нити, что колеблются как водоросли в теплой воде, колышутся, поднимаются, то сплетаясь, то распадаясь на другие нити, а между ними клубится свет, и даже без особого усилия воображения вижу то облака, то сверкающие горы, даже вот появился странный диск, словно близкое небесное тело, тоже раскаленное добела...

Я скосил глаза, это существо лежит плашмя на мне, но голову повернула, мордочка блаженно расслабленная, хотя не понимаю, как можно спать на таком, я же, как плита из камня, а рядом нежнейшая пуховая перина, одеяло тоже из лебяжьего, но вот у нее такая причуда, хоть бери ее за ноги и бей о стену...

Свет уже озарил всю комнату, даже дальние углы высветил с беспощадной яркостью, целое море света и

призрачных видений, что перетекают одно в другое, сливаются, образуют странные образы. При взгляде на некоторые сильно и взволнованно бьется сердце в смутном узнавании...

Наконец, когда довольно отчетливо из ее спины выросли огромные призрачные крылья, она засопела, недовольно дрыгнула задней лапкой и проговорила во сне:

— Нет, только Ричэль... нет... да, настаиваю...

Крылья дрогнули, словно пытались мощным взмахом поднять ее и унести, рассыпались на множество искр, что моментально погасли, а Изээль зевнула, не открывая глаз, потянулась, царапая меня коготками, наконец распахнула глазищи и удивленно посмотрела мне в лицо.

— Ой, это ты?

— Бессовестная, — сказал я с сердцем. — Снился кто-то другой? Признавайся или молись на ночь, дездеморда рыжая...

Она старательно подумала, покачала головой:

— Да нет, никто не снился.

— Брешешь.

Она посмотрела мне в глаза честнейшим взглядом:

— Никто, правда!.. Или не помню. Вот прямо клянусь!

— Ладно, — сказал я великодушно. — Клятвы женщин ничего не стоят, но все равно пока удавливать не буду. Отлуплю только, но так надо, это ритуальное...

— Почему?

— Утро же, — объяснил я снисходительно.

— Но вчера ты меня не бил!

— Вчера был вторник, — объяснил я, — а сегодня суббота! У нас в таких случаях приговаривают: «Помни день субботний!»...

— Ой, я боюсь...

— Хотя, — сказал я великодушно, — если хорошо и долго почешешь, то это как бы заменит...

Завтрак нам подавали в покой, можно бы и в постель, но тогда Изазель не просто пряталась бы под одеяло, но и жрякала бы там, а это неинтересно, я люблю смотреть, как оно лопает, серьезно так и сосредоточенно, как щенок у мисочки.

После завтрака я корпел над картой Варт Генца, Изазель кувыркалась с Бобиком на полу, ковер там толстый и мягкий, недостает только Зайчика, который смотрел бы на них сверху вниз с выражением потомственного аристократа, у которого не меньше сотни знатных предков.

Я полюбовался на обоих, Бобик черный, как сам ад, зато солнце так и не сумело набросить на Изазель хотя бы видимость загара, все такая же снежно-белая с нежным румянцем, что вспыхивает то на скулах, то на щеках, иногда даже сползает на шею.

— Ну что, морды, — сказал я ласково, — жизнь все-таки хороша?

Бобик весело оскалился, а Изазель кивнула и сказала с удовольствием:

— Еще как! Особенно когда не нужно никуда выходить.

— Эх ты, — сказал я с упреком, — тоже мне разведчица! Ты же должна у нас все вынюхивать, а ты с собачкой развлекаешься!

— А мы с ним вместе вынюхиваем, — объяснила она. — Он, оказывается, совсем не страшный. Я его люблю!

Бобик, услышав такое, повалил ее и, придерживая обеими лапами, облизал эльфячью мордочку, не обращая внимания на ее вопли.

В дверь без стука вошел Фридрих Геббель, все такой же важный и осанистый, с огромной золотой це-

пью на груди. Он, как и личный секретарь, имеет право входить ко мне без стука, но не пользуется этой привилегией, вообще старается почему-то не попадаться на глаза.

Склонив голову, он замер у порога, я пару раз зыркнул на него, наконец поинтересовался:

— Лорд сенешаль?

Он выпрямился, сказал почтительнейшим голосом:

— Ваша светлость!

— Что вы так держитесь, — спросил я, — как невеста в чужом доме? Переживаете, что в первый мой визит погнали меня ночевать на конюшню?.. Плюньте, я не настолько злопамятен, хотя вообще-то да, я ж христианин, у нас так принято... Что у вас?

Он с поклоном положил на стол большой рулон бумаги:

— Первые разметки.

— Ого, — сказал я с удовольствием. — Быстро!

— Это только ближние земли, — уточнил он. — Другие уже обмеряют, а к дальним еще даже не доехали...

— Эх, — сказал я с досадой, — как не люблю ждать!

Он покосился на эльфийку и Бобика, что сперва прервали было игру, но когда увидели, что мы заняты своими разговорами, снова начали возню на ковре.

— Но у вас есть чем скрасить ожидание...

Я поморщился:

— Ах, сэр Фридрих, женщины — это не совсем то...

Он снова бросил взгляд на Изазель, понизил голос:

— Может быть, не совсем то вовсе по другой причине?.. При дворе столько знатных женщин! Я уж молчу про своих родственниц, вас ничем не проймешь, но какая красавица у лорда Керигля!.. А изумительной красоты, изящества и манерности дочь графа Чентешира!..

Я в свою очередь вздохнул еще тяжелее.

— Знаете ли, — произнес я шепотом, что не слышала не только Изазель, но даже Бобик, — это дело большой политики.

— Ваша светлость?

Я сказал еще тише:

— Я тем самым поддерживаю контакт и дружеские отношения с империей эльфов. Я не стану вслух говорить о ее высоком происхождении, не имею права... но вы и так все поймете, я же вижу, какие у вас мудрые глаза и проницательный взгляд...

Он вздрогнул, выпрямился, посмотрел на Изазель уже другими глазами.

— Значит... она...

Я сказал шепотом:

— Тихо, граф! Никому ни слова. Никто не должен догадываться. Здесь она просто как бы так, развлекается. Путешествует.

Он ответил так же тихо:

— Ваша светлость, я все понимаю. Коронованные особы если и развлекаются, то все равно работают.

Я сказал с облегчением:

— Вы мудрый человек, дорогой сэр Фридрих!.. Но, умоляю...

Он ответил с поклоном:

— Можете на меня положиться. Я нем как рыба.

К обеду я решился выйти в большой зал, а то голова от бумаг и мудрых размышлений уже как пивной котел, скоро в шлем не влезу, привел с собой и сильно робеющую Изазель, все мужчины почему-то стали низко кланяться ей, а женщины приседать и жадно всматриваться в ее бесхитростное лицо, выискивая глубоко спрятанное величие наследницы императорского дома.

Я еще не закончил с обедом, а уже пронесся слух, что империя эльфов ищет контакты с королевством Варт Генц на предмет установления дипломатических

отношений через брак их принцессы Изазель с наследником трона королевства, дабы по воцарении он мог претендовать и на корону империи эльфов...

Королевство в упадке, подумал я сочувствующе, в этом случае либо начинают усиленно вспоминать о великом прошлом, либо истолковывают все в настоящем в пользу роста величия родной страны...

Глава 5

Сэр Клифтон доложил о приходе отца Бальдиария, я разрешил ввести, священник как нельзя больше соответствовал своему имени: лысый, как колено, с круглым лицом вечного ребенка.

Перешагнув порог, он в испуге уставился на эльфийку с Бобиком, мой песик как раз сделал вид, что она его поборола, и растянулся на спине, с блаженным видом раскинув лапы в жесте полной беспомощности, упрашивая почесать ему, как побежденному, пузо.

Он глядел с испугом и на эльфийку, памятуя, что в Библии нет такого, чтобы Господь их создавал тоже, но когда переводил взгляд на меня, то чуточку успокаивался, это наверняка какая-то хитрость во славу церкви, ибо я не просто лорд Ричард, а Фидель Дефендер, что есть Защитник Веры.

В конце концов его испуг перестал забавлять, я же человек жалостливый, муравья не могу задавить, подозвал его кивком.

Он приблизился, поклонился.

— Ваша светлость...

— Святой отец, — сказал я благочестиво, — я надеюсь, что церкви и монастыри получат дополнительный толчок сзади, чтобы усилить, повысить их во славу Господа!

Он перекрестился.

— Мы за это молимся, ваша светлость

— Все будет, — пообещал я. — Я вот только что подписал декрет об освобождении монастырей и церквей от любых местных налогов и податей...

— Ваша светлость...

— ...с условием, — договорил я, — при монастырях будут создаваться не только школы, но и типографии. Подробности, как их организовать и как с ними работать, — у отца Дитриха, Великого Инквизитора и прелата Ватикана.

Он сказал торопливо:

— Мы уже слышали, ждем чертежей.

— А мастеровых?

Он сказал смиренно:

— Они у нас не хуже.

— Отец Бальдиарий, — спросил я. — Какие-то еще будут просьбы, замечания?

Он поклонился, отступил к двери.

— Нет-нет, ваша светлость! Вы и так сделали невероятно много... Я только хотел спросить, будете ли вы присутствовать на открытии новой церкви, что мы открываем в Щучьем квартале города?.. Или у вас будут какие-то помехи...

Мне почудилось, что в его мягкому голосе впервые проскользнула стальная нотка, напоминая, что церковь — это стальной кулак в бархатной перчатке.

Я указал глазами в сторону Изэли. Она уловила мой взгляд и сразу присмирела, а ее испуг и боязнь пошевелились хорошо истолковываются как христианское смиление.

— Это существо... — сказал я тем же деловито-благочестивым тоном, — гм... его можно назвать, как это ни странно прозвучит, блестителем моей нравственности. По извечной слабости, что досталась нам от Евы, и непотребному влечению, что у нас от ее сына Каина, я

мог бы погрязнуть в непотребных женщинах, их же как воробьев по дороге!

Он произнес сокрушенно:

— Истинны слова, слаб человек...

— Так вот я, — пояснил я, — чтобы не грешить так уж по слабости души и тела, эту штуку вожу с собой. Ест мало, капризов нет, такую даже в сумке можно носить.

Он вздохнул, перекрестил меня, подумал, перекрестил еще раз, но лицо оставалось скорбным.

— Меньшим грехом не допускать большего, — проговорил он с сомнением, — это тоже приемлемый путь для тех, кто не может удержаться вовсе. Но только, сын мой, она ж не человек, а не еще больший грех вот так с нею?

Я помотал головой.

— Святой отец, но не скотоложство же это?.. Она ж так чиста и невинна, что просто птичка божья, а не ишак или коза, как было в Содоме. Я скорее склоняюсь к интерпретации, что если в Святом Писании про эльфов ничего нет, то их как бы и нет. Я патриот Святого Писания и ему верю. А значит, у меня и греха нет во все!..

Он перекрестился уже сам, подумал, сказал в нерешительности:

— В некотором роде ты прав, сын мой... С иной натуральной женщиной все равно чувствуешь себя скотоложником, Господи, прости, а эта вот чирикушка... гм... что ж, для спасения наших душ будем толковать неясные места в Святом Писании в пользу обвиняемого, это по-христиански.

Я ухватил его руку, поцеловал.

— Спасибо, святой отец.

Изаэль не поняла, о чём была речь, но вежливо пропшебетала вслед за мной:

— Спасибо, святой отец.

Он перекрестил и ее с некоторым напряжением во взоре, но она не вспыхнула адским огнем и даже не обратилась в дым, улыбается так же чисто и невинно.

Он вздохнул с облегчением, поклонился и отступил к двери. Изазель смотрела на меня огромными тревожными глазами, но тут Бобик подсунул ей под руку лобастую голову и напомнил, что пора бы его почесать, она машинально начала перебирать коготками у него за ушами, а я подошел к окну и посмотрел вниз во двор.

Там суетятся люди, слышатся сильные мужские голоса, на стройных конях красиво гарцуют несколько мужчин в пышных одеждах не нашего покроя, даже шляпы с перьями больше похожи на береты.

Я выглянул в коридор, сэр Клифтон тут же встал из-за своего стола в маленькой комнатке и заспешил ко мне.

— Ваша светлость?

Я завел его в кабинет и, подведя к окну, кивнул в сторону всадников.

— Чьи-то гости?

Сэр Клифтон произнес с легким оттенком неудовольствия:

— Из Гиксии.

— К кому-то приехали?

Он нахмурился, ответил с неохотой:

— Вообще-то, к вам.

Я отшатнулся, посмотрел на него весьма пристально.

— Сэр Клифтон... я что-то не понимаю. Ко мне приехали люди, а я об этом даже не знаю?

Он вздохнул, покачал головой:

— Вообще-то, не лично к вам, ваша светлость. Это люди принцев Дрогона и Винхельма, они из Гиксии. Там король на охоте ударился головой о дерево и умер,

не успев назначить наследника. А у него двое сыновей...

Я пробормотал:

— А там это не само собой?

— Ваша светлость?

— Я имею в виду, наследником считается не старший сын?

Он покачал головой:

— Даже в Варт Генце это еще не установилось, хотя да, в последнее время считается самым правильным...

— Для того, — напомнил я, — чтобы избежать неудовольствия остальных братьев и борьбы за трон. Хотя далеко не всегда старший сын — лучший правитель.

Он поклонился:

— Золотые слова ваша светлость.

— Я весь золото, — сообщил я. — А здесь чего?

Просят помочи?

Он сдержанно улыбнулся.

— Вы всегда все понимаете наперед, ваша светлость! Даже когда это очевидно. Да, просят. Тем более что у них там вообще непредвиденное...

— Что?

— Пока братья спорили, — ответил он, — один из северных землевладельцев, далеко не самый крупный, лорд Теоденль, собрав своих сторонников, ввел их в столицу, быстро побил людей обоих принцев, а себя провозгласил королем.

Я нахмурился.

— Это же противоречит легитимности!

Он наклонил голову:

— Да, но...

— Что?

— Ваша светлость понимает, — ответил он суро-во, — что они прибыли весьма не вовремя.

— В самом деле?

— У нас у самих, — пояснил он, — не так уж и... Да они и сами все поняли, когда приехали.

— Давно здесь?

— Две недели. Собираются отправляться в освояси.

Я подумал, сказал решительно:

— Я приму их перед отъездом.

Он помолчал, лицо стало мрачным.

— Ваша светлость...

— Сэр Клифтон, — сказал я строго, — не нужно мне так часто напоминать, что вы местные реалии знаете лучше. Это не значит, что вы лучше меня понимаете вообще!

Он торопливо поклонился.

— Решаю я, — отрезал я безжалостно. — Все решают только я!.. О моих действиях и поступках можно судить только по результатам, а не по тому, что вы решили и что предположили. Потому сегодня же вечером я им дам аудиенцию. Сообщите им!

Он побледнел, я сам ощутил, что во мне появляется некая властность, хотя в целом я существо мягкое и уступчивое, конфликтов избегаю, но когда меня стараются направить туда, куда им нужно, я просто инстинктивно взъеживаюсь и нередко даю отпор даже раньше, чем на меня вздумают напасть.

— Все будет сделано, — проговорил он торопливо, — ваше вели... ваша светлость!

Он ушел с торопливостью, мое сердце несколько минут еще колотилось учащенно, схватки бывают не только на мечах, но успокоилось быстро, все-таки я победил, хотя вроде бы и невелика честь победить личного секретаря, но все-таки ему здесь и стены помогают, он все пока еще больше секретарь Фальстронга, чем мой.

...Принц Винхельм, высок и сложен атлетически, в расстегнутом камзоле, под ним сверкающая кираса из хорошей стали с золотым единорогом на всю грудь, золотые лилии снизу и по бокам, на широкой перевязи, тоже шитой золотом, короткий меч в очень дорогих ножнах, украшенных мелкими камешками, зато в навершие рукояти вделан крупный рубин зловещего цвета застывающей крови.

Его младший брат принц Дрогон выглядит более женственным, но не слишком, просто очень румяное лицо с пухлыми женскими губами, не отягощенная мускулатурой фигура и мягкие движения. Воины из таких никчемные, зато хорошие развратники, благо к их услугам придворные дамы, и также могут быть еще и стратегами, что не заморачиваются мелкими тактическими целями, а замахиваются на большее...

Оба остановились в трех шагах и с достоинством поклонились, не преклоняя коленей, все-таки принцы, хоть и в изгнании, а я пусть и на троне, однако всего лишь гранд.

— Принц Винхельм, — сказал я, — принц Дрогон...

Они сказали почти одновременно:

— Ваша светлость...

— Ваша светлость...

— Я только сегодня узнал о вас, — сообщил я. — Канцелярия уберегает меня от всех вопросов, чтобы я не отвлекался от главного: как обустроить Варт Генц?.. Присядьте, ваши высочества. В любом случае вы не должны отбывать из нашего королевства, не рассказав мне о том, что случилось в Гиксии.

Оба заняли места по ту сторону стола неспешно и с достоинством, королевские дети, коих с пеленок учат насчет важности каждого жеста и движения.

Принц Дрогон, коротко взглянув на старшего бра-

та, заговорил с неторопливостью государственного человека, взвешивающего каждое слово:

— Мы не знали, что в Варт Генце свои трудности, иначе не стали бы беспокоить местных лордов своими проблемами. Наш отец, благородный король Фреадор, слишком обожал охоту и на последней трагически погиб...

Я сказал благочестиво:

— Пусть Господь примет его душу с миром. Он погиб на охоте, а не проливая кровь, нападая на соседей. Господь это учитет!

Принц Дрогон произнес тем же ровным голосом:

— Мы с братом, как теперь вижу, допустили ошибку, заспорив, кто должен стать королем. Брат старше и опытнее в воинских делах, зато я лучше знаю историю королевства и соседей, вижу их сильные и слабые стороны, я интересовался рудниками, узнавал сколько в стране собирается зерна и овечьей шерсти...

Принц Винхельм нервно дернул щекой, словно согнял муху, но возражать насчет того, что меньше знает про овечью шерсть, не стал.

— И что случилось? — спросил я, добавив сразу на всякий случай: — Конечно, мне час назад уже рассказали, но, думаю, от вас все будет точнее и объективнее.

Хрен объективнее, добавил про себя, но вежливо улыбнулся и приготовился слушать с подчеркнутым вниманием.

Принц Винхельм начал рассказывать, опережая младшего:

— Да, мы спорили за трон, но до войны у нас бы не дошло. Хотя за каждым из нас сразу же образовались большие группы, что поддерживали каждого из нас и натравливали друг на друга.

Принц Дрогон постарался разжевать для меня:

— Все надеялись получить больше, чем у них есть...

— Продвинуться выше, — громыхнул старший брат.

— При всей нашей жажде стать королями, — пояснил Дрогон, — мы понимали, что если делать то, что они хотят, пришлось бы убить брата и перебить многих его сторонников... чтобы поживиться их землями.

Я спросил с интересом:

— И вы, как говорите, на это не пошли?

Принц Винхельм покачал головой, а Дрогон заверил клятвенно:

— Дело не только в братской любви... хотя мы не просто братья, но и друзья, что важнее, а в том... как бы это сказать, начиная слишком опираться на кого-то, попадаешь к нему в зависимость.

Я сказал с интересом:

— Все верно. Вы говорите зрею.

— Нам это все твердили, — продолжил он с досадой, — в конце концов убедили.

Принц Винхельм сказал угрюмо:

— Я тоже не хотел бы, победив брата, стать заложником такой победы! Как и мой брат, понимаю, что если добьюсь устраниния брата с их помощью, всегда буду зависеть от них...

— Это прекрасно, — сказал я с чувством. — Теперь настали те времена, когда даже брат поднимает руку на брата... гореть таким в вечном огне!.. И что стряслось дальше?

— Чем дольше мы спорили, — сказал Дрогон, — тем больше вокруг нас все накалялось. Уже и мы начали ненавидеть друг друга и собирать войска для сражения за трон... и тут появился барон Теоденль...

Принц Винхельм прервал лято:

— Никакой он не барон.

— Сэру Ричарду это сейчас неважно, — ответил Дрогон.

— Никакой он не барон, — прорычал Винхельм. —

Проходимец так себя назвал, и его шайка тут же с радостью начала именовать его так тоже! Просто разбойник!

— Говорят, — осторожно сказал Дрогон, — он бастард герцога Кертиса или даже барона Уларда...

— Да хоть и короля, — рявкнул Винхельм. — Он не может претендовать на трон!..

Я прервал:

— Простите, но как получилось, что этот разбойник сумел захватить столицу?

Принц Винхельм умолк, только скривился, а Дрогон объяснил медленно и с неохотой:

— Воспользовался моментом... Ни раньше, ни позже такое бы не удалось. А тут совпало и то, что он как раз накопил очень сильную дружины, а держать ее без дела... ну, они бы там все разнесли, больно буйные... Вот он и бросил ее на захват столицы.

— Вы не ждали?

Дрогон развел руками.

— От него — нет. Мы присматривались к Кертису и Уларду, у тех не только дружины, но и есть некоторые кровные связи то ли с нашим родом, то ли с династией прошлых королей... Но они пока ничего не предпринимали, хотя своих вассалов призвали в свои замки... А этот действовал нагло и безрассудно.

Я пробормотал:

— Мудрецы говорят, против умного остережешься, а против дурака оплошаешь, его действия непредсказуемы. Значит, вы теперь... в изгнании?

Принц Винхельм возразил:

— Это не изгнание. Мы отступили за пределы королевства перед превосходящими силами! И вступим, как только соберемся, найдем союзников!

— Это будет непросто, — заметил я.

Братья оба разом вскинулись, как кони, принц Винхельм спросил резко:

— Почему?

— Никто не помогает бесплатно, — объяснил я мирно. — А когда обещают помочь вернуть трон, то в уплату обычно хотят присоединить к себе часть спасенных земель.

Винхельм прервал:

— Об этом не может быть и речи!

Я кивнул:

— Так и думал. Вы оба молоды и на сделки пока не идете. В то же время никакой король не отправит с вами свои войска просто так, потому что это дело дорогое и затратное.

Он что-то прошипел свозь зубы, Дрогон положил пальцы ему на локоть и сжал, а мне сказал учтиво:

— Но вы, как мы слышали, паладин...

— Да, — ответил я, — потому, как паладин, могу совершать благие дела ради чистоты своего благородного сердца. Но вы хотите, чтобы я отправил на войну и других людей, а это уже другое дело... Я работаю бесплатно, они — нет.

Принц Винхельм в раздражении готов был вскочить, младший удержал и спросил настойчиво:

— Но чем-то можем побудить вас... как государя?

Я ответил уклончиво:

— Это зависит. Что у вас вообще есть такое, что может заинтересовать?

Принц Винхельм сказал резко:

— Разговор пустой. У вас нет армии!

— Сегодня нет, — ответил я мирно. — Вы совершенно правы. Хорошо, давайте на этом не закончим, а прервем переговоры. На некоторое время. Вы определитесь, чем можете пожертвовать, если, конечно, у ме-

ня вдруг появится армия, а я посмотрю, стоит ли даже с огромной армией вторгаться в другое королевство, если нам это ничего не принесет, кроме неприятностей.

Глава 6

В кабинете Фальстронга я снова засел за бумаги, но в спину словно подуло сквозняком. Я оглянулся, однако никакого окна или приоткрытой двери, сплошная стена, только ощущение стало еще отчетливее.

В мистику не верю, в свои ощущения — да, потому опустил перо обратно в чернильницу и вышел в коридор. Стражи тут же вытянулись, изобразили рвение, а слуги качнулись в мою сторону, в глазах вопрос: что изволит его светлость?

— Вольно, — скомандовал я, — вольно всем... Изволю прогуляться в благородной задумчивости.

Все остались на местах и превратились в не двигающиеся и даже не дышащие статуи, а я прошел дальше, прислушиваясь и вчувствовываясь. Тянет неприятным холодком с северной стороны...

Через две комнаты ощущение холода стало отчетливым, а когда прошел мимо, стало уменьшаться.

Я быстро вернулся и пинком распахнул дверь. Комната огромная, захламленная всяким колдовским хламом, на полках черепа и пучки трав, а на полу подросток на четвереньках торопливо процарапывает острием ножа большую пятиконечную звезду.

По ее углам, которые он едва наметил, уже расставлены и горят толстые свечи. Осталось только полистать вон ту толстую древнюю книгу в поисках нужного заклятия...

Я пинком сшиб пару свечей и сказал строго:

— Никогда не смей с этим шутить! Это опасное дело не только для тебя.

Он вскочил, отпрыгнул к стене, злой и взъерошенный, вид загнанного в угол волчонка.

— Я все равно, — выкрикнул он еще детским голосом, — это сделаю!

— Что? — спросил я. — Продашь душу? Зачем это тебе?

Он крикнул отчаянно:

— Я хочу вернуть маму!.. И я ее верну!

Я поинтересовался мягко:

— А что, ее унес дьявол?

— Нет, — возразил он, — не дьявол!

— А кто?

— Колдун, — ответил он еще с яростью, но уже и растерянно. — Он жил при дворце.

Я вздохнул свободнее, покачал головой.

— Если она жива, то ты прав, надежда есть. Это с того света уже не возвращаются... да и то бывают исключения, как я слышал. Что за колдун? Король о нем знал?

— Он и служил королю, — ответил он угрюмо.

Я молча выругался. Ну, конечно же, почему это король Фальстронг стал бы отказываться от услуг колдуна?

— Этот колдун и унес? — спросил я. — Все, что говорят, надо проверять, как говаривал отец народов. Давай лучше по порядку. Кто ты, кто твоя мать, где отец, что случилось до, что во время, почему нельзя было разрулить по-хорошему.

Он посмотрел на мою требовательно протянутую ладонь, со вздохом положил в нее нож.

— Меня зовут Берхт, — сказал он, — а моя мать — двоюродная сестра королевы Елизаветы. Когда началось... я говорю об убийстве короля Фальстронга, а

потом та резня... мою мать похитил великий колдун, который жил вон в той башне, видите?.. Он унес ее в вихре...

— Куда?

Он ответил горько:

— Если бы я знал!..

— То что?

— Уже был бы там, — ответил он с вызовом. — Либо погиб бы, либо освободил ее. Но я не знаю, где он сейчас.

Я кивнул в сторону пентаграммы на полу:

— А этому кто тебя научил?

Он ответил угрюмо:

— Колдун. Правда, не он научил, но я подсмотрел, как он делал... Он часто заходил к нам. Мама уговаривала его пирогами, она готовит очень хорошо, а он иногда показывал мне всякое...

Я наморщил нос.

— Вряд ли показал бы тебе такое важное.

Он кивнул:

— Еще бы! Но я подсматривал, меня магия всегда интересовала больше, чем бои на мечах, а он меня за это хвалил...

Я покачал головой:

— Все равно этим пользоваться нельзя. Любой хозяин ставит такую калитку, чтобы проходил только он. Да еще те, кому разрешит. Остальные, если прилетят в таком же вихре без спросу, будут разбиваться о заградительную решетку.

Он побледнел.

— Правда?

— А ты бы оставлял дом незапертым? — спросил я. — Если пытаться к нему залезть, то разве что с такой стороны, откуда он не ждет. Но сперва нужно узнать, где он. С кем еще общался, кроме тебя и твоей мамы?

Он задумался, сказал нерешительно:

— С королем, его сыновьями, королевой Елизаветой...

— Все убиты, — сказал я с досадой. — А с кем еще?

Он долго думал, наконец проговорил неуверенно:

— Он был человеком нелюдимым, служил королю, ни с кем предпочитал не общаться, и так все к нему лезли с просьбами... а, есть еще старая Бригелла, он у нее иногда покупал какие-то травы.

Он говорил с надрывом, в голосе звучали скрытые слезы, и хотя моей первой мыслью было, что черт с ним, не мое это дело, но, с другой стороны, лорды будут съезжаться еще несколько дней, все это время мне предстоит просто тупо ждать, потому что теперь все зависит от них и от того, как сумею поговорить с ними.

Потому, если это нетрудно, могу несколько минут или часов потратить на эту проблему, ибо колдунов не люблю и сам, но главное — магии быть не должно в цивилизованном и просвещенном обществе. Да и вот такие бесплатные жесты в сторону благотворительности где-то нам да засчитываются, иначе мы бы их не делали...

— Давай посмотрим, — сказал я, — куда приведет эта ниточка. Вдруг не оборвется? Кто такая Бригелла?

— Ведьма, — ответил он с надеждой. — Очень старая, древняя. Но она умеет составлять из трав могучее зелье.

— Где она обитает?

— В лесу сразу за стеной города.

— И сейчас?

— Да...

Я задумался, он смотрит на меня с надеждой, я покачал головой:

— Не в свое дело влезаю... но ладно. Сперва предупредим своих существ, а потом сходим к этой Бригелле.

...Изаэль в испуге вскочила, когда за мной в комнату вошел парнишка, а Бобик сразу же решил показать ей, как он ее защищает, и загородил собой, грозно оскалив клыки.

Я сказал торопливо:

— Тихо-тихо!.. Вот что, морды. Мы вас оставим тут ненадолго, дело появилось. Мелочь, но отлучиться из замка придется.

Бобик тут же, забыв про Изазель, подбежал и посмотрел требовательно, мол, и не думай без меня, а Изазель сразу же возопила жалобно:

— Мне и так страшно, когда ты уходишь даже в другую комнату, а сейчас ты хочешь меня бросить вообще?

— Я ненадолго, — начал было я, потом прервал самого себя и махнул рукой. — Хорошо, хорошо. Вы можете идти со мной. Это вот Берхт, у него колдун зачем-то украл маму, дурак какой-то...

Изаэль посмотрела на него с сочувствием, худой и несчастный, он никак не кажется даже ей страшным и опасным.

Во дворе не успели поудивляться нашему отбытию, я моментально вскочил в седло, вздернул к себе Изазель и Берхта, ее усадил впереди, а его — сзади, Зайчик сразу же выметнулся галопом из сада, а через несколько минут над нами промелькнула арка городских ворот.

Лес в самом деле рядом, два десятка ярдов от стены, Зайчик вошел бодро, хотя темный лес впереди начал придвигаться с явной угрозой и охватывать нас с флангов.

Едва вступили под сень ветвей, дальше пошли густые кусты, через которые он ломился уверенно, но нас всех троих цепляли ветки со всех сторон, дальше вообще пошли сплошные завалы.

Я соскочил на землю, снял Изазель, а Берхт, избегая такого позора, поспешно соскочил сам.

— Зайчик, — сказал я строго, — извини, но дальше мы на своих, ибо можем и подлезть под деревьями и протиснуться между слишком тесно растущими... Жди, мы скоро!

Бобик прыгал и показывал ему язык, Зайчик изловился и лягнул его обоими копытами, но получилось вскользь, Бобик отпрыгнул и ехидно заулыбался.

— Все, — сказал я раздраженно, — топаем!

— Здесь уже близко, — пояснил Берхт дрожащим голосом.

Он инстинктивно держался рядом с Изазель, они почти одного роста, он при всей худобе все равно выглядит чуть массивнее, отчего быстро набирался уверенности и отваги.

Мы ломились через заросли, над головой потемнело, однажды над нами пролетела крупная ярко-оранжевая птица, мне показалась, что ее кто-то облил горючим маслом и поджег, капли срываются на землю, как и перья, догорают в падении.

Берхт и Изазель заспорили, Феникс это или Хрюнникс, у обоих увесистые доводы, только б не подрались, я за всеобщий мир и умиротворенность, где драться и буйнить могу только я, мне все можно.

Я замедлил шаг, а Берхт сказал дрожащим голосом:

— Нам вон туда... там через овраг и по распадку мимо восьми сосен. Налево от последней... будет тропка...

— Сосен много, — буркнул я.

— Те сосны с другими не спутать, — возразил он.

— Чем?

— Не знаю, так говорят.

— Да?.. Ладно, посмотрим на эти сосны... если найдем. Из меня такой дендролог, что в трех сосновах заблудится, а насчет восьми так вообще непонятно зачем такое дикое расточительство...

После небольшой поляны тьма с поблескивающи-

ми смутно стволами деревьев приблизилась, охватила нас со всех сторон.

Я пошел впереди, тьму не люблю, потому что исчезают все цвета, в глазах не срабатывают не то палочки, не то колбочки, Берхт охал и натыкался на деревья, только Изазель сразу же пошла уверенно рядом.

Судя по сосредоточенной мордочке, видит не хуже меня, а то и лучше, такие огромные глазища наверняка хапают больше света, чем мои, она наверняка даже цвета различает, морденок хитрый...

Берхт хрюснулся о дерево с таким сухим стуком, что я остановился, создал шарик света и послал впереди нас.

— Ох, ваша светлость, — вскрикнул он счастливо, — как же это кстати...

— Дык я ж светлость, — возразил я, — вот и свечу народам во тьме кромешной, только кто видит?..

— Я вижу! — вскричал он пламенно.

— У тебя особое видение, — заверил я. — На самом деле этого света нет, он доступен только тем, кто ищет маму. Теперь не отставай и на деревья не бросайся, это не мельницы.

— А кто? — спросил он ошалело.

— Великаны, — объяснил я, — что притворились деревьями. Разве не видно?

Он умолк и пошел, дрожа и шарахаясь от любой тени, очень похож на меня в неком возрасте, когда я боялся опустить ноги с постели, потому что из-под кровати кто-то обязательно схватит, а брошенная на спинку стула рубашка превращается вообще в нечто жуткое и кошмарно опасное, что притаилось и смотрит, смотрит, смотрит...

Кроны чуть расступились над поляной, и туда прорвался призрачно резкий луч света. В самом центре серая сглаженная глыба гранита, размером и по форме

напоминающая верхнюю часть жилища муравьев фор-мика, кроме самой макушки, уже покрыта зеленым мхом, а из верхушки победно торчит... ну, конечно же, меч из великолепной стали и с крестообразной руко-ятью, по лезвию бегут загадочные синеватые руны и уходят в камень...

Берхт вскричал пламенно:

— Меч в камне!.. Его вытащит только Избранный!..

Сэр Ричард, попробуйте! Вы обязательно сможете!..

Я пробурчал с лютой неприязнью:

— Достали эти мечи в камнях. Да и вообще мечи. У меня их хоть жопой ешь. Если собрать все, что находил с дуру да по жадности, стен во дворце не хватит, чтобы развесить.

— Ваша светлость?

Я сказал с тоской:

— Ну хоть бы раз попалась... пила, к примеру. Или хорошие кузнечи клещи... Эх... не останавливаться, не останавливаться!

Прогремел, как гром, дикий рев, из темноты выметнулось нечто огромное, я успел увидеть массивную кренастую фигуру с квадратной на фоне лунного неба головой, уши торчком, волчьи.

Вся эта масса налетела, как падающая скала. Я никак не действовал, так мне показалось, сработало мое тело, вжившееся в этот мир: блеснул меч, мои руки сильно тряхнуло, темная масса ударила о землю с такой силой, что та вздрогнула.

Мои глаза приоровились моментально, я видел чудовищного вервольфа с наполовину срубленной головой, верхнюю часть черепа отшвырнуло на два ярда, но все равно корчится и бьется о землю.

Изаэль пищала в страхе и хваталась за Берхта, а он, бледный и дрожащий, мужественно расправлял хилые

плечи и закрывал собой самочку, неважно, что она не человек.

Я дрожащими руками вытер о шерсть еще вздрагивающего в конвульсиях зверя и сунул, не попадая в щель, клинок в ножны.

Берхт проговорил дрожащим голосом:

— Как же... вы его... ваша светлость...

— Я что, — огрызнулся я, — похож на мальчика из церковного хора?.. Пойти дальше.

Изаэль жалобно всплакнула, мое сердце дрогнуло в сочувствии, зря все-таки взял с собой, не для нежной эльфийки такие страсти, какой бы отважной разведчицей себя ни воображала.

Деревья впереди раздвинулись, я вздрогнул, прямо на пути у нас лежит, даже возлежит на поваленном дереве женщина с распущенными волосами цвета темной меди. Белое платье до пят не скрывает ее красиво выпуклую фигуру, напротив, даже подчеркивает выпуклости и намекающе западает во все впуклости.

Смотрит в небо, там есть окошко между густыми ветвями, в руке красный цветок на длинном стебле, задумчиво проводит им по губам, таким же алым, распустившимся, зрелым и сочным.

Я сразу же остановился и посмотрел по сторонам, затем перешел на запаховый, но везде одна и та же картина, только по-разному, в то же время это совсем уж дико: красивая женщина в роскошном платье среди глухого леса...

Да еще вот так, на стволе дерева с грубой ребристой корой! Даже мне было бы не весьма, рядом на шелковой траве гораздо удобнее...

Другое дело, что за бревном могут не заметить, а с него — другое дело...

Изаэль и Берхт притихли за моей спиной, а я решительно двинулся вперед. Женщина повернула голову,

взгляд ее, как мне показалось, ничего не выражает, даже слабого интереса.

— Добрый день, — проговорил я все еще настороженно. — А он добрый, не так ли?.. Мышки летают, сорвики попархивают, даже ночные птички птичкают...

Она окинула нас равнодушным взглядом, затем в ее глазах появилось нечто вроде любопытства.

— Чудные времена настали, — произнесла она мягким женским голосом. — Никогда бы не поверила, что ко мне зайдет сам Потрясатель земель с Адским Псом Малиновой Земли, принцесса эльфов и наследник королевства Бриттии...

Мы все, как я заметил по Изазель и Берхту, приошлели, я сказал туповато:

— Это значит... нам ведьму Бригеллу можно больше не искать?

Она рассматривала меня с нескрываемой иронией.

— Мальчик, ты весьма сообразителен для героя. Вид еще тот... не ожидали?

Я покачал головой:

— Точно.

— А как думаешь, — спросила она, — почему это я так вдруг?

Я ответил осторожно:

— Насколько помню, все женщины... ну, в возрасте, панически страшатся стареть. Когда у них это начинается... ну, морщинки, складки, они все готовы отдать, только бы снова... Мази, притирки, диеты, пилатесы, фитнес, бады, стволовые...

Я смущился и умолк, а она сказала почти доброжелательно:

— Вижу, что-то понимаешь, но только чуть... На самом деле зря страшатся. С возрастом приходит мудрость, что куда ценнее, но откуда это знать молодым? Я вот вернула себе тот облик, что был у меня... ну, дав-

но, и снова ничего не почувствовала. Никакой радости... Ладно, с чем пришли?

Я кивком указал на Берхта.

— Не знаю, какой из него наследник и какого королевства, но сейчас это мальчишка, у которого местный колдун украл мать и куда-то унес. Я хотел бы отыскать его и оторвать голову.

Она произнесла с иронией:

— Ого, сразу так? Чувствуется молодость, никакой середины...

— У нас так, — согласился я. — Либо сразу в рыло, либо ручку пожалуйте. Вы можете подсказать, где этот мерзавец находится?

Она покачала головой:

— Увы...

Я охнул:

— Как же так? Вы с одного взгляда поняли, кто мы!

— Это просто, — протянула она с некоторым разочарованием моей тупостью. — На вас крупными буквами все и написано. А вот куда люди уходят, непросто узнать даже с простыми! А колдуны так и вовсе не оставляют следа.

Я сказал уверенно:

— Но не для вас, леди! Я же вижу блеск в ваших вечно юных глазах, даже если они и не совсем, но это неважно, от вас ничего не укроется, я же понимаю, потому что вы — это вы! Да и разве может даже самый умный и хитрый мужчина что-то укрыть от женщины?

Она польщенно улыбнулась.

— Да, умеешь говорить сладкие слова, даже не ржешь при этом, как конь, хотя я твою ехидную улыбочку все равно вижу, как ни прячь... В общем, где он теперь, сказать не могу, но подсказку дам. Он что-то в последнее время расспрашивал, а потом как-то сам

рассказывал о королевстве Мезина и маленьком городке на берегу большого озера.

— Уже что-то, — сказал я. — Какие-то его вещи остались?

Она переспросила с холодком:

— Какие такие вещи?

— Лучше носильные, — уточнил я. — Старые тапочки, шляпа, пояс...

Она ответила оскорблённо:

— Это что за слова? Он ко мне не спать ходил!

— На звезды смотрели, — подсказал я.

Она посмотрела строго.

— Ты попал в точку, молодой человек.

— Я такой, — согласился я скромно. — Всегда куданибудь да попадаю. А то и кому-нибудь.

— Мы на звезды смотрели, — повторила она с нахмом. — Вы даже представить себе не можете, как много в них интересного и необычно таинственного!

— Верю, — сказал я, — но все равно вы очень привлекательная женщина, милая такая... в разных местах. Ну хоть что-то из его вещей есть?

Глава 7

Ее строгий взгляд стал благосклоннее, даже чуточку польщенно улыбнулась, ни одна женщина не возражает против комплиментов, даже самых грубых.

— Поищу, — сказала она наконец совсем другим голосом. — Однажды он все-таки забыл пояс. Если я его не выбросила... Однако я бы сказала, что вы великий маг, если по вещи сможете отыскать человека!

— Да, — согласился я скромно. — Я еще тот маг.

Она покосилась на Бобика.

— Если бы, конечно, ты мог отыскать без этой сбачки.

— Мы команда, — объяснил я. — Наш успех — общий.

Она сказала уже серьезнее:

— Тебя нет ни в каких видениях, но ты уже потрясаешь королевствами... Это странно.

— Вся жизнь такая, — согласился я.

На обратном пути я прикидывал, как именно попасть в Мезину и где искать это озеро, Берхт молчал и только смотрел с такой надеждой и верой в глазах, что почти неловко быть политиком, если люди верят вот так, а Изазель посапывала, похрюкивала, наконец пробормотала:

— Ничего не поняла... О какой принцессе она говорила?

— Это она иносказательно, — заверил я. — Люди все иносказальщики. Такое наиносказывают...

Она вздохнула и умолкла, а я, напротив, поглядывал на нее все чаще. Либо сама отважная разведчица что-то скрывает, либо просто не знает о какой-то ветви своего рода. Эти эльфы уверены, что их королевство — единственное на свете, но я знаю точно, что были и другие. О Берхте Бригелла что-то могла знать от самого колдуна, однако Бобика увидела впервые...

Зайчик, пока ждал нас, сумел почти перегрызть ствол столетнего дуба. Мне показалось, что и не жрал даже, а так, то ли зубы точил, то ли чесал, а может, хотел посмотреть, с каким грохотом бабахнется и сколько деревьев поломает...

Я замедлил шаг, сердца коснулась тихая печаль. Изазель, настоящая разведчица, следует за мной всюду, спит в роскошных постелях и на охапке веток, под сводами дворцов, под пологом шатра и под звездным небом. Хотя перины или сено вряд ли для нее что-то зна-

чат, по-прежнему во сне влезает на меня и спит там, как щенок, устроившись на груди и мирно посапывая.

А мне каждый раз снится всякое, когда вот эта приятная теплая тяжесть на мне и запах волос, напоминающий о лесе... и не только о лесе.

Я не знаю, много ли собрала полезных сведений о людях, эльфы вообще-то несерьезный народ, несмотря на то что выглядят утонченными и холодноватыми красавцами. У них издавна все сложилось так сбалансированно, так удачно и уютно, что и карабкаться выше не было необходимости.

Эльфы не голодают, ни в чем не знают нужды, потому просто живут, радуясь жизни, а сродненный с ними Лес дает им все для счастья. И вот сейчас, когда Изэль видит наш бедный раздираемый противоречиями мир, она ужасается на каждом шагу, и только ее природное легкомыслие не дает ее сердечку разорваться от горя. А еще втихую радуется, что эльфы — не люди.

К тому же видит, как спокоен я, что такая жизнь для нас норма, и сама копирует мое отношение и поведение, это одно из правил разведчика в чужой стране.

Зайчик заржал тихонько, приветствуя, Бобик побежал к нему и помахал хвостом, извиняясь, что был груб и радовался, когда его взяли, а это копытное оставили...

Я начал поправлять без особой нужды ремни, сказал без охоты:

— Если помчаться в Мезину... гм... это далековато... Вам придется, как бы это сказать, пока вернуться в свои гнезда. Берхт, ты в замок... Сам сумеешь?

Он сказал обидчиво:

— Да вон его крыши отсюда видно!

— Вот и хорошо, — сказал я и повернулся к Изэль. — Малышка, меня все еще несет, как бревно в бур-

ном потоке после большого ливня. Я расталкиваю мелкие щепки и прочий мусор, которого всегда намного больше, но конце концов и бревно швырнет с водопада, где внизу разобьется на куски...

Она сказала наивно:

— Щепки уцелеют, когда падают с водопада!

— Очень уместно, — одобрил я. — Так вот, сейчас стараюсь, чтоб не обстоятельства меня несли, а самому начать как-то управлять хотя бы тем, куда меня прет и, главное, во что...

Она раскрыла хорошенъкий ротик и смотрела в великому недоумении.

— Ты хочешь стать богом?

— Люди, — ответил я значительно, — дети Бога. Он же вдохнул нам часть своей души, так что пора начинать мне ею пользоваться. Потому только сейчас и пытаюсь переломить ситуацию. А это и трудно, и... рискованно, лапушка. Потому сейчас, пока у меня есть время, я смотаюсь в Мезину, поишу этого сбежавшего колдуна, я имею некоторые права на преследования, вдруг он что-то украл в королевстве, за которое отвечаю теперь я?

Она спросила с надеждой:

— Но я с тобой?

Я покачал головой.

— На этот раз нет. Кто знает, что меня ждет. Я отвезу тебя обратно. Не хлопай глазками, чудо лупатенькое, тебе в самом деле пора в теплое гнездышко эльфизма, пока ты не раздрожалась так, что осыплются все перышки.

Она в самом деле хлопала глазами, то есть поднимала веки, открывая дивные огромные глазища во всю ширь, то опускала, и тогда густая тень длинных ресниц трагически падает на бледные щеки аристократки, и у

меня щемит сердце от жалости и нежности к этому существу.

— Полагаешь, — прошелестел ее голос, — мне в самом деле... необходимо вот так?

— Еще бы, — сказал я. — Ты не замечаешь, как меняешься?.. Ты сейчас такое серьезное и печальное существо, а совсем недавно ты же была хитрая лисичка, ловкая, быстрая, умелая, брехливая, смышленая, задорная, смешливая, постоянно чирикающая...

Она сказала печально:

— Наверное, взрослею?

— Но не так же быстро, — взмолился я. — Я выехал из Савуази с такой смешливой дурочкой, а теперь со мной нежный печальный цветок, уже научился даже реветь... ужас какой!

Она печально вздохнула.

— Ну да, ужас. Сама знаю. Но вот беру и реву.

— Собирайся, — сказал я решительно. — Я отвезу тебя назад.

Она распахнула глаза, уже влажные от подступающих слез.

— А... как собираться?

— Никак, — ответил я. — Это фигура речи. Стой здесь, дальше все только мое.

— А Бобик?

— А Бобик побежит, — ответил я серьезно.

— Хорошо, — произнесла она со вздохом, — а то я его уже люблю.

— И он тебя полюбил.

Она проговорила тихо:

— Мы с ним похожи. В главном...

Я стиснул челюсти и по возможности сделал лицо неподвижным, суровым и значительным, я же этот, который, но внутри щемит, рвутся туго натянутые струны, и вся душа требует, чтобы не отпускал от себя это

существо, только что признавшееся, что любит и предана мне ничуть не меньше, чем Бобик...

Нужно сейчас, сказал я себе лютко. С каждым часом будет все труднее. Уже прирастаю к ней сердцем, это уже мое существо, уже входит в мою жизнь так, что даже и не знаю...

Берхт вскинул руку в прощании, повернулся и побежал в сторону городских ворот.

Мы промчались мимо часовых Эльфийского Леса, как возвращающиеся с войны победители: Изазель впереди меня с распущенными волосами, улыбается и помахивает в приветствии передней лапкой, Бобик грохан, как сто львов, и так двигались, пока не остановились на огромной поляне, где на той стороне зеленый дом Гелионтэль.

Я соскочил на землю и нежно снял разведчицу, ле-гоньку и трепетную. Она отводила взгляд, оба чувствуем себя не в своей тарелке, она прошептала едва слышно:

— Зачем я, дура такая, тогда пришла...

— Изазель, — шепнул я, меня корчило от неловкости, — ну так уж получилось...

Она нежно и крепко поцеловала меня в губы.

— Иди, тебя ждет жена.

И, быстро отвернувшись, побежала к встречающим ее эльфам и эльфийкам.

Я прошел к дому, что теперь считается и моим, что-то он стал выше и объемнее, листья все золотого и пурпурного цвета, между ними свисают тяжелые спелые плоды, похожие и на медовые груши, налитые сладким соком, и на персики, и даже на помесь инжира с финиками.

Она охнула и обернулась от стола, когда я вошел,

пригнувшись под эльфячей низкой притолокой. Огромные серые глаза, что так восхитили меня при первой встрече, распахнулись во всю ширь.

— Астральмэль?

Я расхохотался, стараясь, чтобы это звучало легко и раскованно.

— Не ждала?.. Дай я тебя поцелую, жена моя...

Она смущенно прятала щеки, но я обнимал ее крепко и нежно, чувствуя любовь, нежность и непонятное... да что там непонятное, вполне понятное смущение, хотя вроде не должно бы, я ж чистая душа — конт Астральмэль, а с Изазель был этот хитрый гад Ричард, я сейчас с ним ничего не имею общего...

— А где, — спросил я наконец, — наше существо?

— Вон там спит, — шепнула она. — Не буди...

Я приблизился на цыпочках к гамаку из зеленых плетей, там без пеленок и прочей ерунды сладко спит и улыбается во сне мордошечкий младенец, достаточно крупненький, если брать габариты эльфов, то-то бедная Гелионтэль так страдала, зато теперь вся светится счастьем, помолодела, снова стройная, как лань, легкая и быстрая в движениях, а так долго затуманенные страхом и беспокойством глаза как и прежде светятся интеллектом и пониманием.

— Какая прелесть, — сказал я. — Совсем взрослое...

Она засмеялась.

— Тебя так долго не было, вот и успела подрасти.

— Ну да, — сказал я в тон, — лет через двадцать будет уже подростком, а еще лет через сто превратится в девушку?

— Через двести, — поправила она. — Хотя...

— Что?

Она прошептала:

— Не знаю, Астральмэль, будет ли наша дочь развиваться, как все, или же...

Я сказал обиженно:

— Что значит, «как все»? У нас самый лучший ребенок!.. И вообще, иди сюда. Я так давно тебя не видел.

Она дико стеснялась, начала возражать, что сейчас еще день, так же нельзя, лесные боги не одобрят, я заверил, что дружу с их лесными чудищами, они меня хорошо понимают, так что иди сюда, не прячь мордочку, ну ладно, мордочку можешь прятать...

Глава 8

Иногда исполнять долг не так уж и тягостно, хотя, конечно, насчет аменгерства я тогда ляпнул по глупости, хватался за любую соломину, спасая шкуру. Некогда было думать, что к чему приведет. Но теперь вот расхлебываю и не скажу, что ох как жуть сожалею, хотя Изазель лучше в эти минуты не вспоминать. Все-таки я свинья, хотя и не свинья, оно как-то само так. Но если мы люди, то должны себя держать в руках, а я едва-едва научился держаться в присутствии надменных и много о себе думающих лордов, так что не все сразу, постепенно научусь и в этом, да. Старость уже совсем близко, если смотреть глазами эльфов.

Она осталась на ложе, скрючилась калачиком и прикрыла голову тонкой тканью, стесняясь показать лицо после того, что случилось с нею, а я гордо поднялся, со смыслом напрягая мышцы живота, покрасовался собой и начал искать штаны, а когда отыскал возле самого выхода, оделся и сразу вышел.

Бобик лежит посреди поляны кверху лапами, разнежился, распахнул пасть и высунул язык, а дети его гладят и чешут. Увидев меня, вспорхнули, как воробыи, и мигом разлетелись.

Впереди из солнечного света выбежал молоденький эльф, весь настолько чистенький и розовый, что я как-

то подумал, что в каннибализме, если не придиরаться слишком уж, есть свой смысл, кроме того, это древняя и своеобразная культура, нельзя же так грубо брать и запрещать только на том основании, что это мы, а то они...

— Конт Астральмэль, — прозвенел тонкий серебристый голосок эльфенка, — вам приказывает явиться Ее Величество королева Синтифаэль, рожденная из Солнца и Света..

Я поинтересовался:

— Куда явиться?

Он посмотрел на меня чистыми глупыми глазками.

— Как это куда? К божественной Синтифаэль, рожденной из Солнца и Света...

— А где она? — спросил я. — В лесу где-нить цветочки нюхает, в озере купается, бабочек кормит...

Он ответил с достоинством:

— Ее Величество королева Синтифаэль, рожденная из Солнца и Света, принимает только во дворце в тронном зале.

— Ага, — сказал я. — Хорошо, приду.

Он выпрямился, пропищал с возмущением:

— Как это «приду»? Нужно бежать немедленно!

Я кивнул:

— Хорошо, бегу. И совсем немедленно. Могу наперегонки.

Он вспихнул:

— Хорошо. Начали!

И ринулся вперед с такой скоростью, что только золотой песок взвился из-под тонких ножек.

Я пошел солидно и сосредоточенно, я хоть и эльф Астральмэль, но я конт Астральмэль, а титул даже эльфам должен добавлять величавости и некоторой троллистости.

...Деревья красиво и небрежно-томно, как зеленый занавес, разошлись в стороны. Вдали блещет оранжевое море золотого песка, а из него красиво и гордо возвосится трепетно изящный, как драгоценная игрушка, но огромный, королевский дворец, тоже из золота и драгоценных камней.

У входа статуи золотых драконов, эльфы прогуливаются особенно нарядные, куда моей хитрой лисичке Изазель, на меня оглядывались с легким недоумением, но даже не снисходили до приветствия, как же, я всего лишь конт, а здесь, куда ни плюнь, обязательно попадешь в герцога и принца крови...

Меня никто не останавливал, я бодро взбежал по мрамору ступеней, дальше холл, перед которым все парадные залы королевских дворцов выглядят коровниками, стены, пол и потолок из золота, все в дивных узорах, я постарался не выказывать восторга, подумашь, видывали мы ваши парижи, настоящая красота — в суровой простоте и вере в Бога, а это все декаданс и разложение, хотя, конечно, приятный такой декаданс и сладкое разложение...

Барельефы, статуи — все шедевр, только в прошлый раз все было иначе, как только они все это делают...

Из дверей следующего зала льется чистая светлая музыка, настолько легкая и милая, что вот прям вижу у нее крылышки, как у бабочек-капустниц.

Я пропал, твердо ставя ноги, через холл, а затем и через зал в сторону главного, где в прошлый раз меня принимала божественная Синтифаэль.

Через тронный зал простелена широкая ковровая дорожка из красного бархата насыщенного цвета, справа и слева пышные клумбы цветов, так выглядят придворные эльфы. У меня начало рябить в глазах, а дыхание сперло от дивных ароматов, но я вспомнил, что прошлый раз чувствовал себя грязным обезьянком, даже

не альфа, а так себе, на этот раз выпрямился и шел, как кабан, через клумбу с дивными голландскими тюльпанами.

В конце длинной дорожки на золотом возвышении трон, справа и слева от него стоят в красивых, но строгого покроя одеждах седые эльфы, издали видно, что мудрые, зато я молодой и дерзкий, так что мы на равных, не надо уж так стараться нагнуть меня всем этим роскошеством...

Трон с очень высокой спинкой, там блещут яркие звезды на черном небе, а на сиденье в сверкающей светлой одежде восседает бесконечно прекрасная, у меня даже сердце заныло, Синтифаэль с золотой короной на таких же золотых волосах.

Изысканное платье в той же манере, как и в прошлый раз, скреплено золотыми брошками с небесного цвета камнями, но я глядел жадно в ее строгое и безумно безукоризненное лицо и едва не запнулся, ничего больше не видя, кроме ее дивных синих глаз, что смотрят мне прямо в душу.

В двух шагах от ступеней на помост я остановился и учтиво преклонил колено. Ее глаза продолжали смотреть в меня неотрывно, и я покорно опустил голову.

После некоторой паузы я услышал ее чистый и прохладный, как журчание горного ручья, голос:

— Конт Астральмэль...

Я ответил крайне почтительно:

— Ваше Величество.

Подняв голову я снова смотрел в ее лицо и чувствовал, что стоять вот так, преклонив колено перед красивой женщиной, — это нормально даже для такого мужчины, который ни за что не преклонит его перед другим мужчиной.

И все-таки, хотя сердце колотится и замирает в восторге, я чувствовал, как трудно смотреть в лицо живой

богини, как ни хорохорься, а я все же свинья. Даже не свинья, а так, мелкий подсвинок, всегда себя оправдываю, где бы ни нагадил. А перед нею скрыть что-то невозможно, видит насквозь, и, хуже того, я сам это вижу.

Она неспешно оглядела меня с высоты своего звездного трона, наконец произнесла музыкальнейшим голосом, что прозвучал, однако, очень ровно и без оттенков:

— Конт Астральмэль, мы приветствуем вас в Эльфийском Лесу...

Сердце мое колотится, как дурной воробей в клетке, я произнес сиплым голосом, чувствуя себя нелепым и неуклюжим перед таким совершенством:

— Ваше Величество!

— Конт Астральмэль, — продолжила она, и я понял, что нужно не опускать голову и смотреть ей в глаза, как бы это ни было трудно, — вы были в наших владениях не так давно... однако в прошлый раз не явились нам поклониться...

Седые эльфы-мудрецы справа и слева от трона задвигались, обмениваясь возмущенными взглядами, но никто не проронил ни слова.

Я воскликнул отчаянным голосом:

— Ваше Величество!

Она продолжила, чуть повысив голос:

— А это недопустимо, чтобы эльф столь высокого ранга, как конт, не явился сразу же ко двору засвидетельствовать свое почтение и преданность!

Я воскликнул еще отчаяннее:

— Ваше Величество, это не пренебрежение моим долгом или обязанностями, а лишь мое смирение и деликатность, доходящая до идиотизма, ибо деликатный всегда проигрывает...

— Конт Астральмэль?

Я объяснил с тяжелым вздохом и страстью в голосе:

— Мне показалось, что Ваше сверкающее Величество в позапрошлый раз было мною чем-то недовольно, вот я и... того... в прошлый визит не стал вызывать ваше неудовольствие снова. Я такой, пугливый малость. И деликатный до невозможности. Местами я переэльфлю любого эльфа!

Она произнесла строго:

— Порядок есть порядок. Вы не рядовой эльф, конт Астральмэль! Потому ваше появление не должно оставаться незамеченным... Можете встать.

Я поднялся, но продолжал почтительно горбиться, потому что она хоть и в кресле, что на помосте, но вынуждена смотреть мне прямо в глаза, для царственных особ это недопустимо, они всегда должны смотреть на копошащихся внизу, для того их трон ставится на высоком помосте, а каблуки превращаются в котурны.

— Вы конт, — напомнила она. — А ваша супруга — контесса. Не забывайте, к вам больше требований.

Я поклонился, понимая, что аудиенция окончена, я получил выволочку, а то и порку, можно теперь утывать прочь, но один из седых эльфов проговорил важно:

— Далеко не уходите, конт.

Второй добавил:

— К вам будут еще вопросы.

— Будут? — спросил я. — Или уже есть?

Мудрец нахмурился, ответил с неудовольствием:

— Придираться к словам — признак молодого и незрелого ума, который мыслями еще не может блеснуть, увы. Но если вам действительно нужна точность, то да, вопросы уже есть.

Второй уточнил:

— И весьма.

— Никуда не уйду, — пообещал я.

Нечасто выпадают свободные минуты, обычно это меня ждут, а теперь вот я в этой роли, я же не ландес-фюрст здесь, а конт, так что не до зadirания носа с двумя дырочками, и я смиленно вышел из дворца и бесцельно прошелся по площади.

Дивный светлый мир, даже небо над Эльфийским Лесом всегда ясное, фасад дворца блещет ярко, но не слепит глаза.

Эльфийка, я узнал одну из сестер Гелионтэль, стоит с букетом цветов в руках, я видел, как с мечтательной улыбкой прижала к груди, уткнулась в них лицом, жадно вбирая нежные запахи.

Я замедлил шаг и деликатно кашлянул, выходя из-за деревьев.

— Прекрасные цветы, — сказал я мирно. — И хорошо подобраны.

Она сперва застыла от ужаса, я хоть и родня, но весьма странная, я приближаться не стал, и она робко улыбнулась мне.

— Это я сама собрала их.

В ее голосе прозвучала легкая печаль.

— У вас хороший вкус, — пробормотал я.

Она прямо взглянула мне в глаза.

— Но я бы предпочла... пусть и не такой удачный набор... но чтоб мне подарили!

Я смолчал в затруднении, поклонился, даже отступил, чтобы не так страшилась такого странного эльфа, а она снова улыбнулась мне чуть виновато, словно извинялась, что приоткрылась передо мной, и пошла быстро в чащу.

Вообще-то я сам собирался туда, но теперь свернул в сторону, а то мало ли что подумает, надо беречь репутацию хотя бы там, где удается.

За деревьями показалось и начало приближаться лесное болото с оранжевой и плотной, как жидкое мас-

ло, водой, а в нем странные растения, похожие на торчащие из воды по плечи руки с вытянутыми к небу растопыренными пальцами.

Некоторые в самом деле словно опираются на тела, пустив в них корни, у двух пальцы не растопырены, а сжаты в кулаки, а еще один держит некий шар, почти до половины обхватив его серыми и высохшими, как у скелета, фалангами.

Я прошел по берегу, дальше такие же торчащие руки вроде бы крупнее, к тому же будто покрыты снегом, хотя это может быть какой-то мох с коротким плотным ворсом.

С заунывными криками пролетели странные птицы, худые и распластанные, словно вырезанные из больших листьев.

Болото тянулось и тянулось, но я шел по прямой, и оно неохотно отступило в сторону.

Вообще-то Эльфийский Лес не лес в прямом смысле, а ухоженный парк с огромными величественными деревьями, прекрасными в декоративной изогнутости ветвей, между ними всегда либо ровный ковер травы, либо красиво усыпанная сосновыми иглами земля.

Некоторые деревья, особо старые, покрыты толстым слоем мха, тоже очень живописно. Мх то угрожающе-зеленый, то бурый, то пурпурно-красный, везде по деревьям ходят важные жуки, цепочками бегут на диво крупные муравьи, что за вид, интересно, если древние, то слишком высокая организация...

На полянке среди изумрудной травы красиво лежат, подогнув под себя ноги, антилопы. Одна подняла голову, привстала и посмотрела ясными девичьими глазами, круглыми и слегка удивленными, но я прошел мимо, и она легла рядом с подругами, нежась на солнышке.

Деревья поднимаются из земли так красиво и со-

размеренно, что это же колонны, на краонах которых держится этот мир. Дальше блеснула гладь озера, и я сразу увидел, что это эльфийское озеро, настолько ухоженное, я бы сказал, чистое, хотя там на темной воде распластались мясистые листья кувшинок, на них грекутся под солнцем толстые важные жабы, хотя нет, это лягушки, но тоже толстые и важные.

Сверкают слюдяными крыльями стрекозы, я сделал еще несколько шагов и остановился. Дальше в теплой воде на мелководье лежит на спине, раскинув руки и глядя в небо, ясноглазая эльфийка.

Она услышала мои шаги, повернула голову, я в неловкости сказал торопливо:

— Простите... не хотел вас беспокоить...

Она проговорила чистым ясным голосом, в котором ощущалось тепло этого озера, ласковые объятия его волн:

— Я не беспокоюсь...

От ее легкого движения пошли медленные ленивые волны, я смотрел на нее с удовольствием, из воды высовывается только лицо, груди и чуть согнутые колени. Лица такие мне нравятся, чистые, без всяких татуашей и украшений, огромные глазища чуть навыкате, что говорит о хорошем гормональном равновесии, крупные полные губы с сильно вздернутой верхней губой, что кое-что значит тоже, хорошие щеки и подбородок, ну а грудь вполне как бы, и размер и форма, хотя я вообще-то еще тот эстет и потому всеяден.

— Теплая вода? — поинтересовался я, и хотя вопрос глуп, но его всегда задают человеку в воде, даже если он тонет.

— Как раз, — ответила она. — Можете войти...

Она смотрела с приглашающей улыбкой, я заколебался, у меня с такой водой отношения сложные, привык к чистой и прозрачной, чтоб на дне все камешки

или песок как на ладони, а когда вот такая теплая болотная муть, то все время то жду пиявок, то еще какая-то штука бешено начнет извиваться под ступней, и хотя умом понимаю, что это простой пескарик дремал, зарывшись в песок, но все равно страшно...

— Воздержусь, — ответил я. — Негуманно нарушать ваше воссоединение с природой и прочим астралом.

Она на миг закрыла глаза, это удивительное зрелище, когда вот такие идеально выверенные веки красиво надвигаются на выпуклую яркую синеву, а длинные и густые ресницы опускаются до самых скул, затем внезапно распахнула глаза, мне показалось, что испуганно взлетела сказочная бабочка, и я неслышно охнул от этой дивной красоты, когда крупные прекрасные глаза снова устремили взгляд на меня.

— Как вам наша... Изээль?

Голос ее прозвучал невинно, без подтекста, но я ответил с понятной осторожностью:

— Очень любознательная разведчица. Патриотка эльфизма и лояльница королевы Синтифаэль, рожденной из Солнца и Света.

— Она не очень пугалась?

— Ее все любили, — ответил я честно. — И восхищались ее ненашей красотой.

Она чуть повернула голову, волны снова пошли медленные, ленивые, и все опустились, не коснувшись берега.

— Она отважная, — произнесла эльфийка задумчиво. — Это моя сестра... Меня зовут Ричэль. Говорят, наш род в древности пришел из другого Леса, теперь там давно все распахано, построены города... Мы отличаемся от других...

Я ответил дипломатически:

— Разве что красотой и обаянием...

Она чуть-чуть улыбнулась.

— Нет, внешне нас не различить с местными. Но если остальных из Леса не выманить, то мы были всегда смелее. Правда, потому и гибли... сейчас нас всего двое. Я очень люблю сестру и всегда прошу ее быть осторожнее. Но я понимаю ее жажду выйти за пределы Леса, а остальные считают ее сумасшедшей из-за того, что решилась сперва проникнуть к вам и рассказать о Гелионтэль, а потом и вообще отправиться на огромном страшном коне в мир людей...

— Она вернулась с победой, — ответил я, — и новыми знаниями, а знания — сила, слава, деньги... и что тут у вас ценится?

Она ответила тихо:

— Даже мне она рассказала не все... но все равно, какая же она отважная и живучая!.. Идите, вас уже ищут.

— Кто? — спросил я встревоженно.

— Советники королевы, — ответила она. — Бедная Изазель, у нее там не было этой нашей связи...

Она снова расслабленно опустила веки, отгораживаясь от мира, а я поклонился на всякий случай, вдруг да чувствует, повернулся и быстро направился обратно.

Эльфийское общество, мелькнула мысль, застыло в развитии потому, что у них прочный матриархат. Женщины всегда выбирают стабильность и спокойствие, потому их общество избежало кровопролитных войн, а Великие Войны Магов хоть и уничтожали их популяции тоже, однако же не так жестоко, как людей, эльфы как-то загодя прятались в деревья, а дальше им только восстановить численность, что за тысячелетия получалось само собой, остальное не меняется, а вот людям приходилось снова начинать с века охоты, земледелия, создания орудий труда, географических открытий, промышленных революций...

Глава 9

Деревья вокруг поляны увешаны цветными фонариками, что легонько позванивают на ветру, как чистейший хрусталь, а еще с ветвей свешиваются на серебряных цепочках странные такие прозрачные шарики, внутри я видел то крохотные деревья, и понимал, что настоящие, то множество зверюшек, пару раз заметил даже миниатюрные замки, сделанные с невероятным мастерством и умением.

Через поляну бежит ручей, совершенно дикий, даже настолько дикий, что я представляю, как долго над ним работали, чтобы стал вот таким подчеркнуто самостоятельным.

Впадает через два десятка шагов в крохотное озерцо, тоже дикое, где тина, ряска и мясистые, как пропитанные жиром блины, листья кувшинок с толстыми и важными лягушками на них.

С одной стороны озерка дивные цветы, с другой — золотой песочек, на любой вкус, в общем, словно у эльфов могут быть разные вкусы, они же все благородные, изысканные, чувственные...

Я прошел мимо озера и буквально наткнулся на сидящих в легких креслах троих старейшин, четвертое кресло свободно и расположено чуть в сторонке. Все трое в белых балахонах, это, как мудро догадался я, чтоб не видно было подагрические ноги и прочие варикозные расширения, очень уж неприятное зрелище, зато на седых головах красивые золотые обручи с драгоценными камешками над лбом, все тонкой работы, лица мудрые, только глаза неприятные белые, совсем радужка выцвела.

Двоих из них я видел возле королевы, слушали тогда меня очень внимательно, третий выглядит не моло-

же, судя по глазам, но все так же сухощав и подтянут, а с толстым пузом я пока еще не видел ни одного эльфа.

— Здравствуйте, здравствуйте, — сказал я жизнерадостно, никогда не мешает поздороваться дважды или трижды за день, — как поживаете? Правда, день хороший?

Один молча указал на единственное свободное кресло, я заулыбался шире и поблагодарил всем видом, что не заставили стоять перед ними, как школьника.

— День правда замечательный, — сказал я, усаживаясь, — счастливый вы народ, великая эльфийская раса!

Старший из них, хотя с виду все на один возраст египетских пирамид — худые и даже стройные, только морды у всех, как печенные яблоки, проговорил величаво:

— Мы хотим поговорить о неком торгово-обменном пункте на краю Эльфийского Леса...

Я насторожился, поинтересовался:

— А... зачем?

— Чтобы эльфы и люди, — сказал он, — могли обмениваться необходимыми вещами. Это в духе того обещания, что вы дали...

Я в удивлении развел руками:

— А на фига? Простите, я имею в виду, что это как бы зело не весьма бардзо лепо. Можно простые вещи усложнять, чтобы казаться умным, а можно сложные упрощать, чтобы умным быть на самом деле. Мы как бы кто?

Мудрецы переглянулись, лица кислые, всю величавость порчу, что за дурак такой, тоже мог бы повитать в избранном кругу на высоте, а и сам не хочет, и других тащит за ноги.

Старший снова сказал за всех:

— Это могло бы оказаться, возможно, полезным в некоторых редких случаях...

— Дык в чем дели? — изумился я. — Или вы по своей очень высокой духовности что-то не ухватили?.. Эльфам уже давно и даже отныне можно везде путешествовать по землям людей... по дорогам, естественно, а не через посевы, а также бывать в городах и даже приобретать там дома и земли по общепринятым ценам и без всякой видовой дискриминации и в духе мультикультурности. Это побольше, чем какой-то вшивый клоповник по обмену пушнины на бусы...

Они переглянулись, все разом вздохнули, все-таки эльфы однаковее, чем мы, старший сказал мудрым голосом:

— Да, конечно, но это слишком резкий жест в нашу сторону. И хотя он дружелюбный, но такое нас больше пугает, чем радует. Эльфы не любят перемен вообще, а быстрых и резких вообще не признают.

— И что, — спросил я, — несмотря на мой манифест о правах и свободах защиты животных, эльфы так и не решаются заходить в поселения людей? И не решатся?

Он покачал головой:

— Нет.

— Никто?

Он кивнул с печалью в глазах:

— Никто. Что делать, мы — эльфы.

Я ответил со сдержанным раздражением:

— А мы — люди из пещер, хотя дураки продолжают говорить, что якобы слезли с деревьев, мы распахали равнины, забрались на горы и начали плавать по рекам, озерам и даже морям, хотя совсем как бы не вовсе рыбы!

Он развел руками:

— Видимо, вы, люди, шире. Так как насчет созда-

ния такого... пункта встречи?.. Ни нам не нужно будет куда-то ходить, ни вам искать нас в Лесу.

Я сказал кисло:

— Как хотите. Если вас резервация устраивает больше, то ради бога, мы всегда пойдем навстречу! Выбирайте место... а также стиль и архитектуру, если не слишком уж шикарные, это на всякий случай, мы народ бедный, не то что эльфы... Мы, как вы верно сказали, шире и гибче, применимся к любому варианту, если он дает выгоду или чувство удовлетворения, лучше — глубокого.

Один из советников королевы посмотрел с вопросом в глазах на главного, тот кивнул, и советник сказал нерешительно:

— Мы предлагаем на том месте, где наши лучники помогли вам в непонятной нам войне людей с людьми...

— Согласен, — прервал я.

— Здание, — продолжил он, — предлагаем сделать с двумя входами: со стороны поля...

— Для людёв?

— Да-да, а для эльфов со стороны Леса, нам так привычнее...

— Понятно, — прервал я нетерпеливо. — Здание... длинное?

Он спросил опасливо:

— В каком смысле?

— Ну чтоб вам вообще не приближаться к опушке, — пояснил я. — Заходите в свою половину чуть ли не в середине своего Леса, а там уже идете среди родных стен. Идете и идете...

Он сказал осторожно:

— Да, это хорошая мысль... Хотя можно не с середины...

— А в самом здании, — продолжил я идею, — будем

делать перегородку с занавесом, чтобы чуткие эльфы не видели ужасных и отвратительных людей?

Они снова переглянулись, старший сказал с надеждой:

— Это уместное предложение. Мы его рассмотрим. Занавес можно делать таким, чтобы мог опускаться и подниматься по желанию. Все-таки хотя у нас в Лесу некоторые вас не избегают, вы могли это заметить, в то же время большая часть эльфов старых правил и хороших манер никогда не покажется вам на глаза...

— ...да и меня самого не возжелают видеть, — закончил я недоговоренное. — Хорошо! Договорились. Еще вопросы и пожелания будут?

Они переглянулись, что за привычка, как школьники, несолидно, старший сказал с сомнением:

— Что-то мы слишком быстро все закончили. Как-то непонятно... Обычно любые переговоры идут годами.

Я подпрыгнул:

— Что? Да я через год буду уже на другом конце шарика!

— Какого шарика?

— А разве мы не на шарике живем? — спросил я. — Или все еще на слонах и черепахе?

Старший сказал настороженно:

— Нам непонятны такие речи. Известно же, что весь мир держится на кроне Великого Дерева, а оно выросло из чрева Великой Праматери, рожденной из Великого Хаоса Ночи...

— Ну да, ну да, — согласился я немедленно и охотно. — Кто спорит? Именно так все и есть. Хорошо, договорились. Я пришлю мастеров, начнут немедленно.

Один воскликнул:

— Но мы еще не готовы строить свою половину!

— Можем сделать за вас, — предложил я. — Мы вообще-то добрые бываем. Сами не понимаем, почему.

Он замотал головой так энергично, что уши захлопали по бокам головы.

— Нет-нет, наша часть будет сделана нашими великолепными мастерами!

— Договорились, — повторил я. — Ну, если больше вопросов нет, я потопаю в семью к жене и ребенку. Я вообще-то семейный человек с добротными устойчивыми эльфийскими ценностями просвещенного аристократического государства.

Гелионтэль кормит грудью малышку, я полюбовался на сосредоточенную морденцию, сопит и косит глаза на грудь, давит передними крохотными лапками, чтобы молоко бежало в пащечку сильнее, раскраснелось от усилий, пыхтит, как что-то такое... ну, такое.

— Как оно тебя жрет, — сказал я с сочувствием. — Прямо крокодил какой-то.

Она подняла голову, огромные глаза лучатся лаской, милое лицо озарилось светлой улыбкой.

— Как сходил? Не слишком тебя ругали?

— А что, должны были ругать?

Она сказала мягко:

— Муж мой, ты эльф, потому должен подчиняться нашим законам, правилам и обычаям.

Я пробормотал:

— А я разве не?

— Очень даже не, — ответила она почти сердито. — И не вздумай отказываться, если королева или ее люди велят нести стражу на опушке нашего Леса, следить за порядком на главной площади или охранять дворец!

Я удивился:

— Стражу? Разве на вас кто-то идет войной? Или неведомые тролли засылают отряды?

Она покачала головой:

— Что за глупости... Но таков старинный обычай. Все мужчины несут стражу. Примерно два дня в году.

— А-а-а, — сказал я с облегчением. — Ну, это терпимо. Слушай, а чего тот морденок вдруг перестал? И как-то странно крякает...

Она мягко улыбнулась:

— Это оно разговаривает. По-своему.

— А не голодное?

— Нет.

— Откуда знаешь? А вдруг уже умирает с голода?

Она тихо покачала головой:

— Не волнуйся так, милый. Когда оно снова восходит кушать, то закричит так, что со стула рухнешь.

Я сказал с гордостью:

— Девочка в меня!

Она сказала с грустью:

— Даже не знаю, радоваться ли.

— Еще как, — сказал я гордо. — Мы прокладываем дорогу светлому будущему объединенного просвещенного и весьма многокультурного мира! Как не гордиться?

Она покачала головой, на лице оставалась тревога, а в глазах появился страх.

— Муж мой, мы, женщины, хотим жить в уютной норке, разговоры о просторах нас пугают.

Я ласково обнял ее и погладил по худой спине.

— А ты и сиди в уютной норке. Мы, мужчины, будем раздвигать просторы еще и еще...

— До каких пор?

— Не знаю. Отдыхай, мне надо ехать.

Она спросила со вздохом:

— Ты все дела решил с советом королевы?

— В целом, да, — ответил я. — Это не дела были, а... попытка избежать дел и действий. Я не настаивал, вам же хуже, изоляционисты. В общем, остальное дело техники.

Она вздохнула.

— Береги себя, Астральмэль...

— Дык есть ради чего, — сказал я бодро. — Я люблю тебя, Гелионтэль!

Она смущенно улыбнулась, ритуал ритуалом, но все-таки я не совсем Астральмэль, и мы об этом вспоминаем иногда и совсем некстати.

Я вышел на залитую солнцем поляну, где Бобик прыгает вокруг арбогастра, медленно тает смущение, что вот сказал такое, но мы же говорим «не правда ли, прекрасный день сегодня?», хотя на дворе дождь и холодный ветер. Так же и «я люблю тебя» давно означает не только что-то узко определенное, мы знаем, что, а общее, объемное, широкое, можно ведь и просто любить, как любят хорошего человека, прекрасную собаку, красивого коня, изящную статуэтку, вкусный обед или хорошего верного друга...

Если рассматривать с этой гуманистической точки зрения, то я ничуть не соврал насчет любви, я и в самом деле люблю Гелионтэль, она просто замечательная и сама по себе, и во все отношениях тоже.

Бобик подбежал вплотную и посмотрел с сочувствием, я погладил по башке, сказал сердито:

— Да не врал я, не врал!

Зайчик подставил бок, я вспрыгнул, как можно более лихо, не касаясь стремян, одна старая леди учила молодых барышень держаться всегда и везде красиво и с достоинством, дескать, даже когда заходите в абсолютно пустую комнату, вы должны держаться так, словно под всеми стенами сидят джентльмены и внимательно смотрят на вас, потому я всегда держу спину

прямой, а в седло поднимаюсь легко и красиво, как бы ни устал.

— Вперед, — велел я. — Да не в эту сторону вперед, морды... Развернуться взад и — вперед! Если я стратег, а я он самый, то неплохо бы понять, что у меня за соседи. Мезина мой сосед как Армландии, так и Турнедо. А если там скрывается беглый преступник из моего королевства... ну, почти моего, то я, как гуманистарий, не должен смотреть на границы всяких там дикарских суверенитетов. Ценность прав маленького свободного человека выше государственных норм и ограничивающих мою свободу законов!

Зайчик досадливо прянул ухом, мало ли какой бред несу, чтобы уговорить свою податливую совесть и подвести базу под оправдание вторжения или начала тайных операций на территории чужих государств.

Глава 10

И все-таки это далековато: из Варт Генца по прямой пришлось срезать краешек Турнедо, промчаться через Бурнанды, к счастью, не вдоль, а поперек, а дальше копыта загремели уже по земле Мезины, что вообще-то ничем не отличается от Бурнандов или Варт Генца.

Где-то на стыке Турнедо и Бурнандов земля затрещала и пошла лопаться длинными извилистыми трещинами, словно тающая льдина. Зайчик несется, как птица, но он не может угадать, где разломится земля впереди, вдруг да в прыжке угодит в разверзающееся ущелье, спина моя взмокла даже на ветру, но, к счастью, землетрясение закончилось быстро, если кто и пострадал, то хомяки в норках.

Потом я видел, как в небе плывет светящая медуза с длинными свисающими щупальцами, огромная, как

галактика, я ощущал себя микроскопической рыбкой, даже амебой, но Зайчик в прыжке приземлился на камни, зубы мои звонко клацнули, и больше в небо уже не смотрел.

При всей скорости Зайчика все равно прошло несколько часов, я замерз под встречным ветром и дико устал, и когда сбоку собирался прошмыгнуть и пропасть позади городок, я сказал хрипло:

— Все, вы победили... Сдаюсь!..

Бобик довольно оглянулся, а Зайчик уже рысцой вбежал под арку городской стены, сам осмотрелся и понес меня, полуживого, к постоялому двору.

Солнце закатывается за моей спиной, на землю пали длинные густые тени, а само здание выглядит не- приятно багровым. Двери широко распахнуты, оттуда льется оранжевый свет, слышатся веселые вопли гуляк.

Во дворе пара повозок: одна телега и одна подвода, из-под крытого навеса доносится фырканье коней и хруст пережевываемого овса.

Я набросил повод на крюк коновязи, Бобику велел строго:

— Побудь пока здесь.

Он посмотрел в недоумении, но промолчал. Я поднялся на крыльце, хватаясь за перила, ввалился в харчевенный зал. Низкий потолок, воздух жаркий, да и тот не воздух, а плотные запахи разваристых каш, бараньей похлебки и восхитительно жареного мяса.

Столы стоят тесно, и когда упитанная девушка с подносом в руках пробирается по залу, ее шлепают по ягодицам, щипают и даже успевают пошарить под платьем.

Я протиснулся между ближайшими столами, где все нет мест, плюхнулся на свободный краешек лавки.

Мужик рядом посмотрел на меня с сочувствием.

— Парень, на тебе лица нет. Туго пришлось?

Я покачал головой:

— Всего лишь проскакал с обеда и до этого двора.

Старею, видать...

Он хохотнул, налил мне в пустую чашу вина и при-
двинул, я жадно выпил и поблагодарил кивком, в горле
не просто пересохло, но и пошло трещинами, как про-
лежавшая на солнцепеке глина.

Подошел мужик, взгляд вопросительный, явно хо-
зяин, я сказал хрипло:

— Еды хорошей и побольше... вина... и еще обяза-
тельно жареного гуся...

Он вскинул брови:

— Целиком?

— Да, — ответил я сердито, — черт бы тебя побрал!

Он нахмурился, но проследил за моим взглядом, ог-
лянулся. Разговоры в зале затихли, крики оборвались, а
самые горластые гуляки пригнулись к столу.

Бобик стоит на пороге смирный и неподвижный, в
глазах надежда и вопрос: ты еще не забыл про меня?
Уже можно?

Я пояснил с досадой:

— Это моя маленькая собачка, она смирная... Лад-
но, мордастик, можно!

Бобик пронесся сквозь крики и вопли, мгновенно
оказался под столом, все собаки любят там прятаться,
это как бы и будка, и хозяин рядом.

— Он никого не потревожит, — пообещал я винова-
то. — Он совсем тихий... щенок еще.

Хозяин пробормотал:

— Из него что, лошадь вырастет?

— Гуся ему, — объяснил я. — Ему надо для косто-
чек, совсем еще ребенок... Кстати, комнату нам с со-
бачкой пусть приготовят тоже. Рассчитаюсь сразу...

Я выложил на стол золотую монету, огромная ла-

день хозяина сразу накрыла ее, не дав полюбоваться соседям.

— Вина, — сказал он, — конечно, лучшего... Кувшин, два?

— Мне кувшин, — ответил я, — а моему другу... сколько выпьет.

Мужик, который всего за одну чашку вина попал в друзья, довольно заулыбался.

— И мне лучшего, — напомнил он. — Кувшин!

Хозяин буркнулся:

— Ты кувшин не выпьешь.

— Домой унесу, — сообщил мужик.

Хозяин ушел, а через минуту нам на стол начали таскать еду и сразу же принесли вина, потому что после двух-трех чаш уже не замечашь, недожарено мясо или пережарено и какие там специи.

— Из дальних земель? — поинтересовался мужик. — Из Гернеля или Вардау?

Я покачал головой:

— Из Турнедо.

Он охнулся:

— Ого!.. Я только слышал, что, кроме нашей Мезины, еще есть какие-то королевства. Долго добирался?

— Несколько дней, — ответил я.

Он уважительно присвистнул.

— Да ты быстр! Другие неделями, а то и месяцами бы... То так и заморился весь...

Я ел быстро, утоляя голод, мясо под стол начал бросать сразу, а когда принесли жареного гуся, себе отломил только лапу, а щеночечку отправил все остальное.

Под столом слышалось чавканье, хруст и довольное сопение. В харчевне постепенно все наладилось, как только увидели, что чудовищно огромный и страшный пес куда-то исчез, снова пошли разговоры, а потом зазвучали и песни.

— Здоровенный у тебя пес, — сказал мужик одобрительно. — Что за порода?

— Да в Турнедо таких полно, — ответил я. — Скажи лучше, что за порядки здесь? Я человек мирный и не хотел бы по незнанию что-то нарушить.

Он подумал, пожал плечами:

— Порядки? Не знаю, какие в других местах, но здесь все вроде бы как и должно быть.

— Я слышал по дороге, — сказал я встревоженно, — здесь был какой-то переворот в столице? Короля убили, всех зарезали...

Он поморщился:

— Врут.

— Не было переворота?

Он опять пожал плечами:

— Да какой это переворот? Король спокойно умер своей смертью. Мудрый и благородный, его любили. Власть и трон возжелала удержать короля Ротильда, а это возмутило всю знать...

— Почему?

Он посмотрел на меня в удивлении:

— А что, в других землях женщина может сидеть на троне?

— О таком даже не слыхивал, — ответил я.

— Ну вот, — сказал он, — так и здесь. Не было у нас такого в истории королевства, чтобы на троне была женщина!

Я спросил лениво:

— И на что эта дура надеялась?

Он поморщился:

— Она не дура... скорее, напротив. Но в этом, конечно, дура, да еще какая!.. Она решила, что раз при муже управляла всеми делами королевства, в то время как он издавал мудрые законы и раздвигал мечом пределы за счет соседей, то ей позволят и дальше...

Я переспросил:

— Она правила и при живом короле?

— Его именем, — напомнил он, — а это другое дело.

Я задумался, прикидывая некоторые возможности общения с такими соседями, Мезина граничит с Армландией и Варт Генцем.

— А сейчас кто рулит кораблем?

— Лорд Голдуин Адорский, — сообщил он, — очень родовитый, уважаемый, со всеми ладит, родней пророс во все знатные семьи...

— И что, — спросил я с недоверием, — переворот был совсем бескровным?

Он усмехнулся.

— Да не было никакого переворота. Король умер, она пока правила, а за это время уговорились, кому стать регентом при наследнике. Дети у нее совсем еще маленькие, одному семь лет, второму четыре.

Я переспросил:

— Так что регент будет править еще не меньше десяти лет?

Он ответил спокойно:

— Больше, намного больше. Ну какой король даже в семнадцать лет? Да и вообще... за это время лорды примут такие законы, что уже и взрослый король не сможет без их разрешения даже в отхожее местоходить!

— Да уж, — согласился я, — регент зря терять время не будет. Но меня радует, что все здесь тихо.

— Это да, у нас все мирно.

— Принцы оба во дворце?

— Нет, только старший, — сообщил он.

— А младший?

Он чуть замялся с ответом.

— Даже не знаю, плен это или еще что-то... Его держат под стражей в удаленном замке... Объяснили, что

это золотой запас королевства. Если с наследником что-то случится, то этот встанет на его место. Только его охраняют совсем другие люди. В смысле, не от регента.

— Надежная крепость? — спросил я.

Он ухмыльнулся.

— Нет надежнее! На высоком утесе над глубоким озером. Целая армия не освободила бы, да и не будет у бывшей королевы армии... А регенту так и вовсе незачем туда лезть.

— Хорошо, — сказал я мечтательно. — Я и надеялся, что здесь тихо и мирно. Хочу отыскать небольшой городок на берегу большого тихого озера, такая у меня мечта... И чтоб там рыба плавала. Всякая-разная. Хочу купить домик и пожить в покое.

Он посмотрел на меня в изумлении:

— Такой молодой?

Я бесстыдно улыбнулся.

— Ну, скажем так, я хапнул достаточно, чтобы жить небедно до конца дней.

Он кивнул, глаза понимающие, в них можно прощать недосказанное: хапнул, теперь прячешься, избегаешь крупных городов, где могут найти...

— Таких два, — сказал он. — Награнт и Корентина. Но и там не сори монетами, как здесь. Таких запоминают, о таких идут разговоры... А тебе это, как догадываешься, не надо.

— Не надо, — согласился я. — Какой из этих городов лучше?

— Оба хороши по-своему, — ответил он. — В Награнте постоянные турниры, праздники, пиры, гулянки... Еще там много веселых женщин, ярмарки... а Корентина город тихий и почти скучный, хотя там намного чище и опрятнее.

Я задумался, он наблюдал за мной с усмешкой.

— Даже и не знаю, — ответил я, — что выбрать...

— Выбирай Корентину, — посоветовал он. — Видать, тебе здорово нужно хотя бы на время от кого-то скрыться. Иначе сразу предпочел бы Наргант с его праздниками и веселыми женщинами.

— Спасибо, — сказал я и поднялся. — Бобик, лапушка!..

Глава 11

Комната — не совсем королевские покои, совсем даже не королевские, но я вроде бы из тех настоящих, кого такие мелочи почти не интересуют, сразу разулся и завалился на постель, где матрас из мешка с соломой, зато подушка с сеном.

Я в самом деле не знаю, выбрать Наргант или Корентину. С одной стороны, колдуну лучше тихая и мирная Корентина, если в самом деле осточертела бурная жизнь столицы, но с другой... что имеем — не храним, потерявши — плачем. В тихой и чистой Корентине вдруг да вскоре взбесится от скуки, и сам это понимает, если такой взрослый, что похитил чуть ли не сорокалетнюю, а не только что созревшую девчушку с вот такими...

Несмотря на усталость, сон не идет, я раздраженно повернулся на другой бок, лег на спину, даже полежал на животе, сумасшедшие вообще так ухитряются спать, я не могу, бабы начинают сниться сразу же с вечера, но это я бы еще перетерпел, еще как бы перетерпел, но спина к утру становится как у парализованного...

Разозлившись, поднялся, быстро оделся, Бобик приоткрыл один глаз, я сказал строго «Спи!», и он послушно засопел.

Зайчик тоже то ли спит, то ли дремлет стоя, я тихо-хонько поцеловал его в лоб, проверил, что в кормушке,

и вышел, но когда на пороге оглянулся, он смотрел мне вслед странно осмысленным взглядом.

Ночь непривычно светлая, волшебная, все тихо, дома озарены лунным светом, но в тени как будто все исчезло или погрузилось в черную топкую смолу. Дома подошли к дороге и смотрят темными окнами на другую сторону, словно танцоры на партнеров, ждут сигнала, но его все нет, мир замер, абсолютная тишина, даже ветерок проснется только утром...

Я прошел в центр города, это рядом, здесь дворцы знати один подле другого, на ступеньках ближайшего сидит в роскошном бальном или свадебном платье, не разбираюсь в них, девушка, поджав ноги, их не видно под длинным пышным подолом, может быть, там вообще копыта, у женщин это бывает, на голове отсвечивает жемчугом корона, явно не знак власти, а простое украшение. Нет, просто украшение, но не простое.

Я спросил участливо:

— Что стряслось? Туфельку потеряла?

Она вздрогнула, вскинула голову, в больших доверчивых глазах отразился страх, и в то же время там вижу уверенность, что ее вот такую жалобную и несчастненькую никто не пнет и вообще не обидит.

— Туфельку?.. — переспросила она детским еще голоском. — Какую туфельку?

— Серебряную, — напомнил я. — Нет?.. И слава боту. Я вообще не представляю, как можно ходить в туфлях из серебра.

Она проговорила робко:

— Серебряная туфелька... вовсе не из серебра. Но мужчинам это не понять...

— Сложен мир, — вздохнул я, — и непонятен. Но ты кто?.. Не бойся, я не из стражи, просто иду мимо.

— Я и не боюсь, — ответила она.

— Тебе помочь не нужна, — спросил я и добавил: — Надеюсь?.. А то я сам такой...

Она спросила:

— А что ты потерял? Коня?

— Коня? Почему коня?

Она сказала так же чисто-печально:

— Меч при тебе, осталось только коня, вы же такие, больше ничего не цените?

— Ага, — сказал я, — понятно, разбитое навеки сердце, рухнувшее небо, зачем жить, когда все вот так грустно и печально...

Она повторила печально:

— А зачем жить, когда все вот так грустно и печально?

— У тебя зажиточные родители, — сказал я с сочувствием. — И не пороли, только всегда ласкали и всему потакали. Свиньи такие! Вырастили игрушку себе на радость, а ты же человек тоже, хоть и женщина, да еще красивая, что вообще хреново...

Она уставилась на меня в недоумении, вроде бы говорю ласковые слова, но какие-то поганые, в то же время голос участливый, но — это и странновато.

— А-а, — произнесла она тихонько, — тебе тоже плохо...

— Не знаю, — ответил я, — просто не спится.

— Просто не бывает, — возразила она по-взрослому, — всегда есть причина, как говорит мама.

Я спросил с удивлением:

— А как насчет вечной истины, что мама дура? И вообще родители дураки и ничего не понимают?

Она тяжело вздохнула.

— Мои все понимают. Хоть ничего и не говорю.

— Плохи твои дела, — сказал я с сочувствием. — Но, с другой стороны, если родители все понимают, то, значит, с тобой все в порядке. А что душа болит... они

знают, что и это когда-то случится, как первый приход критических дней...

Она насторожилась.

— Что за...

— Ну, — объяснил я, — у тебя же началась когда-то испугавшая тебя менструация? А родители знают, что это не смертельно...

Ее глаза распахнулись, округлились, к лицу прилила густая кровь, даже я ощутил ее жар, затем девушка вскочила в ужасе.

— Как вы можете о таком говорить?.. Вы... вы... ночное чудовище!.. Вы и есть тот Кошмар Улиц, Мрачный Убийца...

И быстро-быстро убежала по ступенькам наверх, чуть придерживая обеими руками подол. Я грустно посмотрел вслед, а в голове крутится классическая фраза: «А что я такого сказал?..»

М-дя, не скоро еще можно будет говорить с девушками обо всем.

Вернувшись, я снова разулся, Бобик подошел и обнюхал меня всего, этого ему достаточно, чтобы увидеть, где я был, что видел и с кем общался. Никогда не расспрашивает, понимает, совру, а так повел носом и — вся правда, как в мисочке.

Укладываясь, я вытащил из сумки старый потертый пояс, сунул ему под нос.

— А это нюхал? Если такой грамотный, то скажи хотя бы, где он?

Бобик с недоумением поводил носом, поднял на меня взгляд честных детских глаз.

— А вот надо, — пояснил я. — Это не королевство спасать, конечно, но тоже зачтется. Может быть. Хотя вряд ли. Но мы же не ради выгода как бы?.. Почему бы между двумя нужными делами не сделать одно полезное?.. На общественных началах, что значит — нам не

заплатят! Даже «спасибо» могут не сказать, забудут, а сейчас за «спасибо» только рыцари стараются...

Он помахал мне хвостом, объясняя, что если я его почешу и поглажу, он пойдет со мной на край света. Если не почешу и не поглажу, все равно пойдет!

— Ладно, — сказал я, — спи. В самом деле, колдун же пронесся в вихре, какие уж тут следы...

Перед засыпанием мои строевые мысли перестали послушно маршировать и разбрелись, как дурные овцы по зеленому лугу. Если Изазель и не принцесса, подсказала одна такая овца, так в будущем может ею стать, с ее жизнелюбием, любопытством, желанием узнать как можно больше о мире, чего остальные эльфы лишены начисто, она просто обязана перейти из простых разведчиков на более высокий уровень. А оттуда еще выше.

А вот что за Малиновая Земля моего Бобика... гм... ладно, все это можно отложить на потом, когда в самом деле все вопросы решу и надо будет либо фавориток заводить, либо выяснить, откуда родом Бобик...

Утром я вытащил из сумки пояс колдуна и снова сунул Бобику под нос:

— Нуухай!.. Знаю, не духи, но это работа, понял? Мужская, достойная, мы же с тобой кобели и все понимаем, верно? А теперь скажи, где этот человек живет?

Он понюхал неохотно, чихнул, пояс старый и запахом пропитался, как жареный гусь собственным жиром, посмотрел на меня с укором и даже потер нос лапой, но все верно, мужчины должны еще и работать, задрал морду и начал принюхиваться очень сосредоточенно и деловито.

Я прошептал с надеждой:

— Ну, давай-давай, ты сможешь!.. Мы ж команда!.. Мы лучшие, мы победим, и все суки будут наши!..

Это его точно взбодрило, даже привстал на всех че-

тырех и поднял голову повыше, экстра-класс, это простые ишечки берут след, вынюхивая землю, а самые-самые находят в струях воздуха.

Сперва он побежал не совсем так уж уверенно, делая броски в стороны, наконец взял направление, я бежал следом и покрикивал народу, чтобы поймали мне собачку, а то сорвалась с поводка, хочет кого-то покусать, дурочка...

Таким образом мы пробежали четыре квартала, я уж думал, что придется так до границ соседнего королевства, но Бобик подбежал к массивным воротам одного добротного дома и остановился, нюхая то створки, то калитку.

— Здесь? — спросил я шепотом, он ответил взглядом, что запах уходит туда дальше, я сказал торопливо: — Стой на страже, понял? Если что, просто гавкни. Не кого-то гавкни, а вслух, мне, понял? Просто подашь голос... Нет-нет, не сейчас!

Он вздохнул, дескать, понял, опустился на толстую задницу и приготовился ждать.

Я прислушался, шарнул тепловым зрением, за воротами никого, подпрыгнул и, ухватившись за верх забора, быстро перемахнул на ту сторону.

Хороший ухоженный сад, хоть и чуточку заброшенный, вон сорняки повылезали среди цветов на клумбе.

Я тихонько открыл дверь, большая и очень богатая комната, стены из мрамора, гобелены тонкой работы, посредине массивный стол попирает пурпурный ковер толстыми резными ножками, несколько глубоких кресел, на столе хрустальные чаши и вазы — целое состояние...

Тишина, я перебежал, огибая стол, на другую сторону, там еще дверь, за ней чувствуется нечто живое,

донесся даже голос, вроде бы подростка или женский, дверь массивная, из мореного дуба.

Прислушавшись, я обнажил меч, рывком распахнул дверь и, выставив клинок перед собой, ворвался как вихрь... и остановился, будто этот вихрь с маxу ударился о стену.

Посреди комнаты расположился на огне огромный котел, в нем можно варить целиком быка, там слышно громкое бульканье, поднимается неприятный зеленоватый пар, а перед котлом ко мне спиной молодая женщина, обнаженная до пояса, трясет над головой длинным посохом со светящимся камнем в навершии и что-то выкрикивает тонким детским голоском.

На скрип двери или сквозняк она в страхе обернулась, на лице отразился ужас, острие моего меча направлено ей прямо в грудь, она торопливо выставила мне навстречу жезл и быстро-быстро начала читать длинное заклинание.

Я бесстыдно рассматривал ее, акцентируя внимание на определенных местах, на ее щеках выступил стыдливый румянец, но заклинание все-таки дочитала, сообразила, что не сработало, в ужасе отступила и чуть не попала ногой в огонь под котлом.

Я сказал почти ласково:

— Дорогая, я уже заколдован твоими сиськами!..
А все, что говоришь, — ерунда, мы все равно женщин не слушаем.

Она умолкла растерявшись.

— Ты? Заколдован?

— Еще бы, — подтвердил я. — Ты хоть видела свои дойки? Если нет, то посмотри и поймешь, что из меня уже можно веревки вить.

Она сказала недоверчиво:

— Правда?

— Разве не видно?

Она сделала ко мне шаг и внимательно всмотрелась в мое лицо, а я невольно скосил глаза на ее полные груди.

— Мне кажется, — произнесла она нерешительно, — ты врешь...

— Да правда же!

Она сказала с нажимом:

— Не подходи. Ты не возьмешь меня хитрыми речами.

— И не думал, — ответил я с жаром. — Я думал, как бы вот руками... Что, даже потрогать нельзя? Ты чего такая злая?

Она снова выставила жезл, даже отступила на пару шагов, заклятие выкрикнула громко и решительно, но прозвучало оно на этот раз вообще жалобно.

Я подошел, взял из ее слабой руки жезл, осмотрел и сунул ей в сумку на пояс.

Она прошептала в отчаянии:

— Теперь будешь меня насиловать?

Я вздрогнул.

— Надо, что делать. Ты вон разделась даже...

Она сказала отчаянным голосом:

— Заклятия лучше получаются, когда голые... обнаженные... Это только потому! А не по-другому!

— Знаю, — согласился я, — животная страсть выплескивается и подпитывает, ведь женщины... ну, не все, конечно, но весьма животные, но ты разве похотливая женщина?.. Ты же такой светлый мотылек, твои зубки... что утром роса, рот прекрасен, что яблоньки сада, щечки, словно разлом у граната, шея... башней Давидовой ввысь вознеслась над щитами, дивясь. Две груди — оленята, два брата. О, как ты прекрасна. Ты чудо! Ты — дочь наслаждений. Твой стан — это пальма влечений, а груди, а взгляд твой, а бровь... На пальму

же я заберусь, чтоб видеть, как вьется лоза! Дыханье...
свежей, чем гроза! За гроздья плодов ухвачусь!..

Она пролепетала жалобно:

— Это... что?

— Песня Песней, — ответил я и добавил со вздохом: — Но если насиовать надо, то надо...

Она сказала жалобно:

— А может быть, не надо?.. Это так противно...

— Правда? — изумился я. — А мы, мужчины, уверены, что вам это нравится. Даже в восторге. Ну если не хочешь...

— Не хочу, поверьте!

— Тогда гора с плеч, — сказал я. — Одевайся и скажи-ка мне, где тут...

Она сказала торопливо:

— Моя одежда вон там, с той стороны котла. Можно я сперва сбегаю одеться...

— Нет, — отрезал я. — Сперва ценную информацию. Хотя какая она ценная?.. А потом отпушу одеться.

Она пробормотала:

— Хорошо, хорошо!.. Только не смотрите так, а то я уже насилююсь...

— Какая чувствительная, — сказал я одобрительно. — Эмпатка! А сейчас я что представил?

Она вздрогнула, дико покраснела и закрыла лицо ладонями.

— Какой ужас... разве так можно?.. Как вам не стыдно!.. Да вы даже не знаю кто...

— Дики, — сказал я с чувством. — Какие целомудренные! Это хорошо. Люблю быть свиньей среди приличных людей!.. Среди свиней разве разгуляешься...

Она пролепетала, дрожа всем телом:

— Что... что вы хотите?

Я сказал строго:

— Ты не ведьма, но мечтаешь ею стать, верно? Я все вижу!.. Кто тебя учит?.. Ответствуй, ибо я не всегда добр, не препятствуй моему ндраву!.. Если совершишь, сразу увижу, и тогда та-а-а-акое с тобой сделаю, что нормой станет разве что лет через пятьсот...

Она залилась слезами, прокричала жалобно:

— Да, я хочу стать ведьмой... хотела... сейчас уже не знаю...

— Кто тебя учит?

Она замотала головой:

— Не учит! Совсем не учит. Я прислуживаю в доме хозяина, а он занимается магией. У него в доме метлы сами мусор сгребают в совок, а тот в ведро ссыпает!..

Я спросил с непониманием:

— А ты тогда зачем?.. Ах да, понимаю-понимаю, это же очевидно, стоит на тебя посмотреть, как я не до-пер сразу: метла иногда гребет в стену, а совок сыплет мимо ведра?..

Она вскричала жалобно:

— И так постоянно часто! Лучше бы я сама все делала, чем рассыпанное потом собирать, но хозяин говорит, что ему так жить интереснее, он же маг, а если я буду подметать, то он просто как и все!.. Можно я оденусь?

— Сперва адрес, — потребовал я. — И где это вообще. И как туда добираться. Все подробно, а то я туповат и благороден, поняла? Могу в благородной рассеянности или отвлечении на что-то тут у тебя и не услышать важное.

Глава 12

Вообще-то я чуточку ступил, мог бы догадаться и сам: ее хозяин в городе Корентине, там тихо и спокойно, его домик расположен в самом красивом месте бе-

рега озера, на краю нависающего обрыва. Будь пониже, можно бы прыгать с балкона чуть ли не на середину озера.

Бобик подпрыгнул и сказал сердитым взглядом, что меня не было целую вечность. Тут вообще-то пытался пройти народ, но смотрели на него издали и куда-то исчезали.

— Ничего, — заверил я, — подумают на колдуна с его штучками. Может быть, даже морду набьют.

Он пошел рядом и все заглядывал в глаза, но я помалкивал, ибо если скажу, что видел молодую девушку с вот такими и ничего с нею не сделал, уважать перестанет, а мы все нуждаемся в уважении, особенно в собачьем, потому что собаки не врут и не притворяются.

Короткая ночь заканчивается, но мы успели вернуться до рассвета, Бобик тут же завалился дрыхнуть, я подумал и не стал даже разуваться.

На завтрак вниз спустилось всего трое, хотя постоянный двор почти полон, но большинство еще спят, никогда бы не подумал, что я вот такая ранняя пташка, а скажи кому — только поржали бы, как над приколом.

Я подозвал хозяина, он появился мгновенно, угодливо склонил голову:

— Еще вина?

Я отодвинул пустую тарелку с кучей обглоданных костей.

— В дороге не пью. Вот тебе еще золотой, позаборься о моем коне, а я отбуду на денек, а то и на два. Чтоб зерно всегда в кормушке, чистая вода...

Он сказал почтительно:

— Все сделаю, господин. А что насчет собачки?

Я отмахнулся:

— Собачке велел ждать, но она может выйти и пошарить на кухне. Никак не отучу от этой дурной привычки...

— Никто их не отучит, — вздохнул он. — Это не привычка, господин, это их суть. Ладно, я поставлю в счет... так я понял?

— Все правильно, — одобрил я.

Он бережно спрятал золотой и поклонился мне уже в спину.

Городок хоть и не Баллимина, но богат: десяток настоящих дворцов и больше сотни домов попроще, раскинулся широко; я, пока добрался до городских ворот, изнылся от нетерпения, зато сразу же свернул с дороги, по ней в город везут зерно, мясо, рыбу и прочее, без чего тот не проживет, а там в кустах пробрался подальше, лег и велел себе трансформироваться в нечто летающее, но поменьше...

Поменьше, это все тот же птеродактиль, что-то меня на нем заклинило, то ли это проще всего, то ли моей организации недостает, чтобы стать благородной птицей. Хотя вообще-то птиц такого размера не бывает, а меньше я пока не могу, что-то недопонимаю или недочувствываю, хотя вроде бы все еще интеллигент хренов...

Крылья сразу понесли быстро и мощно, я поднялся повыше и, я же не могу просто так лететь, начал усиленно наращивать размах крыльев, но в этом случае машут реже, попробовал укрепить мускулы, но начал быстро выдыхаться, прям закон Мура... или не Мура, не помню, там насчет сколько в воду суешь, столько и выльется, что-то вроде правила сохранения массы или энергии...

Успел додуматься до сногшибательной идеи укрепить сухожилия нитями из нанотрубок, только бы узнать, что это, но внизу зеленый ковер леса начал отодвигаться взад, блеснуло великолепное чистое озеро.

Почти идеально круглое, с этой стороны видна узкая полоска белого песка, на той стороне громоздятся горы.

Вернее, сказал я себе, одна гора, но только как будто две держат на плечах третью, та отличается по цвету камня, словно ее забросил наверх древний катаклизм.

Я сложил крылья и пошел резко вниз, заваливаясь в азарте встречного ветра чуть ли не в пике. Зеленый ковер начал раздвигаться в стороны, мелкие бугорки превратились в холмики, затем в зеленые холмы, густо покрытые лесом.

На опушку выметнулись шесть крохотных всадников, остановились, затем галопом понеслись по кромке леса.

Крылья затрещали, хотя выдвигаю постепенно и за благовременно, наконец растопырился весь, прошел над вершинками и ухнул вниз, уже не выбирая полянку, как раньше, а наловчившись проскакивать между ветвями соседних деревьев.

Город, насколько запомнил сверху, расположился совсем близко, вырубив вокруг себя деревья на сотню ярдов, нужно всего лишь пройти на север сотню шагов, и лес остается за спиной...

Я поднялся с земли быстро, покачнулся, все-таки устаешь в полете, в плечах ноют суставы, но меч в ножнах, лук за плечами, штаны на месте и совсем сухие, так что топай, не спи. Победа приходит только к тем, кто идет и сквозь усталость. Отдыхают и расслабляются пусть другие, потом будут мыть мне коня.

Деревья роняют золотую и пурпурную листву, здесь осень уже вступила в права, словно у нее свой календарь, под ногами опавшие листья, но не шелестят, пока еще почти живые, влажные, полные сока, прогибаются мягко, словно заботливо уложенный в комнате ковер с длинным и густым мехом.

Впереди за деревьями мелькнуло голубым, я сразу же шагнул за дерево, прислушался, затем пошел, стараясь постоянно держать между собой и мелькнувшим клочком голубого, как догадываюсь — одежды, эти толстые стволы.

Между деревьями на берегу крохотного лесного озера, что и не озеро, а так, лужа, женская фигурка с распущенными волосами склонилась над телом, как вижу отсюда, крупного мужчины.

Он на спине, руки вытянуты вдоль туловища, голова повернута в сторону, лицо смертельно бледно, уже восковое. Когда женщина сдвинулась чуть, я увидел красные пятна по всей белой рубахе от плеч до живота.

Я приблизился достаточно неслышно, женщина вздрогнула и вскинула голову, едва на них упала моя тень. Мгновенно отразившийся страх моментально исчез, она снова опустила голову, плечи ее затряслись в рыданиях.

— Что случилось? — спросил я мягко.

Она ответила сквозь слезы:

— Он защищал меня... чтобы я могла убежать...

— А ты?

— Убежала, — ответила она рыдая. — Потом вернулась...

Я коснулся лба убитого, молодой и красивый парень в одежде благородного человека, рубашка из дорогого полотна, а на поясе пустые ножны от меча. В груди три колотые раны, из левого бока торчит обломанная стрела.

— Он, — начал я и замер, от пальцев пошел отчетливый поток жизненной силы, парень еще жив, хотя одной ногой уже шагнул в ладью Хирона. — Он... погоди... он просто тяжело ранен...

— Смертельно, — прошептала она в слезах. — От таких ран не выживают...

— Сами по себе нет, — согласился я, — но если правильно лечить и соблюдать диету...

Она посмотрела на меня непонимающе, прекрасное своей чистотой юности и непосредственности лицо выражало недоумение, потом надежду.

— Его можно вылечить?

— Можно, — сказал я, — хотя это будет нелегко...

Она прошептала в слезах:

— Сделайте это, и я буду вашей рабыней, вашей наложницей... кем угодно!.. Я буду делать все, только спасите его!

Я отнял ладонь, лоб парня уже разогревается, поинтересовался:

— Кто он вам?

Она замотала головой:

— Никто, уверяю вас!..

— Тогда почему такие слезы? Почему он защищал вас от кого-то ценой жизни?

Она заколебалась, пугливо оглянулась.

— Они могут вернуться. Он загородил им дорогу и начал драться, а я убежала, как он и велел, только не домой, а сделала круг и вернулась к нему...

— Благородно, — согласился я. — А если те, не догнав, вернутся?..

Она вздрогнула.

— Они вернутся. Но мне все равно. Если умрет, я убью себя тоже. И не достанусь им...

Раненый хрипло застонал, набрякшие веки затрепетали, начали подниматься. Бессмысленный взгляд сперва шарил по кронам деревьев, а когда девушка счастливо зарыдала и упала ему на грудь, он заметно напрягся, его рука с трудом приподнялась, он неловко обнял ее за плечо.

— Аргентельла...

Голос его был скрипучий, словно рядом с нами раскачивается под ветром расщепленное дерево.

Она подняла голову, в глазах появился страх.

— Нужно немедленно уходить отсюда!.. Они обязательно вернутся!

Раненый слабо улыбнулся, я встал и хотел помочь, но вдали послышался быстро приближающийся конский топот.

— Они верхом? — спросил я.

Она еще ничего не слышала, но все поняла по моему лицу, вскрикнула:

— Да!.. Где его меч, я тоже буду драться!.. Меня живой не возьмут...

Вдали между деревьями замелькали силуэты, я торопливо сорвал из-за спины лук, моментально наложил стрелу и начал быстро-быстро выпускать их одну за другой.

— Ложитесь! — крикнул я. — Никому не поднимать головы!

Женщина послушно накрыла своим телом раненого, а я отбросил лук и, отпрыгнув от занесенного меча, выхватил свой, успел парировать удар второго, а третьему сам срубил руку с клинком по самое плечо в тот момент, когда он сильно наклонился при замахе.

Двое, проскочив, развернулись и понеслись на меня снова, уже охватывая с двух сторон. Я разогрелся так, что брось меня в это озеро, тут же вскипит и испарится, движения всадников кажутся медленными, кони тоже двигаются, как черепахи, я уже знал, кто как поступит и что сделает, потому шагнул в сторону того, который меньше всего ожидает, отклонился от блестящего лезвия меча всего на дюйм, зато мой клинок рассек ему бедро в том месте, где проходит артерия.

Последний всадник тут же круто остановил коня, начал разворачивать, а когда справился с лошадью, я

уже был рядом, сильно дернул его за ногу, и он вылетел оттуда, словно набитый тряпьем мешок.

— Да кто ты... — заорал он и быстро выхватил кинжал из ножен на поясе.

— Неважно, — ответил я, — кто я. А ты — мертвец.

Блестящее лезвие погрузилось в его горло, как в мокрую глину. Я тут же дернул за рукоять обратно, отпрыгнув от фонтанчика бьющей крови, огляделся.

Все кони с пустыми седлами, двое из всадников, сбитые стрелами, пытаются подняться и тут же падают, на коне только один, он выронил меч, навалился на конскую шею и обхватил ее обеими руками, однако конь его домой не унесет, руки слабеют, тело сползает на одну сторону, а кровь из рассеченной ноги хлещет широкой струей.

Тот, которому срубил руку по плечо, лежит на спине и подергивает ногами в предсмертных судорогах.

Я вытер лезвие меча о спину одного из убитых, сунул в ножны. Женщина села и смотрит на меня со страхом и недоверием, а мужчина приподнялся на локте, кривится от усилий, глаза его тоже, как и у женщины, становятся как у галапагосского рака-отшельника.

— Кто... вы?

— Да так, — ответил я, — мимо шел. Лучше скажите, кто вы. И почему эти за вами гнались.

Говорил я спокойно, однако то ли мой уверенный голос и вид, какой я иногда умею на себя напускать, то ли шестеро убитых и смертельно раненных произвели впечатление, но оба сразу подобрались, мужчина начал было отвечать, но женщина перебила:

— Я — Аргентьевла Лаутгардская, земли моего отца всего в десятке миль отсюда... или чуть дальше.

— Это не повод, чтобы за вами охотиться, — заметил я.

Она кивнула.

— Но повод то, что я — единственная наследница огромного состояния. Мой отец болеет, а ему принадлежат земли в Ротгелье, Фармотье, Адальенте и даже в Лепьерсе. В Баллимине у него несколько домов в самом центре.

— Ага, — сказал я, — так это женихи?..

Она снова кивнула:

— Да. Если меня суметь выкрасть и обвенчаться со мной, то уже и родители вынуждены будут согласиться на такой брак...

— Это верно, — согласился я, — а эпоха разводов наступит не скоро. А это кто с вами?

Она замялась, затем проговорила отважно, хотя взгляд уперла в землю:

— Это сэр Мальтергард...

Мужчина проговорил едва слышно:

— К вашим услугам...

Я перевел на него острый, как мне и полагается, даже проницательный взгляд.

— Позвольте догадаться, что произошло. Вы, вместо того чтобы сидеть за крепко запертыми воротами в высокой башне, как и принято среди приличных девушек, поехали на свидание с этим отважным героем?

Он нахмурился, а она сказала быстро:

— Мы давно хотели пожениться. И сегодня уговорились явиться к моему отцу и сказать, что я выйду замуж только за него!.. Но нас выследили...

— Потому что делаете это не первый раз, — сказал я безжалостно. — Знаю я эти штучки. Повадился кувшин по воду ходить... Ладно, мне надо двигаться дальше. К счастью, эти люди оставили нам шестерых верховых коней! Уже оседланных, надо же!.. Мне достаточно одного, вы забирайте остальных и дуйте во весь опор к родителям.

Мужчина заговорил крепнущим голосом:

— У нас есть кони, я спрятал своего в овраге, чтобы сюда пробраться незамеченным...

Я прервал:

— Вряд ли вы его найдете, если за вами следили.

— Я не хочу брать чужое, — возразил он с достоинством.

— Это уже не чужое, — уточнил я. — Это трофеи.

— Это ваши трофеи, сэр.

— Я деляюсь с вами, — сказал я.

Он слабо покачал головой и болезненно поморщился от этого движения.

— Это мы вам обязаны, сэр... Только скажите, чем мы вас можем отблагодарить?.. Моя жизнь сама по себе ничего не стоит, но когда я вижу Аргентьевлу, то ценю свою шкуру очень высоко.

Он старался сделать голос шутливым, хотя в нем хрюпело и сипело, как в рваных мехах, я тоже ответил так же легко:

— Хотите обесценить мой рыцарский порыв? Не-е-ет, не дамся!

Однако я ощутил, что начинаю не только смотреть на них несколько по-другому, но и в голосе у меня как бы сам по себе зазвучал иной интерес.

Помог им как благородный человек и паладин совершенно бескорыстно, что, как дурак, бросается на помочь тому, кого бьют или ловят, даже не задумываясь, что ловят, возможно, Джека-потрошителя, но в то же время я и политик, что все чаще берет верх над наивно-чистым рыцарством.

Нет, не берет, это я загнул, как вообще-то умею, но конфликтует. Сейчас же никакого конфликта, все случилось слишком быстро: я не успел пораздумывать насчет стоит ли вмешиваться, но сейчас во мне поднял голову политик и напомнил строго, что я раз уж взялся заботиться о государстве, то и должен искать для него

выгоду или хотя бы просто пользу всюду, иначе мой рыцарский поступок проведут по графе развлечений где-то на уровне петушиных боев и возни с фаворитками, а сие несколько унизительно для мудрого государя, который очень прислушивается к мнениям простых королей соседних великих держав.

— Вы в одежде благородного сословия, — сказал я мужчине. — Но достаточно ли знатны, чтобы претендовать соединиться с леди Аргентьеллой и в браке, а не только в кустах?

Он нахмурился, я видел, что готов ответить резкостью на мою грубость, но сдержался, только лицо наконец-то слегка покраснело.

— Я виконт Мальтергард, сын Фреалафа и внук Торфта, — сказал он с достоинством, — мы не так богаты, как семейство Лаутгардов, однако у нас один из самых древних родов Мезины, что имеет корни в Гиксии и даже Горланде!..

— Не так богаты, — уточнил я, — значит, бедны?

Он покраснел сильнее, в глазах сверкнула кровеная злость.

— Да, последнее время... пусть даже столетие... наш род в упадке. Но нет унижения в бедности...

— Христос тоже был беден, — сказал я, приходя на помощь, — но мир перевернул. Так, я все понял. В общем, будьте осторожнее. Если еще не передумали, то к родителям езжайте сейчас же и все расскажите. А то второй раз эти ребята могут оказаться удачливее.

Они наблюдали сидя, как я поймал одного из коней, он фыркал и дичился незнакомого человека, от которого еще и пахнет птеродактилем, кони — не люди, все чуют, только помалкивают, но я погладил, сказал пару ласковых слов, и животное, как человек, поверило в обещания, что жить станет лучше и веселее, само чуточку взбодрилось.

Аргентьевла помогла виконту подняться, его все еще шатает от потери крови. Он оперся о дерево и смотрел, как его возлюбленная пытается поймать кошкой.

Я ухватил одного за повод и передал ей, а потом и другого. Как они усаживаются и куда поедут, смотреть не стал, сам же повернул морду коня в сторону востока, где городские ворота.

Аргентьевла вдруг крикнула мне в спину:

— Благородный паладин!.. Если вы не желаете назвать свое имя, то, возможно, мы сумеем вам отплатить гостеприимством... Кроме того, возможно, паладину бывает тоже что-то нужно.

Я повернулся, они уже оба в седлах, она заботливо поддерживает его за плечо, я помахал им рукой.

— Езжайте! Если вы так быстро поняли, что я паладин, то догадываетесь, какую трепку от родителей вам предстоит получить! Тут уж не до обычных гостеприимств...

Похоже, я их смущил, напомнив про их проблемы, умолкли, а я пустил коня вскачь.

Глава 13

Городок выглядит в самом деле чистеньким и опрятным, потом я вспомнил, что это же не Наргант, где постоянные турниры, петушиные бои и доступные женщины, здесь живут только приличные люди, повертел головой и — свинья грязь найдет! — увидел распахнутые двери двух домов друг напротив друга через улицу. Оттуда вольно льется разухабистая музыка, несутся пьяные песни и слышится своеобразный женский хохоток, это когда к ним под платье суют жадно ищущую руку, а они с некоторым запаздыванием ее наконец-то

ловят и с подчеркнутым возмущением выбрасывают за пределы.

Да, мелькнула мысль, цивилизация и культура на марше, даешь свободы и вольности, долой запреты, человеку все можно, потому что все хочется... Или же меня просто надули, а на самом деле город ханжей — Награнт, а Содом и Гоморра — Корентина...

Я поиском взглядом купол церкви, не увидел, даже колокольня нигде не высится над зданиями. Впрочем, это наверняка один из факторов, почему колдун выбрал именно этот город.

Зато на площади под звуки громкой бодрой музыки, хлопки в ладоши и задорные крики лихо пляшет молодая красивая девушка с распущенными волосами, что значит — блудница, у нее и платье всего до середины голени, такой позор, но зато какой приятный...

Танцует она быстрый зажигательный танец, что-то вроде испанского, красиво выгибается, забрасывает подол то вправо, то влево, стройные ноги на каблучках отстукивают ритм быстро и точно, почти чечетка. И зрители в восторге, ей под ноги летят мелкие монеты, она смеется заразительно, показывая красный рот, ярко накрашенный, широкий и зовущий, зубки ровные и белые, глаза искрятся весельем, ей самой нравится танцевать и чувствовать на себе жадные взгляды мужчин, музыка быстрая и ритмичная, я ощущал, как внутри меня начинает что-то подпрыгивать и приплясывать...

Рядом остановился человек в плаще, наброшенном на плечи, грудь в кирасе из хорошей стали, но руки и ноги от железа свободны. Не глядя на меня, пробормотал:

— Правда, хороша?.. Так и ждет, чтобы ее зачаровали...

Я спросил с непониманием:

— Заколдовали?

Он поморщился.

— Ну, это по-деревенски. Благороднее говорить, зачаровали.

— А-а-а, — сказал я медленно, — это как бы да... а чем?

Он повернул голову и посмотрел на меня в удивлении, уже немолодой, видавший виды, вон шрам на скуле, но если и воин, то бывший, наконец я догадался по мелким признакам и уверенному виду, что это начальник городского патруля.

— А вы, — произнес он в сомнении, — не знаете?

— Нет...

— Что за дикий народ! — произнес он с чувством. — Естественно, золотыми украшениями, ожерельем из жемчуга, брошкой с сапфиром покрупнее...

— А-а-а-а, — протянул я, — это магические вещи?

— А вы не знали?

Я сокрушенно почесал в затылке.

— Да бываю дурак временами. Умное хватаю на лету, а в очевидном дурак дураком.

— Это признак гения, — сказал он авторитетно и добавил: — Либо круглого идиота. Как думаете, вы куда ближе?

— А каково соотношение? — спросил я, посмотрел в его лицо и сказал поспешно: — Нет-нет, не отвечайте. Лучше я останусь со своими иллюзиями.

— Благоразумно, — согласился он. — Хотя это наше качество вне категории ума вообще. Но выживать помогает.

— Но неблагоразумные откуда-то же берутся, — сказал я задумчиво. — Более того, о благоразумных везде молчок, будто их и нет вовсе, а о неблагоразумных... вон послушайте!.. какие песни, а? Еще про них складывают баллады, легенды, им ставят даже памятники, а

уж на gobelenах только они во всей неблагоразумности...

Он посмотрел на меня уже серьезнее.

— А-а-а, вы один из этих... кто ищет приключений?

— Нет-нет, — запротестовал я, — это они меня всюду ишут и находят! Куда бы я ни забрел. Как мухи летят на мед, представляете?

Он хмыкнул.

— Потому вы и забрались на край света, потому что избегаете?.. Судя по сапогам, прибыли издалека. Здесь такие не шьют.

— А вдруг я нарочито такие заказал? — спросил я нагло.

Он посмотрел на меня, прищурился.

— По вашему виду не скажешь, что вы человек предусмотрительный... Ладно, развлекайтесь, но, как человека нового, хочу предупредить сразу... там за северными воротами среди скал есть так называемые Сиреневые Ворота. И хотя не сиреневые и совсем не ворота, но дураки иногда любопытствуют и лезут.

— И что?

— Не возвращаются, — ответил он просто.

Я насторожился, посмотрел на него внимательно.

— А что за...

Он ответил уже нехотя:

— Если бы кто знал! Хотя... что это бы изменило? Никто не возвращается, вот что главное. За теми воротами волшебная долина, и народ там волшебный, но к нам не выходят и других не выпускают.

Я сказал резонно:

— Но если знают, что там волшебная страна, что живет кто-то... значит, были вернувшиеся?

Он покачал головой:

— Давно. И единицы.

— Спасибо за предупреждение, — сказал я. — Вам

успеха в трудном деле по поддержанию порядка на улицах! Я вообще-то за порядок, хоть вы и не поверите, раз у меня сапоги не такие, но я взаправду уже оличинился и понимаю, что хочется, а что надо.

Он ушел той же неторопливой походкой хозяина города, а я некоторое время таращил глаза на танцовщую, но кайф мне уже обломали, пошел по городу дальше, вышел к стене. Сиреневые Ворота за северным выходом из города, потому я свернул на восток, а то не утерплю и полезу смотреть, что там за, с моим дурным характером лучше вообще не подходить близко.

Город из-за трещин и нагромождения вздыбленных плит раскинулся несколько хаотично, между районами либо пропасти, либо выжженная земля, северная часть намного выше, южная и западные намного ниже, а дом колдуна так и вовсе на одинокой скале, что с небольшим наклоном нависает над тихим озером.

Он как бы и в городе и за городом, и если во многих городах в сердце огороды, сады и луга, то здесь даже участки леса, умело прижившиеся на скалах и прочих непригодных для строительства жилья местах.

Я дождался захода солнца и медленно пошел к выходу из города, но как бы ни пытался сосредоточиться на предстоящей схватке с колдуном, в черепе стучат молоточками тревожные мысли, что когда мои подлинные намерения в Варт Генце начнут проявляться, я могу потерять даже предельно верного сейчас Меганвэйла.

Он и не подозревает, что ликование от моего пребывания во главе королевства быстро сменится озлоблением, а мне придется гасить его быстро и жестоко. Это только Армландия мне досталась в классическом варианте, когда правитель ничуть не могущественнее,

не богаче, не влиятельнее, чем многие лорды. Во Франции изначально век за веком короли были беднее своих вассалов. У них очень долгий исторический период было во много раз меньше земель, чем у многих сеньоров, и они получали с них меньше доходов.

В Сен-Мари я, пользуясь «военным временем», успел вырезать самых яростных противников, но это было сумбурно, интуитивно, бессистемно. В то время я все еще оставался рядовым рыцарем, поставленным во главе войск, и для управления целым королевством никак не годился.

Разгром Турнедо и опыт Гиллеберда позволили сформулировать некоторые аспекты власти короля: максимальная независимость от прихоти крупных феодалов, упрочение своей власти на местах, сбор налогов напрямую в королевскую казну.

Правда, и самому Гиллеберду это не удалось в полной мере, но все же наряду с феодальной у него была и королевская армия, а налоги хоть и не собирал напрямую, но сумел везде или почти везде отдать земельные владения верным себе людям.

Но все-таки даже Гиллеберд, собираясь идти на войну, созывал феодалов, и каждый из них являлся со своим войском, верным только ему, а не королю.

Я же, вторгнувшись в Турнедо, везде клялся в верности идеям Гиллеберда, что должно льстить населению, и я в самом деле им верен, разве что стараюсь везде продвинуться дальше и закрутить гайки потуже: я за воеватель, мне можно так в покоренной стране.

Но в Варт Генце я могу, получив неограниченные полномочия, провести молниеносную реформу... ну, не совсем уж, но достаточно быструю, чтобы не успели в ней разобраться и принять меры. Нет, разобраться смогут быстро, это на виду, но у меня настолько мощная поддержка всего населения, всех слоев общества,

что придется проглотить неудобства от моих реформ и уповать на то, что как только я уйду, смогут все развернуть круто взад.

Так что за год должен успеть сделать все... сделать так, чтобы и через годы, да-да... я не настолько глуп, чтобы заглядывать вперед всего на годик, так вот, чтоб и через годы...

Деревья растут могучие, земля здесь прекрасная, потому и селятся охотно, несмотря на неудобства. Ручей впереди течет достаточно широкий, перепрыгнешь только в узких местах, в ночи вода кажется темной и пугающе опасной. От мертвотой луны идет холодный и недобрый свет.

Я вышел из-за деревьев, осторожно ступая по берегу ручья, шагах в полусотне впереди на обломке дерева сидит у ручья, судя по силуэту, молодая обнаженная девушка с большим горбом, рассеянно болтает ногами в воде.

Дорогу мне загородил большой скользкий камень, слизь на нем так и блестит, но если войду в воду, то плеск ее насторожит, вдруг да подумает, что подкрадываюсь, я крикнул негромко:

— Эй, я друг!.. Не бойся меня!

Она вздрогнула и повернула голову в мою сторону. Я заулыбался пошире, хотя в этой полутьме вряд ли рассмотрит мое лицо, ступил все-таки в воду и медленно пошел к ней.

— Не бойся...

Она вскочила на ноги, подпрыгнула, за ее спиной развернулись громадные крылья, ударила ими по воздуху с такой силой, что по воде пошла рябь, а ее взметнуло ввысь, где исчезла почти моментально.

— Что за хрень, — пробормотал я. — Какой-то птеродактиль сидел, а мне все бабы мерещатся. Да еще и

сразу голые, ага, а как же, ждут не дождутся... Пора кончать с этим гребаным целибатом...

Хотя, мелькнула другая мысль, она — птеродактиль, я — птеродактиль, можно бы и поптеродактильиться малость, мы же в лесу, здесь можно отринуть на время бремя цивилизации и этой, как ее, ага, культуры, место предопределяет сознание...

— Борись, — напомнил я себе. — Привлекательные птеродактилихи отвлекают! А мне еще столько надо сделать, и почти половину — за счет вязки.

Деревья кончились, я вышел на простор, теперь на фоне звездного неба утес смотрится совсем близко, в домике немножко жутковато светятся окна, словно страшилка какая.

Еще чуть подождем, напомнил я себе. Там в городском доме колдуна я сумел войти только потому, что на меня магические ловушки не сработали, меня просто не заметили, но здесь колдун может принять и не только магические меры предосторожности.

С другой стороны, не может же весь дом обставить ловушками. Особенно если похищенную женщину держит не в подвале на цепи...

Пожалуй, в этих землях драконы не водятся вовсе, это не Гандерстейм, где по ним бьют сверху и снизу, но рисковать не стоит, попробую-ка лучше безобидным птеродактилем, что и курицу украсть не сумеет...

Я хотел уже начать превращение, но в темном звездном небе появилось нечто, несется, быстро увеличиваясь в размерах, что-то достаточно крупное... как мне чудится

Я вытащил меч, но это так, рефлекс, гораздо больше, чем к схватке, я примерился, в какую сторону отпрыгну в случае... в случае чего.

На какой-то миг почудилось, что ко мне летит ди-

ковинный цветок на тонком стебле, потом ахнул, сообразив наконец, что это на самом деле.

Вообще-то я существо целомудренное, как и все мое поколение, что бы нам ни приписывало поколение постарше. При сообщении, что ведьмы летают на метле, я всегда скромно предполагал как-то по дефолту, что сидят на ней, как птички на жердочке, ну разве что просовывают древко между ног, но, как бы сказать по-скромнее, в горизонтальной позиции, и летят, ерзая промежностью.

Но то, что ведьмы перемещаются на метлах несколько в ином положении, как-то в голову не приходило, пока сам не увидел, а ведь знал же, что сила ведьмы многократно возрастает лишь в случае, если пробуждает и выплескивает свою животную, плотскую энергию, самую могучую, глубинную и хтонную.

Потому неспешно летящая на метле ведьма всегда похожа на цветок ночи, покинувший землю: вверху соцветие с лепестками, трепещущими по ветру, сидит оно плотно на длинном тонком стебле, а внизу подобно корням свисают прутья метлы...

Правда, если нужно набрать скорость, ведьма переходит в горизонтальный полет и становится похожей на кальмара, часто-часто схлапывающего щупальцами, а здесь вместо них судорожно дергаются эти длинные прутья.

Она резко пошла вниз, на миг исчезла в темноте, слышно, как затрещали сухие веточки за кустами, а через минуту вышла: миниатюрная, ибо в «Молоте ведьм» точно сказано, что метла выдерживает женщин только до ста двадцати фунтов, потому все женщины крупнее или просто с весом автоматически вне подозрений, еще у этой дюймовочки длинные распущенные волосы до пояса, высокая грудь под длинной ночной рубашкой и метла в руке.

— Привет, — сказал я первым, потому что она остановилась в настороженности, — не спится?

Она все еще тяжело дышит, лицо в лунном свете выглядит совсем измокденным.

— Н-н-нет... — услышал я прерывистый голос.

— Отдохни, — посоветовал я. — А потом... мне вот интересно, а фригидные ведьмы бывают?

Она несколько раз глубоко вздохнула, выравнивая дыхание, грудь у нее по росту крупная, приподнимает рубашку еще как, с каждым вздохом остро выпячиваются твердые, как речная галька, соски.

— Мне кажется, — ответила она с трудом, дыхание еще вырывается сиплыми хрипами, — вы из тех... кто понимает... суть магии... или догадывается!

— Да так, — пробормотал я. — А вдруг?

Она покачала головой:

— Откуда фригидная возьмет стихийную магию?

— Я так и думал, — сказал я. — Ты не случайно здесь оказалась, так ведь?

Она наклонила голову и посмотрела на меня исподлобья.

— Вы спасли мою младшую сестру Аргентьеву, как она рассказала только что. И ее жениха. Мне он не очень... но это ее забота. Она убивается, что ничем не смогла вам отплатить! Сестра у меня гордая...

Я хмыкнул.

— Еще бы, она так рассказывала о своем древнейшем роде. И что? Уговорила тебя?

Она снова покачала головой:

— Нет, я сама предложила вам помочь, если сможем. А сестра тем самым будет не должна больше. Вы здесь чужестранец, как она сказала, теперь и я вижу.

Я спросил задето:

— А что во мне не так? Вроде бы все такое же...

Она усмехнулась одними глазами.

— Это кажется вам, мужчинам. А женщины видят, что нитки идут не внахлест, перевязь широковата, у нас таких вообще нет, вон те петли должны смотреть в другую сторону...

— Понятно, — прервал я. — Нужно было кого-то ограбить и одеться в его тряпки. Да, так было бы надежнее. Учу на будущее. Только вот что, лапушка... Кстати, как тебя зовут?

— Астрида, — ответила она.

— Астрида, — повторил я, — что значит богиня красоты?

Она улыбнулась.

— Не я имя подбирала, это прихоть родителей. Артентьелла куда красивее.

— Астрида, — сказал я, — видишь ли, я вообще-то волк-одиночка. Кроме того, несколько старомоден, потому не хотел бы, чтобы женщина подвергалась опасности.

Глава 14

Она, не отрывая от меня все еще настороженного взгляда, покачала головой:

— Мой лорд, вы не старомодны. Даже очень. Я была готова к проклятиям, отвращению... но вы меня удивили. Да, ведьмы получают магическую мощь именно таким очень даже осуждаемым путем... но мы ее тратим всю на колдовство! Хотите узнать, остается ли что-то на мужчин?.. Для оргий и разнудзданной похоти? Нет, мой лорд. Разве магия не интереснее, чем все мужчины, вместе взятые?

Я пробормотал:

— Ты сильная женщина. Нет, сильный человек. Но мне никогда не переубедить мужчин, что есть что-то

выше и занимательнее, чем бабы в постели, а ты не докажешь другим женщинам то, что сказала мне...

Она смотрела на меня очень внимательно.

— Куда вы направляетесь?

— Пока прямо, — ответил я уклончиво.

— Еще не знаете куда?

— Увы.

— Почему?

— Сперва нужно узнать, где находится человек, которого я хочу найти.

Она не отрывала от меня острого взгляда темных глаз.

— Вы его хотите... отблагодарить?

— Еще как, — ответил я.

Она проговорила медленно:

— Кажется, догадываюсь. Я пойду с вами, вы здесь новый, многое не знаете. Да и сестра... я ее люблю.

— Передайте мое спасибо за ее душевный порыв, — ответил я. — Но мой ответ — нет. Со спасибом, конечно.

— Я сама хочу пойти с вами, — сказала она, — вы какой-то... совсем другой. Если для вас мое существование не совсем отвратительно...

Я пробормотал:

— Эх, лапочка, знала бы ты пределы политкорректности! Что расширяются и расширяются... Сама бы содрогнулась, ты ж не самая как бы вот. А мультикультуризм вообще задалбывает... Потому твой способ получать стихийную мощь вовсе не, ну ты поняла. Только береги себя, так можно повредить, если сильно увлечешься, внутренние органы... или ведьмы и не рожают? Хотя на познание окружающей экологии все направляешь, а не на оргии, но все равно здоровье надо иногда беречь, чтобы безобразничать можно и потом... на благо отечества. Ладно, иди рядом, а то в лесу что-то

страшно, вот там шуршит, а там вот шевелится, а то и вовсе выглядывает и смотрит, смотрит, смотрит...

Она усмехнулась, думала, я не вижу настолько отчетливо, сказала с юмором:

— Да-да, и прям щас кинется...

— Куда бежать, — сказал я, — и как вообще жить?

Мы шли бок о бок, иногда мне хотелось ухватить ее на руки и понести, слишком маленькая и слабенькая, она пару раз повернула голову и посмотрела на меня очень серьезно, однажды даже улыбнулась одними уголками губ, но и улыбка была очень уж недоверчивая.

— Кстати, — спросил я, — а как ты меня нашла? Я, как мне казалось, отдалился от того места... весьма даже.

Она произнесла неопределенным тоном:

— Да, это было трудно, я хотела было отступить уже...

— Ты упорная, — сказал я. — Только упорные чего-то добиваются в жизни. И вообще.

— Спасибо.

— И красивая, — добавил я на всякий случай. — Таких мужчины обожают. С вами любой хиляк чувствует себя богатырем!

Она засмеялась тихонько, словно прозвенел крохотный колокольчик, но впереди выступила залитая лунным светом громада дома колдуна, это издали он как игрушечный, а здесь видно, что целый дворец, даже оброс по бокам постройками, словно в главном здании живет богатый лорд.

В ближайшем к нам домике — довольно простеньком, здесь может жить прислуга — на крыше отворилось окошко, сперва вылетела летучая мышь, потом высунулась женщина в сиреневом платье, обеими руками бережно держит что-то у груди, потом поднесла к

лицу, поцеловала и бросила в воздух тем характерным жестом, как дети и женщины, что выпускают голубей. Но у этой из рук вылетела большая толстая летучая мышь.

— Еще одна ведьма, — пробормотал я. — Ничего, скоро-скоро инквизиция займется вами, дорогуши...

Астрида вздрогнула и зябко повела плечами.

— Как ты можешь так говорить?

— Магия — плохо, — отрезал я.

— Но ты ж меня не убиваешь?

Я пояснил:

— Понимаешь, я не совсем рядовой в этом мире...

Потому борюсь не против магов, а вообще магии. Магов на костры тащат те, кто рангом помельче. Так что я могу даже дружить с магами, сам иногда позволяю себе кое-какие вольности и отступления... ну, как женщины, что придерживаются строгой диеты, иногда сожрут что-то вредно-лакомое, но это не останавливает их на пути совершенствования...

Она пробормотала:

— Я почти ничего не поняла... но инквизиция придет и сюда?

— Обязательно, — заверил я. — Так что лучше ты заранее подумай о переквалификации. Ведьма — отмирающая профессия. Как трубочист или извозчик.

Она прошептала:

— Мой лорд, но это самые новые и лучшие профессии!

— Гм, — сказал я в затруднении, — ну, как изготавливают каменных топоров. Я могу составить протекцию, если что надумаешь...

Женщина наконец скрылась и захлопнула окно, а мы перебежками по тени продвинулись к главному входу, где нам осталось преодолеть всего лишь открытое и залитое лунным светом пространство.

Я выжидал, поглядывая на небо, как там двигается одно неторопливое облачко, вроде бы вскоре подойдет к луне и на некоторое время закроет, Астрида даже не дышит рядышком, догадалась и тоже поглядывает вверх...

Скрипнула дверь, я застыл, ситуация у нас — глупее не придумаешь, — в проеме показался крупный мужик с чернющей бородой веником, икает и на ходу старательно заправляет рубаху в штаны, словно поп в трусы рясу, очень деловитый и сосредоточенный. В широко распахнутом вороте на груди среди черных волос кольцами блестит что-то крупное на цепочке.

— Ого, — сказал он с удивлением, — вы чего там притаились, а?.. А-а-а, понятно, воришки?.. Обобрать хотите?.. У этого гада кое-что в доме есть ценное, вы угадали...

Астрида испуганно не шевелится, я наконец шелохнулся и проговорил настороженно:

— А на каком этаже самое ценное?

Он снова икнул, сказал сипло:

— Да на любом!.. У него и золото есть, и драгоценные камешки. Золото хоть в монетах, хоть в разных штуках. Только вам попасть в дом будет трудновато... Эх, почему не помочь хорошим людям?

Я сказал так же зажато:

— Но мы же воры...

Он отмахнулся:

— А этот гад заставлял меня работать в праздники!.. Пойдемте, у меня ключ от задней двери. Хоть все вынесите, только не попадайтесь, а то и мне конец.

Я сказал быстро:

— Хорошо. Но ты не уходи, мы воры честные, с тобой поделимся.

Он погладил бороду, подумал для солидности и обещал:

— Буду ждать у выхода.

Мы пошли за ним, Астрида с облегчением вздыхала, даже начала улыбаться, все-таки приятно, когда везет, хоть и в мелочи.

Мужик с трудом снял с груди цепочку, что запуталась в волосах, на ней блестит ключ, вставил в огромный висячий замок, долго дергал, раскачивал, покраснел весь, наконец замок недовольно крякнул и рухнул, словно его дернули книзу, дужка вылетела из щелей.

Он успел поймать на лету, сказал довольно:

— Даже не грохнуло!.. Хотя там стучи не стучи, хозяин с вечера спит до утра, как мертвый... Или он в самом деле умирает, а потом оживает?

— Нам везет, — пробормотал я.

— Еще как, — согласился он и снова важно погладил бороду.

Астрида сказала тихо:

— Спасибо, добрый человек...

Он осторожно открыл дверь, прошел туда, я внимательно смотрел, как он продвинулся в глубину полутемного помещения и уже оттуда издали приглашающе помахал рукой:

— Сюда, сюда!

Астрида шагнула было вперед, но я придержал ее за руку.

— Погоди-ка...

Странный запах настораживает, я перешел на тепловое зрение и увидел, как у двери слева с той стороны прижался к стене огромный человек, в руках два длинных ножа, больше похожие на мечи.

— Погоди-ка, — повторил я. — Пойду первым я...

Я осторожно двинулся вперед, человек там изготовился к удару. Мне остается сделать только шаг, и едва окажусь на пороге, тут же в горло вонзится вон тот нож, а этот ударит в сердце...

Я меч и так держу острием вперед, как копье, и за полшага изо всей силы вонзил в узкую щелочку между досками, забитую мхом. Клинок вошел с неохотой, я быстро дернулся на себя, на стальном кончике кровь, быстро прыгнул в дверной проем, сбоку гигант так и стоит, но уже с опущенными руками и зажимает рану в боку.

Я ударили со свирепым замахом в тот момент, когда он начал поднимать голову и его горящие красным глаза вперили в меня яростный взгляд.

Острие рассекло толстую шею и ударило в доски. Из раны ударили струи крови, там зашипел сдуваемый воздух.

Бородач охнул и, повернувшись, хотел бежать, я швырнул меч вдогонку. Острие ударило в спину и, перерубив хребет, осталось торчать, а хитрец беззвучно рухнул лицом вниз.

Астрида вбежала следом, ахнула.

— Кто это...

Я ответил как можно небрежнее, красуясь перед женщиной:

— Да так, простые слуги. Решили сыграть роль охранников.

Она прошептала:

— Простые?.. Да это же почти огр...

— Бивали и покрупнее мальчиков, — ответил я. — Ладно, чего расстоялась? Пойдем...

Она пошла тихо и уже робко, сообразив, что хоть я и чужак в этих землях, но для некоторых действий все не обязательно знать, какие сапоги здесь носят и как именно петли пришивают.

Прихожая добротная и богатая, чувствуется достаток, мы перебежали ее на цыпочках, из холла две двери ведут направо и налево, но это явно подсобные, наверх широкая лестница с резными перилами.

— Не отставай, — шепнул я. — Он должен быть на третьем этаже.

— Почему?

— Чтоб выход на крышу, — объяснил я тихо.

Она шелестит сзади легкими шагами, я в мгновение преодолел пролет, еще один... и на бегу замер, словно ударился о стену.

На выходе к площадке стоит на четырех лапах гигантская ящерица, размером с крокодила, пасть распахнута, виден красный раздвоенный язык, но самое жуткое, что лицо человеческое, женское даже, хоть и покрыто крупной чешуей, у ящериц это даже не чешуя, а плотно составленные в одно целое квадратики.

Из пасти несется злобное шипение, за спиной Астрида охнула и попятилась, а я выждал, ничего не происходит, я не превращаюсь в соляной столб и не рассыпаюсь в пыль, спросил:

— Что, не действует?

Она прошипела:

— Сейчас ты умрешь...

Я примерился снова метнуть меч, с луком не успею, удерет раньше, а здесь много закоулков, где можно спрятаться от стрелы и напасть внезапно.

— Ты здесь охранница? — спросил я. — Почему? Ты вот такая могла бы стать и хозяйкой.

Она прошипела:

— Так получилось... любопытный...

Несмотря на неподвижное лицо, покрытое толстой чешуей, исключающей мимику, я чувствовал ее неуверенность и даже страх, глаза смотрят неотрывно, рот уже почти закрылся, хотя по легкому шипению понимаю, как старательно перебирает заклинания и пробует одно за другим.

— Послушай, — сказал я проникновенно, — извини, если это затронет твои религиозные или иные какие-то струны... но... почему ящерица?

Она прошипела:

— А ты поймешь?

— Попытаюсь...

— Тогда, — в ее шипении послышалась ярость, — торопились получить бессмертие...

Я сказал быстро:

— Понимаю-понимаю, как не понять? Извечная мечта человечества... Вон еще Гильгамеш искал... Это что, у тебя побочный эффект?

— Нет, — прошипела она, — на этом этапе все превращались во что-то из своего... своего...

— Внутриутробного, — подсказал я. — Мы все когда-то были рыбами, ящерицами, обезьянами...

Она чуть приподнялась на всех четырех лапах, щеки начали вздуваться и опадать, я не знаю, что это значит, может быть, удивилась, начала всматриваться в меня очень пристально.

— Ты много знаешь, — произнесла она чуть чище, — откуда?

Я хмыкнул.

— Думаешь, работы везде прервались? Где-то и кто-то продолжил. Вот так, лапушка.

Она резко присела к полу, словно собиралась ринуться на меня, потом приподнялась снова, пасть распахнулась, а глаза загорелись желтым огнем.

— Ты... откуда?

— Из мест, — ответил я, — которые Войны Магов не затронули. Ты нас пропустишь, или нам придется...

Я сделал многозначительную паузу, ящерица помедлила с ответом, язык ее двигается во рту часто-часто, а глаза медленно меняют цвет на зеленый.

— Что ты хочешь?

— Хозяин этого дома, — сказал я, — совершил противоправный поступок, за что и подлежит изъятию.

Она явно не знает, как поступить, я видел по не-

произвольной реакции лап, движению головы, трепещущему языку.

— Хорошо, — произнесла она, — только я возьму из этого дома одну вещь...

— Согласен, — ответил я быстро, — что вещи? Наживное... Что ты хочешь?

— Книгу Восьмого Тетраэдра.

— Звучит, — согласился я. — Хорошо. В ней что-то особенное?

Она покачала головой:

— Для тебя это просто бумага. Но в этой книге записано последнее, что не успели воплотить... чтобы мы... стали окончательными...

Я кивнул:

— Хорошо-хорошо. Думаешь, у тебя шансы есть?

— У меня есть масса времени, — ответила она уклончиво. — И, главное, я буду знать, как завершить процесс.

— А книга, — спросил я с недоверием, — точно не погибла?

Она покачала головой:

— Нет. Туда было записано все, как сделать следующий шаг, но разом обрушилась Волна Уничтожения... Только книгу и удалось унести. Она переходила из рук в руки от одного мага к другому, наконец я отыскала ее здесь. Но добраться до нее непросто...

— Веди, — сказал я решительно. — Что с моей спутницей?

— Придет в себя не скоро, — ответила она. — Пусть лежит...

Я оглянулся, Астрида как скатилась со ступенек, так и осталась там, я поколебался, потом возразил:

— Хоть она и не совсем напарница... но не могу бросить... Подожди.

Глава 15

Я сбежал вниз, похлопал ведьмочку по щекам, она подняла веки, глаза в самом деле очень красивые, охнула, начала быстро подниматься. Я придержал, чтобы не упала, сказал властно:

— Это существо сейчас идет с нами. А ты держись сзади.

Астрида, похоже, ничего не поняла, но объяснять некогда, как бы крепко ни спал колдун, но всякое может случиться, кроме убойных ловушек из боевой магии может сработать и просто охранная, когда везде вспыхнет свет и заголосит сигнализация, ну там в колокол бухнет или в медный таз посыплются железные шары, чтобы разбудить хозяина...

Женщина-ящерица сказала негромко:

— Он на третьем этаже. Но книга на втором...

— Хочешь взять? — спросил я.

— Хочу, — ответила она быстро. — Но там ловушка на входе. Если вы в самом деле из старой эпохи... то она просто вся разрядится на вас... без всякого вреда. И мы сможем войти...

— Где? — спросил я.

Она указала на дверь в трех шагах. Я отворил быстро и, хотя уже знаю, что здешняя магия мне как с гуся вода, все-таки задержал дыхание и напрягся, готовый отступить или выскочить, если что пойдет не так. Хотя, скорее всего, если пошло бы не так, от меня осталась бы горстка пепла...

Вроде некоторый ветерок пробежал по телу, но даже волосы не шевельнулись, я с шумом выпустил воздух и шагнул в комнату.

Богато украшенные колдовскими символами стены, но комната абсолютно пуста, если не считать один-единственный стол, хотя его трудно им назвать, ско-

рее — подставка для огромной книги, толстой и с виду весьма древней. Рядом на свободном краешке небольшой человеческий череп, похожий на детский, в лоб вставлен крупный рубин.

Странно, книга сияя, и бумага горит синим огнем, но освещает свод и стены темным оранжевым светом. На моих глазах страницы начали переворачиваться, оттуда взлетают яркие бабочки, сказочно прекрасные, царственно неторопливые, поднимаются к своду и там усаживаются, складывая крылышки и превращаясь в почти незаметные черточки, словно волшебные бабочки тоже прячутся от простых воробьев.

Потом начали вылетать стрекозы, наконец взмыли белоснежные голуби, но мне эти символы мира, что за-какивают все памятники, настолько осточертели, что предпочел бы либо ворон — это птицы умные, хитрые, ловкие, либо летучих мышей — этих тоже люблю... ну бунтарь я все еще временами, бывают рецидивы.

— Это она, — пошипела ящерица, теперь ее шипение показалось нежным женским шепотом. — Наконец-то...

Она пошла к столу, ничего не случилось, там с трудом поднялась на кроткие задние лапы, упираясь в пол еще и толстым чешуйчатым хвостом.

За моей спиной Астрида прошептала:

— Не предаст? Вдруг там мощное заклятие...

— Сейчас ее волнует только она сама, — успокоил я. — Тысячи лет прозябала и все ждала...

Из раскрытой на середине книги пахнуло оранжевым светом, но едва он коснулся чешуйчатого лица, свет стал зловеще-красным. Из книги выметнулись мертвенно-синие щупальца. Одни продолжали извиваться в воздухе, вытягиваясь из книги все больше и больше, а другие сразу протянулись к отшатнувшейся жертве, оплели ее и подволокли к книге вплотную.

Она отчаянно закричала, но теперь и остальные щупальца, словно получив сигнал, ухватили ее и с силой потащили на себя, медленно погружаясь обратно в книгу.

Мы видели, как она упирается изо всех сил, короткие лапы напряглись так, что чешуйки разошлись и проглянула нежная розовая кожа, но щупальца вздулись тоже, резко рванули, и массивное тело ящерицы с женским лицом, мелькнув длинным хвостом, исчезло в книге.

Свет тут же померк, книга лежит на том же месте, только страницы ее продолжают перелистываться сами по себе.

Я сказал нервно:

— Не нравится мне это... Может быть, положить на нее вот тот череп?

Астрида прошептала, лязгая зубками:

— Зачем?

— Придавить страницы! Не нравится мне что-то, когда вот сама себя читает...

Она сказала испуганно:

— Думаете, череп удержит, если такую огромную утащило, как будто не знаю кого?

— Не уверен, — ответил я, — но попробовать стоит, череп все равно не мой.

Я подбежал, быстро ухватил его и, стараясь не приближаться так уж, опустил на страницы с той стороны, откуда перелистываются. Там ощущалось движение, словно была попытка приподнять череп, но смерть никому еще не удавалось победить, и страница замерла.

Астрида вытаращила глаза:

— Ну и силища у вас, мой лорд...

— Не у меня, — ответил я скромно.

— А у кого?

— У десницы Господа, — ответил я благочестиво и

хотел было перекреститься, но вспомнил, что Богу эти жесты по фигу, все обряды и молитвы вообще-то для нас, и не стал ритуальничать, я же человек почти культурный, и с каждым днем все культурнее, если сказать совсем уж откровенно. — Так что подумай насчет жизни монахини.

— Все шуточки, — сказала она недобро. — Я лучше умру.

— Думаешь, — спросил я, — церковь будет отговаривать?.. Господь дал человеку выбор. Костер — только один из вариантов.

— Какие еще?

— Кроме стать монахиней?.. Быть утопленной, умереть на дыбе... да много чего из этого перечня. Разнообразие — залог успешности развития цивилизации.

В комнате вспыхнул яркий свет. Я резко обернулся, в дверном проходе стоит высокий мужчина, на мой взгляд, уже старик, хотя понимаю, что вообще-то средних лет, старики — это уже лет в пятьдесят, шестьдесят...

На нем длинный халат мага, расписанный хвостатыми звездами и крупными колдовскими знаками, но босой, волосы на непокрытой голове встрепаны со сна.

За моей спиной послышался легкий вскрик, я услышал, как Астрида рухнула на пол.

Я направил меч острием в сторону колдуна.

— Тебе есть что сказать в свое оправдание?

Он рассматривал меня изучающе, в темных глазах поблескивают странные искры.

— Интересный вопрос, — проговорил он неспешно, что мне в таких случаях всегда не нравится, можно успеть что-то замыслить и, что хуже, осуществить. — Кстати, я мог бы убить тебя уже трижды.

Я поинтересовался:

— В самом деле? И что тебя остановило?

— Обещание, — ответил он сумрачно.

— Какое?

— Никого не убивать больше, — ответил он с издевкой в голосе, но эта прозвучала, как издевка над самим собой.

— Ого, — сказал я. — И кто сумел заставить дать такое нелегкое, скажем прямо, обещание?

Он сказал медленно:

— Та женщина, за которой... как догадываюсь, ты пришел.

— Так-так, — ответил я несколько ошелело. — Значит, ты понимаешь, что совершил противоправный поступок и обязательно придет кто-то ее спасать...

Он нервно дернул щекой.

— Так бывает только в легендах.

— Хорошо, — уступил я, — но... ладно, лучше о другом. Где эта женщина?

Он покачал головой.

— Спит в постели, из которой я поднялся по тревоге. Я ее не отдаам, говорю сразу. Но ты можешь с нею поговорить. Она здесь почти по доброй воле.

— Почти... это как?

— Она не хотела без сына, — пояснил он, — но у меня не было моши, чтобы поднять и унести сразу двух. Мне понадобится еще неделя, чтобы забрать и его.

— Почему сразу ему не сказал?

— Надо было спешить, — возразил он. — Ее бы убили, она за свою сестру, Ротильду Дрогонаскую, могла глаза выцарапать любому и войска поднять на ее защиту. Еще боялись, что я могу под ее влиянием вмешаться тоже и поддержать притязания вдовствующей королевы. Потому, когда нашу дверь уже ломали, я схватил ее в охапку и... бросил все силы, чтобы перелететь сюда,

где уже давно готовил нам спокойное тихое место, где мы могли бы доживать счастливо свои дни.

Я сказал саркастически:

— Ах-ах, как я растроган! Но ты все-таки убил мою спутницу, а обещал не убивать больше!

— Нет, — ответил он быстро. — Только оглушил, чтобы не мешала. Она женщина, у них только крик... а с тобой можно разговаривать. Она сейчас просто крепко спит. И ничего не слышит.

Я подумал, пробормотал:

— Со мной в самом деле разговаривать можно. Хотя я что-то не очень верю, что вот так просто отказался от почестей и высокой должности при короле, ушел в эту деревушку... Ты-то пробыл при нем долгие годы, насколько я слышал?

Он усмехнулся невесело.

— Король Фальстронг постоянно говорил мне: подражай людям в их склонностях, следуй их правилам, повторствуй их слабостям, восторгайся каждым их поступком — и делай из них, что хочешь; это самый лучший путь, можно смело играть в открытую... Пересаливать не бойся, тут и самый умный человек поймается, как последний дурак, явный вздор, явную нелепость проглотит и не поморщится, если только это кушанье приправлено лестью. Нельзя сказать, чтобы это было честно, но к нужным людям необходимо применять. Раз другого средства нет, виноват уже не тот, кто льстит, а тот, кто желает, чтобы ему льстили... Говорил мне, что не сам придумал, а в мудрых книгах вычитал.

Он умолк, я поинтересовался враждебно:

— И как ты это применяешь?

Он поморщился.

— А не видно?

— Нет, — отрезал я. — Здесь в горах не применяешься.

Он скривился сильнее.

— А разве это не ответ?

Я посмотрел на его внимательнее.

— Значит, ты открыл секрет успеха, но пользоваться им не стал?

Он продолжал смотреть с усмешкой.

— Юному герою не понять... Или как раз понять благодаря его еще не совсем уж испачканности? Среди молодых такое бывает.

Я прервал:

— Ты хочешь сказать, что секрет успеха ты открыл, но тот показался таким грязноватым, что не восхотелось им пользоваться?

Он пожал плечами.

— Умирал бы я с голоду, то, кто знает, может быть... но я сыт, здоров, мне для счастья нужно не так уж и много, причем пачкаться не приходится. Все дело в той цене, которую приходится платить за добываемое, не так ли?

— И та цена показалась великовата?

Он насмешливо искривил рот.

— Что, непривычно такое слушать?

Я кивнул:

— В основном... да. Но не раздувайся от гордости, а то лопнешь, я встречал людей и почище.

Он смотрел, как я убрал меч и медленно сунул его в ножны. В лице что-то изменилось, но я по-прежнему не чувствовал угрозы. Скорее недоумение.

— И что теперь? — спросил он настороженно.

Я ответил холодно:

— А ничего.

— Убивать передумал? — поинтересовался он.

— Я сделаю хуже, — ответил я.

— Что же?

Я подошел к Астриде, она в самом деле спит и даже

похрапывает, но ее метла рассыпалась в пыль, как и ее ночная рубашка.

— Разбуди ее, — сказал я, — мы уходим. А тебе еще предстоит оправдываться перед мальчишкой, налаживать с ним отношения и переносить к матери, но здесь ему не место, парню надо учиться и быть с людьми, так что ожидаемого рая не будет!..

Он хмыкнул, повел в воздухе рукой и, ухватив нечто незримое, дернул на себя.

Астрида всхрапнула особенно громко, сконфузилась и проснулась. Я подал ей руку, она машинально ухватилась, я поднял ее на ноги, она ошалело огляделась, вздрогнула, перехватив взгляд хозяина дома.

— Ой...

— Все в порядке, — сказал я.

Она опустила взгляд на свои торчащие груди и сказала снова, только уже громче:

— Ой!..

— Пришлось, — сказал колдун виноватым голосом, — я не знал, есть ли у нее оружие... Но для такой, как догадываюсь, такое вот не слишком важно. Все равно в ночной рубашке выходить из дома почти так же неприлично.

Астрида сказала враждебно:

— А моя метла?

— Вот видите, — сказал колдун, — были бы у нее ноги кривые или сиськи маленькие, она бы сперва про рубашку вспомнила... Милая, прости, мне в самом деле жаль, что твоя метла погибла.

Она сказала холодно:

— Могу взять вашу.

— Увы, я как-то обхожусь...

— У вас что, вообще нет в доме метел?

Он развел руками:

— Даже я не заставлю их летать. Тем более носить грузы.

Она сказала с досадой:

— Ладно, если вы как-то поладили, то буду добираться так. Как все. Только найдите хотя бы плащ. Согласна на поношенный.

Он покачал головой.

— Плащ?

— Ну да, пойду ножками. Думаете, я всегда летаю?

Я покосился на нее с удовольствием, фигурка великолепная, но не в ней дело, Астрида даже не кокетничает, она вся в деле, глаза серьезные, и колдун начал смотреть на нее с уважением.

— Есть другой вариант, — проговорил он с некоторым сомнением. — Мазь для полетов в лунную ночь! К счастью, сейчас полнолуние, туч нет, все должно получиться.

Она сказала настороженно:

— Я о ней слышала, но, говорят, что-то сложное?

— И дорогое, — согласился он. — Метла проще, универсальнее. Для простых деревенских ведьм.

— Ну, — проговорила она в нерешительности, — если можно...

— Можно, — заверил он. — У меня много чего осталось от прежних дней. Собирал на всякий случай.

— На какой? — уточнила она.

— На всякий, — пояснил он.

Он пошел к стене, уже не опасаясь, что ударю в спину, провел по ней ладонью, и оттуда выдвинулся длинный ящик. Колдун взял в руки большой флакон, оглянулся на обнаженную фигуру, положил обратно и взял поменьше.

— Этого хватит, — сказал он. — Давайте сейчас все сделаем, пока жена спит. А то может не так понять, все-таки женщина...

Говорил он извиняющимся голосом, хотя и с любовью; Астрида посмотрела на него без вражды, даже с благодарностью во взгляде, что он считает ее выше, чем просто женщиной.

Она сняла остатки пепла, бывшего недавно ее сорочкой, принялась намазывать тело ровным слоем, все быстро и деловито, без выгибаний и женского кокетства, сейчас мы — трое профессионалов, а это выше, чем самцы и самка, колдун тоже налил себе на ладонь и принял втирать ей в плечи, нужно намазываться целиком, стараясь не пропустить ни пятнышка, иначе все нарушится, ведьма должна оказаться в цельной оболочке.

Он взглянул на меня с интересом, по реакции человека можно о нем узнать много, я сцепил зубы и, наврав мази на ладонь, тоже начал втирать в ее нежную девичью кожу. Эта маленькая ведьмочка помогала мне или хотя бы разделяла опасность, но колдун хитро взял себе верх спины, а мне достался низ ее чересчур развитой женской фигуры, настолько нефригидной, что да, сила ее велика, теперь с неделю будет неспокойный сон...

Астрида тщательно намазала себя спереди, повернула голову, стараясь рассмотреть нас.

Колдун выпрямился, сказал довольно:

— Я закончил... Дорогой герой, постарайтесь не пропустить ни одного волоска! А то не взлетит.

— У нее там волосы не растут, — буркнул я и с трудом выпрямился. — Готово... можно сказать.

Он спросил у меня:

— А вам запрячь повозку или выбрать хорошего коня? У нас их три. Два для нас, а один приготовили для Берхта.

Я подумал, сказал:

— Нехорошо лишать парня коня, но... за неделю, думаю, подберете ему еще лучше, чем этот.

Он взглянул на меня остро.

— Может быть, выберете сами?

Я покачал головой:

— Нет-нет, я полностью доверяю вашему выбору, вы же интеллигентный человек. Идите с Астридой, я сейчас приду.

Они оба ничего не поняли, но голос у меня настойчивый, как и взгляд, он кивнул и, взяв ведьмочку за руку, повел из комнаты.

Я прикинул, что сейчас вот спускаются с лестницы, переходят холл, затем двор, потом войдут в конюшню... торопливо вылез из окна в сторону озера, подбежал к обрыву и, падая вниз, велел себе как можно быстрее превратиться в летающего птеродактиля.

Беспамятство продолжалось всего миг, я инстинктивно распахнул крылья, промчался над гладью озера и некоторое время летел над самыми волнами, уходя как можно дальше.

Лучше уйти вот так, не прощаясь, чем раскрывать свои секреты. Да и вообще что-то я туплю... нет, не туплю, а инстинктивно отодвигаю более важные и трудные вопросы.

Пора взрослеть, раз уж я почти государь, а с этим вот надо заканчивать. Ну, не совсем так уж, но летать драконом и восстанавливать справедливость, пусть и когтями, — это молча признаться, что дурак и что ничего у меня не получается цивилизованно, когда вешаешь или рубишь голову при большом стечении народа и под его злобное улюлюканье.

В смысле, даже работу полиции не смог наладить, куда уж про управление королевством, а уж о строительстве Царства Небесного лучше не хрюкать вовсе...

Все эти супермены, бэтмены и прочие супергерои

рои — от признания беспомощности властей обуздать преступность и остановить справедливость.

Ну не должен тупой Джон-плотник получать супер-способности и начинать бороться за ах-ах справедливость! У него свои понятия справедливости, чаще всего: отнять и поделить.

Надо суметь выстроить систему так, чтобы работала сама по себе, а я тогда могу и даже имею полное моральное право наконец-то завести фавориток. Много. Разных.

Могу, и даже, может быть, вот возьму и заведу, чтобы соседи уважали, а не считали каким-то придурком, а то и вовсе неспособным к этому делу, как всегда предполагают в первую очередь, люди же свиньи, в головах одно дермо...

Я восхитился, что вот птеродактиль, а рассуждаю так мудро, это же надо, все-таки если человек, то ничто его не оптеродактилит, а если свинья, то и в королевской мантии останется дураком и свинтусом...

Часть третья

Глава 1

Из Мезины я возвращался на большой высоте достаточно неторопливо, чтоб сохранить силы для рывка, вдруг понадобится. День солнечный, я рассматривал проплывающую внизу землю и прикидывал, что если удастся как-то наладить воздухоплавание хотя бы с помощью воздушных шаров, то исчезнет самая главная проблема: исполосовавшие землю глубокие трещины, ущелья, поднявшиеся до небес тектонические плиты.

Ну, не исчезнет, конечно, просто будет сведена к минимуму. Любопытно, маги в Гандерсгейме продолжают ли опыты с воздушными шарами?..

За невысокой горной цепью, наполовину разрушенной и странно оплавленной, открылась ровная, как столешница, бескрайняя равнина, крохотные домики с крышами из красной черепицы, аккуратные квадраты полей и огородов, сады, ниточки дорог, ведущие в города...

А вот и сами города, раскинулись широко, застройка хаотичная, у некоторых в центре либо огороды, либо пустыри, что и понятно, все-таки эти вот образования так названы от слова «ограда». Это просто большие села, в которых постепенно сосредотачиваются ремесленники, дома начинают строиться из камня, появляются зда-

ния, которых нет в селах: большая и красивая церковь, каменное здание управы, где собираются сельские, а потом городские старейшины...

Гиксия меньше Варт Генца и Турнедо втрое, но заселена намного плотнее. Здесь, как я слышал от вартгенцев, мало лесов, зато обширные пещеры, что уходят на огромные глубины, где загодя укрылось население при первых же известиях о надвигающихся беспощадных ордах императора Карла.

Городов много, выживут не все, проигравшим придется снова превратиться в села и снабжать победителей мясом, рыбой, птицей, молоком и сыром, а взамен получать продукты высокой технологии: топоры из настоящего железа, прочные вилы, железные лопаты, тонко выделанную ткань, предметы роскоши...

Столицу я узнал по описанию, пусть это и новый город, построенный сразу после ухода войск Карла, однако в нем весь центр застроен крупными каменными зданиями, а по рассказам вартгенцев, Карл, взбешенный тем, что народ сумел скрыться, велел разрушить город до основания...

Лесов поблизости нет, но небольшие рощи даже рядом с городом, я огляделся и с замиранием сердца пошел в крутое пике, выровнялся чуть ли не над самыми вершинками, а там торопливо нырнул между деревьями к земле.

Как хорошо, что такому хиляку не нужна даже поляна, темная пелена ушла с глаз быстро, я торопливо поднялся и огляделся. В лесу чисто и светло, умолкнувшие было птички беспечно зачирикали снова.

С той стороны леса донеслись смачные удары топоров по дереву, а чуть позже услышал голоса перекликающихся женщин. Я шел, громко посвистывая, чтобы никого не напугать, вскоре увидел сразу троих с корзинами в руках, две низко пригнулись и раздвигают пал-

ками листья возле деревьев, а третья выпрямилась и с любопытством всмотрелась в меня.

— Ого, — сказала она с удовольствием, — какой здоровенный... Фелисита, это как раз тебе...

Одна из женщин бросила в мою сторону неприязненный взгляд.

— Обойдемся, — пробормотала она и, отыскав грибы, начала быстро и осторожно срезать их коротким ножиком, стараясь не повредить грибницу.

Я сказал громко:

— Фелисита права, такие, как мы с нею, крупные и сильные, всегда можем отыскать себе пару, нам стоит только захотеть... В город лучше идти этой тропкой? А то я что-то потерял направление...

Фелисита выпрямилась, в самом деле девушка с косой саженью в плечах и ростом не обижена, взглянула на меня уже благосклонно.

— Да, — ответила она мощным голосом, — лучше по этой...

— Спасибо, — сказал я и пошел дальше.

Они тут же согнулись в поисках грибов, у всех троих почти полные корзины. То, что не испугались, показывает прежде всего на то, что рядом при топорах их мужья, но что те спокойно рубят лес, говорит о положении в столице и вообще королевстве.

Деревья выпустили меня без особых протестов, лес чист и без сухостоя, я направился к городским воротам, даже издали видно, что возвели стену недавно, пусть даже из старых камней довоенной твердыни.

Стражи на воротах на меня не обратили внимания, я одет как раз так, чтобы поменьше привлекать внимание, так, путешествую. При мне лук и меч, а также длинные руки и готовность дать в зубы вся кому, кому захочется позадираться.

...В городе я потолкался по улицам, зашел на рынок, оттуда — на базар, везде народ занят делом, нигде я ни слова не услышал о перевороте, о захвате злобным злодеем власти, что вообще-то грустно: народу все равно, кто на троне и куда ведут страну.

Постепенно выбрался к королевскому дворцу, тоже видно, что восстанавливали со второго этажа и выше, внизу на стенах въевшаяся гарь от старых пожаров, несмыываемая дождями копоть.

Старший у королевских ворот оглядел меня оценивающе.

— Наниматься пришел?

Голос его звучит поощряюще дружески, я улыбнулся дружелюбно.

— Ну... это зависит...

Он кивнул:

— Понятно...

Отвернувшись ко второму, он бросил ему пару слов, я не успел глазом моргнуть, как он молниеносно выхватил меч и прыгнул на меня с диким криком:

— Убью!

Я едва успел отскочить, выдернул клинок из ножен и несколько секунд отбивал яростный натиск, затем сильным ударом, от которого у самого занемели руки по самые локти, выбил меч из его руки.

Он моментально остановился, проводил взглядом кувыркающийся в воздухе клинок.

— Гм, — проговорил он озадаченно, — я сразу почувствовал в тебе умелого бойца, но чтоб вот так...

Воин подбежал и подал ему меч, он сунул его в ножны. Я тотчас же убрал свой.

— Ты очень хороший, — сказал он, — отрядами командовал? Что-то в тебе есть такое... гм... ты не только умелый боец... Руководить пробовал?

— Приходилось, — ответил я.

— Мы набираем новых людей, — сообщил он. — Теперь у нас будет дружина в пять раз больше!.. И можно не только хорошо заработать, но и возвыситься. Я тебя сразу поставлю сотником!

Я сказал негромко:

— Это хорошо, но...

— Но что?

Я еще больше понизил голос:

— Есть не совсем хорошие новости. Нужно срочно передать их лорду Теоденлю.

Он нахмурился, сказал резко:

— Говори!

Я покачал головой:

— Нет, это только для его ушей. Понимаю, я человек неизвестный... Меч и все оружие оставлю, можете даже связать мне руки. Но услышать меня должен сам Теоденль.

Он подумал, поколебался, наконец махнул рукой, подзывая стража с копьем.

— Джон, — сказал он резко, — отведи этого во дворец. Проследи, чтобы меч оставил на входе.

— А лук? — спросил воин.

Командир снова махнул рукой:

— Лук в комнате не оружие. Идите!

У входа в королевский дворец четверо стражей, все-таки удвоенная, но, с другой стороны, никакого напряжения, в воздухе недавним переворотом даже и не пахнет...

Я сдал меч, двое отправились со мной, оба держат копья наготове и думают, наивные, что для меня этого достаточно.

В залах многовато воинов, здесь все же чувствуется, что был переворот. Даже вместо слуг бегают солдаты. Меня повели по этажам и залам, даже через длинный висячий мостик, а оттуда в отдельно стоящий корпус.

Мой провожатый сказал хмуро:
— Сюда.

Он сам открыл дверь, я перешагнул порог и понял, почему руки связывать не посчитали нужным. По ту сторону стола высится живая гора из тугих мускулов, торс наполовину обнажен, голова, как глыба из гранита, даже удивительно, что на ней остались шрамики, хотя и мелкие, массивная нижняя челюсть — настоящее чудовище...

В глаза бросаются глубокие резкие складки у рта, острые и в то же время широкие скулы. Если поднимется, мелькнула мысль, он мне вровень, но зато шире втрое...

Страж из-за моей спины сказал быстро:

— Господин, этот человек говорит, что имеет для вас очень ценные сведения...

Теоденль смерил меня с головы до ног, буркнул:
— Идите... Нет, сперва вина обоим!

Страж исчез, Теоденль продолжал рассматривать меня изучающе, и у меня впервые появилась мыслишка, что это не такой уж и совсем тупой мясник, которому просто невероятно повезло.

Вместо стража появился слуга, поставил на стол два кубка и кувшин с вином. Теоденль сам налил себе и мне, кивнул на кресло по ту сторону стола:

— Садись. Пей и рассказывай.

Я ответил сдержанно:

— Вы очень вежливы, Ваше Величество. И демократичны.

Он переспросил озадаченно:

— Чего-чего?

— Сами наливаете вино, — пояснил я, — обычно это делают слуги. Хотя скоро привыкнете. Если, конечно, вам позволят здесь остаться...

Он мгновенно насторожился, взгляд стал острым, а голос прогрохотал с явной угрозой:

— Ну-ну, говори, что знаешь! И кто ты вообще.

— Шпион, — ответил я. — Разведчик, лазутчик, соглядатай. Должен выведать у вас, как и что.

Он смотрел несколько озадаченно, затем сказал сдержанно:

— Интересный ты соглядатай. Пришел и во всем признался. А что, если я прикажу тебя повесить?

— Пришлют других, — пояснил я. — Их выловить будет труднее. Потому, Ваше Величество, чтобы мне по ночам не ползать на брюхе по грязи, собирая сведения, вы расскажите мне сами, а я так и доложу своим правителям.

— А кто твои правители?

Голос его звучал спокойно, но угроза пряталась в нем, как кинжал в ножнах.

— Принцы Дрогон и Винхельм, — сказал я, — они сейчас в Варт Генце. Настоятельно просят помощи. Если не получат, отправятся искать в другие места.

Он спросил в лоб:

— А получат?

Я ответил мирно:

— Это зависит от того, какие сведения я принесу. И принесу ли вообще. Туда сейчас прибыл Ричард Завоеватель...

Лицо его дрогнуло, он спросил быстро:

— Снова? Чего на этот раз?

— Его умоляют принять корону, — ответил я.

— Он же отказался!

— Сейчас готовы уступить гораздо больше, — ответил я. — А Ричард таков, что если ему уступить хоть палец, он откусит по локоть.

Он пробормотал:

— Да, я так о нем и слышал... Опасная сволочь. И что он собирается делать?

— Пока ведет сложные переговоры, — ответил я уклончиво. — Или, если честно назвать все своими именами, то... торгуется. Но в любом случае, если согласится сесть на трон, у него будет намного больше власти, чем было у покойного Фальстронга.

Он помрачнел, поднялся, раздраженно прошелся вдоль стола с той стороны, а я прикинул его рост и с неохотой признался себе, что этот великан выше меня как минимум на два пальца.

— Ладно, — сказал он наконец хмуро, — не будем гадать, как он поступит. Вряд ли он сам знает, что сделает завтра.

— Вы немало о нем слышали, — заметил я осторожно.

Он ухмыльнулся.

— Я жил в глухи, потому все слухи собирал в охотку... Так что ты хотел узнать?

— Да все то же, — сказал я, — что все уже знают и так, но только уже лично от вас. Что заставило вас пойти на государей?.. Скажу сразу, в соседних королевствах весьма недовольны. И тот же Ричард Завоеватель охотно может воспользоваться общим недовольством, чтобы вторгнуться...

Он сказал с неохотой:

— Он может, знаю. Но сделает ли?

— А что ему помешает?

Он подумал, пожал плечами:

— Вообще-то ничто, армия у нас крохотная. Но хотя я о нем слышал самое разное, но когда начал сопоставлять и выстраивать в цепочку его шаги, мне показалось, что он не дурак, совсем не дурак, как о нем говорят...

— Что, — удивился я, — такое говорят?

Он кивнул:

— Говорят. Считают, что ему ужасно везет. Поступки у него дикие, так говорят, а всякий раз выпадает удача.

Я посмотрел на него внимательно.

— А вот вы не считаете его придурком?

Он покачал головой:

— Нет. Эта сволочь очень хитрая и расчетливая. Он шагу не сделает, все не просчитав, я вижу, как он действует. И даже могу сказать, как поступит дальше.

Я сказал заинтересованно:

— Очень интересно. И как он поступит дальше?

Он поскреб в затылке, чуть задумался, потом как отрубил:

— Во-первых, в нашу Гиксию войска не введет.

— Почему?

Он посмотрел на меня в упор.

— Она ему не нужна. По крайней мере пока.

— А помочь свергнутым принцам? Такой шаг поддержат все соседние короли!

— На словах, — отрубил он. — А войска не пошлют, у всех какие-то проблемы. Да и у Ричарда тоже.

— А как же справедливость?

Он поморщился.

— Что такое справедливость?.. Справедливым был разве что прадед нынешних принцев, но его никто не застал. Дед уже только пил и баб в постель, отец, кроме охоты, ничего не знал, а оба принца собрали у себя лучших музыкантов и бардов, с утра до ночи слушали песни, сами сочиняли, с непотребными девками развлекались... Королевство стало приходить в упадок еще при их деде, а сейчас вообще развалено... По дорогам нельзя проехать, чтобы десять раз не ограбили.

— Даже лордов? — спросил я.

Он сказал раздраженно:

— А лордам приходится платить пошлину за пересечение земель соседа! Если дорога к столице идет через десяток владений, то десять раз и платишь... В старину такого не было, а сейчас люди стараются вообще никуда не ездить.

Я подумал, переспросил:

— А как поступите вы?

Он прорычал зло:

— По всем дорогам езда беспошлинная! Всем, даже самым бедным. Они тоже какие-то вещи возят, пользу приносят.

Я спросил с интересом:

— Что, вот так и сделаете?

Он прорычал:

— Сделаю? Я уже сделал!

Я спросил мирно:

— Что именно?

— Что я сделал? — переспросил он раздраженно. — Да просто обновил королевство!.. Если бы все было так уж хорошо, то я не прошел бы через всю страну до самой столицы!.. Что, у них не было времени подготовиться?

Я поинтересовался:

— Но вы знали, что отпора не будет?

— Я знал, — прорычал он свирепо, — что отпора не будет настоящего! Все прогнило, везде болото... Нас было впятеро меньше, но королевская армия разбежалась еще перед боем, и мы вошли в столицу. Я запретил грабежи, так что их было... не больше, чем обычно. И уже через три дня все вошло в норму. Я разоспал приказ, что всех, кто выставит патруль на дороге и будет требовать пошлину, убивать там же на месте, какой бы высокой крови он ни был!..

Я усмехнулся.

— Думаю, вы стали народным героем.

Он самодовольно усмехнулся.

— Я сам не ожидал, что народ настолько уж меня примет... Мои люди слушают в тавернах, на базарах, на улицах, и везде народ одобряет, что новая власть покончила с дуростью старой. К счастью, простые люди не так уж и преданы королям.

— Они им преданы, — возразил я, — если в королевстве все хорошо.

— Каждому свой огород дороже, — сказал он. — Ну, и что передадите... принцам?

Он сделал нарочитую паузу перед последним словом, неглупая морда, очень даже, о чем-то догадывается, и я ответил, косвенно подтверждая догадку:

— Так и доложу. Думаю, кроме принцев, меня спросят и другие заинтересованные лица.

Он ухмыльнулся, очень довольный, предложил уже по-дружески:

— Выпьем?

Глава 2

Вечером я поптеродактилил обратно, с Гиксией вроде бы все в порядке, а за легитимность не стоит так уж держаться, если строй прогнил. Теоденль захватил власть без разгула гражданской войны, а вот если попробовать восстановить «законность» с помощью вмешательства соседних королей, то крови прольется намного больше.

Да и реформы этого узурпатора вполне прогрессивные. Хотя он ничего больше и не сделал, как отменил раздражающие всех, кроме местных лордов, поборы, но и это хорошо...

Поужинал на постоялом дворе, Бобик спал в моей комнате, а Зайчик наслаждался, с хрустом разжевывая подковы, которых я ему тайком высыпал в ясли с зерном.

Бобик счастлив шнырять по замкам и проверять кухни, но также счастлив мчаться огромными прыжками через простор долин, через леса, преодолевать реки, озера и болота, тем более что Зайчик тоже обычно прет напрямик.

И сейчас, когда несемся сквозь встречный ветер в Варт Генц, он даже подпрыгивает на бегу, выказывая радость и ликование.

Мне казалось, что столько времени прошло, но сэр Клифтон доложил радостно, что уже через неделю поступят все необходимые карты королевских земель, тщательно обмеренные и разделенные на части, и к этому времени в столицу съедутся все верховные, великие и просто крупные лорды и землевладельцы, что готовы прикупить себе еще и королевских владений.

Я вздыхал, потихоньку бесился, старался большую часть времени проводить в кабинете Фальстронга, все идет дико медленно, это для них даже год ничего не значит, а для меня потерянный день — катастрофа, а тут не только дни летят впустую...

Чтобы как-то оживить тревожно-напряженную атмосферу дворца, а то и для меня сделать приятнее, сенешаль и лорд малой печати Фридрих Геббель устроил что-то вроде праздника для знати.

Во дворец начали съезжаться приглашенные и допущенные, две разные категории гостей, даже я, поглядывая с иронией с балкона, замечал разницу в одежде и поведении.

Вдоль стен в большом зале разместили столы и кресла, в середине начались под музыку танцы. Женщины, одетые пышно и громоздко, двигаются, как заводные куклы, все очень строгие и величественные под взглядами мужей или строгих родителей.

Граф Буркгарт, которого Меганвэйл оставил при

мне для связи, старался всюду сопровождать меня и выполнять, предугадывая даже, мои пожелания.

Особенно он ожила, что и понятно, когда я пришел в зал и лениво рассматривал танцующих.

— Весь цвет, — вздохнул он, — самые красивые женщины здесь...

— Так уж и самые, — возразил я. — Бьюсь о заклад, что если хорошо пошарить, то найдем с десяток рыбачек, что дадут сто очков вперед этим красоткам.

Он сказал опасливо:

— Нет, с вами спорить остерегусь, я ж не знаю, какая нечистая... или чистая сила вам помогает! Но что рыбачки, они ж рыбой пахнут... А этих даже нюхать сладко...

Мимо прошла, улыбнувшись многозначительно, молодая, но уже очень поспевшая леди. Граф проводил тоскующим взглядом ее объемно-вздернутый зад, протяжно вздохнул и повесил голову.

— Ах, какая женщина, — пробормотал он, — мне бы такую...

Я тоже посмотрел ей вслед, покачал головой.

— А я бы и сам такую.

Он посмотрел на меня волком, потом буркнул:

— Так что вам мешает?

— В некоторых королевствах, — объяснил я, — хоть и весьма отдаленных, признаю, это счастье ничего не стоит. И я так привык к халяве, что просто не могу перейти на вообще-то привычную здесь форму оплаты за весьма простейшие услуги.

Он вскинул брови, на лице полнейшее непонимание.

— Ваша светлость...

— Больно прейскурант кусается, — объяснил я. — Будучи не жадным, но весьма осмотрительным, я ищу то же самое по качеству, но подешевле, и... представьте

себе!.. нахожу. А вы либо все ходите мимо и не видите, как сказал святой апостол Павел, либо дико переплачиваете, что ни в одни ворота боком...

Он в задумчивости почесал нос.

— Ничего не понял, — признался он чистосердечно. — Тогда, может быть, на охоту съездим?

— Без баб, — уточнил я, — в чисто мужской компании?

Он кивнул, потом сказал просительно:

— Но... может быть, все-таки с лялями?

— Нет, — ответил я твердо. — С ним принято расплачиваться государственным имуществом и народным достоянием. Как я буду искоренять коррупцию и казнокрадство, если самолично подам пример расхитительства?

Он вздохнул, покоряясь судьбе.

— Ну тогда... если без лялей, но с музыкантами и вином?

— Это мысль, — сказал я медленно, подумал еще и хлопнул себя по лбу, — да, кстати, мысль вообще-то дикая, но сидеть во дворце и ждать целую неделю... разве не архидикость?

Он спросил обрадованно:

— С вином, музыкантами и лялями?

— Тогда зачем вообще все это везти в лес? — спросил я.

— Резонно, — ответил он с удивлением. — Ваша светлость, как вы моментально находите удивительно точные и простые решения! Граф Меганвэйл постоянно говорит, что вы удивительный стратег с природным чутьем и безукоризненным, как у паука, расчетом!..

— Спасибо, дорогой друг, — сказал я, — но мне пришла в дурную голову действительно свежая идея. Чем киснуть здесь в ожидании... прошвырнусь-ка я по Скарляндам!

Он вскинул брови:

— Да? Что-то случилось?

Я помотал головой:

— Нет, ничего. Но сколько я общался с королем Фальстронгом, его сыновьями и ближайшим придворным окружением, почему-то постоянно слышал о Скарляндах.

Он кивнул, на лице появилось выражение полного понимания.

— Скарлянды, — сказал он почти снисходительно, — когда-то входили в состав Варт Генца. Ну, на самом деле не входили, это у нас так считают, потому что одно время великий король Улагорн Скачущий был королем Варт Генца и Скарляндов одновременно.

— Ага, — сказал я, — потому все три сына Фальстронга так рвались снова завоевать Скарлянды?

Он улыбнулся, развел руками:

— А еще потому, что Скарлянды пока не оправились от нашествия войск Карла. В отличие от нас там почти везде равнина. Народ мог прятаться только по лесам, а это не так надежно, как нашим отсидеться в горных крепостях. Сейчас там идет восстановление, потому Родерик и хотел туда двинуть армию, пока Скарлянды еще в руинах...

— Скарлянды в самом деле крупнее Варт Генца? — спросил я. — А то я однажды ехал через эти самые Скарлянды, но ничего особенного не заметил.

— Проехать можно и по краешку, — ответил он.

— Согласен, — сказал я. — Тогда тем более нужно проехаться, оценить, что там и как. Нам нужен хороший сосед. А если там идет период восстановления, то кто знает, что там восстановится? Вдруг какой Чингис или Аттила?.. Нет, лучше посмотрю сам...

Он сказал деловито:

— Сколько человек в отряд сопровождения?

Я покачал головой:

— У меня очень быстрый конь, я смогу уйти от любой погони. А люди, что поедут со мной, погибнут.

— Все-таки как-то нехорошо, — пробормотал он, — отпускать вас одного... Граф Меганвэйл меня просто сожрет, если отпушу вас! С другой стороны, вы уже доказали, что умеете решать точнее нас. Одна только просьба, не задерживайтесь там! Вы здесь нужны каждый день, если честно.

— Вы мне льстите, — сказал я скромно, — но, конечно, я как только, так сразу. Чего мне там делать, если родной дом у меня — Варт Генц?

Зайчик несется бодро по каменистой тропке, спра-ва и слева проскаакивают березки, потом пошли деревья посеревшее, солнце растолкало тучи и нагревает мне затылок и плечи, воздух упругой волной пытается столкнуть меня с коня или хотя бы отодвинуть на круп, но я наклонялся, и его кулак безостановочно проно-сился, свистя и задевая мои волосы, над головой.

Бобик успевал пошарить и по кустам, мы идем бы-стро, но не настолько, чтобы я перестал замечать, где мы, трижды проскочили через речушки, несколько раз мимо проблескивали озера, один раз довольно крупное раскинулось прямо перед нами, Зайчик не стал свора-чивать, только наддал, как и Бобик, и мы понеслись, как огромный взлетающий лебедь, что вот так же под-нимает при взлете два сверкающих крыла из водяных брызг.

Почти на исходе дня я наконец увидел несколько в стороне множество домов, все из дерева, но добротные, крыши из досок, а то и соломенные, стоят один к дру-гому тесно.

Несколько бригад мужиков заканчивают вкапывать

высокие заостренные кверху бревна, огораживая поселение с его садами и огородами, вот так село превращается в город.

Я перешел на рысь, а к воротам подъехал вообще шагом, улыбаясь во весь рот, пусть выгляжу как дурак, но человек с улыбкой нравится всем, к нему относятся менее настороженно.

Бобик, взглянув на меня, вздохнул и пошел рядом с арбогастром, смирный такой пони с клыками, но и те постарался спрятать.

— Прекрасный день, — крикнул я издали, — не так ли?.. Бог в помощь, кстати, хорошим делом заняты.

Мне ответили вразнобой, а один, постарше, обернулся и вперил в меня взгляд умных глубоко посаженных глаз.

— Спасибо, — ответил и он. — Как мне кажется, вы не скарляндец.

— Точно, — ответил я весело, — у меня уши не так растут.

Он покачал головой:

— Да нет, уши у вас как уши... А вот про черного коня и собачку при нем мы тут недавно услышали.

Я улыбнулся еще шире.

— Ну, наконец-то!

Он спросил:

— Это в самом деле вы, ваша светлость? Тот самый Ричард Завоеватель, что сейчас прибыл в Варт Генц?

— Это для вас сейчас, — уточнил я, — а для меня уже вечность. Сижу как дурак, чего-то жду. Вот к вам прибежал, чтобы посмотреть, кто рядом. Святой апостол Павел говорил, что самое главное в жизни — хорошие соседи. Это даже больше, чем родня, которую может занести на край света, она может умереть, ее могут убить, а соседи... ха-ха!.. бессмертны.

Он продолжал смотреть на меня с непонятной тревогой.

— Меня зовут Квентин Ханкбек, — назвался он. — Я вождь племени ингельмов. Мы самые крупные и сильные, как считаем, но вообще-то таких в Скарляндах восемь племен. Остальные пары сот — мелочь. Хоть и опасная.

Я соскочил с коня, подошел ближе, мы взглянули глаза в глаза. Мне он понравился, спокойный и добродушный, как и то, что строит. Лицо многое повидавшего человека, лет под пятьдесят, хороший возраст, когда уже появляется мудрость и понимание, что и почему происходит, и в то же время еще есть силы, чтобы не смиряться с какими-то реалиями, а менять и перестраивать.

— Ричард, — сказал я. — Почему-то Завоеватель, хотя за всю жизнь я завоевал только одно королевство... да и то, можно сказать, поневоле.

Он усмехнулся:

— Только одно?.. Звучит двусмысленно. А почему поневоле?

— Оттуда исходила угроза, — пояснил я. — Через перевал пробирались люди и пытались устраивать у нас перевороты, чтобы установить свою власть. Мы просто... устранили ту угрозу. Только и всего.

— Устранили, — уточнил он, — захватив само королевство?

Я ответил с той же доброжелательно-ироничной улыбкой:

— А что еще осталось? Я веду только оборонительные войны. Даже на чужой территории. Я вообще считаю войну полной бессмыслицей. Я предпочитаю торговать с богатым соседом, богатея и самому, чем разорятьвойной обе страны.

Он посмотрел на меня очень пристально.

— У вас были очень хорошие... наставники.

— А теперь скажите, — заметил я скромно, — что у них был просто замечательный ученик. А то, знаете ли... учитель бьется как рыба о дерево, а ученик мечтает, как он вечером нажрется вина и завалит учительскую дочку на сеновале...

Голос мой звучал шутливо, но этот Квентин Ханкбек понял, кивнул, взгляд оставался внимательным, но теперь в нем, кроме прежней настороженности, пропало и нечто вроде уважения.

— Вы прибежали, — сказал он, — по вашим словам, посмотреть... И как вам?

— Еще ничего не увидел, — ответил я честно. — Вы первые, на кого наткнулся.

— Тогда нам повезло, — он улыбнулся.

Я вскинул брови:

— В чем?

— Сможем первыми похвалить себя, — ответил он, — рассказать, какие все остальные — сволочи. Всегда в выигрыше тот, кто первым доносит свое видение, не так ли?

Я засмеялся.

— Дорогой Квентин, вы мне нравитесь.

— А вы меня пугаете, — ответил он.

— Чем?

Он ответил прямо:

— Я не верю, что вы прибыли... просто прогуляться.

Я развел руками:

— Хотите, скажу правду?

— Хочу, — ответил он. — А вы ее скажете?

Я улыбнулся.

— Скажу, хотя вы все равно не поверите, понимаю.

Тем более что в интересах дела в самом деле приходится врать много и часто. Это называется дипломатией... Да и вообще — хорошим воспитанием. Только дикие

люди и просто хамы всегда говорят правду. Мы же не они, верно?.. Но я в самом деле скажу правду. Через неделю в столице Варт Генца состоится аукцион по продаже королевских земель. Мне нужно только дождаться, чтобы иметь возможность сделать следующий шаг. Я бешусь от безделья и не могу просто так вот сидеть и ничего не делать...

Он продолжал рассматривать меня беззастенчиво внимательно.

— А пьянки, женщины и охота не для вас, — произнес он медленно, — как я догадываюсь...

— Вы мне нравитесь, — сказал я снова. — Вы в самом деле мне нравитесь, Квентин Ханкбек.

Он кивнул на частокол:

— Хотите взглянуть, что на той стороне? Если вы сами не увлекаетесь чревоугодием, то, может быть, ваши лошадка и собачка у нас покушают?

— Они принимают ваше предложение, — ответил я. — И покушают, и даже пожрут в свое удовольствие. Заодно и я перехвачу что-нибудь. Если дадите.

В большом просторном доме, где все пахнет свежестью, для нас с Квентином накрыли стол, Бобику сразу предложили бараний бок, зажаренный в своем жиру, арбогастр под окном звучно похрумывает лакомства, я не стал скрывать, что он обожает старые подковы и ржавые гвозди.

— Где у вас столица? — спросил я. — Кто из вождей владеет этим важным стратегическим местом?

Он покачал головой:

— Нет у нас столицы, ваша светлость.

Я не поверил своим ушам.

— Как это? Королевство есть, а стольного града нет?

— Все было, — пояснил он невеселым голосом, — но столица наша раскинулась на ровном месте, стены никакие, и когда войска Карла подошли, им посмели оказать сопротивление, да еще какое!.. Тогда он в ярости, захватив ее, велел оставшихся жителей перебить, все деревянные дома и сараи сжечь, а каменные — разрушить. Так что теперь там лишь груды камней, что постепенно разбираются местным народом на свинарники.

Я подумал, вздохнул.

— Понятно. Ни у одного племени не хватит сил, чтобы восстановить ее в одиночку. Пусть не в прежнем блеске, но хоть как-то...

Он поморщился.

— Сил не хватит даже разгрести все те груды камней. Хотя да, совместными усилиями было бы легко. Уже потому, что все таскали бы камни, а не сторожили друг друга...

— Все будет, — заверил я. — А сейчас да, понятно, у каждого своя столица, что ведет к раздроблению страны и уничтожению королевства, как целого...

Он смотрел с надеждой, сказал просительно:

— Ваша светлость, очень уж хочется нам восстановить былую славу! И чтоб снова Скарлянды были не землей, а королевством...

Я ответил осторожно:

— Честно говоря, очень хотел бы помочь. Из соображений собственной безопасности.

Он вскинул брови, глаза стали непонимающими.

— Скарлянды — очень слабые земли!

— Даже слабые, — пояснил я, — могут совершать нападения на приграничные селения и даже города. Причем нападет одно племя, а когда я соберу войска и двину туда, там может оказаться совсем другое, ни в чем не виноватое?

Он сокрушенно вздохнул.

— Может.

— Потому, — сказал я, — мне куда лучше иметь дело с одним человеком или правительством, чем договариваться со всеми вождями племен в отдельности. Но вот только как вам помочь, когда в Варт Генце у самих неладно?.. Может, прислать гуманитарную помощь?

— Ваша светлость?

Я пояснил:

— Один-два обоза с продовольствием. И ношеной одеждой. Для тех, у кого ничего нет, и такая пригодится.

Он сказал медленно:

— Ваша светлость, если это сумеете проделать, Скарлянды этого вовек не забудут!

— Да что такое пара обозов...

— Не скажите, — возразил он. — Еще более важен добрый жест! У нас побаиваются, что Варт Генц, который пострадал меньше, может прийти сюда с войском точно так же, как и Карл, но только поступить хуже...

Я пробормотал:

— Что может быть хуже?

— Карл ушел дальше, — сказал он невесело. — А вартгенцы тут и останутся. Мы настолько слабы, что отпора дать не сможем.

— Пока я гранд, — заявил я веско, — никто сюда не введет ни одного солдата! Скарлянды и Варт Генц должны быть если не братьями, то хорошими соседями.

— Ваша светлость, нам бы этого хотелось больше, чем вам!

— Я провожу политику мирного сосуществования, — заявил я важно, — и добрососедства. Знаете, дорогой друг... позвольте вас считать им, я вряд ли сумею повидаться со всеми вождями... или вообще с кем-то

еще здесь, но вы, как мой друг, доведете мое понимание проблем и методов их решения до сведения важных лиц Скарляндии.

Через неделю, даже раньше, в столицу начали съезжаться верховные лорды со всего королевства. Население столицы увеличилось в несколько раз, а все остальные, кто не поместился, разбивали шатры или палатки за ее стенами, а то и вовсе коротали время у костров.

Я беспокоился, все-таки речь идет всего лишь о распродаже королевских земель, но сэр Клифтон мудро напомнил, что отдельно будут распроданы, как я и велел, королевские вещи, а также дорогая мебель. Все-таки на покупателей и так ложится дополнительная нагрузка: они вынуждены оплачивать и все постройки, что возведены там, а это не только прекрасные замки, но и совсем никчемные лачуги, в которых, однако, по прихоти короля находится дорогая мебель и редкие гобелены.

Большинство считали, что основное соперничество развернется между верховным лордом Хродульфом, который теперь становится самым крупным землевладельцем во всем Варт Генце, да и не только в нем, таких крупных хозяйств нет ни в Турнедо, ни в Скарляндах, ни в Гиксии, ни в Мезине, ни в Леофриге, что за последние годы сумел резко увеличить свое богатство, но Хенгест и Меревальд могут тоже отхватить очень большие куски, никто точно не знает, какими средствами обладают эти двое.

Еще поговаривали о неком сэре Торстейне, он не вступал в борьбу за престол, и его земельные угодья значительно уступают землям Хродульфа, однако если ему они перешли от отца, а тому от деда, то этот сам приобретал на деньги, где полученные от выгодной

разработки рудников, а где и, как поговаривают, от прямого разбоя в Скарляндах и Гиксии, так что сила его растет очень быстро...

Сэр Клифтон заходил ко мне то и дело, явно взволнованный, все-таки присутствует при неслыханном акте: распродаже королевских земель, кланялся и докладывал, сколько человек уже вошло в зал и где они изволили расположиться.

— Начнем ровно, — повторил я в очередной раз, — как и условлено. Мало ли что они пришли раньше! Фальстронг развешел на поводу?

Он помотал головой:

— Нет, но он учитывал...

— Я тоже все учитываю, — ответил я сердито. — И перестаньте трястись, вы же в какой-то мере лицо!

Он тяжело вздохнул.

— На неслыханное дело решились, ваша светлость... Стоит ли ради повышения популярности? Она и так выше флюгера...

— Ничего особенного, — заверил я. — Вообще-то это называется «приватизация». Нет такого слова? Ничего, введем. Прямо щас! Продажа государственного имущества частным лицам. Хоть и личного государственного.

Он наморщил лоб, стараясь переварить этот сложный термин.

— Лично государственного?

— Что-то в этом роде, — подтвердил я. — Если королевский дворец и принадлежит королю...

— То после его смерти все равно переходит к его сыну, — напомнил он. — И остается в семье.

— Но если династия прерывается, — напомнил я, — то переходит к другому владельцу не по семейным каналам, а по должностным. Вообще-то это спор на пустом месте! В любом случае лично это мое или принад-

лежащее Варт Генцу, но распоряжаюсь им в настоящее время я.

— Ваша светлость, разве кто оспаривает?

Я сказал твердо:

— А так как деньги беру не себе, а намереваюсь вложить... и сделаю это... в развитие Варт Генца, то я чист перед законом и перед своей совестью.

Он пугливо прислушался к нарастающему шуму внизу, сказал умоляюще:

— Ваша светлость...

— Иду-иду, — ответил я. — Вот только посижу немного и помыслию над судьбами человечества...

В главном зале королевского дворца на столе уже громоздится целая стопа широких листов с картой королевских владений, выставленных на продажу. Во-первых, каждый может убедиться, что я ничего не оставляю для себя, во-вторых, что самое главное, всякий видит всю территорию, где мы уже наметили, как разделить на семь больших участков и двенадцать мелких.

Таким образом, условия, равные для всех: кто-то может купить все семь больших и двенадцать мелких, если хватит денег, а кто-то наскребет только на один участок, но попытать счастья могут все.

Я посматривал в щель, как трусливый школьник, что страшится войти в комнату к грозному учителю, за спиной громко вздыхал сэр Клифтон, но я улавливал сдержанное негодование, а не сочувствие.

— Может быть, — прошептал он вкрадчиво, — еще не поздно отменить?

— Поздно, — ответил я таким же шепотом.

— Но... повернуть как-то в сторону?

— И слететь в канаву, — ответил я. — Нет уж, для чрезвычайных обстоятельств и чрезвычайные меры!..

Хотя, если честно, мне бы вообще держаться в стороне... Вартгенцы распределяют вартгенское имущество, да и вообще не люблю работать...

Сэр Клифтон ахнул, прошипел почти злобно:

— Ваша светлость! Это ваша идея, вам и проводить в жизнь!.. Мы вообще-то до конца ее еще и не поняли...

— Все-все, — сказал я покорно, — вину признаю. Перегнулся.

— Идите и... не выпускайте вожжи!

Я вздохнул, надел на лицо бодрое выражение и вышел к столу с бумагами почти подпрыгивающей походкой, вот какие мы все счастливые и как нас всех должны расширять радость и всеобщее ликование.

Справа от меня граф Меганвэйл, слева я усадил Клифтона Джонса, как государственного чиновника первой величины, должен следить, чтобы все шло строго по закону, пусть и только что придуманному, рядом с ним сидит Фридрих Геббелль.

— Аукцион, — провозгласил я громко и ударил молотком по столу, — объявляю открытым!

Шум начал затихать, а когда я вскинул руку, все все умолкли, даже перестали двигаться и ерзать, я ощутил некоторую дрожь под сотнями пар устремленных на меня взглядов.

— Дорогие друзья, — сказал я уверенно-заботливо, — для вашего удобства я велел приготовить несколько карт. И хотя все вы и так помните расположение королевских земель, но я велел на всякий случай приготовить это вот, чтобы никто не мог сказать, что его обманули. Здесь помечен каждый участок...

Кто-то крикнул нетерпеливо:

— А цена? Цена наконец-то установлена?

Еще несколько человек закричали, я снова вскинул руки:

— Тихо-тихо! Разве я не говорил, что все будет по-

честному? Никаких привилегий, никаких своих людей... Вы для меня все — вартгенцы, всех вас люблю, потому все участвуете на равных. А это значит, кто больше предложит за участок земли, выставленный на продажу, тому и продам. Вернее, будет продано, говоря корректно.

Из зала крикнули:

— Это... как? Будет спор?

— Цивилизованный, — ответил я уверенно и лукаво. — Приватизация, есть такое понятие. Государство становится ближе к народу, разве это не замечательно?..

— Да, но...

— Все будет хорошо, — прервал я. — Сэр Фридрих, начинайте!

Сэр Фридрих Геббель, сенешаль и лорд малой печати, величаво воздел себя над столом, вскинув над головой карту и провозгласил мощным голосом:

— На продажу выставлен участок земли, помеченный цифрой один. Начинается он от владений сэра Гердшера и тянется на севере до владений сэра Ульринга, а на востоке граничит с участком под номером два. Граница проходит как раз по середине реки Люторка, но если кто возжелает купить эти два участка, у того река будет посередине...

Он вошел во вкус и руководил аукционом, моментально ухватив его суть, уверенно, все-таки управленец с огромным стажем, а я держался в сторонке и тихо, мило и так это застенчиво улыбался, дескать, еще бы отдал что-нить Варт Генцу, да больше с меня взять нечего, разве что рубашку, вообще-то, и ее готов...

В зале довольно долго вели себя спокойно и с достоинством, цены называли неспешно, с оглядкой, раз уж нет определенной цены, никто не хочет переплатить, но этот хитрый прием, когда твой сосед может по-

высить цену на самую мелкую монетку и перехватить лакомый кусок, начинает давать эффект, и благородные люди постепенно превращаются в просто людей, которые, как уже не секрет, вообще-то одно говно, это становится понятно вся кому, кто общается с ними достаточно долго.

Глава 3

Аукцион затянулся на несколько часов, я велел слугам подавать прямо в зал сладкую воду и сдобные пироги, а на просьбу насчет вина ответил громко и четко, чтобы все услышали, что никому ни капли до окончания продаж, дабы никто не допустил ошибку и не купил то, что не собирался.

Мои слова приветствовали довольным ревом, я ощущал, что мне это все нравится, когда что ни скажу — одобряют, даже не дослушав, вот что значит репутация.

Аукцион подходил к концу, остались три мелких куска, крупные игроки не проявляли к ним интереса, а я наклонился к графу Меганвэйлу и прошептал:

— Сэр Геббель доведет до конца, а мы можем выйти... для консультаций по важным межполитическим вопросам.

Он спросил в недоумении:

— Каким-каким?

Я сказал шепотом:

— А не один хрен? Лишь бы встать из-за стола с озабоченным видом человека, думающего о благе народа.

Он поднялся вслед за мной, вид у него именно такой, потому что ничего все равно не понял, а когда мы вышли в соседний малый зал, я сказал деловито:

— Теперь у нас есть чем платить армии. Как патриот Варт Генца, я все вырученное за королевские земли, дворцы и все имущество намерен потратить в первую

очередь, как вы понимаете, на создание независимых от прихоти крупных лордов отрядов.

Он воскликнул пламенно:

— Ваша светлость! Никто еще не делал для Варт Генца столько, сколько делаете вы!

Я весьма засмущался и даже поковырял пол носком сапога.

— Да ладно вам, граф Меганвэйл... Разве вы бы так не сделали?

Он ответил со вздохом:

— Прежде всего, мне бы такое вообще в голову не пришло! Как и никому больше, я же всех знатных людей хорошо знаю. Это не просто поступок честного и бескорыстного человека, таких я знаю немало, но и... отважного! Для такого поступка требуется... я даже не знаю, что за чертова отвага! Это не с копьем в руке вломиться в чужое войско! Это надо... надо решиться!

— Ладно-ладно, — отмахнулся я, — оставим комплименты.

— Какие комплименты, — воскликнул он с жаром. — А до того, как решиться, надо еще до такого додуматься.

Я сказал деловито:

— После этой победоносной, но с малым призовым фондом войны с Турнедо осталось много опытных воинов, что так ничего и не получили за свои раны. Они могут составить костяк новой армии Варт Генца. Не теряйте ни одного дня!.. Рассылайте своих командиров, которым доверяете. Пусть создадут передвижные призывные пункты... Все-таки в вассалах едва ли двадцатая часть населения, остальные все вольные души...

Он ответил с жаром:

— И охотно пойдут в армию, ваша светлость, если у них будет хоть какое-то жалованье!

— На пропитание хватит, — заверил я. — Вот, возв

мите деньги, пусть сразу дают хороший аванс тем, кто будет их обучать, и понемножку самим новобранцам.

Его глаза растроганно блестели.

— Ваша светлость, — проговорил он, — у нас будет армия! У нас будет такая армия, какой никогда в Варт Генце не было!

Я обнял его и сказал так же с чувством:

— Будет, граф Меганвэйл! И она будет гарантом мира и стабильности!

Только не у нас, мелькнула мысль, а у меня. Простите, граф, но такое важное и ответственное дело я предпочту целиком держать в своих загребущих.

В зал зашла молодая и очень красивая женщина, увидела нас, остановилась, словно в нерешительности, и вроде бы вот-вот повернет назад, но слишком уж это подчеркнуто, граф Меганвэйл только повел глазом и сказал быстро:

— Все-все, ваша светлость, я ухожу.

— Но вы уверены, — начал было я, он прервал той же скороговоркой:

— Ваша светлость, с вами хотят поговорить, разве не видите?

— Ну и что? — пожал плечами я.

Он поклонился с улыбкой и быстро ушел, придерживая рукой наполненную золотыми монетами сумку.

Женщина, не дождавшись зова гранда, сама пошла в мою сторону, очень уверенная в движениях, откинув голову и слегка покачивая плечами, я даже залюбовался, с каким высокомерием движется, рост даже ниже среднего, но такие ухитряются на всех смотреть свысока.

Я вообще-то таких женщин не то что побаиваюсь, просто избегаю. Как уже не раз декларировал свое твердейшее кредо: мне б чего-нибудь попроще, ну не может человек быть орлом и в политике, и с бабами, что-то страдает за счет другого, только простолюдин не знает других радостей, а кто их уже вкусили... гм...

Похоже, она решила держаться линии, что я здесь не властелин, а только лорд соседней дружественной державы, даже державки, Армландия — это не совсем серьезно, потому не присела в поклоне, а сразу посмотрела мне в лицо прямым взглядом и произнесла много-значительно:

— Я не разбрасываюсь своей благосклонностью.

Я пробормотал слегка ошалело:

— Весьма разумно...

— Но настоящий мужчина, — продолжила она с на-жимом, — может ее заслужить.

Я проблеял:

— Э-э... леди?

— Мой отец и брат посажены в тюрьму, — сказала она. — Выступление на стороне принца Эразма.

Ее взгляд был прям и честен. Я ощущил, что невольно отвожу свой, это выглядит как трусость или слабость, понимаю, но не могу же сказать в лоб, что я все еще не привыкну к мысли, что секс хоть где-то что-то значит, кроме самого секса. И что за такую ерунду нужно платить.

— Ой, — сказал я в священном испуге, — вы предлагаете так бесконечно много...

— Я знаю, — произнесла она гордо, — но я готова ради своей семьи даже на такое.

— Что вы, что вы, — сказал я, — никакая семья того не стоит! Отец-тиран, братья-дебилы вас ни во что не ставили, мать-дура никогда не понимала такую замечательную дочь, примитивная слишком... Нет-нет, вам не стоит ради них так уж жертвовать.

— Но я готова!

Я ответил твердо и с достоинством:

— А я вот не приму, ибо это не совсем зело, если вот такая чистая душа дает втотять себя в неприличную вроде бы похоть наглого сеньора только за то, что-

бы освободить ее скверных родителей. Нет-нет, ваша невинность стоит целой вселенной, не отдавайте ее так дешево!

Она смотрела на меня, широко раскрыв глаза и чуть-чуть приоткрыв хорошенъкий ротик, наконец проговорила с некоторой запинкой:

— Вообще-то я уже не девственница, ваша светлость, но все равно не разбрасываюсь так уж и не на все предложения откликаюсь!.. Я весьма строгих нравов, ваша светлость!

— Я это почувствовал, — заверил я, — как только вас увидел. А если уж восхотите, то запрашивайте настоящую цену, а не всякую мелочь!.. Ну там финансющую реформу, понижение ставок, смену правительства, компромат на короля... Ой, простите меня великодушно, милая и самоотверженная леди, но меня граф Меганвэйл страстно ждет, явно кровавый и безжалостный поход замыслил...

Не знаю, удастся ли под видом борьбы с разбойниками ввести диктатуру, но я должен воспользоваться случаем, которым сам же и создал, и как можно больше ослабить магнатов.

После аукциона, когда все уверились, что я всерьез распродал все принадлежавшие королю земли, я приступил ко второй части плана, и снова не велел, а попросил верховных лордов собраться у меня в кабинете.

Они входили сытые и довольные, каждый прирастил свои угодья весьма и весьма, но главное сам престиж — королевские земли теперь у них!

— Дорогие друзья, — сказал я с ходу, — я говорю с вами не как лорд, а как нанятый вами управляющий для особых кризисных ситуаций.

Они довольно улыбались, сытые и благодушные,

кивали, наконец лорд Хенгест пробасил мощным голосом:

— Чем можем помочь, сэр Ричард?

Даже не назвал меня «вашей светлостью», мелькнуло у меня злое, но я улыбнулся мило и сказал быстро:

— Только что пришли вести, что крупные разбойничьи шайки орудуют в лесу Кривых Дубов и в землях Серого Плато.

— Знаю, — сказал Хенгест, — это возле реки Люторка. Там есть где прятаться.

— К ним собирается народ, — предупредил я. — Скоро из разбойничающих отрядов соберется армия! Нужно подавить эти очаги как можно скорее. Я прошу дать мне ваши отряды... не все, конечно! Даже не рыцарские, негоже благородным людям драться с разбойниками.

Хенгест задумался, начал что-то высчитывать на пальцах, а Леофриг, более сообразительный, сказал бодро:

— Даю три сотни ратников и сотню копейщиков!.. Все равно им сейчас делать нечего...

Хенгест посмотрел на его злобно, сказал с нажимом:

— А я даю четыре сотни ратников и две сотни копейщиков!

Прекрасно, мелькнула у меня мысль, и здесь аукцион, ну до чего же я хитрая и умная зараза, ну прямо Изазелька, такое придумал...

Хродульф посопел и произнес веско, сразу показывая, кто здесь главный и кто все равно станет королем:

— Разбойники должны быть уничтожены, закон должен быть... должен быть! Даю шесть сотен ратников, три копейщиков и две лучников.

Я вскрикнул растроганно и с предательской слезой в глазах:

— Спасибо вам! Спасибо! Я немедленно же возьмусь...

Я в самом деле взялся весьма круто: вызвал Меганвэйла и велел из переданных мне на время отрядов составить костяк будущей армии, сразу же перемешав всех так, чтобы даже в самом крохотном отряде были люди Хродульфа, Леофрига и Хенгеста.

К счастью, у тех никаких амбиций, они люди простые, им лишь бы платили жалованье, это рыцари бы взбунтовались и отказались служить на таких условиях.

Не довольствуясь тем, что граф Меганвэйл, как и его лучшие военачальники, в том числе даже три графа: Арнубернуз, Фродвин и Буркгарт, лично возглавили пункты по вербовке в армию в ряде крупнейших городов, я сам носился по Варт Генцу и обещал золотые горы всем, кто вступит в мою армию.

Желающих, как и предполагал граф Меганвэйл, оказалось даже больше, чем мы ожидали и готовы были переварить. У вербовочных пунктов собирались очереди. Сержанты Меганвэйла, тихо ликуя, отбирали самых здоровых и крепких, давали аванс и отправляли в казармы.

— Срочно соберите один-два отряда, — распорядился я, — из тех, кто уже успел повоевать с Турнедо или где-то еще, неважно.

— Сделаем, — ответил Габрилас четко, в последние дни он не отходит от меня, ловит каждое слово на лету и стремглав бросается исполнять. — Что еще?

— Пока ничего, — ответил я. — Как только соберете, вы можете возглавить их, если есть желание. Работа не очень благородная: находить и безжалостно уничтожать разбойников, что всегда бешено плодятся при любых неприятностях в королевстве...

Он немного помрачнел, но ответил сдержанно:

— Ваша светлость, я все понимаю. Это делать необходимо.

— Вот и прекрасно, — сказал я с облегчением. — Барон, уверяю вас, от того, как вы справитесь с этим не слишком почетным заданием, будет зависеть ваше следующее назначение. Как вы понимаете, с разбойниками вечно воевать не придется регулярными силами.

Он поклонился, в глазах заблистали огоньки, и он ответил совсем другим голосом:

— Ваша светлость, я сейчас же начну отбирать из принятых самых опытных! Спасибо за поручение.

Еще два отряда я отправил в другие земли, где тоже начались волнения, велел истребить всех разбойников и бунтовщиков на месте по законам военного времени.

Не мы эту смуту начали... ну ладно-ладно, официально не мы, зато мы ею воспользуемся.

Кроме того, в моем распоряжении все остатки королевской гвардии, пусть их мало, но в ней лучшие из лучших, они могут обучать новобранцев. Граф Меганвэйл привел все свои отряды, точно так же графы Арнубернуз, Фродвин и Буркгарт и де Гарт влились со своими вассалами, это не меньше двухсот прекрасно обученных и готовых драться хоть с дьяволом рыцарей, такой огонь в их глазах и рвение на лицах, а еще толпы ратников, лучников и немного арбалетчиков.

Конечно, у любого магната, того же Хродульфа, войск всемеро больше, это мне он смахнул с барского стола хлебные крошки, так же точно поступили и другие, зато грозную рыцарскую конницу держат при себе. Эти закованные в прекрасные доспехи богатыри должны сказать свое слово, когда я сложу полномочия...

Впрочем, мне вооруженные силы нужны только для истребления расплодившихся разбойников и наведения порядка, в чем четверка претендентов мне пообещала всяческую помощь, надо пользоваться...

Я в полной мере ощущал то, что называется кадровым голодом, наконец вызвал барона Эванса. Граф

Меганвэйл называл его своей правой рукой, но я выяснил, что молодой барон не имеет ни земли, ни дома в городе, а живет на свое скромное жалованье.

Он вошел в кабинет, преклонил колено, но голову не опустил, а вскинул и смотрит прямо и строго.

Я произнес после паузы:

— Барон Эванс...

— Ваша светлость?

Я сделал ему знак подняться, сказал благожелательно:

— Барон, граф Меганвэйл рекомендовал вас как весьма талантливого стратега, которого он буквально силой выдернул из кельи... Вы что, монах?

Он смущенно потупился.

— Никак нет, ваша светлость. Но я жил при монастыре, ибо там огромная библиотека.

— Военная?

Он помотал головой.

— Что вы, ваша светлость!

— Но он вас рекомендовал как стратега.

Он застенчиво улыбнулся.

— Ваша светлость, граф замечает только то, что в его области. Меня вообще интересует, как развивается общество, в том числе, конечно, и армии, и военное дело.

Я продолжал сверлить его взглядом.

— Барон, у вас есть редкая возможность не только изучать, как развивается общество, но и принять участие в его развитии.

Его глаза вспыхнули, а бледное лицо залил жаркий румянец.

— Ваша светлость! Я наслышан о ваших переменах, и я готов не просто преклонить колено и поклясться в верности, но даже лечь пластом...

Я усмехнулся.

— В этом нет необходимости. Я поговорю с графом Меганвэйлом. Сейчас военных действий не предвидится... ну, широкомасштабных, так что он может отпустить вас со мной...

— Я и сам с ним поговорю, — предложил он с готовностью. — Что я должен делать?

Я подумал, сказал в раздумье:

— Для начала проедем в земли Красных Мхов, там идет сплошной разбой... по дороге поговорим, у меня есть для вас конкретное задание.

— Ваши светлости, — восхликал он пламенно, — только прикажите!

Глава 4

На следующий день мы уже неслись в те самые земли Красных Мхов, и в самом деле еще издали увидели зарево пожаров, а когда возглавили по дороге один из отрядов новобранцев и приблизились к местам, где разбойники чувствуют себя совершенно свободно, увидели двигающихся в нашу сторону погорельцев и беженцев.

Те, кому повезло, едут на подводах, погрузив жалкий домашний скарб, который успели выхватить из огня, а другие, оборванные и со следами ожогов, толкают двухколесные тележки с пожитками.

Еще больше тех, кто бредет, как в забытьи, еще не веря тому, что удалось выбраться живыми из кошмара убийств, насилий и зверств.

Когда мы, горя жаждой перебить насилиников, вошли в разбойничий лагерь, там уже шла бойня, воины под баннером Николаса Бэрбоуна вязали сдавшихся разбойников.

Сам он подбежал ко мне разгоряченный, злой, но довольный, отсалютовал и выкрикнул, задыхаясь:

— Задание выполнено!.. Эти земли очищены.

Я спросил недоверчиво:

— Что, всех перебили?

Он сказал с досадой:

— Если бы они дрались, а так большая часть бросились в реку и перебрались на ту сторону...

Я сказал благосклонно:

— Спасибо, сэр Николас. Не случайно граф Меганвэйл отзывается о вас, как об одном из лучших военачальников вартгенской армии. А тех мы догоним.

Он указал кивком на связанных разбойников, они все на коленях и с опущенными головами ждут своей участии:

— Что прикажете с ними?

— Раз уж не удалось убить их, — сказал я, — то остается только повесить. К счастью, далеко ходить не нужно, деревья высокие, ветки крепкие.

Он козырнул:

— Разрешите приступать?

— Да, — ответил я. — И... не затягивайте процедуру. Не королей вешаем.

Он улыбнулся одними глазами, вернулся к своим воинам, я видел, как все сразу забегали, потащили пленных к ближайшему дереву, быстро набрасывали веревки.

Последним подняли с земли и поволокли паренька с бледным лицом и перепуганными глазами, чем-то напомнил Берхта.

Я ощущил жалость, взмахом руки остановил воинов, сказал с сочувствующим вздохом:

— Да-да, понимаю, ты вообще-то хороший, а это тебя дружки подбили на это лихое дело... Так ведь?

Он закивал так усердно, что едва не оторвались уши.

— Да, ваша светлость! Сказали, это испытание для меня. Смогу ли...

Я подумал, вздохнул.

— Вообще-то тебе нужно бы дать второй шанс... Из тебя может получиться и хороший человек, все-таки ты еще не успел натворить злых дел...

— Да, ваша светлость! Я ничего не успел!

— Жалеешь? — спросил я с интересом и сочувствием.

— Ваша светлость, пощадите!

— И церковь за милосердие, — продолжал я прикидывать вслух.

— Ваша светлость, да я больше никогда-никогда!

— С другой стороны, — продолжал рассуждать я, возвращаясь к реальности, — в стране достаточно высокая рождаемость, не нужно трястись над каждым, можно даже вести некоторую селекцию... Эй, парни!

— Ваша светлость?

— Этого туда же.

Бедолагу потащили к дереву, жалобно вопящего и уверяющего, что он больше точно не будет, ему с готовом отвечали, что да, не будет, уж они постараются, а я отвернулся и пошел к Зайчику.

Зайчик легко перенес меня на ту сторону реки, Бобик на этот раз опоздал, увлекшись пуганием народа, нехорошо расшалился. За нами с шумом и гвалтом началась бестолковая переправа, еще не обучены, а мы пронеслись втроем по следам разбойников, они в панике разбегались, как воробы при виде коршуна.

Гоняться за ними ниже достоинства сеньора моей величины, я повернул Зайчика в сторону небольшого замка на вершине едва заметного холма, что-то в нем показалось неверным, а когда примчались к воротам, понял причину.

Ров со стороны ворот завален связками хвороста, ворота жестоко изрублены, в левой половинке зияет дыра, сквозь которую может пролезть человек.

Я соскочил на землю, бросился к воротам, ага, понятно, вытащил меч и, держа его над головой, быстро прошмыгнул в дыру. Удар обрушился довольно сильный, я принял на лезвие меча и дал соскользнуть в сторону.

Мелькнуло синее платье, я отскочил, а женщина, провалившись за своим богатырским ударом, с трудом удержалась на ногах, сделав поневоле три быстрых шага, но тут же повернулась ко мне и встала в боевую стойку, держа меч обеими руками.

Молодая, волосы упрятаны под чепец, черты лица, как говорят, правильные, ничего особенного, разве что ноздри раздуваются от боевой ярости, глаза горят, как у загнанного зверя, а губы стиснуты в тонкую линию.

Я сказал благожелательно:

— Слушай, убери меч... Я понимаю, равноправие и эмансипация, женщины тоже вроде бы люди... в чем-то, но все-таки мужчины посильнее и быстрее тоже, как ни странно.

Она крикнула:

— Сделай еще шаг, и я убью тебя!

— Это вряд ли, — ответил я. — Против новичка, да, ты могла бы еще за счет техники, если она у тебя есть, но я как минимум знаю то же, что и ты. Зато силенок больше.

Я сделал шаг, она замахнулась мечом, да так быстро, что я едва успел уклониться. Она начала второй замах, но я ухватил за руку, вывернул кисть, и рукоять меча выскользнула из пальцев.

— Скотина, — прошептала она, — больно же как...

— Вот логика, — одобрил я. — Ты же хотела меня убить!

— Мне можно, — отпариowała она. — Я женщина, мне все можно! А тебе, гад, нельзя.

— А я за равноправие, — сказал я нагло. — Хотя ты,

да, настоящая женщина! А что меч... ну да ладно, спишем на прихоти и перемены настроения в определенные дни. Где остальные люди?

Она ответила свирепо:

— Попрятались, где же еще?

Я спросил с сочувствием:

— От разбойников?

Она фыркнула:

— От разбойников и сами отобьемся. Тут разбойничать уже начали владетельные лорды со своими людьми. А там есть и рыцари!

— Это хуже, — согласился я. — Ладно, мы не враги. Напротив, я пришел, чтобы прекратить, ага. Я прекрасный такового вот, законник, можно сказать, хотя поверить трудно, глядя на меня, такого красавца, понимаю.

Она спросила с недоверием:

— Так ты кто? Неужто сам Ричард Завоеватель?

— Знаешь, — сказал я, — мне даже обидно, что меня не узнают издали, не кричат славу, уже пора бы, я вон сколько потрудился!.. Ладно, вели слугам возвращаться, мы изволим налаживать мирную жизнь, а то как-то и налоги драть неловко...

— Ну да, — сказала она все еще свирепо, — как же, неловко... простите, ваша светлость!

— Ничего, — ответил я мирно, — спишем на стресс и волнительность момента при узрении самого гранда. Сейчас сюда подойдут наши войска... ну, почти войска. Вы присутствуете при историческом моменте, леди.

— Каком?

— Зарождении, — ответил я загадочно.

Вдали в самом деле поднялась пыль, в желтом облаке засверкали холодные искры, донесся приближающийся конский топот.

Я поднял меч и подал женщине, она сунула его в ножны и присела в низком поклоне.

— Ваша светлость...

— Леди, — сказал я церемонно.

— Мое имя Энгельбертина, — произнесла она. — Наш замок и владения в вашем распоряжении, ваша светлость.

Я сделал ей знак подняться, она тут же выпрямилась и взглянула мне в лицо с той долей почтительности и смирения, какую мы ожидаем.

— Почему хозяйничаете вы? — спросил я.

— Муж повел часть дружины за разбойниками, — ответила она. — А чуть позже напали люди барона Герсвина. Вряд ли мы отбились бы, они уже почти прорвались через ворота, видите, что сделали?.. Но тут, как я поняла, на их замок напал виконт Адельвин, и они поспешно вернулись.

Я сжал челюсти, ситуация гораздо хуже, чем я думал, что есть хорошо, даже прекрасно. Для борьбы с разбойниками достаточно и наспех набранных новичков, а для обуздания разбойничающих баронов потребуются более... да, более.

К нам подскакали на взмыленных, словно неслись многие мили, конях люди Николаса Бэрбоуна, а следом появился и он сам, взъерошенный и разогревшийся так, что от красных щек падает свет, как от камина.

— Ваша светлость! — крикнул он с упреком.

Я сказал благожелательно:

— Сэр Николас, передаю под вашу опеку леди Энгельбертину. Ее муж преследует разбойников, а она сама мужественно защищает замок. Помогите ей, а меня можете найти, если сильно понадоблюсь, в лагере графа Меганвэйла.

Я снова взобрался в седло, взмахнул рукой в прощании.

...Меганвэйл не то чтобы любитель сидеть на месте, но ему приходится многих принимать, объяснять новые условия, руководить, а это привязывает к одной известной всем точке пространства, потому я отыскал его сразу.

Бобик сразу пошел смотреть, чем тут кормят, Зайчика я передал в руки оруженосцам, а сам, надев на себя самый бодрый вид, вошел в шатер и с ходу обнял графа, похлопал по плечам, до чего же не люблю эти ритуалы, поинтересовался радостно и торжественно:

— Дорогой друг, у вас дела, надеюсь, идут так же прекрасно?

Он ответил счастливо и в то же время настороженно:

— У нас лучше, чем ожидали... А что у вас?

— Начинаем, — ответил я с вдохновением, — приводить страну в порядок! Чтобы дело ускорить, я призову на помощь несколько моих расторопных помощников из Турнедо...

Он вздрогнул, лицо напряглось и окаменело.

— Ваша светлость, — произнес он нерешительно, — это вызовет... это вызовет! Мы только что воевали с Турнедо, они все еще почти враги... Пусть и покоренные...

Я замахал руками:

— Граф, граф, опомнитесь! Как вы могли на меня такое даже подумать?

Он смотрел ошалело.

— Но вы...

— Я сказал, что из Турнедо, но не турнедцев!.. А моих испытанных армландцев, на которых турнедцы подло напали, а вы, вартгенцы, помогли нам, армландцам. Мы вам благодарны, мы вас любим!..

Он с облегчением перевел дыхание.

— А-а-а-а, а то я уж подумал... Простите, сэр Ри-

чард! Действительно, к армландцам у нас совсем другое отношение. Король Фальстронг и начал вторжение в Турнедо для того, чтобы помочь маленькой мужественной Армландии, на которую двинул огромные войска могущественный король Гиллеберд.

— И еще, — сказал я значительно, — ни один армландец не войдет в столицу во избежание каких-то разговоров... Все будут помогать на подсобных работах по организации армии. Как вы понимаете, ее нужно собрать и выучить как можно быстрее.

— Потом будет труднее, — согласился он.

— Потом нам собрать просто не дадут, — сказал я прямо. — Потому и.

Он добавил смущенно:

— Армландцев мы любим больше всех, мы им помогали, а такое позволяет гордиться и относиться к тем, кому помогали, как вы понимаете, с покровительственной любовью.

Я напомнил деловито:

— Но не забывайте везде говорить, что из Турнедо пришли на помощь именно армландцы.

— Да, — согласился он, — а то найдутся еще такие туповатые, как я...

— Вы просто патриот, — сказал я с похвалой, — кто постоянно думает о пользе для отечества. В смысле, родного исконного королевства.

— Надеюсь, — пробормотал он.

— Главное, — сказал я еще, — не уставайте разъяснять нашу политику. Все равно некоторые не поймут даже после первого разъяснения. Это те, которые самые что ни есть патриоты. Зато это сразу снизит накал, если где-то как-то и по какому-то поводу возникнут недовольства всяких там нанятых горлопанов.

Он кивнул, сказал понимающе:

— Да, недовольства будут возникать, это понятно.

Многие не любят наведения порядка, потому что в беспорядках могут поживиться больше...

— И еще, граф, — поинтересовался я, — как обстоят дела с общей численностью?

Он сказал счастливо:

— Ваша светлость, вы не поверите, но уже набралось столько, что превосходит по численности войска Хродульфа Горного! Правда, у наших пока ни воинского опыта, ни вообще умения держать в руках меч или боевой топор, но люди, как на подбор, храбрые и выносливые!

— Ну, — сказал я, — выносливость еще предстоит проверить... Как и храбрость, кстати. Закупайте для них оружие, а затем сразу же отправляйте в Сен-Мари.

Он посмотрел в удивлении.

— Сен-Мари?.. Простите...

— Нет-нет, — заверил я, — вам не послышалось. Мы отправим туда огромное стадо баранов, а через полгода получим оттуда закаленных в боях ветеранов. Пока что я напишу, чтобы там сразу не отправили в Гандерсгейм, да и потом в бой не пускали, пока не пройдут хорошую подготовку в учебных лагерях. Граф, вы сами понимаете, что там они всему обучатся гораздо быстрее!

Он долго раздумывал, наконец кивнул.

— Да, нам нужна армия, которая могла бы на равных говорить с войсками не только Хродульфа, но всех лордов, даже если те захотят объединиться.

— Мы такую армию получим, — заверил я. — В Гандерсгейме идет завершающая часть по вытеснению местных варварских войск, которые одно время получили было помощь с моря... Так что наши новобранцы мало чем рискуют, но опыт получат, а кроме того, у них появится особый аппетит...

— Ваша светлость?

— Варвары, — пояснил я, — народ бедный, по нашим меркам. У них нет дворцов, что для нас — мерило успеха. Но у них очень дорогое оружие, обычно украшенное драгоценными камнями, у них прекрасные и выносливые кони, а уздечки тоже с рубинами, изумрудами, а также с жемчугом.

Он завидующе вздохнул.

— Это и есть их дворцы?

— В эквиваленте — да.

Глава 5

И все равно, пока до моих армландцев дойдет мой зов явиться, вполне удается обходиться войсками сальных же вартгенцев. Получается пока неплохо, потому что защитники старых вольностей если ропщут против моих мер, сразу попадают в лагерь врагов королевства, жаждущих его разорения. Дескать, сэр Ричард обещал за год все наладить и всех помирить, так что всякий, кто ему противодействует, вредит именно Варт Генцу.

Если удастся провести задуманные преобразования, боюсь называть их реформой, то не понадобится даже раздавать земли и замки изгнанных или убитых феодалов своим сторонникам. Свои при известных обстоятельствах быстро могут стать чужими, а со временем чужими становятся все, но если налоги буду собирать напрямую, и моя армия, так называемая королевская — сейчас и названия такого нет! — будет сильнее феодальной, то не придется заискивать перед крупными землевладельцами, уговаривая их явиться с их войсками.

Часть войск, разочарованных такой войной, что обещала многое, а принесла плодов так мало, двинулась по моему распоряжению к Большому Хребту, где я распорядился немедленно расформировать на неболь-

шие отряды и часть отправить в Гандерсгейм, а часть в Сен-Мари, но постараться смешать их с сен-маринцами, армландцами и фоссанцами, а еще лучше не постараться, а сделать это в обязательном порядке.

Пользуясь тем, что группировки Хродульфа Горного, Леофрига Лесного, Хенгеста Еафора и Меревальда Заозерного все еще противостоят друг другу и потому налоги оставляют себе, так как каждый полагает себя королем, я распорядился налоги собирать только особым королевским сборщикам, что вызвало одобрение даже у тех, против кого вообще-то направлено.

Тех же, кто начал роптать, успокаивали, что это временные меры, вызванные смутой, гражданской войной, неразберихой, а через год гранд Ричард сложит полномочия, и все пойдет, как в старые добрые времена.

Граф Меганвэйл, честный и прекрасный военачальник, хороший полководец, прекрасно знает, как часто решающие битвы бывают проиграны лишь из-за того, что какой-то феодал счел ниже своего достоинства вступать в бой после того, кто ниже родом, или не захотел стоять с ним рядом в боевых порядках.

Я сделал ставку на то, что он настолько будет думать об армии, что забудет обо всем остальном, и не прогадал: он со всей поспешностью набирал молодых парней во всех землях Варт Генца, несмотря на протесты местных лордов, вербовал опытных ветеранов, поручая им обучение новичков, и громко ликовал, что армия теперь будет по-настоящему боеспособной и не уступит армии покойного Гиллеберда.

Чтобы справиться с расходами, я пустил на продажу также и все земли, отданные от Турнедо по четырехстороннему договору. Покупателя не нашлось только на баронство Зигмунда Лихтенштейна, а все остальное раскупили на втором открытом и честном аукционе, на

что я напирал особенно, мол, у меня нет любимчиков, я стараюсь для всего Варт Генца.

Выручил я немало, земли Турнедо славятся не только урожайностью, но и высокой организацией труда, ведь покупатели получают их вместе с селами, деревнями, церквями и даже двумя городами!

Этих денег хватит на содержание армии на полгода, а дальше посмотрим. Могу втихую перебрасывать средства из Сен-Мари, если уж совсем прижмет, но, думаю, собираемых налогов хватит, чтобы в армии поняли: плачу я, и потому выполнять приказы они обязаны, да и будут, только мои.

Сэр Меганвэйл сказал успокаивающее:

— При прочих равных всегда престижнее служить в королевской армии, чем в армии какого-нибудь барона.

— Да, — согласился я. — К тому же королевская армия воюет редко, только с другими королевствами, а баронские армии постоянно дерутся с соседями, там сложить голову в дурацкой драке можно куда быстрее.

— А погибать никто не хочет, — согласился он, — если можно обойтись. Да, все так... осталось только — создать эту армию!

Я сказал твердо:

— Граф, вы и так падаете с ног, но когда мы это завершим, вы, а не я, будете спасителем королевства! Вы же лучше всех знаете, насколько королевство станет сильнее и защищеннее с той армией, которую делаем!

Он выдохнул горячо:

— Знаю. И молю Господа, чтобы задержал вас у нас подольше. Ибо знать, как правило, мало.

— Но вы знаете, граф!

Он оглянулся по сторонам и сказал совсем тихо:

— Заодно решите и еще один очень острый для нас вопрос...

— Да, сэр Меганвэйл? — поинтересовался я.

Он сказал горько:

— У всех эта заноза... барон Зигмунд Лихтенштейн!.. Не буду о нем рассказывать, сами все знаете. Он сейчас просто символ нашего неумения справиться с проблемами. Хотя, если честно, у него такое положение, что вся армия Варт Генца, как и Гиллеберда, ничего не смогла бы сделать, но кого это волнует?.. Все тычут в глаза, что не можем сделать именно мы.

Я пробормотал:

— И что... я?

Он сказал сквозь зубы со сдержанной яростью:

— Этот Зигмунд понимает, что никакой независимости ни от кого не получит, потому добивается права отдаться под вашу руку. Мол, вы такой же, как и мы, союзник, вместе победили короля Гиллеберда, так что не так уж и важно, чье знамя поднимется над его башнями, это будет знамя победителей!

Я покачал головой:

— Граф, я не могу его принять! Это будет нечестно по отношению к вам, я имею в виду королевство Варт Генц...

Он сказал торопливо:

— А его и не надо будет принимать, понимаете? Как только вы приняли корону гранда Варт Генца, то этот проклятый Зигмунд должен был прекратить сопротивление. Варт Генц уже считается вашей землей, условие Зигмунда, собственно, уже выполнено, нужно ему об этом только сообщить!.. Он уже оказался под вашей высокой рукой, и его земли фактически вошли в ваши земли!

Я покрутил головой в сомнении.

— Знаете, сэр Меганвэйл, я все-таки рыцарь, а это как-то не совсем честно. Я не хочу наживаться за счет Варт Генца.

Он сказал горячо:

— У нас нет другого выхода, сэр Ричард!.. Это кость в горле, что не дает нам вздохнуть. Мы бы давно отдали его вам, если бы это не выглядело позорным поражением!.. А сейчас именно тот случай, когда мы не теряем лица.

Я поколебался, но посмотрел на отчаянное лицо честного полководца и махнул рукой.

— Ладно, граф! Я пойду вам навстречу в этом вопросе, хотя меня все еще не оставляет чувство неловкости.

— Ваша светлость!

Я пояснил смущенно:

— Как будто я воспользовался вашими трудностями...

Бобик валяется на поляне кверху лапами, Зайчик примчался на свист, я поднялся в седло и вдруг на короткий миг ощутил со щемящей пустотой в груди, как остро недостает пищащего существа в полукольце моих рук, что ерзает и восторгается таким громадным миром.

Зайчик посмотрел вопросительно, когда я медленно разбирал повод, словно все еще не могу решить, ехать или остаться.

— В Савуази, — сказал я наконец. — Карьером. Что смотрите?.. Мне тоже здесь как бы еще ага как, ну и что?.. Мы же люди? Мало ли, что нам хочется, видите ли!.. Вы тоже... эти, не эльфы же!

И снова ветер в лицо, в который раз я прижался к горячей конской шее, надо мной шелестит по ветру длинная и густая грива, укрывая надежным щитом, а впереди несется черный, как сгусток мрака из самого ада, стремительный пес, веселый, раскованный и все еще загадочный.

За несколько миль до столицы я перевел Зайчика в галоп, чтобы успевать увидеть перемены, и с разочарованием понял, что все такое же, как было в мой самый первый приезд в Турнедо, когда армландцы избрали меня гроссграфом, и как потом, уже после первой недели захвата города.

Все так же идут по дорогам в обе стороны нагруженные кони, тянутся вереницами телеги. Мы смогли сокрушить военную машину Гиллеберда, не затронув экономику, что удается редко, это предмет для гордости, однако подсознательно хочется, чтобы смену правителя как-то заметили и задвигались шибче, что ли... Желательно, конечно, с хвалебными песнями, но это уж ладно, перебьюсь...

Савуази мы увидели издали сперва по высоким башням, затем выступила знаменитая оборонительная стена, которую нам так трудно было защищать из-за ее протяженности.

В город со всех сторон тянутся подводы и гонят стада коров и овец на бойни, в громадном городе есть только запасы зерна и муки, а мясо, молоко, овощи поставляют вот так ежедневно и ежечасно.

Мы подъехали к воротам, нас узнали издали, все моментально стали такими бравыми, подтянутыми, бодрыми и смотрят истово и преданно: прикажи броситься в огонь — сразу прыгнут, только скажите!.. Ага, знаем, проходили, так и кинутся, разевай хлебало шире. Я уже политик, а значит — смотрю на вещи и людей трезво...

Через город мы ехали под веселые крики горожан. Похоже, с гибелью Гиллеберда смирились, в то же время я так везде его постоянно расхваливаю, что меня рассматривают чуть ли не как преемника, которого сам Гиллеберд и назначил.

В королевском саду за полсотни ярдов до дворца по

аллее навстречу идут полдюжины королевских гвардейцев, впереди красиво шагает высокий красавец в малиновом плаще поверх стальных лат, движения широкие, но не размашистые, каждый жест выверен, настоящая потомственная военная косточка.

Он рявкнул команду, гвардейцы разбежались в стороны и взяли копья на караул, а он коротко поклонился.

— Ваша светлость...

Я сказал весело:

— Приветствую, сэр Ортенберг. Все ли в порядке?

Он отчеканил, сурово и прямо глядя мне в глаза:

— В полном, ваша светлость!

Я поймал себя на том, что приятно смотреть в загорелое красивое лицо с очень светлыми глазами, похожими на лед. Я еще в первый свой визит подумал, что такие остаются верны своему господину, даже если тот превращается в отъявленную сволочь, но все-таки я переломил ситуацию, и теперь он верен мне. Правда, пришлось оставить его без прежнего сюзерена.

— Все хорошо, сэр Ортенберг, — сказал я отечески. — И будет еще лучше. Как будто и не было никакой войны.

Он молча отсалютовал, а мы двинулись в сторону дворца. Все хорошо и все в порядке — это значит, что все мелкие конфликты и поползновения удушиваются вовремя, преступников и заговорщиков разоблачают и швыряют в тюрьму, а то и сразу на плаху, все идет как бы само, не отвлекая внимания верховного сюзерена на эти мелочи.

По дворцу мгновенно разнесся слух, что вернулся лорд. Я едва успел сбросить плащ и расположиться за столом, как отворилась дверь и быстро вошел сэр Вайтхолл.

— Ваша светлость, — сказал он торопливо, — про-
стите, но в ваше отсутствие я работал дома.

— Все хорошо, — успокоил я. — Сэр Вайтхолд, ка-
кие-нибудь серьезные проблемы возникали, пока меня
не было?

Он наклонил голову:

— Справились, ваша светлость.

— Отлично, — сказал я. — Не сомневаюсь, что
справились в верном направлении.

Он развел руками:

— Вам виднее.

— Это потом, — сказал я с небрежностью великого
вершителя, что дает поработать над крупными проек-
тами и прочей человеческой мелочи. — А сейчас я хочу
вас поблагодарить, хоть и весьма запоздало, но вы ведь
знаете, дела, дела, дела... поблагодарить за мудрое и ве-
ликолепное решение...

Он в удивлении вскинул брови:

— Правда, ваша светлость?

— Клянусь!

— А... за какое? — спросил он опасливо. — А то я у
вас уже так набрался мудрости, что теперь, что ни ска-
жу, то такое умудрю...

Я сказал бодро:

— Да-да, они у вас все мудрые и великолепные, но я
сейчас говорю о том, над чем ломаю голову сейчас. Вы
отправили один за другим три отряда из турнедцев, что
решили поискать военной удачи в Гандергейме!.. Это
было замечательно! Они очень пригодились еще в Сен-
Мари, где отбивали атаку пиратов, а потом я их отпра-
вил в Гандергейм.

Он поклонился, до глубины души польщенный та-
кой оценкой и похвалой, но я-то знаю, что если чело-
века хвалить, то из него можно потом веревки вить, а

мне этих веревок понадобится много, а потом и вовсе канаты начнем...

— Ваша светлость...

Я продолжил так же энергично:

— Но теперь ваше мудрое решение нужно огосударственить, можно сказать, и сделать всеобъемлющим...

— Ваша светлость?

— Нужно срочно, — заявил я твердо, — во всех крупных городах оборудовать вербовочные пункты. Отвести место для временных казарм или бараков, где принимать, записывать новобранцев и выдавать им аванс, а потом, скомплектовав отряды, отправлять их в Сен-Мари.

А там, договорил я уже про себя, моментально его расформировать и перемешать с армландцами, брабандцами и даже вартгенцами. Никакой местечковости, мне нужна регулярная армия, одинаково готовая защищать все то, что я нахапал, а не отдельные владения лордов.

— Хорошо, — проговорил он несколько изумленно, — я сегодня же составлю и отошлю распоряжения.

Я продолжил, чуть понизив голос и придавая ему оттенок доверительности:

— И еще, сэр Вайтхолд. Такие же пункты нужно оборудовать и в нашей замечательной Армландии!.. С того времени, как там прекратились междоусобные войны...

Он прервал с улыбкой:

— А это случилось, когда вас избрали гроссграфом Армландии.

— Спасибо, сэр Вайтхолд, — сказал я с неловкостью, — но моей заслуги в том не было. Лорды договорились о том, что для прекращения гражданской войны никто не должен драться за трон Армландии, а следует взять человека со стороны, что и сделали. Но

теперь вот все идет так, как мудро и решили лорды Армландии, однако высвободившихся из воинских отрядов людей нужно куда-то пристроить, это называется проблема занятости...

Он кивнул, лицо стало деловитым.

— Вы правы, ваша светлость. В армии они найдут себе место. Лишь бы у нас доставало средств, чтобы их содержать.

— Достанет, — пообещал я. — Скажу пока по секрету, что в нашем распоряжении будут все средства казны не только Турнедо, но и Варт Генца. Мы сможем их перебрасывать в нужные места, сперва только затыкая дыры, а потом... потом, сэр Вайтхолд, справим крыльшки!

Он перекрестился.

— Еще?.. Я уже уверен, что вознеслись выше облаков... куда еще выше?

— Боитесь разбиться о небесный свод?

Он подумал, сказал почти уверенно:

— Если за вами, то все получится. Ваш лоб пробьет хрустальный купол, и мы вознесемся!.. Правда, прольются хляби небесные...

— Тогда погодим, — решил я. — Здесь пока дел многовато.

Глава 6

Сэр Клемент вошел, слегка погромыхивая железом, а на нем его, как на двух рыцарях и конях, но с его ростом и статью это как раз, с порога просиял, убедившись, что не брехня, в самом деле я уже во дворце и тружусь, как большая усердная пчела, хоть и в одиночестве.

— Ваша светлость!

— Сэр Клемент...

Он преклонил колено и склонил голову.

— Сэр Клемент, — сказал я сердечно. — Как идет сбор налогов?.. Встаньте, кстати, здесь все свои.

Он поднялся, взглянул мне прямо в глаза, с его ростом не приходится смотреть снизу вверх.

— Успешно, ваша светлость, — доложил он. — Оказывается, нужно всего лишь посыпать крепких парней, готовых все разломать и сжечь.

— А лорды?

— Тоже платят, — ответил он с усмешкой. — Достаточно намекнуть, что мне стоить лишь прорубить в рог, чтобы сюда пришли армии соседних лордов, поклявшиеся помогать наводить порядок.

— Действует?

— Лучше всего, — заверил он.

— Великолепно, — сказал я бодро. — Значит, решается самый главный вопрос. Что-то вы взглядом ищете... не эльфийку ли, слушаем?

Он улыбнулся смущенно.

— Ее. У меня как будто цветы распустились в груди, когда ее увидел... И душа запела. Это моя-то заскорузлая и зачерствелая!

— Как ваш замок, — спросил я, — Алгисл, кажется?

Он поклонился.

— У вас удивительная память, ваша светлость. С ним все в порядке, я даже не стал ничего менять в укреплениях.

— А эта, — спросил я, — вдова, что оставалась в замке... Запамятали имя...

Он коротко усмехнулся.

— Вы правы, ваша светлость, если запоминать еще и женские имена, во что голова превратится?.. А вдова... Ваша светлость, я даже не уверен, заметила ли она вообще, что у нее поменялся муж!.. Да и я еще не муж, раздумываю, но все-таки неужели мы все такие одина-

ковые? Такая хозяйственная, домовитая, опрятная, приятная, с нею хорошо и за столом, и в постели. Я очень доволен, ваша светлость, и безмерно вам признателен!.. И навеки ваш с потрохами!.. Но эта эльфийка... это вообще не существо земное, а нечто небесное, слеплено из запаха цветов, нежных песен и солнечных лучей...

Я вздохнул.

— Завидую вам, сэр Клемент. Такие чувства делают вам честь, как делали бы любому человеку, но как мало тех, кто такое испытывать в состоянии... Она сейчас в своем Эльфийском Лесу.

Он потемнел чуть, из его могучей груди вырвался тяжелый вздох.

— Да, конечно, так и должно быть... Она вернулась в свой чистый мир весь из серебра и лунного света. Здесь для нее слишком...

— Слишком, — согласился я.

— Может быть, — произнес он, — так даже лучше. У меня навеки останется ее светлый образ чистоты, прелести, невинности и грации.

Я высунулся в коридор, велел слуге:

— Срочно сэра Вайтхолда ко мне!

Он унесся, сэр Вайтхолд явился моментально, склонился в поклоне.

— Ваша светлость?

— Нужно убрать вот эту перегородку, — велел я. — Чтобы я не посыпал за вами слуг. У Гиллеберда хороша система, но мы ее подправим.

— Будет сделано, ваша светлость...

— И еще, — сказал я, — созвовите наших, пора привести совещание.

— Всех?

— Всех долго, — сказал я, — пока только тех, кто может прибыть в пределах часа.

— Они сами сюда уже бегут, — заверил он, — как только узнали, что вы прибыли в свои владения.

— Хорошо, — сказал я, — садитесь вон там, нам нужно обсудить кое-какие мелочи. Ну там захват мирового господства... Сэр Вайтхолд, не падайте со стула, это у меня юмор такой особый, почти королевский...

В течение десяти минут прибыли запыхавшиеся Каспар Волсингейн, барон Саммерсет, виконт Рульф, сэр Геллермин, последним опасливо заглянул сотник Куньявалд, что из Лагардии; Клемент сделал знак своему помощнику исчезнуть, не с его кувшинным рылом в такие места, но я кивком велел войти и указал взглядом на кресло позади всех.

— Хорошо, — сказал я, — кто опоздал, тому перескажете. У нас, как вы догадываетесь, была здесь война, почти все изменилось, хотя вообще-то ничего, потому мы должны думать о послевоенном обустройстве королевства, его светлом будущем, в связи с чем обязательно также проконсультироваться с соседними державами. Теперь у нас соседей много. Мезина, Бурнанда, Шателлен, Гиксия...

Сэр Вайтхолд уточнил педантично:

— Гиксия только краешком, там всего две мили общей границы. Это больше соседка Варт Генца.

Я вздохнул и лицемерно потупил глазки.

— Варт Генц был нашим союзником в тяжелой освободительной войне, потому мы обязаны позаботиться и о нем. Кстати, я отныне гранд Варт Генца, что значит — его правитель.

Им всем как будто кто в челюсти стукнул, все разом откинулись на спинки кресел и уставились расширенными глазами.

Сэр Вайтхолд пробормотал тупо:

— А насчет мирового господства... это правда шутка?

Сэр Клемент прогромыхал могучим гулким голосом, в котором радости больше, чем недоумения:

— Не напомнит ли мне кто, здесь вроде бы звучало насчет ни пяди чужой земли...

Я сказал сварливо:

— Она не чужая!.. Там огромные залежи меди и железа!.. И выход к судоходной реке Кляйнен, что идет через весь континент... как предполагается.

Барон Саммерсет пробормотал:

— Выход к Кляйнену?.. Ну, тогда это аргумент, такое королевство не может быть чужим. Надо помочь братскому народу, это наш долг истинных христиан и верующих людей.

— И гуманистов, — напомнил я сердито. — Кроме того, как истинный гуманист и человеколюбец, я там взялся за то, за что нужно было сначала, но мы же люди, когда мы сразу делаем как надо?.. Это против людской природы, и не привело бы к культуре и расцвету цивилизации, что может развиваться только через препятствия и трудности, которые умело воздвигаем на ее пути.

Сэр Рульф спросил нерешительно:

— А с чего надо было начинать?

— С культуры, — пояснил я. — А культура, как известно, начинается с армии. Расцвет культуры — с увеличения армии и перехода ее на профессиональную основу. За битого дурака, как известно, двух умных дают, а меня столько раз били и возили мордой по битому стеклу, что я теперь дую и на воду! И на куст никогда не сяду.

Сэр Геллермин сказал с удовольствием:

— Такой расцвет культуры мне нравится. Только насчет консультаций с соседями, не понял... А им какое собачье дело?

Все, даже сотник Куньявальд, что не раскрывает

рта, посмотрели с укором, словно я умалил достоинство нашей разрастающейся державы таким оскорбительным заявлением.

Я посмотрел с недоумением.

— Я что-то не то сказал?

Сэр Клемент прогомыхал с неудовольствием в голосе:

— Вы сказали, что собираетесь проконсультироваться с соседями...

— Я так сказал? — удивился я. — Вот что значит политик, в любом состоянии говорю нужное, это уже раздвоение пошло... Хотя вообще-то консультация, это когда человека спрашиваем: «Вы не против, если мы вам завтра отрубим голову?» — и, узнав, что против, на следующий же день голову отчекиваешь, а если шея толстая, как у Томаса Мора, то отчекрываешь. Что вам еще непонятно?

Он все еще смотрел чуточку тупенько, но быстрорумный Рульф расплылся в довольной улыбке:

— Да, ваша светлость! Консультироваться с соседями — это повод выказать им свое уважение и добросердечность.

— Рад, что одобрили, — заметил я суховато, и все сразу посерезнели и подтянулись. — Все время помните, что мы все еще в чужой стране, которую мы захватили, потому будьте настороже и держитесь друг за друга! Никаких распрай, мы во вражеском окружении! И должны быть как пальцы, сжатые в один кулак!

А уже через час я спускался в пещеру и время от времени орал, призывая Атарка, спускался глубже и снова орал, но в ответ еще громче и раздраженнее орали разбуженное эхо.

Когда добрался до дна, покричал еще, начал поду-

мывать насчет другой пещеры, поглубже, но в далеком темном углу, где точно сплошная стена, я же там только что был, показался красный огонек смолистого факела, даже донесся ароматный запах смолы.

Из темноты вышла группа приземистых и жутковато мощных в плечах гномов, суровых, все с рыжими бородами, как родные братья, факел в руке мужика, что идет первым.

Он остановился, всмотрелся в меня.

— А-а-а-а, ваша светлость...

— Здравствуйте, — сказал я вежливо, — если не ошибаюсь, Урант?

Он сказал довольно:

— У вас хорошая память, ваша светлость! А то у меня такое длинное и сложное имя, что не всякий гном запомнит и выговорит, да еще вслух!

— Имя такого великого вождя надо помнить, — сказал я твердо и со значением. — А где Атарк?

— Да руководит, — ответил Урант, — а что, мы не можем ответить? Я — старейшина, властью облечен.

— Хорошо, — ответил я уступчиво, — хотя у людей вожди обычно говорят с вождями. Ладно, у меня вопрос, как идут дела с взаимокультурностью?..

Он покосился на своих братьев, если они братья, те хмыкали и рассматривали меня без особого любопытства.

— Да никак, — ответил он раздраженно.

— Почему?

Он пожал могучими плечищами.

— Ну, как сказать... Свобода заходить в города людей, жить там, покупать или строить дома... здорово, кто спорит? Если бы такую же свободу объявить жить на дне моря, строить там дворцы...

Я покачал головой:

— Не понял. Вы что, сами не хотите выходить из пещер?

Он посмотрел на меня чуточку свысока.

— Пещеры — это наше все. Здесь и жилища, и руда всякая, и... безопасность. Наверху, бывало, все вымигало, а мы тут глубоко внизу даже не замечали, что там прокатилась очередная Война Магов. Нет, города нам не нравятся. Мы уже говорили, спорили, наконец нашли мудрый половинный вариант...

Он замолчал, подыскивая слова, а я сказал:

— Обменный пункт на границе с резервацией?.. Пушнина на бусы?.. Сделать полупещеру на выходе, куда будут заходить люди и передавать вам плату за скованные вещи?

Гномы заговорили между собой, а Урант сказал с великим удивлением:

— Ну прям слово в слово...

— Я же стратег, — сказал я скромно, — сам учусь, других учу... Значит, такой вариант, гм... Ладно, пусть пока так. Мне главное сотрудничество, а права человека и гнома дело десятое, чего это я буду о них заботиться, если вы сами меня за глотку не берете?.. Но я не деревенский торговец, меня мелочи не интересуют.

— А что, ваша светлость?

— Рельсы, — сказал я. — Много.

Гномы снова заговорили между собой, Урант в задумчивости поскреб в затылке.

— Это... что?

Я как можно доступнее объяснил, гномы идею ухватили, как ни странно, быстро, потом я понял, что у них в пещерах есть нечто подобное, я бы назвал это узкоколейкой, даже очень узкой узкоколейкой, а таскают на ней, впряженаясь сами, довольно крупные вагонетки, заполненные рудой.

Наконец Урант сказал озадаченно:

— Да-а-а, это надо с Атарком...

Снова мы опускались по открывшемуся ходу глубже и глубже, наконец внизу распахнулся жуткого вида багровый ад, а там в одной из пещер, богато меблированной железом, что весьма впечатляет дизайном, мы и отыскали Атарка с двумя помощниками.

— Дорогой друг, — провозгласил я, хотел обнять, но вовремя понял, что будет неловко с нашей разницей в росте, — мой лучший друг на свете из всех известных мне подземелий!.. Ну как же я рад тебя видеть, ты не представляешь!..

Он оглядел меня с головы до ног из-под нависших кустистых бровей.

— Ага, — сказал он, — рад.

— Точно, — заверил я клятвенно.

— Ради этого и спустился в пещеры!

— Только для этого, — подтвердил я самым искренним голосом. — А все остальное — пустяки, ну там заказы, торговые договора...

Он крякнул и сказал деловито:

— Давай начнем с пустяков, а потом перейдем к главному. Садись вот сюда... или тебе лучше лежа?

— Могу и лежа, — ответил я, — если лежанка позволяет. В общем, если совсем уж коротко, я принес заказ. Уникальный. Ювелирный, можно сказать. Стране нужны рельсы!.. Это государственный заказ стратегического значения.

Атарк чуть приподнял брови, это у эльфов они бы взлетели даже не на лоб, а на макушку, а то и, проскочив, на задницу.

— А что это?

Я начал объяснять терпеливо, особенно напирая на нормы допусков, их нельзя нарушать ни на миллиметр, а то начнутся аварии, упомянул, что понадобится много, очень много, а это весьма повысит занятость гномы-

его населения, повысит достаток и благополучие, а также доходную часть бюджета за счет налогов.

Атарк смотрел и слушал набычившись, лицо каменное, а сейчас и вовсе стало неподвижным, словно не просто камень, а первокамень, начало всех камней.

— Ювелирный, — повторил он, наконец, медленно, — ну да, согласен... Но за ювелирность, как понимаешь, надо доплачивать. Точная работа мастеров ценится высоко.

Я ощутил, что хитрый гном загоняет меня в ловушку, но сам дурак, нечего было брякать про ювелирность.

— Ювелирный, — уточнил я, — в том значении, что раньше ты их не делал, верно?

— Странное определение ювелирности, — прорычал он. — Ну и что ты будешь делать с такими огромными?

— Руду не будем возить, — пообещал я, — так что никакой конкуренции. Главное — заказ на массовое производство для гномьей промышленности, которую уважаем и ценим как промышленность важных стратегических союзников и братского народа.

— Это обойдется дорого, — предупредил он.

— За братскость скидка, — сказал я.

— Никакой, — рыкнул он. — Это деловой разговор! Когда речь о прибыли, какие могут быть братья?

— Тогда за опт, — напомнил я. — И чем больше, тем скидка выше. Я же работаю на благосостояние гномов, это надо учитывать при формировании справедливой цены!

— Для нас справедливой, — уточнил он, — или для вас?

— Для счастья всех людей и гномов, — сказал я дипломатично. — Ведь бывает же всеобщее счастье?.. Это когда мы с тобой довольны и счастливы... остальные... да пошли они все!..

Он подумал, сказал осторожно:

— Хорошо, мы еще обсудим твой заказ, но пока могу заверить, что со всей тщательностью подойдем к решению, чтобы все-таки прийти к соглашению, несмотря на все препятствия.

— Какие? — поинтересовался я с готовностью все разрешить моментально.

Он отмахнулся:

— Да так, всякие. Ты прав, для выполнения такого заказа придется сильно расширить производство, а это добавочные рабочие места, что нам весьма не помешает...

— Теперь решим вопрос о доставке, — сказал я. — Если вы будете привозить рельсы прямо к месту строительства, то цена, естественно, будет эта, хотя это дороговато, но если нам придется отправлять обоз к Торговой Пещере, то цена падает вдвое...

— Вдвое? — возмутился он. — Не больше, чем на десятую стоимости!

— Пока что перевозки очень дороги, — напомнил я, — дороги я еще не наладил, логистику не обсчитал, а цена любой продукции быстро возрастает с каждой ми-лей, сам понимаешь.

Он задумался, сказал медленно:

— А куда нужно доставлять рельсы? Нет-нет, возить не станем, но посмотрим по пещерам, где есть выход на поверхность поблизости. Вообще-то транспортировка там тоже немалого стоит, но... так и быть, пойдем вам навстречу. А что предложишь ты?

— Наше уважение, — сказал я с пафосом, — а оно дорого стоит!

— Уважение тоже берем, — согласился он, — но только в придачу. А как насчет чего-то реального?

— Могу предложить проект кислородного поддува, — сказал я. — Я знаю, как выплавлять высокосорт-

ную сталь в промышленных количествах, но люди это не потянут, ни силы, ни ума не хватит, а вот такие суперпрофессионалы, как гномы...

Он сказал довольно:

— А что люди вообще могут? Вот гномы — да...
Только проекты твои как, реальные?

— Абсолютно, — заверил я. — Вообще-то у меня есть и кроме кислородного поддува разные варианты и рационализаторские предложения. Если хочешь, как-нибудь расскажу...

Он сказал твердо:

— Нет, давай щас! Это же самый интересный разговор на свете!.. Как можно говорить о чем-то еще, как не о работе?

— Ну да, — поддакнул я, — не о бабах же, турнирах или выпивке... Хорошо, давай сперва подведем баланс того, что у нас есть и что знаем. Итак, то, что называем железом, вообще-то, сплав собственно железа с углеродом. Когда его мало, я говорю об углероде, получается мягкое пластичное железо, из которого хорошо делать разве что гвозди. Если углерода больше, то это уже сталь, ее можно закаливать, она становится очень прочной, но зато хрупкой, как сосулька... Если углерода еще больше, то это уже чунгун, плавить его и лить хорошо, но ковать нельзя...

Он слушал внимательно и сосредоточенно, а если и не слыхивал раньше такого слова, как углерод, то улавливал по контексту.

— Основу знаешь, — прорычал он с одобрением. — Много непонятных слов, но в целом верно. Пиши дальше.

Я кивнул:

— Дальше так дальше. Могу и глыбже. Даже великолепные вещи, выкованные гномами, не являются упругими. Проблема наша в том... и ваша тоже, что силь-

нее расплавить железо уже не можем!.. Для этого надо нагреть по полутора тысяч градусов, а вы можете поднять жар только до тысячи трехсот.

Он собрал морщины на лбу, пробурчал:

— Не знаю, о чём ты говоришь, но жара недостает чуть-чуть.

— Именно, — сказал я. — Недостает чуть-чуть, но из-за этого чуть-чуть ни железо, ни сталь сами по себе для изготовления оружия не годятся. Из чистого железа — слишком мягкие, из чистой стали — хрупкие. Чтобы изготовить меч, вы делаете бутерброд из двух пластин железа, между которыми суете стальную пластину. При заточке мягкое железо стачивается и появляется стальная режущая кромка. Такой сварной меч не пружинит и неизбежно ломается или гнется при ударе о чью-нибудь слишком крепкую голову.

Он проворчал с неудовольствием:

— Ну-ну, не так уж и часто...

— Это еще не все, — сказал я безжалостно, — сварные мечи невозможно заточить. Железо заточить можно, но и тупится мягкая режущая кромка мгновенно, сталь же сразу крошится.

Атарк фыркнул:

— Есть настоящий способ! Сталь можно проковывать много раз, всякий раз складывая заготовку вдвое...

— Знаю, — перебил я, — у нас это называлось дамасской сталью, делали деревенские кузнецы, а мастера не снисходили...

Он спросил уязвленно:

— А что делали ваши мастера?

— Освоили передельный процесс, — сообщил я. — К примеру, только из передельной стали смогли изготавливать кривые мечи, так называемые сабли, чего не позволяла сделать сварная технология.

Он заинтересовался:

— Это как?

— Я расскажу сперва о штукофенах, — сказал я, — потом о блауофенах...

Он перебил, в голосе звучала непомерная гордость:

— И то и другое у нас есть. Только в блауофенах чугуна слишком много, а нам нужно железо.

— Тогда, — сказал я с подъемом, — нужно переходить к доменному процессу. Во-первых, производство станет непрерывным: печь будет работать круглосуточно и не остынет. За день выдаст до полутора тонн чугуна... ну, в общем, много. Перегнать чугун в железо в горнах проще, чем выколачивать из крицы, хотя ковка все еще потребуется, но теперь будете выколачивать шлаки из железа, а не железо из шлаков. И, конечно, нужно будет переходить от древесного угля к каменному...

Он насторожился.

— Каменному? Это что же за уголь?

Глава 7

Меня, как драгоценнейшего гостя, что делился секретами древних мастеров высочайшего умения, провожали целым отрядом. Хотели даже на носилках, но я отказался, вдруг да уронят в пропасть, тут трещины на каждом шагу, заявив, что гномы настолько великий и древний народ, что это их должны носить на руках всякие там неполноценные эльфы, тролли и прочие низшие существа.

В конце концов прошли через довольно широкую пещеру, пол идеально ровный, странно черный и покрытый коркой, как бывает с плохой землей после дождя.

Атарк спросил деловито:

— Подошвы крепкие?

— На двойной коже...

— Всего лишь? Тогда надо идти быстро...

Я шел за ним, еще не понимая, почему надо быстро, опасности нет, затем увидел в черной земле огненные дыры. Мимо одной прошли совсем близко, я со страхом увидел расплавленную лаву совсем близко к краям.

Атарк шел для гнома в самом деле быстро, но я мог бы и быстрее, если бы знал куда, а огненные ямы стали попадаться все чаще, воздух разогрелся, наконец я ощутил сильный жар от перегретой земли.

Лава уже не багровая, а оранжевая, как солнце, толщина кромки земли составляет не больше десятка дюймов, я с ужасом наконец-то понял, что под нами расплавленная почти добела лава, а сама земля вроде застывшей корки на ней, просто шлак, что плавает на поверхности, здесь он разве что прикипел к стенам пещеры и не покачивается на волнах...

Я пробормотал:

— Лучше бы я бежал по тонкой льдине...

Атарк не рассыпал, сказал бодро:

— Подошвы еще не горят?.. Ха-ха!

— Ха-ха, — подхихикнул я, — еще как ха-ха... Не знаю, как тебе, но мне припекает не только подошвы! Теперь понимаю, почему у верблюда такие длинные ноги. Да и у страуса...

Впереди из сизой дымки проступила стена, а в ней я рассмотрел аккуратно вырезанный тоннель. К счастью, из него ведут прорезанные в камне желобки, не придется пригибаться, все-таки тележкам с рудой нужен высокий свод...

Я ускорил шаг и обогнал Атарка, стремглав вбежал в этот полутемный ход, а там ухватился за стенку.

Атарк спросил сзади с удивлением:

— Ты чего бегаешь?

— Тороплюсь посмотреть все ваши чудеса, — пояснил я, дыша чаще, чем глубоководная рыба на сковородке, — здесь так здорово, так здорово! Так бы и огномился, чтобы поселиться и жить, как в Швейцарии какой дикой...

Он довольно заулыбался, оглянулся на остальных гномов, что сильно отстали и заглядывают в лунки, словно увидели крупную рыбу или высунувшегося оттуда тюленя.

— Я иду правильно? — спросил я.

Атарк прогудел сзади с одобрением:

— У тебя есть чутье.

— Еще какое, — ответил я обреченно, — только оно какое-то потомье.

— Потомье?

— Ну да, потом просыпается. Когда еще все, ага, поздно.

Он гулко захохотал, гномы шутки понимают, но только не сложные, хотя люди не лучше, особенно простые.

По тоннелю мы шли недолго, он вроде бы заканчивается выходом, как мне показалось сперва, в пещеру, но чем ближе подходили, тем мне становилось тревожнее. Атарк что-то рассказывал, я слушал вполуха, со средоточившись на том, что впереди...

И тут тоннель в самом деле кончился, мы вышли к краю бездны. Это не пещера, как я понял со страхом, а целый мир внизу.

Я ошалело замер, совсем не замечая, что пропасть даже не огорожена, у гномов головы никогда не кружатся, и могут пройти по жердочке, посвистывая, на любой высоте.

В центре исполинской каверны статуя массивного гнома ростом выше любого небоскреба, согнулся в позе Атланта и держит на спине, поддерживая могучими мускулистыми руками, свод пещеры.

Вокруг него обширная площадь, а дальше все пространство застроено домами, некоторые настолько причудливы, что прям отголосок домаговых войн, другие вроде бы все-таки жилища или для проживания, а все остальное, да, производство... или же что-то ритуальное? Могут же у скрытных гномов быть какие-то воровства, искусство или дворцы для развлечения?

Атарк поглядывал на меня с удовольствием, я все не могу оторвать зачарованный взгляд от дикой панорамы, где внизу все выровнено так, что будто напильниками, а потом наждаком, зато стены поднимаются сперва вертикально, затем сходятся к спине гнома в зверских сколах, выступах, и не сразу я сообразил, что так и задумано, это же красиво, хоть и страшновато... Но ведь красота — страшная и даже пугающая сила?

— Бесподобно, — прошептал я, — кто бы мог подумать... да вы всех эльфов насчет красоты и пропорций за пояс заткнете!

Он с удовлетворением погладил бороду, крякнул, сказал басом:

— Где гномы пройдут, что там могут паршивые эльфишки?.. Это вот сердце нашего мира... Нравится?

— Не то слово, — заверил я совершенно искренне. — Я ошарашен, раздавлен, распластан, как эльф под колесом...

Он хохотнул:

— Во-во, как эльф под колесом!.. Ха-ха!..

— Хи-хи, — сказал я подхалимски. — Однако же... если здесь столько народу, то чем кормитесь?.. На лесную дичь вроде бы не охотитесь...

Он ухмыльнулся.

— Самая лучшая еда на свете — грибы! У нас они всякие и даже разные. Домашний скот тоже ими кормим.

Я изумился:

— Домашний скот?

— А ты думал!

Я в изумлении развел руками:

— Даже и представить такое не мог! Да вы просто, просто... гномы!

— Ха-ха, — сказал он довольно, — у нас не только коровы и козы, даже свиньи есть. Но, правда, свинья все ест, но когда кроликов начали разводить, это уже что-то...

— Здорово, — проговорил я ошелепо.

— Почти в каждой семье, — заверил он. — Посмотришь на свиней наших, как они жрут, сам на грибы перейдешь.

— Я уже готов, — сказал я. — Мне так у вас ндравится, так ндравится... Я просто влюблен. Как прекрасен этот мир, посмотри-и-и!

К нам подошли двое важных гномов и церемонно пригласили в Золотой Зал. Атарк посмеивался, а я, переступив порог, не сумел бы скрыть восторга, если бы даже очень постарался.

Золотой Зал — это огромная величественная пещера, вырубленная, как показалось сперва, в огромной массе золота, потом я понял, что столько золота не набрать на всем свете, просто золотом покрыты стены, гномы мастера по части драгоценностей, вот и камни сияют дивным светом, таких крупных рубинов нет ни у одного короля...

Три гигантских стола, мы не успели сесть, как гномы довольно проворно начали таскать на золотых блюдах еду. Я сперва смотрел с подозрением, хоть и улыбался, как дурак, потом с облегчением узнал ломти баранины.

Вдоль дальней стены в полумраке словно бы бежит ручей, что-то мерцает там и переливается, я присмот-

релся и с изумлением увидел крупных красноголовых муравьев песчаного цвета.

У тех, что бегут в пещеру, в жвалах поблескивают золотые песчинки, а у бегущих обратно — в мандибулах пусто, зато брюшки раздуты и вытянуты, хитиновые сегменты расходятся, сквозь тонкую пленку просвечивает что-то мутное...

Атарк проследил за моим взглядом.

— А, комашки...

— Муравьи, — поправил я. — Что это они тащат?

Он пожал плечами:

— Да золото, что ж еще? Есть такие мелкие жилки, что нет смысла туда продалбываться.

— А муравьи выгребают все?

Он кивнул:

— Да, им проще. Но больше ни к чему приучить не удалось. Алмазы или еще что выгрызать не могут, челюсти слабоваты, камень не берут. А золотой песок... он песок и есть.

— Но не даром же?

Он ухмыльнулся.

— Даром только ветер наверху дует, да и то, наверно, что-то за это получает.

— Вы их кормите?

— Подкармливаем, — уточнил он. — Корм они сами себе находят, а у нас только лакомства.

— Мясо?

— Рыбу, — ответил он. — Рыбу обожают!

Я посмотрел с удивлением.

— Что, у вас так много рыбы?

Он довольно заулыбался.

— Когда-то ее просто ловили в подземных реках и озерах, а теперь сами разводим. Так проще. Каждый год вырубливаем по искусенному пруду, заливаем водой... Потом остается только напустить мальков.

— Здорово, — протянул я озадаченно. — Значит, вы сумели разнообразить стол еще как... Даже самым бедным и ленивым, да? А это позволило увеличить популяцию, детей кормить легче, можно их позволить себе больше...

Нам прислуживали молча, хоть и прислушивались к нашим разговорам. После красного мяса подали этих самых подземных рыб, огромных и толстых, мясо нежнейшее, только безглазые, что и понятно, в полной темноте подземных рек и озер зрение ни к чему, зато вот этот нарост на голове явно ультразвуковой сонар или локатор, как у летучих мышей...

— Хорошо живете, — сказал я с подчеркнутой зависимостью. — Эх, почему я не правильный гном...

Он буркнул самодовольно:

— Мы гномы и живем, как гномы. То, что видишь, построено, в основном, тысячи лет тому. Надежно и добротно. У нас нет ни зимы, ни лета, нет ливней, что размывают землю, нет жары и морозов, а у вас там от них лопаются стены... Потому здесь все вырубленное или воздвигнутое стоит тысячи лет.

Я сказал со вздохом:

— Главное, не воюете друг с другом. Так что у вас прогресс только поступательный. Без провалов и откатов в прошлое, как у нас постоянно... Если освоите добычу и употребление каменного угля, вы сможете создать великую державу!

— Нам это неинтересно, — ответил он.

— Сможете наделать самобеглых колясок, — сообщил я. — Сможете сделать паровые насосы, паровые двигатели... Эх, какой мир будет...

— Какой?

— Закачаетесь, — пообещал я.

Он хмыкнул.

— Пусть эльфы качаются, как обезьяны на деревьях

а мы, гномы, на земле стоим крепко. Хорошо, я схему понял, будем пробовать. Хоть мы и сторонники старых технологий и приемов, они надежнее, и новые не очень-то любим, но, чудится, это совсем не новые.

— Ох, не новые, — заверил я. — Очень даже не новые!..

Он расправил плечи и поинтересовался:

— Ну что, перейдем к главному?

— Наливай, — согласился я.

Глава 8

Бобик счастливо унесся проверять новости на кухне, я поднялся в кабинет, сэр Вайтхолд появился ментально, я спросил настороженно:

— Что-то срочное есть?

Он с довольным видом покачал головой:

— Нет, слава Господу. Вы всех так загрузили работой, что все будет сделано заранее.

— Я просто стратег, — пробормотал я. — Вот что, дорогой друг... Наше могущество растет, готовьтесь принять графскую корону и звучный титул... ну, над ним поработаем. Например, граф-marshal или лорд-хранитель малой печати... Может быть, лорд-казначей?

Он в испуге отпрянул:

— Только не казначеем! Я все Турнедо проиграю в кости!

— Тогда граф, — сказал я, — а также лорд-хранитель малой печати. Когда вернусь, мы это обстряпаем торжественно и мило.

Он насторожился, спросил строго:

— Вы куда-то собираетесь?

— В раздумья, — ответил я значительно. — Когда я ухожу в раздумья очень глубоко, я вообще исчезаю для видимого мира. Я нахожусь в мире чистых идей и бесе-

дую с Платоном. Так что в эти дни не перекормите Бобика, а то у него от огорчения повышается аппетит, Зайчик в уходе не нуждается, но если забыть покормить, ясли сожрет, а то и опорный столб в конюшне.

Сэр Вайтхолл с упреком покачал головой:

— Ох, ваша светлость...

— Что, — сказал я сварливо, — уж и по бабам нельзя? Хотя бы в глубоких мудрых раздумьях?

Он вздохнул.

— Если бы по бабам! А так такое нараздумываете...

— Да ладно, — сказал я, — можете потанцевать на столе, пока меня нет, но только чтоб вся работа была сделана!.. А также маковые зерна в мешках сосчитать, камни в стенах, капли воды в ручье...

Он вздохнул.

— Ваша светлость, есть еще мелочи, но хотя это неважное, но раздражающее... Есть жалобы от ряда хозяйств, расположенных вблизи обширного леса. Представляете, оттуда выходят могучие тролли и нападают не только на скот, но и на людей...

— Гм, — сказал я, — сэр Вайтхолл, это в самом деле мелочь, но я обещаю лично ею заняться, как только вернусь.

Я проводил его, дружески похлопывая по спине, у самого немножко на душе гадостно, как бывает, если хватаетесь за первое же попавшееся решение, а оно потом аукивается, да еще так аукивается... В свое время ликовал, что так умело спихнул троллей с земель Армландии в Турнедо, но теперь это моя проблема. Как говорится, не рой другому яму, а если уж вырыл, то лучше используй ее как окоп...

Я перевел дыхание, собрался и погнал себя на центр круга на ковре, но внезапный страх пронзил, как сотнями стрел. Сердце уже начинает стучать чаще, а я всего лишь посмотрел на пятилучевую звезду под ногами.

Может быть, лучше выйти за город, перекинуться в птеродактиля и ножками-ножками, в смысле — крылышками, быстренько доптеродактилизить до Геннегау?

Или это во мне говорит страх непонятной техники? Превратиться во что-то летающее — это наше исконно посконное, родное, мы и так все немножко рептилии, а то и вообще гады...

Я задержал дыхание и потверже встал в центр звезды. Теперь осталось только дать команду, но язык прилип к горлани, страшно, как корове при входе на бойню.

— Ладно, — прохрипел я, — пуск...

Холод сковал всего и выморозил внутренности, затем вся ледяная сосулька разлетелась на сотни осколков, что упали на раскаленную жаровню...

Я пошатнулся, перед глазами закачались стены моего кабинета в королевском дворце Геннегау, ну и жуть эти перемещения через пространство, точно монахи сами что-то не так соединили, вряд ли до Войны Магов так перемещались...

Воздух теплый, напоенный южными запахами сильно пахнущих цветов, далекого моря, за окнами яркий свет, просто глаза режет после мрачного дня под низким небом, закрытым плотными тучами.

Я прошелся по кабинету, сердце еще колотится, но я уже в норме, только глаза дикие, но это, может быть, только в зеркале, а я не такой, я уже бодр и собран...

За дверью тихо, я приоткрыл, двое королевских гвардейцев стоят в свободно-напряженных позах по обе стороны двери, еще двое слуг в ярких одеждах с неподвижными лицами напротив.

Я сказал ясно:

— Сэра Жерара ко мне!

Не глядя на их реакцию, вернулся к столу, но садиться не стал, прошелся, по очереди выглядывая во все три окна.

В комнату льется не просто теплый, а жаркий воздух, от которого уже успел отвыкнуть, по залитому золотыми лучами изумрудно-зеленому саду прогуливаются придворные в красных одеждах, желтых, оранжевых, синих, никаких полутонах, на юге все одеваются ярко...

За спиной хлопнула дверь, я услышал быстрые шаги, что моментально оборвались, я даже услышал придушенный вопль.

Сэр Жерар смотрит выпученными глазами, а я хлопнул себя по лбу и сказал буднично:

— Так о чём мы говорили? Ах да, про отречение Кейдана... Как продвигается дело?

Он судорожно перевел дыхание, но я строг и деловит, и он торопливо переполз в состояние делового работника, а уже оттуда смиренно развел руками:

— Увы, ваша светлость...

— Это как понимать?

Он сказал торопливо:

— Кейдану стало известно, что вы хотите заручиться поддержкой местных лордов, дабы заполучить корону, но известно и то, что появился еще один претендент... я говорю о герцоге Готфриде, суверене Брабанта. Народ весьма его поддерживает за его роль в спасении королевства от орд варваров, когда он вышел из Брабанта и ударил им в спину, а затем разгромил в ряде битв и сражений...

— Гм, — проговорил я задумчиво.

Он сказал испуганно:

— Простите, ваша светлость, но именно так говорят! Я весьма возмущен, что забывают о нашей великой роли, ведь вы тогда велели всем идти под знаменами герцога Готфрида только потому, чтобы нас не считали захватчиками...

Я сказал успокаивающее:

— Дорогой сэр Жерар, все путем. Надеюсь, когда

там много желающих видеть герцога Готфрида на троне, он перестанет кочевряться. Но что с Кейданом?

Он тяжело вздохнул.

— От Его Величества пришло сообщение, что он не намерен поддаваться вашему шантажу и непомерным требованиям. А от короны откажется лишь в случае, если лорды в самом деле предпочтут не его.

— Прекрасно, — сказал я с чувством.

— Ваша светлость, — воскликнул он в испуге, — но лорды ему верны!.. Не все, конечно, но все-таки весьма многие! Как можно допускать прямые выборы короля?

Я сказал четко:

— Сэр Жерар, важно не то, как проголосуют, а как подсчитывают. А считать будем мы, не так ли?.. Но это крайний случай, демонстрирующий нашу твердую решимость быть и свиньями, если понадобится, это необходимая черта высококлассного политика и безупречного отца народа. А так мы должны все подготовить правильно, чтобы большинство голосов были на единственной стороне, что верная и справедливая.

Он уточнил с сомнением:

— Это на какой?

Я взглянул отечески строго.

— Сэр Жерар, у нас подземная тюрьма еще не закрылась на ремонт?

Он сказал просветленно:

— Ах да, на вашей! Ну конечно, на вашей!

— Сразу все понимаете, — сказал я одобрительно. — Надо еще одну построить. И повыше, чтоб издали было видно. Из любого дома и любого окна. Какие-нибудь срочные дела есть?

Он вздохнул.

— Ваша светлость, мы не только срочные, но и сверхсрочные решаем, раз уж вы все перекинули на хилые плечи ваших подчиненных. Но есть и такие, кото-

рые мы просто не решаемся трогать... Даже притрагиваться.

— Ну-ну?

— Вчера прибыл отец Удодерий.

Я порылся в памяти, сказал с удовольствием:

— А это тот, что строит железную дорогу?.. Аббат монастыря цистерцианцев? Давайте его сюда.

— Придется подождать, ваша светлость...

— Что случилось? — спросил я строго. — Уж не в тюрьме ли он?

Он испуганно замахал руками:

— Ну что вы, ваша светлость, мысли у вас сразу какие-то не совсем такие!

— Это как понимать, я дурак?

Он сказал с тяжелым вздохом:

— Ваша светлость, мы же понимаем, как для вас почему-то важно построить эту, как вы говорите, железную дорогу... Кто фавориток заводит десятками, кто петушиными боями увлекается, а у вас вот железная дорога...

— Что, — спросил я с интересом, — осуждаете?

Он смиренно потупился.

— Да многим кажется, что фаворитки обходились бы дешевле. Тем более, петушиные бои...

— Ну да, — возразил я, — хороший боевой петух дороже самой красивой женщины!

— Ну, — сказал он дипломатически, — я бы поставил их по стоимости рядом...

— А по затратам времени?

Он вздохнул.

— В этом да, петухи дешевле. Но фаворитки все-таки привычнее.

— Я непривычный король, — ответил я гордо, — во-первых, без короны, во-вторых... Ах да, я же строю Царство Небесное на земле! Какие тут фаворитки... Сам еще та фаворитка! Так где отец Удодерий?

— Его поселили в дальнем домике на самом краю дворцового комплекса...

— С какой-то целью?

— Вообще-то да...

— Что случилось?

— Да он начал было метать громы и молнии на женщины с открытыми плечами.

— Наш человек, — одобрил я. — Женщины с открытыми, а то и вовсе голыми плечами отвлекают не только от возвышенных философских мыслей, это хрен с ними, не жалко, но и от решения научно-технических проблем, а это преступно и должно быть наказуемо. Давайте, я готов к приему.

— Сейчас будет у вас!

— Поторопитесь, — велел я. — И не приведите, а то знаю я вас, а пригласите вежливо, он же духовная осoba, хоть и священник. Скажите, лорд готов принять. Он сам примчится быстрее, чем если бы вы его тащили в оковах.

Глава 9

Вообще-то для любознательных цистерианцев всякие колейные дороги совсем не новость. Они существовали в Древнем Египте, Греции и Риме, то есть по выложенной камнем дороге идут две параллельные глубокие борозды, а по ним катятся повозки. Знают и то, что издавна в рудниках существовали дороги из деревянных рельсов, по которым катят деревянные вагоны.

А можно еще вспомнить древнегреческий диолк — каменная дорога-воловок для перевозки кораблей через Коринфский перешеек! Направляющими служили глубокие желоба, туда помещали полозья, смазанные жиром.

Еще в те времена, когда Европа была завоевана

римлянами, на ее шахтах использовались деревянные рельсовые пути и вагонетки. В некоторых регионах Англии деревянные рельсовые дороги для вагонеток были известны во время правления королевы Елизаветы I, к которой сватался русский царь Иван Грозный, это времена пирата Дрейка, затем получили широкое распространение в горнодобывающих районах, а потом их постепенно вытеснили железные рельсовые дороги.

И хотя паровоза у Ивана Грозного не было, но железные дороги уже были, так как быстро изнашивавшиеся деревянные рудничные дороги заменяли, где удавалось, металлическими. Вначале они состояли из чугунных плит с желобами для колес, что было непрактично и дорого, но все-таки это была уже настоящая железная дорога, ибо с переходом на чугунные рельсы стали делать и колеса у телег чугунными.

Хотя да, для передвижения вагонеток по рельсам по-прежнему использовалась мускульная сила человека или лошади, но я-то знаю, что однажды Джеймс Уатт смотрел в задумчивости на прыгающую крышку вскипевшего чайника и мучительно думал, как обуздать и приспособить эту силу...

У меня преимущество, я знаю, что он придумал, и, главное, вижу, что все это можно сделать уже сейчас. И пусть это будет пока скорее самовар на тележке, но все же, все же... с чего-то да надо начинать?

Отец Удодерий в самом деле не пришел, а примчался, словно и он птеродактиль сизокрылый и стрижеобразный, раскрасневшийся и запыхавшийся, явно уже весьма торопили, пугая, что майордом грозен и гневен, однако сразу заулыбался, переступив порог, потому что я смотрю с нежностью, как молодой отец на дитя, строящего железную дорогу посреди гостиной.

Он поклонился.

— Ваша светлость...

— Отец Удодерий, — сказал я с жадностью, — ну как? Раз уж вы прибыли в Геннегау лично, то есть какие-то прорывы?

Он покачал головой, в глазах гордость и даже гордыня, но такая, что и Господь не вдарит.

— Прорывов нет, — ответил он с достоинством, — но есть хорошая работа. А прибыл я потому, что...

— Ну-ну?

Он сказал с гордостью:

— Через неделю железную дорогу дотянем до Геннегау! Что прикажете делать дальше?

— Вокзал, — ответил я. Поймав его недоумевающий взгляд, пояснил: — Прежде всего, удобное место, перрон для посадки. Для засадки... В смысле, для залезания в вагоны и на платформы. Чтобы и те, у кого задница тяжелая, не лезли, как на дерево, а просто делали шаг... Я нарисую, как это выглядит. А также большую-большую крышу для тех, кому надо ехать.

Он спросил с замиранием сердца:

— Большую... это потому, что много людей будет ездить?

— Да, — согласился я. — А также ждать. Вдруг дождь?

— Ждать?

— Ну да, — ответил я, — поезд будет ходить строго по расписанию. Ждать никого не будут. Кто опоздал, тот сам дурак. Потому умные будут приходить заранее. Кстати, нужно организовать там продажу пирожков и чего-нить...

— Вина?

— Лучше без него, — сказал я, — от пьяных на дороге всегда проблемы. Но... в общем, главное — накор-

мить. Когда дотянете дорогу до Геннегау, продолжайте ее дальше.

Он спросил жадно:

— Дальше... это куда?

— До самого Тараксона, — ответил я, — а оттуда — в порт.

Он торопливо перекрестился.

— Господи, как же мне это все нравится.

— Я рассчитываю, — объяснил я, — мы сможем груз из больших океанских кораблей сразу в вагоны или на платформы. Ну, приладимся как-то. Придумаем! А потом гнать ускоренным темпом в северные земли... Представляете, живую океанскую рыбу начнут продавать в королевствах, где о море вообще не слыхали!

Он прошептал потрясенно:

— Господи, что за жизнь будет...

— Не соскучимся, — пообещал я.

— Ваша светлость, а потом? Я не верю, что вы на этом остановитесь... Ведь правда?

Я сказал, приглушив голос:

— Разумеется-разумеется. Я недавно разместил большой оборонный заказ стратегического значения, я имею в виду выпуск рельс, а это значит, что работу можно будет еще больше ускорить.

Он воскликнул жарко:

— Ваша светлость!

— Вы поняли правильно, — ответил я. — Конечно, теперь ветку потянем в другую от Большого Хребта сторону. На север!

Он перекрестился, глаза заблестели огнем истинной веры.

— Что за жизнь, — повторил он мечтательно, — будет...

— Во славу Господа, — сказал я строго.

— Во славу Господа, — повторил он послушно и перекрестился, — и нашей святой церкви.

— На севере, — напомнил я, — самые истинные рыцари-христиане. Там же и орден паладинов. Там Храм Истины... Там наша вера особенно сильна, и я хочу, чтобы те чистые и отважные рыцари могли сесть на платформы... надо сделать их крытыми и с печками... и прибыть в Тараксон, где в гавани их будет ждать огромный и могучий флот! Ну, вы дальше все понимаете.

Он проговорил шепотом:

— Неужели... натиск... на Юг?

Я кивнул и ответил, тоже понизив голос:

— А для чего вся эта грандиозная стройка? Слово Божье должно быть услышано всеми. И тогда прекратятся войны. А мы начнем ударными темпами строить Царство Небесное здесь, на земле, которую наконец-то перестанут называть грешной.

Он перекрестился, сказал потрясенно:

— А меня братья все спрашивают, почему вы не рветесь к трону, почему вас не прельщает корона короля... Теперь я понял!

Я выпроводил его, ласково похлопывая по спине, понял он, видите ли. Тут сам себя не пойму, конституцию ли вводить или осетрины с хреном поесть, а он, санта санпликастас, понял.

После ухода аббата я вызвал сэра Жерара и долго вводил в курс дела, объясняя ситуацию в Турнедо и даже в Варт Генце. Он слушал очень внимательно и с не-проницаемым лицом, только пару раз взглянул с некоторым недоумением.

Я разложил на весь стол карту и намечал, откуда и по каким дорогам в Сен-Мари придут наспех собранные отряды новобранцев. Все они не минуют Тоннель

под Большим Хребтом, их следует встречать сразу после выхода.

— Кстати, — сказал я деловым тоном, — сейчас из Турнедо и Варт Генца через Тоннель идут вооруженные отряды в сторону Гандерсгейма. Составьте графу Ришару предписание немедленно распределить их в уже существующие войска. Так, чтобы в каждой сотне было не больше десяти вартгенцев.

Он пробормотал озадаченно:

— Господи, еще и вартгенцы какие-то... Ваша светлость, вы же клялись только что, буквально лбом о побились... или о стены, не помню такие хорошие подробности, что отныне ни пяди чужой земли! А то, мол, и эту не знаете кому отдать!

Я вздохнул, вспоминая, каким дураком был вчера, а какой зато умный сегодня, ответил с присущей моему государственному уму величавостью:

— Не удержал бы, да. Не всегда же от победы к победе... Но Варт Генц это цемент... ну ладно, клей, которым скреплю все эти земли!

Он вскинул брови:

— Как?

Я спросил таинственно:

— А вы на чью разведку работаете?

Он буркнул:

— Понял. Умолкаю. Кстати, глава имперской разведки снова мелькнула в зоне видимости.

— Как мелькнула?

— Так, чтобы ее заметили.

— Бабетта здесь? — удивился я. — Ну, значит, что-то будет... Она у нас, как хвостатая звезда, всегда что-то приносит. В общем, готовьтесь к наплыву большого количества новобранцев, из которых будем выстругивать настоящих бойцов. Срочно постройте лагерь, бараки для жилья, площадки для обучения.

Он загибал пальцы, бурча:

— Разбить временный лагерь, завезти туда побольше шатров и палаток.

— Лучше бараки, — повторил я. — Одни уйдут, другие придут. Бараки стройте попросторнее.

— Как долго они там пробудут? — осведомился он.

— Это зависит от многоного, — ответил я. — На этот раз придут не закаленные армии, которые привели стальграф Филипп Мансфельд и рейнграф Чарльз Мандершайд, а простые и сопливые, но крепкие. С одной стороны, нам предстоит их одевать и вооружать, что на кладно, с другой стороны, гораздо легче, ссылаясь на то, что так принято, всех их перемешивать...

— В смысле?

— Я руководствуюсь великой идеей Господа Бога, — сказал я и размашисто перекрестился. — Все люди равны, как-нибудь слыхали про такую смешную идею? Для Господа нет разницы между благородным армландцем и гребаным турнедцем или злобным вартгенцем! Даже забывшие Господа Нашего безбожные сен-маринцы...

— Которых мы наставили на путь истинный мечами и кострами, — поправил сэр Жерар, чуточку охладив мой ораторский пыл.

— Ну да, — согласился я, — о том и говорю, что перед Господом все равны.

— Так то перед Господом...

— А разве мы не строим правовое и демократическое Царство Небесное на земле, — сказал я с пафосом, — где все будет по заветам Господа?.. Мы даже женщин будем считать людьми и тоже заставим работать, а в отдельно взятых королевствах даже пошлем воевать!

Он вздрогнул, побледнел, торопливо перекрестился. Я подумал с жалостью, что все люди вообще-то по-

баиваются неизвестного будущего и в мечтах своих предпочитают уютное и понятное прошлое, и сэр Жерар, возможно, перед сном сладко представляет себя в звериной шкуре и с дубиной в руках как охотника на мамонтов...

— Мы лишь исполняем заветы Господа, — подчеркнул я твердо, — и кто посмеет спорить с самим Творцом? И чтобы никто по своей дикости не заносился, мы всех перемешаем, как сделал Господь на завершающем этапе строительства вавилонской башни. В каждом отряде должно быть примерно равное число армландцев, сен-маринцев, турнедцев, фоссановцев и прочих добровольцев ограниченного контингента тоже распределить пропорционально... Таким образом, поддержим идею Господа нашего о всеобщем равенстве народов.

— Равенство простых воинов, — уточнил сэр Жерар, — но это не может относиться к их лордам!

— Разумеется, — согласился я, — но, что важно, военачальник будет отдавать приказ просто солдатам, а не своим армландцам или турнедцам. Это Господу понравится.

— Уверены?

— Да мы же Его План выполняем! Мы на Него работаем.

Он осведомился озабоченно:

— А Он об этом знает? А то вдруг не так поймет...

— Господь все понимает, — заверил я. — Только у него и своих дел полно, не до того, чтобы за каждой букашкой тут смотреть и направлять ее на путь истинный, когда она упорно в грязь лезет... Потому мы должны работать так, как будто Бога и вовсе нет, хотя вообще-то он есть, но просто занят...

Он смотрел озабоченно, а у меня по спине пробежала холодная ящерица с противными липкими лапами.

ми геккона, сразу вспомнилось, что Сатана тоже за демократизацию, перестройку и обновление.

— Хорошо, — сказал он, — только, ваша светлость...

— Ну-ну, решайтесь, дорогой друг!

Он спросил с напряженным вниманием:

— Ваша светлость, мне абсолютно непонятны некоторые ваши сложные маневры...

— Сэр Жерар?

Он сказал:

— По вашим словам, вы приняли вместо короны Варт Генца всего лишь малозначащий титул гранда...

Я уточнил:

— Который, однако, дает мне абсолютную власть над королевством, не забывайте!

Он кивнул:

— Да-да, помню. Но гранд — это всего лишь чуть-чуть выше множества местных герцогов, графов и прочих лордов. Понимаю, вам и этого достаточно, лишь бы вожжи были в ваших руках. Понимаю-понимаю... Но, хоть убейте, а что за игра и как все это аукнется через год, когда закончится вами же и установленный срок вашего правления?

Я сказал весело:

— Год — это для вас один миг, а для меня это та-а-а-акой огромный срок... За это время, как говорил один мудрец, либо ишак помрет, либо король...

— То есть?

Я покачал головой и сказал уже серьезно:

— Нет-нет, это шутка. На самом деле я ничего не оставляю на волю случая. Конечно же, у меня есть план.

— Ваша светлость?

Он смотрел с надеждой в лицо, но я покачал головой:

— Пока о нем говорить рано. Слишком уж точный

должен быть расчет, а тут уйма посторонних факторов... Нужно пройти по лезвию ножа над пропастью, проскользнуть между Сциллой и Харибдой, Симплегадскими скалами, что, по-нашему, просто гадскими, не разбудить спящую принцессу, украдь коня у кентавра и спороть подошвы у королевского стражника... Потому пока просто выполняйте распоряжения как можно более точно. От этого зависит, да. И конкретно тоже. Весьма. А королевская корона, скажу по секрету, вовсе не отяготит моего благородного и ох какого мудрого чела. В смысле, не надену, говоря доступно.

Он ушел, как я заметил, вздыхая с облегчением. Не знаю, что понял, но уже то, что не уйду куда-то на сторону королем, успокаивает его тревожную душу.

Глава 10

Конечно же, в честь возвращения лорда во дворец сенешаль и прочие распорядители тут же устроили пир и танцы. Вообще Господь явно творил человека и посмеивался, если мы одинаковой пьянкой отмечаем дни рождений, свадьбы, похороны, проводы в армию и возвращение оттуда, разводы и рождения детей...

Местный бард, перебирая ловко струны, но в то же время как бы с благородной ленцой, красиво и прочувственно поет о воинских подвигах, жарких схватках, звоне мечей и грохоте боевых топоров по щитам с гордыми рыцарскими гербами...

Я заслушался, молодец, чувствуется профессионал, умеет подбирать емкие и выпуклые слова, что щипают за душу так же, как он за струны.

Он заметил, что я остановился у колонны и тоже слушаю, не подал виду, но явно стараться начал больше. Публика, в основном женщины, внимают с некоторым вялым интересом, явно ждут, когда же начнется

за любофф, однако мужчины покрикивают довольно, улыбаются и горделиво подкручивают усы у кого уже есть, кто-то притопывает, полагая, что попадает в такт.

Я кивком подозывал его, не мне же подходить, он хоть и человек искусства, зато власть — я, он подбежал и суетливо поклонился.

— Слушай сюда, — сказал я державно. — Песнь хороша, но нужно усилить некоторое моменты. Вот у тебя там герой погибает просто так, а лучше сделать эпизод, как он красиво закрывает своим телом сюзерена от вражеской стрелы или копья...

— Вас?

Я отмахнулся:

— Да хоть и меня, тут важна смысловая нагрузка. Отдать жизнь, спасая лидера, — это крайне важно.

Он кивнул:

— Понимаю-понимаю.

Я нахмурился.

— Ничего ты не понимаешь. Отдать жизнь за важдя — это цель, это счастье, это достижение! Такое нужно культивировать, ввести в школьные программы, сделать элементом воспитания патриотически настроенной молодежи. Если сумеешь это сделать, обещаю всестороннюю поддержку со стороны государства. А чтобы это не было слишком явно, а то приятели по литературному цеху сочтут предателем, сделаем это неявно.

Он пробормотал:

— Как?

— Специально созданные, — пояснил я, — неправительственными организациями общества наградят тебя высшими литературными венками, назовут гением всех времен и народов, а я приму тебя в колонном зале дворца и вручу какой-нибудь пряник. Награду, в смысле. Это сделает тебя недосягаемым для критики

всяких мелких завистников, а они все завистники, сам знаешь, и все мелкие, тебе не ровня...

Он заколебался, наконец спросил с надеждой:

— А каков размер пряника?

Я похлопал его по плечу:

— Договоримся. А пока иди выступай для народа!

Вечером на город обрушился ливень, но такой короткий, что быстро образовавшиеся лужи моментально исчезли на разогретой земле, тучи растворились, как туман, небо страшно и красиво засияло умытыми звездами.

Я поднялся на крышу, осмотрелся, часовых нет, ближайшие на башнях, присел, представляя, как вот сейчас мощно отпихнусь задними лапами и пойду вверх быстро-быстро, пока не обратили внимание. Сейчас, когда для массы тела совсем не требуется захватывать камни или почву, трансформация идет влет, сам еле успеваю заметить...

Крылья просто трещат, когда вот так загребаешь, ввинчиваясь почти вертикально, но боль приятная, как после интенсивной тренировки, вроде бы наконец-то отыскал баланс между размахом крыльев и крепостью сухожилий.

Кажется, никто не заметил мелькнувшее на фоне звезд темное тельце, я перевел дыхание и перешел в стремительный полет по горизонтали. Лететь долго, а я терпеть не могу однообразную и нетворческую работу, сразу начал усиленно представлять, что мои сухожилия становятся крепче... еще крепче, ну, из-за добавки кремния, к примеру, пленка тоньше и прочнее, а мой клюв ну просто бессемеровская сталь...

Мне даже показалось, что получается что-то, не случайно же то крылья почти отказывают, то вдруг

сердце начинает стучать с перебоями, то дикий жар охватывает всего так, что чешуя раскаляется...

Далеко внизу блеснула серебристая поверхность, словно подрагивает живое серебро, так мы в детстве называли ртуть, но здесь это просто кромка моря под призрачным светом луны, отблеск ее серебристости на волнах.

Я начал спускаться, узнавая знакомые места, и когда вдали выросли знакомые башни Тараксона, я шел чуть ли не на бреющем полете, выбирая место на морском берегу, чтобы приптеродактилиться поближе и поудобнее.

Перед восходом солнца, когда ушла луна, вода превратилась в густое тяжелое масло. Волны накатывают на берег тяжело, через силу, назад вернуться уже нет сил, и остаются там, медленно продавливаясь сквозь крупнозернистый песок...

Но выглянуло солнце, и мир ожил, начиная с зарумянившихся облаков, синего неба, что было только что мрачно-лиловым, даже волны побежали быстрее, на ходу превращаясь в бодряще-зеленоватую воду, почти прозрачную, с гребешками пены, что остается у меня под ногами на берегу.

Я шел неторопливо, из-за далекой насыпи высунулись и начали подниматься верхушки мачт, сердце мое застучало радостнее, я невольно ускорил шаг.

Это место по привычке называю гаванью, хотя на самом деле это бухта, а гаваней здесь теперь несколько, так как, строго говоря, гавань это та часть бухты, что примыкает к причалу, где принимают корабли, загружают, разгружают и делают мелкий ремонт.

Теперь здесь, когда я развернул масштабные работы, уже три гавани и два огромных дока, в каждом бе-

леют скелеты кораблей, на которые осталось только нарастить мясо, а затем обтянуть кожей.

Я взбежал бодро на каменистую насыпь, отсюда распахнулось такое, что дыхание сперло в груди: сотни новеньких домов и бараков, тысячи человеческих фигурок, как муравьи, тащат бревна, грузят, обтесывают, прилаживают к скелетам кораблей, а на телегах уже подвозят паруса, поспешили торговцы, ну да ладно, вместительные склады построены загодя, потом проще взять на месте...

Издалека донеслись охи и ахи, работники останавливались, указывали на меня пальцами, наконец-то узнавая меня и без Зайчика и Бобика, вот она, слава, настоящая, моя...

Впрочем, я здесь бывал много раз, а такого запомнить нетрудно. Я улыбался и махал рукой, наконец ко мне подбежал один из мелких управляющих, судя по его гильдиевому значку.

— Ваша светлость, — спросил он испуганно и согнулся в поклоне, — что изволите?

Я спросил отрывисто:

— Кто здесь главный корабельный мастер?

— Господин Крис Астон, — отрапортовал он и добавил неуклюже, — ваша светлость.

— Отышешь, — велел я, — скажешь, чтоб к вечеру подготовил все чертежи кораблей и явился ко мне, как Сивка-Бурка!.. А мне к тому времени отыщите чистое помещение для работы.

Он поклонился, трепеща всем телом.

— Все сделаем, ваша светлость! А сейчас вы...

— Посещу башни, — сказал я отрывисто, — к отцу Стоундерию есть вопросы. А вы пока работайте, работайте! Я не праздновать пришел, понятно?

Он умчался испуганный, я пошел по насыпи, держа взглядом исполинскую башню. После нападения пира-

тов ее заново отстроили и расширили, площадка наверху благодаря вынесенным в стороны опорам выглядит вообще как плоская шляпка гигантского гриба...

Внизу распахнулась узкая дверца, выбежал монах и, сложив руки у груди, поклонился.

— Ваша светлость...

— Здравствуй, брат, — сказал я. — Что-то дверь узковата. Как через нее катапульты затащивали?

— Часть стены пришлось разобрать, — ответил он смиренно, — потом все вернули на место. А еще там железные решетки...

— Зачем?

— Если будет нападение, — объяснил он, — на этот раз наверх никто не прорвется. А мы там останемся до конца.

— И не надейтесь, — сказал я сварливо. — Ишь, в мученики намылились!..

Он скромно и горделиво улыбнулся.

— Все в руке Господа, ваша светлость.

— Нет, — возразил я, — это он передал полностью в наши лапы!.. Во-первых, мы тут же отобьем башни взад, а во-вторых... откуда взяли, что им вообще позволим высадиться?

Он придержал дверь, я поднялся по винтовой лестнице наверх, а там ахнул при виде трех огромных катапульт, все нацелены на вход в бухту.

Троє монахов, что укладывали кувшины с горючей смесью в пирамидки, повернулись в нашу сторону и неспешно поклонились.

— Какая мощь! — вырвалась у меня.

Мой провожатый проследил за моим взглядом, я прямо ощупываю и поглаживаю им могучие катапульты, в ложке каждый уже по десятку кувшинчиков, это же с одного выстрела накроет вход в горлышке бухты, все сгорит в пепел...

— Вашими усилиями, — сказал он смиленно, — ваша светлость. Даже горючую смесь это вы привезли с дальних островов!

Старший из монахов проговорил со сдержанным восторгом:

— Мы только-только поняли ее состав и наловчились делать сами.

— Ни один не прорвется, — сказал другой. — Теперь точно не прорвутся. Даже жаль, что такие башни поставлены зря...

— Почему зря? — возразил я.

Он грустно вздохнул.

— Наш брат Меанис разработал проект, как протянуть цепь, чтобы ни один корабль не прошел. И в самом деле не пройдет, система воротов позволит опускать цепь, чтобы проходили наши корабли, и поднимать ее на ночь...

— Хорошая идея, — согласился я. — Встречался с нею, встречался. Но можно комбинировать системы защиты... Пропустить столько кораблей, сколько можно легко уничтожить, поднять цепь перед остальными... Больше защиты, больше возможностей!.. Ладно, здесь все отлично, теперь топаем дальше, бухта прям расширилась с тех времен, как мне ее... гм... я ее купил.

Мой провожатый сказал торопливо:

— Я замещаю отца Стоундерия, проводить вас, ваша светлость? Я все здесь знаю, могу давать пояснения по ходу дела.

Я кивнул:

— Хорошо. Если отец Стоундерий тебя взял в помощники, значит, ты стоишь много, а знаешь еще больше.

— Вы переоцениваете меня, ваша светлость, — сказал он скромно, но от счастья даже кончики ушей

вспыхнули, как у расшалившейся Изэль, — я всего лишь скромный вечный ученик...

— Быть вечным учеником плохо, — сказал я сварливо. — Иначе какой с тебя толк? Нужно и других когда-то учить... Тебя как зовут, братишка?

— Меанис, ваша светлость, — ответил он смиренно, — только, ваша светлость...

— Что?

— Вы великий лорд, я скромный монах, а вы так ко мне...

— Мы братья, — возразил я, — духовные братья во Христе. Только ты младший брат! Понял, морда?.. Это ты придумал цепью перегородить?

— Я, ваша милость...

— Умно, — сказал я безапелляционно. — Покажешь чертеж и расчеты. А сейчас пойдем смотреть корабли...

Мы начали спускаться к воде, от одного из кораблей как раз идет лодка, я прикинул, что на ней удобно побывать на выстроенном корабле, что хоть и без команды, но все-таки сам корабль есть!.. Лодка с разгону въехала на песок, оттуда выскочил человек в доспехах, но без шлема, и лихо преклонил передо мной колено.

— Ваша светлость...

Я всмотрелся в широкое лицо с ужасающим шрамом через бровь и скулу, глаза круглые, как у хищной птицы, смотрят в упор весело, ноздри приплюснутого носа, много раз перебитого, подрагивают, словно от сдерживаемого смеха.

Роскошные с проседью волосы на этот раз коротко подстрижены, из-за чего сэр Торкилстон выглядит моложе и подтянутее.

Я поднял его, обнял, похлопал по спине.

— Что оседлая жизнь с человеком делает, — сказал я с чувством. — Амалия у тебя просто чудо!.. Ты помоложел, совсем хоть снова в армию!

Он засмеялся.

— Только прикажите!

— Нет уж, — возразил я. — Отечеству каждый должен послужить, а то нехорошо, когда одниолжизни отдают, а другие этиолжизни в постели проводят. Как Амалия, как дети?

— Будут счастливы видеть вас, — ответил он пылко. — Сэр Ричард, умоляю!.. Это для них на всю жизнь радость...

Я подумал, оглянулся на брата Меаниса. Тот сложил руки на груди и с умильной улыбкой наблюдал встречу двух старых друзей, что радуются искренне, а это угодно Господу.

— Возвращайся, — сказал я ему. — Я навещу старого друга, а обратно меня приведет он.

Он чуть помрачнел, но поклонился смиленно и ответил тихо:

— Как будет угодно вашей светлости... Если понадоблюсь, только позовите!

Мы с Торкилстоном отправились в город, рассказывать он начал по дороге, мне даже не приходилось расспрашивать, сразу понимает, что именно хочет узнатъ о великой стройке верховный лорд, и не рассказывал, а докладывал, словно именно его я оставил здесь ответственным, и он теперь отчитывается за каждый гвоздь и за каждого дурака, уронившего топор на ногу.

Я слушал и молча себя похваливал, эти люди достаточно просты, бесхитростны, я могу читать в их душах сравнительно легко, и потому обычно выбираю достаточно точно, на кого опереться, кого на какую должность определить и с кого что требовать можно, а что не стоит и пытаться.

Он охнул вдруг, прошептал:

— Русалка...

— Где? — обернулся я.

— Да вон же... Она в последнее время там часто появляется...

В полосе прибоя на круглом камне в самом деле сидит миниатюрная женщина, волосы распущены, перевязаны голубой лентой, хорошо видны уже обцелованные солнцем плечи и небольшая грудь, но что там с ногами — не видно, хотя когда волна отхлынула, да, вроде бы рыбий хвост...

— А раньше не было? — спросил я.

— Нет, — прошептал он, хотя русалка от нас за пару сот ярдов. — То ли войну предвещает, то ли про вас услышала...

— Слюньте, сэр Торкилстон, — сказал я сердито. — Мне только рыбного не хватало! И так что обо мне только не думают, а я ж почти овечка.

— А чего ж она вдруг?

— Да просто дура, — пояснил я авторитетно. — Хоть и русалка, но женщина же?.. вылезла вот и даже сама не знает, чего вылезла!

Он подумал, сказал озадаченно:

— Ну... вообще-то... да...

Я оглянулся на русалку, не сбавляя шага.

— И вообще не жалую трусов...

— Трусы... — Он взглянул с непониманием. — Ваша светлость?

Я сказал раздраженно:

— Да это все те, которым и хочется, и колется. Им всегда жаждалось и бессмертия, и абсолютного здоровья, и всего-всего, что обещал прогресс, но они постоянно мешали ему своими дурацкими «а вдруг это отразится на будущих поколениях?», «а вдруг у меня волосы в носу вырастут?», «а это ж химия, а она вредная»... и всячески тормозили придирками, запретами и расследованиями. Вот и здесь, когда одни полностью превратились в нечто новое... эти же все делали с оглядочкой.

Так и остались наполовину теми, приспособленными, а наполовину в старой форме людей...

Он тоже оглянулся, но русалку уже скрыл поворот.

— А каковы те, что ушли вперед, как вы говорите, решительнее?

Я пожал плечами:

— Да кто знает. Думаю, не прошли, а пробежали долгий путь перевоплощений, изменений, переделки организмов. А это ретрограды. Такие могут жить в океанах, конечно, но плавают намного хуже рыб... как мне кажется. Но для нас это все важно! Нужно думать о себе, так как именно мы сейчас на острие прогресса. И вся вселенная смотрит с надеждой именно в нашу сторону.

Он посмотрел на меня с опаской.

— Почему у меня всегда мороз по спине, когда вы такое говорите?

— Какое?

— Непонятное, — ответил он, — и страшное.

— Потому и страшное, — объяснил я, — что непонятное. А как только станет понятным...

Глава 11

Тараксон большой и шумный город, но самым южным краем он спускается к морю, и великолепный, но запущенный сад подобрался чуть ли не к воде, только широкая полоса пляжного песка не позволила деревьям войти в воду и попробовать там ловить рыбу.

Пришлось даже вырубить особенно настырных, а на их месте расположились склады, а еще по краю участка провели широкую дорогу, по которой одна за другой двигаются тяжело груженные подводы...

Огромный дом Амелии как будто стал еще больше, но это просто чувствуется рука Торкилстона: где-то по-

правил сам, что-то отремонтировали за плату, повеселевшая Амелия посадила роскошные цветы вдоль дорожек в саду, а к дому мы шли между двух рядов красивых оранжевых и красных цветов, это все, что я в них понимаю: цвет и размер.

Амелия увидела нас в окно и выскочила навстречу. Мы обнялись на крыльце, я поцеловал ее в щеку, обнял обоих за плечи и повел, как хозяин, в дом, где однажды разыгралась достаточно кровавая битва.

Не знаю, усталость ли как-то дала себя знать подсознательно, или же я в самом деле истосковался по теплу и уюту, но когда прибежали дети, я для них тот самый герой, что спас их маму и привел дядю Торкилстона, на столе появились обычные суп и каша, но приготовленные не безлиkim посетителям в харчевне, а заботливыми женскими руками для своих, я как-то раскис и с блаженной улыбкой погрузился в приятное ощущение отдыха и полного покоя, когда все и везде хорошо, просто прекрасно, и нет никаких угроз...

Лишь когда из окна пал на столешницу грозный отсвет багрового заката, я вздрогнул, смущенно поднялся, снова обнял их и поцеловал Амелию.

— Честное слово, — сказал я искренне, — никогда мне так тепло, уютно и хорошо не было, как у вас!.. Увы, я уже и гранд...

Амелия охнула испуганно, а Торкилстон вытаращил глаза.

— А это еще что?

Я усмехнулся.

— Титул. Пришлось взять, без него не допускали до работы.

Он покрутил головой, лицо стало озабоченным.

— Господи, ну нельзя же столько на себе тащить...

— Приходится, — сообщил я и, повернувшись, сбежал с крыльца.

На обратном пути я на ходу проверил склады, посмотрел бараки, в которых живут плотники и столяры, меня уже ждал монах Меанис, продрог на ветру, явно не думал, что проторчу у друзей целый день.

— Ваша светлость, — сообщил он, — для вас приготовили вот этот домик. Здесь все чисто, пол вымыли горячей водой, столы выскобили, там есть чернильница и перья на всякий случай...

— На какой случай? — спросил я. — Чтобы перьями в горле щекотать?.. Эх, святая симплиатас... Ладно, иди. Придет, этот... как его...

— Кристиан Аштон, ваша светлость?

— Да, гони этого Криса сразу ко мне. Скажи я вельми гневен из-за потерянного в праздности дня и хочу все наверстать.

— Будет сделано, — крикнул он уже обрадованно, никаких разносов с моей стороны, умчался, взбрыкивая на ходу.

Я слышал его вопли, чтоб немедленно корабельного мастера к его светлости, и чтоб с чертежами, и чтоб побыстрее, его светлость уже изволит ждать, а такое недопустимо...

Через узкие окна бойницы видно далекий берег, а за ним полоску воды, доносится стук молотков и молотов, звуки пилы, бодрые крики рабочих.

За моей спиной скрипнула дверь, я резко обернулся. Порог переступила молодая женщина в холщовой мужской рубашке с закатанными по локти рукавами и длинной юбке до пола. Рубашка застегнута под самое горло, несмотря на жару, но ниже оборваны две пуговицы, и в разрезе проглядывает белое нетронутое солнцем тело, даже краешек груди.

Однако в ее руках длинный рулон плотной бумаги,

и я уставился на его хозяйку. Интересное лицо — с настолько расширенной нижней челюстью, что углы торчат в стороны, странное впечатление, но не отталкивающее, а просто необычное, зато создает впечатление злобной неуступчивости и свирепого характера.

Я продолжал смотреть на нее, она присела в поклоне, но не склонила голову, а следила, куда я вперил взгляд.

— Леди... — проговорил я наконец.

— Крис Астон, — договорила она.

Я пробормотал ошалело:

— Так вы... женщина?

Она с интересом посмотрела мне в лицо и откровенно проследила за моим взглядом.

— И как вы догадались? Неужто по моим сиськам?

Я отступил на шаг, а то ее запахи уж начали проникать в мое тело, заставляя его выходить из подчинения.

— Признаться, — произнес я, — до сих пор не могу поверить, что женщина...

Она прервала язвительно-вежливо:

— Упокойтесь, ваша светлость, мир не рухнул. Мой отец, Кристиан Аштон, занимается этим делом и весьма преуспел в нем. Просто я слишком часто сидела у него на коленях, будучи ребенком, а потом помогала ему в работе, так что я знаю достаточно много. Мой отец сегодня занемог, что-то съел, его тошнит и голова кружится, но я решила, чтобы вы не теряли драгоценного времени, вы же такой занятый, как говорят, хотя я представляю, чем вы там во дворце заняты... решила пока что ввести вас в курс дела, а завтра-послезавтра поднимется из постели и отец.

— А-а-а, — сказал я с облегчением, — ну, значит, мир еще не сошел с ума. Та эпоха еще впереди.

Она спросила несколько настороженно:

— Правда? Скорее бы...

— Далеко впереди, — сказал я и заметно охладил ее восторг. — Ладно, показывайте, что вы там понимаете в отцовских чертежах.

Она посмотрела на меня несколько критически.

— Если вы сможете понять, что я буду показывать... хоть наполовину, ваша светлость...

— Не договаривайте, — прервал я. — Будучи очень стеснительным, я смущаюсь при виде голых женщин. И даже обнаженных.

Ее лицо вспыхнуло, в глазах зажглись опасные огньки, но вспомнила, что разговаривает не с плотником, сказала сдержанно:

— Вот, ваша светлость, смотрите.

Я помог ей развернуть чертеж во всю ширину и длину стола, закрепил уголки специальными гвоздиками, втыкаемыми в приkleенные колечки.

Как водится, на краях нарисованы Борей с надутыми щеками, колеса Мироздания, солнце с удивленно-наивными глазами и свернувшиеся в кольцо драконы. А в центре корабль, больше рисунок, чем чертеж.

— Каравелла, — сказал я. — Значит, я хоть здесь не опоздал. Сколько спущено на воду?

— Четыре, — доложила она. — Но команды еще не готовы.

— А в доках?

— Еще восемь.

— Такие же?

Она ответила настороженно:

— Ну да...

— Тогда я вовремя, — повторил я. — Каравеллы отставить... вернее, каравеллы классического типа. Будем кое-что менять.

Она пробормотала настороженно:

— Ваша светлость?

— Нам нужны корабли помощнее, — объяснил я, —

покрупнее, можно даже поманевреннее, хотя это не обязательно. А вот быстроходнее, да, надо. Потому давай посмотрим сперва на мачты...

— Ваша светлость, — сказала она ядовито и показала пальцем, — мачты — это вот. А это вот паруса называются...

— Умница, — похвалил я, — такое запомнила, это же надо!.. Та-а-а-ак... три мачты, прямое парусное вооружение на фок- и грот-мачтах... гм... Хорошо, но теперь недостаточно. Здесь вот нужно борта выше, на фок-мачте паруса прямые, на остальных — латинские. Какие размеры у спущенных на воду корабликов?

— Длина двадцать ярдов, — отрапортовала она, — ширина — шесть, осадка — два. Экипаж — сорок человек, грузоподъемность шестьдесят коротких тонн.

— Для начала неплохо, — согласился я. — Мы просто как бы восстановили потопленные пиратами. Теперь же закладываем новый класс кораблей. Но никаких революций! Всего лишь закономерный рост.

Она пробормотала угрюмо:

— Насколько?

— Грузоподъемность, — сказал я, — возьмем четыреста коротких... нет, лучше длинных тонн.

Она переспросила с недоверием:

— Это же двадцать хандредвейтов!

— Или кванталов, — согласился я. — Да-да, четыреста. Все остальное увеличивается пропорционально. Но, конечно, понадобятся надстройки в носовой части и на корме, еще будет глубокая седловатость палубы в средней части судна...

Она слушала внимательно, а когда я начал грубо стирать линии и дорисовывать новые, напряглась, сердито засопела, едва не хватая меня за руки.

— Треугольные паруса заменим на трапециевидные, — сказал я, — еще нужно улучшить обводы корпуса

са, я покажу как. Это увеличит отношение длины к ширине...

— Это уменьшит грузоподъемность, — обронила она.

— Но увеличит скорость, — пояснил я. — Для кораблей этого типа важнее не грузоподъемность, а скорость и маневренность.

— А разве такой парус маневренности прибавит?

— Ты меня удивляешь, — проронил я, всматриваясь в расчеты прочности креплений.

Она буркнула:

— Это вы меня удивляете, ваша светлость. Вроде бы не урод...

— Да и в тебе страшила не заметна, — обронил я, не сводя взгляда с обводов корпуса. — Правда, наверное, ноги кривые, как колеса...

Она стиснула челюсти, это впечатляет, словно бульдог зажимает берцовую кость, сказала ровным голосом:

— А еще и копыта.

— Я так и знал, — сказал я с облегчением, — не может быть умной и красивой одновременно. Постой, а почему мачта эта вертикально? Ее нужно чуть наклонить вперед, тогда мощь ветра будет малость уходить в корпус.

Она нависла над чертежом:

— Вот эта? Расчеты есть?

— Какие у меня могут быть расчеты? — возразил я с достоинством. — Короли выше математики!..

Она обронила едко:

— Законы природы могут вам не подчиниться, ваша светлость.

— Вранье, — возразил я. — Как это не починиться? Мне подчиняется все на свете... Да, вот здесь надо изменить подводную часть корпуса, это значительно уве-

личит прочность. Заодно позволит добавить площади парусов, а сие улучшит ходовые качества...

— Площадь парусов? Как?

— Треугольный топсель, — пояснил я, — можно убрать, а латинскую бизань заменим гафельным парусом. Все остальные можно увеличить в размерах, а то и во-все прибавить дополнительные парусишки... Так, это все?

Она покачала головой.

— Нет, есть еще один чертеж. Тут некоторые отличия. Показать?

— Давай, не спрашивай!

Она развернула чертеж, я придержал края и сразу же сказал с неудовольствием:

— Это вообще шнява какая-то...

Она взглянула с обидой.

— Ваша светлость, ругательные слова не аргумент...

— Какие ругательные? — удивился я. — Шнява — это одно-, двух- или трехмачтовый корабль, деточка. С особыми шняв-мачтами или трисель-мачтами позади собственно мачты для постановки шнявселя или триселя. Все поняла? Да, вижу... Это ничего, зато у тебя вот эти две, которыми ты меня уела. Прям как на чертеже, где парус под ветром!.. У вас как вычерчивают мидельшпангоут?

Она сперва скосила взгляд на свои оба холмика, на счет вздутых парусов я польстил, на самом деле ничего особенного, потому смолчала, только зло посопела, перевела взгляд на чертеж.

— Слова-то какие знаете, — пробормотала она уже с несвойственной нерешительностью. — Мидельшпангоут!.. Долго учились выговаривать?.. Разумеется, путем объединения трех и более радиусов. А что, знаете другой способ?

— Разумеется, — ответил я высокомерно. — Смотри

сюда, деточка. За основу берем максимальную ширину будущего корабля, поняла?.. Основой миделя становится полукруг. Этот новый метод, как и старый, он все еще основывается на геометрическом принципе, а не на понимании важности плоскостей, образованных ватерлиниями, но все-таки приводит нас с тобой, а вместе с тем и все прогрессивное кораблестроение, к созданию более полных обводов подводной части корабля!

Глава 12

Она всматривалась долго, наконец пробормотала:

— Соответственно, к повышению плавучести и остойчивости... Боже правый, это же так просто!.. Ну почему никто раньше... Ваша светлость, я не поверю, что это вы сами придумали! Вы смотритесь скорее красавцем, чем... ну ладно, это я так восхищаюсь и даже как бы восторгаюсь...

Я сказал гордо:

— Ага, я красавец... Кстати, не потребуется дополнительных поясов обшивки в районе ватерлиний, как у каравелл Ордоньеса, и удвоения обшивки на бортах. Если все точно рассчитать, корабли престанут быть громоздкими гробами и превратятся в стройных и элегантных красавцев!

Она охнула:

— Это вы каравеллы называете громоздкими? А что же придет на смену?

Я таинственно улыбнулся.

— Думаю, ты еще услышишь о фрегатах.

— Что это? Я думала, это птицы...

— Птицы тоже, — сказал я, — но до фрегатов придется пройти через эру галеонов. Океан лучше всего пересекать на них. И никакая пиратская зараза уж точно не сумеет и вообще не посмеет.

Она проговорила с неуверенностью:

— Но ведь именно на каравеллах пересекли океан?

— Верно, — согласился я, — но все равно рискованно и опасно. Для купцов не годится. Им нужно, чтобы товары доставлялись с места на место и не терялись в дороге... Фу, как тут жарко...

Ночь почти не уступает по духоте минувшему дню, воздух не двигается, а накаленные солнцем камни охотно отдают тепло и даже жар не только наружу, но и в комнату.

Я чувствовал, как по лбу скатываются крупные капли пота, со стуком падают на чертежи. Она сопела и пыхтела рядом, убирала их чистой тряпкой, иногда поправляла линии. Мы часто сталкивались плечами, но ни она, ни я не обращаем на такую хрень внимания, мы строим корабли, это и есть высшее наслаждение.

Рубашка начала прилипать к телу, а у Крис потемнели от пота подмышки. Я раздраженно начал стягивать рубашку через голову, она липла и сопротивлялась, наконец я обозленно отшвырнул в угол и снова склонился над чертежом, чувствуя себя значительно свободнее.

Дочь генерального корабельщика пару раз зыркнула в мою сторону с некоторым неудовольствием, но я рассказываю о способах крепления бизань-мачты, о растяжках вдоль корпуса, наконец она произнесла несколько невпопад:

— Но меня снять рубашку не заставите.

Я посмотрел на нее непонимающе:

— Рубашку? Какую рубашку?.. А, ты об этом... Ну, это твои проблемы, будь как тебе удобнее. Смотри, а вот отсюда канаты пойдут на форштевень. Это тоже мачта, но она сравнительно короткая и лежит почти горизонтально. Ну, не совсем горизонтально, конечно, смотри...

Она посмотрела на мой уголек, затем отстранилась и решительно сняла через голову рубашку. Я на миг задержал дыхание, тело у нее крепко сбитое, сильное, а две чаши небольших грудей идеально вычерчены и выполнены мастерски.

Ее рубашка полетела в тот же угол, а она повернулась к чертежу.

— А форштевень, — произнесла она невозмутимо, — выдержит такую нагрузку? Все-таки удерживать канатами бизань-мачту...

— Бизань-мачта удерживается на растяжках со всех сторон, — пояснил я. — И со стороны кормы тоже. А форштевень, в отличие от других мачт, укреплен не основанием в корпусе корабля, а почти половиной длины...

Она внимательно рассматривала чертеж, но я теперь то и дело косился на раскаленные красные кончики ее грудей, они тоже нацелены в чертеж и лишь изредка вздрагивают или чуть шевелятся от ее движений.

— Это вот убрать, — сказал я и стер тряпочкой надстройку. — Красота корабля в его линиях, как вот у тебя, а не всякой хрени. Не забывай, нам понадобится много таких кораблей! Они должны быть недорогими в постройке и содержании. Реллинг лучше еще ниже, и фальшборт не обязательно так уж задирать...

Она кивнула:

— Ну, высокий фальшборт нужен для обороны...

— До абордажа лучше не доводить, — сказал я. — Смотри, вдоль шкафута положим поперечные бревна, а на них будут запасные части рангоута и шлюпки...

Она помотала головой, я видел, как ее глаза то и дело становятся непонимающими.

— А как их сумеем разместить...

— Устала? — спросил я с сочувствием. — Это жара

забодала. Но юбку можешь не снимать, если боишься показать кривые ноги.

Она фыркнула:

— И копыта! Про копыта не забудьте, ваша светлость.

— И копыта, — согласился я. — Хотя вообще-то можно бы освежиться...

Я хлопнул в ладоши, никто не отозвался, я вспомнил, что не у себя в кабинете, высунулся в коридор и крикнул:

— Эй там! Бегом сюды!

Примчался заспанный страж, я велел властно:

— Притащи бочку или в чем вы тут купаетесь... и наполни водой. И быстро!

— Все сделаю, — выкрикнул он и унесся.

Двое дюжих парней притащили не бочку, а огромную медную ванну. Хотя формой больше похожа на исполинский чан, но такими в богатых домах пользуются именно для купания.

Я слышал краем уха, как таскают и наливают воду, но мы не отрывались от чертежей, пока парни не удалились с ведрами.

Я оглянулся, чан почти полон, кивнул ей в его сторону:

— Уступаю даме.

Она сморщила нос.

— А я его светлости, майордому и чего-то там еще...

— Как хочешь, — сказал я, — мое дело предложить...

Она с недоверием смотрела, как я взялся за штаны, спросила возмущенно:

— Вы что же, в самом деле вот так разденетесь при женщине и полезете купаться?

Я изумился:

— При женщине?.. Ты совсем рухнулась?.. Где ты

видишь женщину?.. Да я бы с этими дурами и минуты не вытерпел!.. Я тут полночи усовершенствовал чертежи с великолепным мастером-конструктором, умным и талантливым, который схватывает все на лету, я в восторге, просто не думал, что у кого-то такое развитое мышление, когда без борьбы и топанья ногами принимает новое и прогрессивное... Я был со своим коллегой-умницей, что почти не уступает мне по знаниям, а не с дурой-женщиной!

Она слушала несколько обалдело, потом хмыкнула, вылезла из юбки, как бабочка из старого кокона, и осторожно перенесла ногу через край чана. Вода явно холодная, едва не зашипела на ее раскаленном теле, затем она опустилась на самое дно, так что наверху остались только голова и плечи.

— Как здорово, — произнесла она со вздохом облегчения.

— Холодная? — спросил я.

— Только первую минуту, — ответила она. — Кстати, тут еще есть место.

— Спасибо, — сказал я, — если не будешь брыкаться, я с огромным удовольствием.

Вода обожгла, я даже взвизгнул по-поросяччи, вызвав ее довольный смешок, а когда опустился голой задницей на дно, перетерпел холод, и через минуту вода показалась почти такой же теплой, как и мое тело.

Наши ноги, даже поджатые и скрещенные, больно упираются друг в друга, я осторожно раздвинул ее голени и таким образом смог чуть разогнуть свои конечности, а она почти целиком вытянула свои, упервшись розовыми ступнями и без всяких копыт мне в плечи.

Несколько минут мы лежали так, отдаваясь полному отдыху, а перед глазами все проплывают скелеты кораблей, хлопают паруса, звенят натянутые канаты, мерно хлюпает о борт вода... Или это хлюпает в чане

при малейшем движении, мы непроизвольно все еще устраиваемся в тесном чане, так что почти переплелись, но зато теперь никакого напряжения, каждая мышца отдыхает, как, впрочем, и каждая извилина.

Она проговорила расслабленно, не открывая век:

— Неужели в самом деле построим такие корабли?..

— Это только начало, — заверил я. — Слишком долго в Сен-Мари оставался нереализованным инженерный потенциал. Если бы пираты не удерживали от выхода в море, здесь уже был бы могучий флот.

Она прошептала:

— Не могу в это поверить.

— Дело не в самих кораблях, — сказал я. — Главное было отвоевать у пиратов хотя бы клок берега, где мы могли бы строить порт и заложить доки. А теперь, вот увидишь, пойдет и без наших подталкиваний. Купцы будут сами финансировать постройку кораблей все вместительнее и быстроходнее.

— Я всегда о таком мечтала, — проговорила она, не поднимая век. — И вот... наконец-то.

Из-за краешка окна показалась луна с обгрызенным краем, я покосился на нее, сказал буднично:

— Постель здесь поставили широкую. Если хочешь, оставайся здесь, а утром закончим.

Она повернула голову, с сомнением посмотрела на роскошную постель, вода от каждого нашего движения хлюпает и переливается через край на пол.

— Я вообще-то не очень люблю это занятие, — сказала она нерешительно. — Какое-то совсем неинтересное.

Я спросил с недоумением:

— Спать? Ты что, вообще не спишь?

Она впервые за все время улыбнулась, это было, как если бы тучи разошлись и выглянуло ясное радостное солнышко.

— Я вообще-то не про сон... А спать люблю!

— Тогда ложись, — сказал я. — Постарайся не слишком храпеть... хотя ладно, храпи. Я так устал, что не услышу. Можешь даже лягаться, но не чересчур сильно. А то будут спрашивать, откуда кровоподтеки, что отвечу?

— Я не лягаюсь, — сообщила она, потом подумала и добавила: — Во всяком случае, жалоб не было.

Я лениво наблюдал, как она вылезла, неспешно вытерлась специально для этого приготовленным полотенном ткани и, отбросив одеяло в ноги, легла на спину, потом подумала и укрылась до подбородка уже легким покрывалом, что не скрыло ее торчащие груди, очертания живота и впадину между ног.

Я тоже вытерся тщательно, лег с краю.

— Чудненько, — сказал я осторожно. — Хотя здесь не королевские покои, но я привык спать и на земле в походах...

Она проигнорировала походы, такая ерунда женщины не интересует, спросила деловито:

— А скорость этих тяжелых кораблей сильно падает в сравнении с каравеллами?

— Ничуть, — заверил я. — Маневренность да, но не скорость. А скорость даже выше. Маневренность не так уж и нужна при переходе через океан, когда изо дня в день целыми месяцами прешь на одном румбе.

— Что такое румб?

— Румб? — переспросил я, — Понимаешь, ориентировать линию на местности — значит определить ее направление относительно некоторого начального направления. Для этого служат азимуты, дирекционные углы, румбы. За начальные принимают направления истинного меридиана, магнитного меридиана и направление, параллельное осевому меридиану или оси Х системы прямоугольных координат. Все поняла?.. Я так и

думал. А румб — это одна тридцать вторая полной окружности, а также одно из делений картушки компаса, расчерченной на тридцать две части, и, соответственно, одно из направлений относительно севера.

Она запыхтела, задвигалась, покрывало сползло до середины живота.

— Спасибо, — сказала она ядовито, — так понятно, что просто и не знаю, как еще понятнее!

— Могу, — ответил я мирно, — еще проще. Румб — горизонтальный острый угол, отсчитываемый от ближайшего северного или южного направления меридиана до ориентируемого направления. Румбы имеют названия в соответствии с названием четверти, в которой находится линия... северо-восточные, северо-западные, юго-западные, юго-восточные. Все поняла? Утром могу показать их зависимость между дирекционными углами и румбами этих направлений.

Она раздраженно лягнула ногой, покрывало свернулось в ком и отлетело на середину комнаты.

— Жарко, — объяснила она и добавила с сарказмом: — А почему утром? Можно и сейчас!

— Можно, — согласился я, — но только компаса у нас нет. Сейчас спросишь, что такое компас... Давай поспим малость? А то уже вон восток алеет, солнце встает...

Она проворчала:

— Я уже сплю.

Веки ее опустились, лицо медленно расслаблялось, теряло жесткость и вызывающее выражение.

Глава 13

За окном пронзительно кричали чайки, пахнет крепким соленым воздухом и ароматом жареной рыбы. Я медленно выныривал из глубокого сна, а рядом дочь

корабельного мастера зевнула, потянулась и сказала деловито:

— Нужно сразу внести изменения насчет шпангоута... А то в двух доках уже начали строить.

Я пробормотал обиженно:

— Хотя бы из вежливости сказала, что мы вообще хорошо провели время в постели. Скажи кому, кто поверит?

Она зевнула еще протяжнее, рывком поднялась с постели, ничуть не стесняясь наготы, напротив, чуточку рисуясь высоканным и бодрым телом, но тут же влезла в рубаху и юбку, никаких фрейлин не понадобилось, через минуту уже готова, а глаза потерла кулаками, и вот уже умные и смышленые.

— Не то слово, — заявила она. — Никогда нечувствовала себя такой счастливой в постели с мужчиной!

— Это потому, — пожаловался я, — что ты меня лягала и бодала, а я к тебе даже не прикоснулся.

— Потому и счастлива, — ответила она, — и всегда буду помнить, что никогда мне так хорошо не было! И что никто не сравнится с великолепным Ричардом, который настолько хорош и в себе уверен, что никому ничего не доказывает.

Я поднялся с меньшей охотой, но тоже посматривал на чертеж, вчера мы его изувечили основательно, но корабль в самом деле будет помощнее и покрупнее каравеллы. Еще не галеон, но почти, близко, даже на рисунке мощь его видна, кого-то даже ужаснет, знаю.

Она сказала деловито:

— Я забираю и несу отцу, хорошо?

— Тащи, — разрешил я. — И объясни, что нарисовано не по пьяни, а в самом деле там точный инженерный расчет! Такие корабли существуют и плавают... по другим морям.

— Дальним? — спросила она.

— Очень дальним, — ответил я со вздохом. — Очень. Она посмотрела на меня очень серьезно.

— Не грустите, ваша светлость. Когда-нибудь доплывем и до тех морей.

Она крепко поцеловала меня в губы и, резко повернувшись, пошла прочь, красивая и с прямой спиной гордой дочери свободного рыбака, даже не главного корабельного мастера.

Остаток дня я провел в порту, пообщался с Ордоньесом и матросами, что теперь не матросы, а инструкторы, набирающие и подготавливающие экипажи, которыми им же и придется командовать.

На обратный путь решился в полночь, птеродактилю до Геннегау не так уж и долго мчаться, ночью вылетел...

...и ночью с высоты осторожно спланировал уже не просто над Геннегау, а над королевским дворцом. Уже растопырил лапы, намереваясь как можнотише опуститься на крышу, потом тишина и безмятежность подсказала идею получше.

Там есть балкон, на который можно выйти по короткому извилистому коридору прямо из моего кабинета, если нырну прямо туда, то сразу и кабинет, а утром: нате вам, а я отсюда и не уходил, сутками работал!

Я едва не влетел сдуру сразу, хорошо что сидящая там женщина просто не заметила, глядя в другую сторону. Я, уцепившись когтями за камни, повис на стене и рассматривал ее с бешено стучащим сердцем.

Сидит прямо на перилах, упервшись спиной в стену, поза свободная и до предела раскованная, одна нога красиво протянута вдоль перил, оголившись почти до середины голени, вторая элегантно свисает до пола, видна только изящная лодыжка.

Локоть уперт в колено, а пальцы — в подбородок, почти мыслительница, если б не слишком вольная поза

отдыхающего человека, когда лениво и не поворачивая головы посматривает то за пределы замка, в освещенный фонарями двор, то сюда, в огромный и несколько странный, на мой взгляд, зал, когда в нем темно, а говорит только один подсвечник у самой двери, почти не разгоняя темноту.

Платье не только с глубоким вырезом, а как это называть, даже не знаю, когда никаких поддерживающих лямок, а края каким-то чудом держатся на границе алых ареолов, что на самой вершине этих снежно-белых холмиков. Я когда вижу такое платье, всегда жду, что оно вот-вот вообще рухнет на пол, гравитацию никто не отменил.

Думаю, такие платья на таких вот умных и рассчитаны. В то же время рукава у нее на месте, но только начинаются с середины бицепсов или что там у женщин вместо них. И тоже как-то держатся.

Во дворце раньше не видел, а такую обжигающую красотку бы заметил обязательно. Возможно, кто-то забрасывает приманку на очень длинной леске, все-таки этот загадочный лорд Ричард, как ни крути, а молодой самец, должен бы клюнуть...

Щас, мелькнуло у меня злорадное, размечтались. Нашли на что ловить, да этих сладких червяков везде хоть пруд пруди, а на обертки настоящие мужчины внимания не обращают.

Я тихохонько отцепился одной лапой и пошел по стене, как скалолаз, по горизонтали, наконец отыскал, где и как проникнуть, даже не знаю, выставлять ли здесь стражу, ибо где проник я, могут и другие, я гуманист и в людей верю.

Утро началось, как обычно: ах-ах, ваша светлость, вы, оказывается, здесь, а мы вас как-то и не замечали, я отвечал, что богатым буду, быстро собрал лордов, спро-

сил, как выполнили то, что задавал на дом, и теперь вот новые туманные и пугающие перспективы, радуйтесь и седлайте коней...

Во дворе жизнь вообще-то кипит, а то, что мое отсутствие не сразу могли заметить, так это потому, что я, как Гиллеберд, стараюсь выстроить все так, чтобы работало без моего подталкивания и грозных указов.

Я вышел из кабинета, поглядывал грозно, это чтобы не лезли с пустяковыми вопросами, но уже на лестнице, спускаясь на первый этаж, увидел, как внизу словно вспыхнуло солнце...

Бабетта, яркая и сияющая, идет через зал, подняв голову и держа меня взглядом прекрасных игривых глаз, полные губы сочного и сильно накрашенного рта растянулись в счастливую улыбку.

Она встретила меня у подножия лестницы и присела в поклоне, подняв голову и с понимающей улыбкой наблюдая, как я замедленно спускаюсь и не могу оторвать взгляд от ее полной груди, что миллиметр за миллиметром выползает наверх из тесного корсажа.

— Леди Бабетта, — сказал я.

— Ваша светлость, — произнесла она настолько смириенно, что я увидел ее в позе рабыни и с ошейником у моей постели.

— Леди Бабетта, — произнес я, — честное слово... я... рад вас видеть!

Она поднялась, от нее пахнуло солнцем, хотя утро пасмурное, тучи закрыли небо, лицо все так же безукоризненно чистое и, в отличие от местных красавиц, беззастенчиво покрыто легким загаром, чего ни одна аристократка не допустит.

— А я просто счастлива, — почти пропела она нежно, улыбаясь спелыми, как вишни, полными губами. — И тоже... честно!

Я засмеялся, она деловито взяла меня под руку и

повела через залы, выбирая те, где поменьше народу. Я с удовольствием косился на ее лицо с натуральным румянцем во всю щеку. Он то усиливается, то исчезает, вообще от Бабетты всегда пахнет чистотой и здоровьем, а умильные ямочки на аппетитных щечках вызывают желание куснуть в этом месте.

На ходу, старясь попасть со мной в шаг, она прижалась мягкой горячей грудью, я моментально ощутил себя так, словно вся одежда между нами исчезла.

Кровь вспыхнула и пошла горячей волной по телу, минуя голову. Я пробормотал:

— Бабетта... как вы это делаете?

Она чарующе улыбнулась вампирски прекрасным ртом, жемчужные зубки блеснули, как короткая молния в полумраке зала.

— Не ломайте голову, — проворковала она мило, — это наши самые сокровенные тайны, мы их бережем строже, чем государственные.

— А как же тогда защищаться? — спросил я. — Мне теперь положено быть настороже. На мне эта, как ее, ответственность.

— И она все растет, — поддакнула она. — Да еще как растет!

Часовые прижимаются к стенам, неподвижные, как статуи, а слуги старательно делают вид, что нас не видят, так, на всякий случай.

Бабетта прижалась на ходу грудью снова и проворковала самым чарующим голосом:

— Милый Ричард, как мне приятно слушать, когда вас все восхваляют за беспримерное благородство и просто показательную сыновью любовь и послушание!..

Я посмотрел с удивлением:

— Что, уже?

Она хитро засмеялась одними глазами.

— Нет, это я просто заглядываю в завтрашний день. И вижу там тако-о-ое...

— Господи упаси, — ответил я.

Она изумилась, заглянула мне в лицо.

— Что? Боитесь заглянуть?.. Вы его строите!

— А увидеть боюсь, — ответил я. — Вдруг делаю что-то не так?.. И вообще сомневаюсь, что священники упомянут в своих проповедях мою именно сыновью любовь. Сейчас мы с герцогом в разных концах королевства, а раньше оказывались вообще по разные стороны Великого Хребта!

Она воскликнула:

— Упомянут?.. Будут говорить неделями! Более того, занесут в примеры, которыми тыкают в морды прихожанам, объясняя, как надо жить и поступать верно!

— Это их заморочки, — ответил я. — Леди Бабетта, что вы со мной делаете?.. У меня голова уже совсем опустела...

— Это хорошо, — сказала она деловито. — Нужно ее периодически опустошать, чтобы мусор не копился, а обратно складывать уже только нужное и полезное. А то за обломками старых истин не усмотришь зерна новых! Умно я говорю? То-то. А еще я красивая, заметили? Да не на грудь смотрите, я вся красивая!.. Думаю, вы так и делаете, в смысле, опустошаете голову, а обратно складываете только самое важное. Как вот меня, к примеру. Иначе не совершили бы этот такой точный и далекоидущий шаг.

Я насторожился, посмотрел в ее безмятежное смеющееся лицо.

— Что вы имеете в виду?

— Отказ от трона, — сказала она невинным голосом.

— Я не отказался, — пробормотал я, — просто на выборах в Сен-Мари... прямых и честных среди рыцарей

ства, куда уж прозрачнее, скорее всего, одержит победу центристская партия герцога Готфрида. Я, увы, проиграю... Но такова судьба леворадикальных партий. Партия консерваторов, стремящихся удержать на троне Кейдана, к счастью, проигрывает тоже. Как я предполагаю.

Она мило наморщила носик.

— Да, это очень умело... Император будет глубоко впечатлен.

— Выборы пройдут вполне прозрачно, — ответил я, прямо и честно глядя ей в глаза. — Подсчет голосов покажет перевес партии герцога. Мы с Кейданом, ах как жаль, проиграем.

— А не потому ли, — проворковала она, — что нацелились на что-то покрупнее?

— Кейдан?

— С Кейданом все понятно, — сказала она деловито, — хотя император озабочен его безопасностью.

— Родня?

— Легитимность, — напомнила она терпеливо. — Легитимность — это барьер на пути гражданских войн и бесконечной кровавой борьбы за трон.

Я посмотрел ей прямо в глаза.

— Но бывают же исключения?

— Исключения бывают во всем, — пояснила она еще деловитее. — Но потому и называются исключениями. Препятствовать таким исключениям, защищая легитимность любой ценой, еще больше пролить крови. Император расчетлив и мудр. Он поддержал вас...

— ...потому, — закончил я, — что я все равно взял бы власть в Сен-Мари?

Она кивнула.

— Поддержать Кейдана значило бы продолжить войну. Если бы позволил Кейдану вас казнить, разве ваши лорды ушли бы с захваченных земель? Началась

бы долгая и кровавая война с неясным исходом. А так император имеет на этой стороне океана богатое королевство с крепкой властью и, надеюсь, лояльным к нему правителем. Он не ошибается, полагая, что на этой стороне живут люди чести?

— И что из этого следует? — спросил я настороженно.

— Что вы будете благодарны императору, — ответила она мирно, — хотя бы за спасение своей шеи от петли. Или палач тогда готовился вам отрубить голову?

Я пробормотал:

— Вряд ли император рассчитывает именно на это. Простой рыцарь был бы благодарен вовеки, но рыцарь во главе королевства мыслит другими категориями.

— Хотите сказать, — произнесла она задумчиво, — император рассчитывает на вашу лояльность по другой причине?

— Это и козе понятно, — сказал я. — А вам?

Она расхохоталась красивым ртом, кокетливо запрокидывая голову.

— Какой вы милый, Ричард... Я же красивая женщина, зачем мне понимать?

— А спинным мозгом?

Она кивнула уже серьезнее, но смех в глазах бурлил и рвался на волю.

— Угадали. Чувствую.

Я поинтересовался:

— Вы по делу здесь или просто погулять вышли?.. Может быть, какой-нибудь пряник от императора в вашей сумке?

Она хихикнула, повела плечом, но я усилием воли не позволил себе смотреть, как там сползает лямка, хотя в воображении увидел даже больше.

— А на какой рассчитываете пряник?

— Вопросом на вопрос? — спросил я. — Сразу оп-

ределить мои амбиции?.. Вообще-то я от императора ничего не получил, если не считать громких титулов, что, конечно, неплохо, с далекого императора хоть шерсти клок, но я человек практичный и предпочел бы, чтобы под звучным титулом лежало еще и что-то весомое в придачу.

Она поинтересовалась так же легко:

— А весь архипелаг Рейнольдса... это не пряник? Сэр Ричард, на этих островах есть нечто такое, что сам император бы очень хотел иметь.

— Так кто ему мешает взять? — спросил я нагло. — Если у него и флот... и все прочее?

— Империя Германа Третьего, — ответила она очень серьезным голосом, — увы, не единственная на континенте. И все императоры внимательно следят, чтобы никто из них не усилился... чересчур.

— Это хорошо, — пробормотал я. — Залог мира и стабильности. Иначе у чересчур сильного появится соблазн нагнуть остальных. Но я понял, понял! Если захвачу архипелаг, то убью двух зайцев для императора. Не дам попасть некому сокровищу в руки соперников и, возможно, передам ему в обмен на титул повыше?

Она улыбнулась, но глаза стали серьезными.

— Милый Рич, император не считает вас таким наивным. Но, возможно, у него в самом деле есть такое, что вас заинтересует... Какие у вас сегодня планы на ночь? А то мы так давно не виделись, есть о чем поговорить в теплой постели...

— Никаких планов, — воскликнул я. — Милая Бабетта, разве я похож на человека, что вообще что-то планирует?

Она расхохоталась.

— Как я люблю, милый Рич, ваше умение врать так же честно и открыто, глядя в глаза, как делаю я сама!.. Идите, занимайтесь державой, а ночью пообщаемся.

Она стиснула мне локоть и пошла по коридору, оглянувшись через пару шагов озорно и блеснув зовущими глазами, абсолютно уверенная, что провожаю ее взглядом.

Я в самом деле провожал, но думал о Савуази, где сейчас мои лорды сбиваются с ног, днюя и ночуя на вербовочных пунктах, где идет набор в армию нового типа, но о том, что она нового, пока никто не знает...

Пожалуй, нужно постараться зазвать и рыцарей из числа самых бедных, что не в состоянии купить себе даже коня, а не только землю или замок. Я опираюсь пока лишь на тех, кто сам пришел и предложил свои услуги. Но если провести настоящий набор, будущих военачальников и просто командиров отрядов у меня будет в сотни раз больше...

В залах резко потемнело, слуги начали поспешно зажигать фонари и светильники. Небо совсем черное, туча на редкость тяжелая, низкая, грозная, такие часто бывают по ту сторону Большого Хребта, там они вообще привычны, а здесь как диковина.

Когда я перешагнул порог своего кабинета, мир за окном вспыхнул и неистово заблистал ярко и страшно тем чистейшим огнем, что был разве что в первый день творения. Над самой головой оглушающе сухо треснуло, словно разломился весь небосвод, без всяких раскатов, что значит — гроза не где-то, а прямо над дворцом.

Молния, что длится якобы доли мгновения, на самом деле слепила чуть ли не пару секунд, туча разразилась множеством молний одна за другой, целым кустом.

Ослепленный, я протер кулаками глаза и с опаской взглянул в окно. Туча, невообразимо громадная и массивная, как горный хребет, вспыхивает тысячами молний так часто, что в недрах полыхает настоящий звездный огонь.

Я вздрогнул, зябко повел плечами. Надо, очень надо в Савуази, хотя очень не по себе от варианта перемещения по методу аббата Дитера. То ли дело через зеркала: р-р-раз — и там!.. Надо как-то вернуться к леди Элинор в Брабант, вдруг да удастся пообщаться с тем чародеем...

Или же она сама сумела с ним связаться?.. И кто знает, во что это выльется, неизвестно же, каких правил придерживаются живущие по ту сторону зеркала. И есть ли у них правила вообще...

Я задержал дыхание, напрягся и, шагнув в центр звезды на полу, произнес сквозь стиснутые зубы:

— Пуск...

В глазах потемнело, горячая кровь ударила в череп с такой силой, что затрещали кости. Хрипя и хватаясь за горло, я поспешил отошел в сторону, боль неохотно ослабела, но молоточки еще стучат в виски.

С бешено стучащим сердцем я огляделся в страхе. Это не мой кабинет в Савуази.

Это вообще не кабинет...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	54
Глава 7	65
Глава 8	74
Глава 9	83
Глава 10	93
Глава 11	103
Глава 12	112
Глава 13	121
Глава 14	128
Глава 15	135

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	144
Глава 2	153
Глава 3	164
Глава 4	171
Глава 5	180
Глава 6	191
Глава 7	202
Глава 8	209

Глава 9	220
Глава 10	228
Глава 11	235
Глава 12	244
Глава 13	255
Глава 14	265
Глава 15	275

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	287
Глава 2	297
Глава 3	314
Глава 4	323
Глава 5	332
Глава 6	341
Глава 7	354
Глава 8	361
Глава 9	367
Глава 10	376
Глава 11	386
Глава 12	394
Глава 13	401

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ГРАНД

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *И. Ковалева*

Корректор *Т. Романова*

В оформлении переплета использован рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Подписано в печать 02.11.2011.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. Заказ 7193.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-53941-3

9 785699 539413 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksмо-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksмо-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksмо-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2118, 411-68-99, доб. 2762, 1234.
E-mail: vipzakaz@eksмо.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksмо.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksмо-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksмо.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

**В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru**

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-53941-3

9 785699 539413 >

НФИЧ@РУ

Длинные Руки —
шанд

